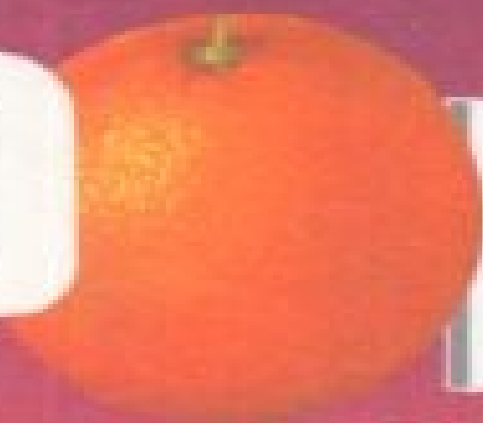

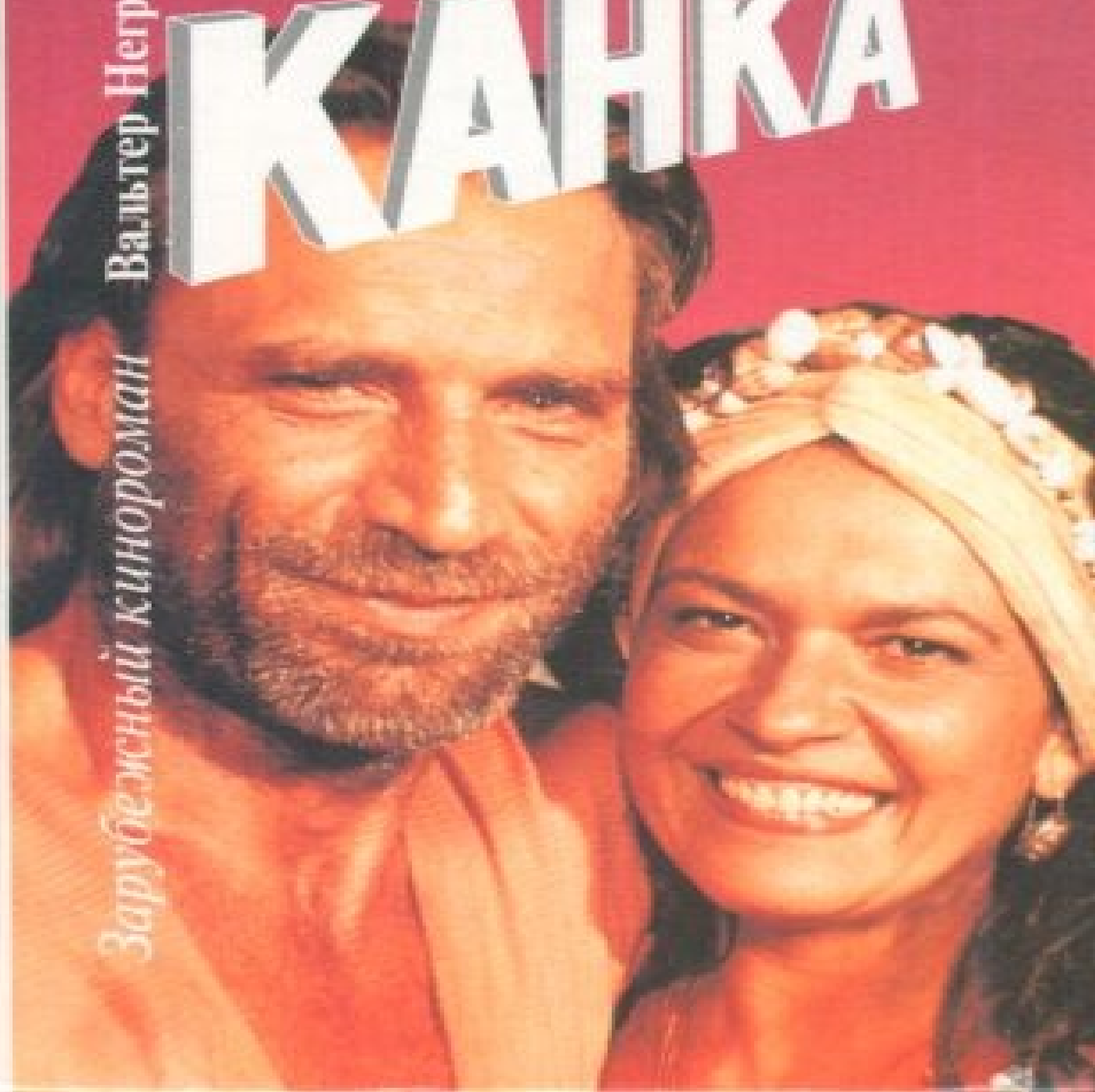
ТР ОДИ

Вальтер Негро

КАНКА

Зарубежный кинороман

Annotation

Роман «Тропиканка» написан по одноименному телесериалу и издан в двух книгах. Его герои — выходцы из древнего племени морских цыган. Жестокая судьба заставила их однажды покинуть Средиземноморье и уплыть к берегам Бразилии. Но и на новом месте жизнь этих гордых мужественных людей оказалась полной любовных страстей и роковых тайн.

- [Вальтер Негро](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)

- [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Фото](#)
-

Вальтер Неграо
Тропиканка

Глава 1

Витор догадывался, что поссорить Гаспара с Эстелой будет значительно труднее, нежели мать с Франсуа, но и предположить не мог, насколько прочно привязаны дед и его избранница друг к другу. На какие только уловки ни шел Витор, чтобы вбить между ними клин или хотя бы заронить маленькую толику сомнения, в их душах, — все было напрасно. Чтобы найти нужную зацепку, ему пришлось провести несколько вечеров у них в гостях, а однажды повезло развлекать Эстелу и в отсутствие деда.

— Ты удивительная женщина, — без зазрения совести льстил ей Витор. — Оставить любимую работу, друзей, уехать с человеком, который значительно старше тебя!..

— Возраст в данном случае не имеет никакого значения, — отвечала Эстела. — Просто я встретила человека, о котором мечтала всю жизнь, но уже перестала верить, что он существует.

— Боже, как красиво! — с наигранным восторгом Витор закатывал глаза, однако уже через минуту продолжал совсем в ином тоне: — Ты мне очень нравишься, Эстела, и потому меня немного пугает твое будущее. Представь, что Гаспару уже под семьдесят, а ты — еще вполне цветущая, молодая женщина... Ведь это же трагедия, не правда ли?

— Я не знаю, что со мной будет завтра, — смеялась в ответ Эстела. — А что будет через двадцать лет, и вовсе невозможно предугадать. Сейчас я счастлива, и это самое главное для меня.

— Да, вы с дедом очень похожи. Его тоже не волнует, что будет через двадцать лет, он упивается своим счастьем. Но тебе, наверное, скучно здесь? Ты привыкла к иной жизни, в которой было много музыки. Хочешь, я повезу тебя сейчас в одно местечко? Там играют замечательные музыканты.

Эстела от такой поездки не отказалась, и весь вечер они провели в компании джазовых музыкантов. Витор специально тянул с возвращением домой, чтобы Гаспар имел возможность убедиться, какая у него ветреная невеста. Но тот встретил их вполне доброжелательно и поблагодарил внука за то, что он догадался свозить Эстелу к музыкантам.

Такое благодушие Гаспара хоть и раздражало Витора, однако было ему на руку: «Пусть лучше он видит во мне друга, чем врага. Так легче будет нанести ему удар». В том, что возможность для удара вскоре представится, Витор не сомневался и оказался прав. Та зацепка, которую он так упорно

искал, обнаружилась неожиданно. А подсказала ее, сама того не ведая, Изабел.

Как-то Витор от нечего делать заглянул в дом к Бонфиню, а точнее — к Оливии, но на него тут же обрушилась с расспросами Изабел: видел ли он невесту Гаспара, правда ли, что она — певица, и скоро ли будет свадьба? Витор, следуя избранной тактике, всячески расхваливал Эстелу, а также не скупился на восторги, расписывая, как он рад за деда, которому повезло, наконец, обрести свое счастье.

— Ты говоришь, она очень красивая? — что-то прикидывая в уме, спросила Изабел.

— Да, у нее внешность, достойная кисти великих мастеров. Этакая мадонна.

— Вот! — обрадованно воскликнула Изабел. — Ты сказал сейчас то, что мне было нужно! Думаю, портрет такой красавицы будет приятно писать любому художнику, и Франсуа — не исключение.

— При чем тут Франсуа? — не поняв, поморщился Витор.

— Ну как ты не понимаешь! — с досадой ответила Изабел. — Гаспар очень любит живопись, это общеизвестно. А я предложу Франсуа написать портрет Эстелы, и мы подарим его Гаспару в день свадьбы!

— Что ж, идея хорошая, — сказал Витор, одновременно соображая, как можно использовать эту ситуацию в своих целях. — Только есть одна загвоздка — Франсуа может отказаться.

— Я уговорю его! Не сомневайся.

— Нет, я несколько не сомневаюсь, Изабел. При твоей энергии!.. А я, в свою очередь, уговорю Эстелу позировать. Главное — сделать это втайне от деда! Чтобы портрет стал для него сюрпризом.

— Конечно, — согласилась Изабел. — Я умею хранить тайны. Это, можно сказать, мое хобби!

Проводив Витора, она вернулась в гостиную и сделала выговор дочери за то, что та была с гостем не слишком ласковой.

— Ведь он приходил не к Бонфиню и не ко мне, а к тебе! Да, своим опытным глазом я сразу же это увидела. Ну что ты усмехаешься? Думаешь, у меня разыгралась буйная фантазия?

— Возможно, — не стала отрицать Оливия.

— Ничего подобного. Ты явно нравишься Витору. И вы могли бы стать замечательной парой! Или ты все еще не можешь забыть Дави? Ведь ты сама говорила мне, что не любишь его.

— Успокойся, мама, с Дави у меня все кончено. А Витор... Иногда в нем проглядывает нечто такое, чего я попросту пугаюсь.

С тех пор как Кассиану стал строить свою лодку, ссоры между ним и Далилой вспыхивали чуть ли не каждый день, причем вроде бы без видимых причин. Вот и сейчас, выйдя солнечным воскресным утром на берег и увидев там Кассиану — уже, разумеется, за работой, — Далила почувствовала себя неуютно.

— Ты прямо как немой укор, — сказала она, — работаешь с раннего утра и до поздней ночи, а я рядом с тобой выгляжу праздной бездельницей. Сегодня, например, долго спала.

— Ну и правильно, — не переставая строгать доску, произнес Кассиану. — Если нет занятий в школе, то отчего же не поспать?

— Наверное, я могла бы тебе в чем-то помочь.

— Нет, строить лодку — это мужское занятие.

— Но тебе же помогала Питанга! От ее помощи ты не отказался.

— Далила, опять ты за свое, — раздраженно проворчал Кассиану. — Я тебе тысячу раз объяснял, что она просто хотела посмотреть, как я делаю лодку.

— Ну да, а потом строгала тут с тобой доски, вколачивала гвозди.

— Я ее не просил об этом. К тому же Питанга — совсем другая: она выросла рядом со стариком Кливером и многому у него научилась. А ты — нежная, женственная... И у тебя есть я. Поэтому тебе незачем заниматься таким тяжелым мужским трудом.

— Так, может, Питанга тебе больше подходит? — обиделась Далила.

— Ох, перестань, — с досадой бросил Кассиану. — Пойди лучше искупайся, поплавай.

— А ты? — оживилась она.

— Мне некогда.

— Ну вот, всегда так, — огорченной Далиле расхотелось идти к морю, и она свернула к дому Асусены.

— Что, опять поссорились? — сразу же догадалась та.

— Да ну его, — махнула рукой Далила. — Кроме своей лодки, ничего вокруг не видит. Радуйся, Асусена, что тот, кого ты любишь, не бредит морем и уловом. Он образован, многое повидал. Тебе будет легко с ним.

— О ком ты говоришь? — настороженно спросила Асусена.

— О Франшику. О ком же еще?

— И ты туда же! — рассердилась Асусена. — Что вы все заладили в один голос: Франшику да Франшику!

— Он нам всем нравится.

— Мне он тоже нравится, но не настолько, чтобы думать о нем как о женихе.

— Да? — удивилась Далила. — А мне казалось... Ведь ты с ним несколько раз уезжала из школы?

— Нет, не с ним, а с Витором!

— Боже мой! Ты с ума сошла!

— Только не надо этих трагических восклицаний! — умоляюще произнесла Асусена. — Витор любит меня. Очень любит. И сколько бы вы ни подталкивали меня к Франшику, у вас ничего не выйдет, потому что я люблю Витора!

— Допустим, все так, как ты говоришь, — попыталась спокойно размышлять Далила. — Но почему же тогда вы встречаетесь тайком? Почему не проводите вместе выходные?

— Ты ведь знаешь, как к нему относятся в моей семье.

— Нет, Асусена, дело не в этом. Если бы у него были серьезные намерения, то он бы нашел способ убедить в этом твоих родителей и Кассиану. А он, к сожалению, лишь морочит тебе голову.

— Прошу тебя, никогда не говори плохо о Виторе. А то мы с тобой можем всерьез рассориться.

Несмотря на предостережение подруги, Далила тем не менее не собиралась так просто сдаваться и подыскивала другие, более убедительные аргументы, но закончить этот спор ей помешал Дави, неожиданно появившийся в доме Асусены.

— Сестренка, я пришел за тобой, — сказал он. — Сейчас мы поедем в город, ко мне. Отец и мама уже одевают свои праздничные наряды.

— Ура! — захлопала в ладоши Далила, но тотчас же спохватилась: — А Кассиану? Он рассердится.

— Мы возьмем его с собой, — разрешил эту проблему Дави.

Счастливая Далила немедля помчалась к Кассиану, однако он наотрез отказался ехать.

— Что мне там делать? Смотреть, как твой братец выпендривается, демонстрируя свою роскошную квартиру? Нет, не поеду. Мне надо строить лодку. Кстати, это в твоих же интересах, потому что лодка — наше будущее.

— Но можешь ты ради меня отложить ее хоть на один день?

— Нет, Далила, не могу.

— Ну и оставайся со своей лодкой! — чуть не плача, выкрикнула она. — Сиди тут и обнимайся с деревьяшками и гвоздями. А я поеду!

Настроение Далилы безнадежно испортилось, и даже такая желанная поездка, о которой давно мечталось, была ей не в радость. Как бы со стороны наблюдала она за родителями, смущенно входящими в городское жилище Дави и не знающими, как вести себя среди этой непривычно дорогой мебели. Дави тоже выглядел смущенным и все извинялся за то, что долго не отваживался пригласить их к себе, боясь вместо понимания натолкнуться на отчуждение. Далила поняла, что ей необходимо вмешаться — помочь и брату, и родителям, а потому, выйдя наконец из оцепенения, она шумно плюхнулась на обитый бархатом диван:

— Устраивайтесь поудобнее. Чувствуйте себя как дома! Это относится и к тебе, Дави. Ты, надеюсь, угостишь нас чем-нибудь вкусненьким? Приготовишь нам кофе?

— У меня для вас даже обед есть, — оживился Дави. — Сейчас я только разогрею его в микроволновой печи.

— Как же ты тут управляешься, сынок? — всплеснула руками Эстер. — Сам и готовишь, и убираешь?

— Два раза в неделю сюда приходит женщина, делает уборку, а готовить еду я умею сам, мне не трудно.

— Тебе надо жениться, — вздохнула Эстер.

— Мама, жену не обязательно иметь, когда есть пылесос и кухонный комбайн, — опять разрядила обстановку Далила. — Пойдем на кухню, сама увидишь это чудо.

За обеденным столом неловкость родителей и Дави окончательно прошла, уступив место легкой, непринужденной беседе. А потом Дави извлек из шкафа альбом с фотографиями.

— Хотите взглянуть? Они всегда со мной, и я часто рассматривал их, когда был студентом, да и сейчас нередко перелистываю этот альбом. Узнаешь, Данила? Это наша мама, совсем еще молоденькая. А это — отец. Видишь, какой красавец? А это мы с тобой — в деревне.

— Надо же! — изумилась Далила. — где ты их взял? У нас дома нет таких фотографий.

— Каюсь, я их, можно сказать, украл. Взял тайком, когда уезжал из дома на учебу.

— А я все ломала голову, куда они подевались, — сказала Эстер.

— Вы меня простите за это? — спросил Дави.

— Уже простили, — похлопал его по плечу Самюэль.

Вернувшись домой, Самюэль и Эстер весь вечер были в приподнятом настроении, а Далила, наоборот, загрустила. Заметив это, Самюэль попытался приободрить ее:

— Не стоит печалиться, дочка. Завтра помиришься со своим Кассиану.

— Да, помирюсь, — согласилась она, — только надолго ли? Ты же знаешь, что Кассиану увлечен своей лодкой, морем и больше ничем. А там, в городе, столько всего интересного! Разве можно этого не замечать? Жить, как мама, как донна Серена, — стирать, готовить, чинить сети и ждать, ждать... пока муж не вернется с промысла... Это плохие мысли, папа?

— Нет, я так не считаю. Недавно ты сказала: «Разве плохо, если я хочу чего-то большего для всех нас?» Ведь ты желаешь добра не только себе, а хочешь, чтобы всем было лучше. Что же в этом плохого?

* * *

Франшику методично объезжал побережье, подыскивая место для будущего аквапарка, и однажды, забравшись далеко в дюны, увидел целующихся там Асусену и Витора. Свет померк в глазах Франшику, и все стало ему не мило — даже выпестованный в мечтах аквапарк, с его бассейнами, искусственными водопадами и водными аттракционами. Однако Франшику считал себя прежде всего человеком дела, и потому неудача в любви не смогла выбить его из колеи надолго. Погоревав денек-другой, он опять приступил к поискам площади для аквапарка. В тот воскресный день, когда Далила уехала в город, а Асусена грустила в одиночестве, он тоже колесил по дюнам, не отдавая себе отчета в том, что все ближе подбирается к поселку, в котором жила любовь и печаль его сердца.

Места здесь были особенно красивые, и одно из них Франшику показалось вполне подходящим для его проекта. «Все, хватит искать, выбор сделан», — сказал он себе, но возвращаться домой не хотелось. Не мог он уехать отсюда, не повидав Асусену хоть издали!

Завернув в поселок, поболтал немного с Кассиану, но тот был хмур и не слишком приветлив. Франшику объяснил это тем, что строительство лодки требует особой сосредоточенности, и не стал отвлекать Кассиану от дела. В дом к Асусене он не решился зайти, но, к счастью, она сама вышла на берег. Франшику рассудил, что лучше поговорить с ней откровенно, чем мучиться в неведении, и прямо спросил ее об отношениях с Витором:

— Прости, я случайно увидел вас на пляже... Когда ты не дождалась меня после школы, я поехал вдоль берега, надеясь тебя встретить...

Асусена от смущения залилась краской и хотела уже придумать какую-нибудь отговорку, но, встретившись взглядом с Франшику, поняла, что не

может лгать этим глазам, не имеет права.

— Ты мой большой друг... — начала она, с трудом подыскивая слова. — Ты, возможно, самый лучший парень на свете... Но я люблю Витора. Мне не удалось забыть его, как я ни старалась. Я не властна в своем чувстве, Франшику.

— Да, ты права, — грустно произнес он. — В этих делах мы не выбираем... Любовь сама выбирает нас. Вот и получается, что Франшику любит Асусену, а она любит Витора, который притворяется, что любит ее.

— Не надо так плохо думать о Виторе. Ты его совсем не знаешь!

— Возможно, — не стал спорить Франшику. — Но все же мне кажется, что я — именно тот, кто тебе нужен. Только ты не обращай внимания на эту мою уверенность. Я желаю тебе удачи с Витором.

Глава 2

Изабел долго не могла взять в толк, почему Франсуа отказывается писать портрет Эстелы. Как можно упускать такой выгодный заказ! Ведь это не только приличные деньги, но и дополнительная известность. Наверняка все газеты и телевидение будут трубить о женитьбе Гаспара Веласкеса и, кроме свадебных фотографий, с удовольствием продемонстрируют также портрет невесты, написанный Франсуа.

— Представь, какая это реклама, — горячась, убеждала его Изабел. — Если знаменитый миллионер заказал портрет своей возлюбленной именно тебе, то...

— Не продолжай, — прервал ее Франсуа. — Такая реклама может сослужить мне плохую службу: я ведь не портретист, а пейзажист. Самонадеянно было бы предполагать, что в новом для себя жанре я сразу же создам шедевр.

Туг вмешался Франшику, напомнив приятелю, что видел у него несколько портретных набросков.

— Ты очень точно выразился, — подхватил Франсуа, — я, действительно, дальше набросков не пошел. А тебе, по-видимому, очень хочется угодить своему патрону?

— Не только ему, но и Эстеле. Она такая замечательная женщина. Только немного стеснительная. Чувствует себя неловко, входя в семью миллионера.

— Ну вот, Франсуа, — опять включилась Изабел, — мы должны поддержать ее, ободрить, чтобы она не чувствовала себя чужой в нашем обществе!

— Я согласен с Франшику, — сказал Франсуа, — Эстела, действительно, очень милая женщина. Только тут есть еще одно обстоятельство — мои натянутые отношения с семьей Веласкесов.

— Мать Божья! — воскликнула Изабел. — Ты испортил отношения с Веласкесами? Да как тебе это удалось при твоём-то ангельском характере?

— Не такой уж я ангел...

— Он наговаривает на себя, не верьте ему, донна Изабел, — принялся защищать друга Франшику. — Кстати, это был бы неплохой повод доказать всем, что Франсуа ничего не имеет против Гаспара.

— А разве кто-то в этом сомневается? — чересчур заинтересованно

спросила Изабел, надеясь услышать нечто скандальное.

— Нет, никто не сомневается, — поспешил внести ясность Франсуа. — Просто Летисия Веласкес, увы, не испытывает ко мне таких же нежных чувств, как я к ней.

— Ах, какая жалость! — всплеснула руками Изабел. — А я так надеялась! Вы могли бы стать чудесной парой... Но одно другому не мешает, правда ведь? Ты напишешь портрет Эстелы втайне и от Гаспара, и от Летисии. Я об этом позабочусь. Ну сделай это для меня, Франсуа. Нам с Бонфинем очень хочется устроить Гаспару приятный сюрприз...

Она произнесла еще немало проникновенных слов, прежде чем Франсуа согласился, и, довольная одержанной победой, помчалась к Витору.

— Я восхищен вами, донна Изабел! — не поскупился тот на лесть. — Надеюсь, вы не упоминали моего имени? И объяснили, что Гаспар ничего не должен знать?

— Конечно! Я сделала так, как мы договорились. А скажи, что там произошло между Франсуа и твоей матерью? Они поссорились?

— Нет, ничего особенного. Вы же знаете мою маму — ей трудно угодить.

— Да, это уж точно. Франсуа — такой красавчик и человек замечательный. Не знаю, чего ей еще надо.

— Не расстраивайтесь, донна Изабел. Если им суждено быть вместе, то когда-нибудь это случится. Лично мне Франсуа очень нравится.

Уговорить Эстелу оказалось едва ли не сложнее, чем Франсуа. Но, взявшись за это, Витор отнюдь не уступал в напористости Изабел, а потому и добился, в конце концов, успеха. Главный упор он сделал на то, что идея с портретом будто бы принадлежит Бонфиню и его жене, а Витор очень их уважает и не может им ни в чем отказать.

— Странная идея, — сказала Эстела, — но Бонфиню, увы, я тоже не могу отказать. Он так много сделал для нас с Гаспаром.

Таким образом, согласие и модели, и художника было получено. Теперь Витору надо было только следить за развитием событий, чтобы вовремя направить их в нужное русло.

* * *

Мануэла, напуганная недавним побегом отца, глаз с него теперь не спускала и то же самое велела делать Питанге. К их удивлению, неудачная

попытка Кливера бежать из дома не расстроила его, а, наоборот, вроде бы даже улучшила ему настроение. В последние дни старик заметно приободрился и словно бы помолодел. Но однажды бдительная Питанга застала его за крамольным занятием: дед собирал походную сумку.

— Ты опять вздумал бежать? — набросилась она на Кливера, однако тот сказал, что просто собирается на прогулку по окрестностям, и не один, а с Самюэлем.

— Дедушка, скажи правду: дон Самюэль берет тебя в море?

— Не знаю, может быть, — загадочно произнес Бом Кливер. — Только не говори об этом матери, а то она будет волноваться.

— Я тоже хочу! Возьми меня с собой, дедушка! Дон Самюэль не станет возражать, если ты его попросишь.

— Нет, ни в коем случае! — испугался Кливер. — Еще не известно, повезет ли Самюэль меня, не говоря уже о тебе.

Приехавший вскоре Самюэль сказал, что всего лишь покатает старика вдоль берега на «джипе», а Питанга не поедет с ними, потому что должна помогать матери в баре.

— Постойте, — вмешалась Мануэла, — а зачем отцу в таком случае подзорная труба?

— Ну как зачем? Чтобы смотреть в морскую даль, — пояснил, хитровато усмехаясь, Самюэль.

Пообещав Мануэле вернуть Кливера в целостности и сохранности, он поехал к старому заброшенному причалу, где заранее припрятал шаланду.

— Я полагаю, нам лучше отплыть отсюда, без свидетелей.

— Как здорово! — обрадовался счастливый Кливер. — Пахнет морем, рыбой!.. Я уж и не думал, что когда-нибудь выйду в море.

— Для начала мы возьмем курс к тому месту, где когда-то нашли парусник, — сказал Самюэль. — Если женщине удалось спастись, то, значит, ее подобрал кто-то из тамошних жителей. Вот их мы и будем расспрашивать.

— Столько лет прошло, — с сомнением покачал головой Бом Кливер. — Вряд ли кто теперь может вспомнить, что было двадцать лет назад.

— Ты не прав, старик, парусники ведь терпят крушение не каждый день. Такие события запоминаются надолго.

И действительно, в первом же доме, куда они постучались, их ждала удача. Хозяйка дома, старая донна Дивина, не сразу, но все же призналась, что своими руками выхаживала ту женщину с парусника после кораблекрушения.

— А ребенок? Вы ничего не знаете о ее ребенке? — спросил Самюэль.

— Нет, она сама его долго искала. Письма писала мне и даже приезжала сюда потом — с подарками.

— Мы тоже привезем вам подарки, если вы дадите нам ее адрес, — пообещал Самюэль.

Бом Кливер так волновался, что за все время не проронил ни слова, и лишь уходя осмелился спросить, почему донна Дивина была с ними так неприветлива поначалу.

— Я приняла вас за разбойников, — призналась та. — А потом, когда вы стали спрашивать о паруснике, подумала, что вы из полиции. Здесь после кораблекрушения побывало много полицейских, и все нас в чем-то подозревали. Вот я и решила на всякий случай помалкивать.

— Если нам удастся найти женщину и ребенка, мы к вам обязательно приедем, — сказал Самюэль. — Так что запомните нас и в следующий раз не принимайте за разбойников.

* * *

Пока Самюэль путешествовал со старым моряком Кливером, в поселке произошло событие чрезвычайное, невысказанное для здешних мест: Серена прогнала из дома Рамиру.

Выяснилось это утром, а накануне вечером супруги, чего с ними уже давно не бывало, долго сидели на террасе своего дома и глядели на звезды, на восходящую луну.

— Сегодня полнолуние... — сказала Серена.

— Да, — тихо откликнулся Рамиру. — Если бы я сейчас находился в море, то это была бы беспокойная, печальная ночь. Я думал бы, как тебе одиноко здесь.

— Но сейчас ты не в море, — ласково погладила его по плечу Серена, и он, крепко прижав ее к себе, зашептал со все более нарастающей страстью:

— Скоро опять в плавание... Я хочу взять с собой твой запах, твои ласки... Там их не будет.

— Рамиру, перестань, дети еще не уснули.

— Нет, они уже видят сны о своем будущем. Когда-нибудь они будут жить в своих семьях, а мы с тобой останемся вдвоем.

— И я буду любить тебя, ни на кого не оглядываясь, даже на наших детей.

— Я тоже буду любить только тебя. Серена! — клятвенно произнес Рамиру. — Днем и ночью, утром и вечером. Всегда. До последнего вздоха.

Соскучившись по его ласкам, по его нежным словам. Серена вся подалась навстречу мужу, и они жадно припали друг к другу.

А потом была долгая жаркая ночь, и в порыве страсти Рамиру внезапно выдохнул: «Летисия! Летисия!..»

Серена сжалась, как от удара плетью, но Рамиру этого даже не заметил, мгновенно погрузившись в блаженный, безмятежный сон.

Утром его разбудил Кассиану, который искал по всему дому кофе.

— Ты случайно не знаешь, где мать его хранит? — обратился он с вопросом к отцу.

— А где Серена? Разве она не приготовила завтрак?

— Ее нет дома. Надо будить Асусену, а то мы останемся голодными.

— Странно, куда же могла уйти Серена так рано? — недоумевал Рамиру.

— Может, у нас кончился кофе и она пошла к донне Эстер одолжить? — предположила проснувшаяся Асусена.

Однако у Эстер Серены не оказалось, как и не оказалось «джипа» на привычном месте. Обеспокоенный, Кассиану хотел уже идти на поиски матери, но Рамиру его остановил:

— Если она уехала на машине, то пешком ты ее не догонишь.

— Но ты знаешь, куда она могла поехать? Между вами вчера что-то произошло? — не унимался Кассиану.

— Да, произошло, — благодушно улыбаясь, сказал Рамиру. — И это было просто замечательно!

— Так, может, она помчалась в город, чтобы купить тебе подарок? — пошутил Кассиану.

— Все может быть, — загадочным тоном произнес Рамиру, чем и успокоил детей, решивших, что у отца с матерью какие-то свои тайны.

Асусена уже собралась идти в школу, а Кассиану — строить лодку, когда у дома остановился «джип».

— Мама! — воскликнула Асусена и помчалась ей навстречу.

Кассиану и Рамиру тоже вышли на террасу. То, что они увидели, заставило их остолбенеть: лицо Серены было в ссадинах, а платье — перепачкано кровью.

— Ты попала в аварию? — бросился к ней Рамиру, опомнившись первым.

— Нет, — холодно отстранила его Серена. — Я привезла тебе ветки, чтобы ты мог сладить крышу над головой. Колья вырубил сам и

построишь такую же хижину, как ту, что я сейчас сожгла. Ничего, Рамиру Соарес, ты сумеешь отстроить ваше любовное гнездышко.

Он, не сказав в ответ ни слова, сел в «джип» и уехал неизвестно куда.

А Кассиану помог матери войти в дом, наказав Асусене срочно найти бинт и перевязать раны. Серена, однако, воспротивилась:

— Ничего не надо делать, сынок. Ты прав, я вся в ранах. Но эти раны не снаружи, а внутри, в моей душе. И пока они не заживут — бинты мне помочь не смогут. Оставьте меня, пожалуйста, одну. Я должна прийти в себя после всего, что случилось.

— Но что случилось, мама? Скажи нам, — взмолилась Асусена.

— Оставь ее, — строго сказал Кассиану. — Не видишь разве, в каком она состоянии?

Полдня Серена провела запершись в спальне, а затем домой вернулся Рамиру и потребовал открыть дверь. В «джипе», кстати, веток уже не было. Из спальни не доносилось никаких звуков, и Кассиану испугался, что мать может наложить на себя руки.

— Я не позволю ей этого сделать, — заявил Рамиру, взяв в руки топор. — Серена, если ты стоишь у двери, то лучше отойди, потому что я сейчас ее высажу.

— Не стоит, — подала наконец она голос. — Я сама открою. Вот, возьми. Это узел с твоим барахлом. Убирайся из дома, Рамиру!

— Какая муха тебя укусила? С чего ты вдруг взбеленилась? — пытался он уговорить жену.

— Я больше не обязана перед тобой отчитываться. Ты свободен, и я свободна.

— По-моему, ты спятила.

— Нет, я никогда еще не рассуждала так здраво, как сейчас, — возразила Серена.

— Но не можешь же ты выгнать меня из дома, даже не объяснив причины!

— А ты можешь жить с одной женщиной и думать о другой? Ты предал меня! Сломал мне жизнь! Я думала, что муж меня любит, а он все эти годы любил другую!

— Серена, о чем ты? Вчера у нас все было так хорошо!

— Нет, это не со мной ты ложился в постель, не меня ласкал. Ты думал в это время о Летисии, произносил ее имя. Конечно, твой выбор оправдан: она нежнее меня. Ее руки не огрубели от стирки и не пахнут луком, как у меня. Ведь я сама готовлю еду нашим детям. Морская вода просолила мои волосы, а ветер спутал их. Солнце сожгло и высушило мою кожу. От

бессонных ночей, когда я помогала тебе чинить снасти, у меня появились морщины. Я представляю, как тебе тяжело ложиться в постель со мной, а думать о ней... О шелковом белье, дорогих духах, белой коже...

— Серена, хватит! — Рамиру попытался обнять ее, но она, резко оттолкнув его, продолжала:

— Сегодня ночью ты так ясно произнес ее имя — в постели, которая была нашей всю жизнь!.. Нет, я больше не намерена делить тебя с Летисией. Уходи к ней. Сделай, наконец, то, о чем мечтал всегда, но не отваживался на такой поступок. Отстрой вашу хижину и живи там со своей возлюбленной!

— Серена, все совсем не так, как ты говоришь, — не терял надежды успокоить ее Рамиру.

— Я говорю то, что есть на самом деле. Можешь уходить. Или ты боишься, что она долго не выдержит? Ведь ее дом тоже пропахнет рыбой...

— Перестань! — гневно одернул ее Рамиру. — Не надо так со мной говорить, а не то я...

— Плевать мне на твои угрозы и на тебя! Прочь из моего дома, из моей жизни! Уходи и никогда больше не возвращайся.

Он, держась из последних сил, еще раз попробовал пробиться к ее сознанию:

— Все, что мы пережили в этом доме, не было ложью. Я любил тебя.

— Это я тебя любила, только я! А ты меня — нет! Но теперь я усвоила урок и научусь любить себя, чего бы мне это ни стоило. А ты... Будь мужчиной, не затягивай наше прощание. Не рви понапрасну душу себе и мне.

Рамиру тяжело вздохнул и, взяв узел с одеждой, молча направился к выходу.

— Бог свидетель, я пытался, — сказал он, остановившись у распахнутой двери. — Но раз уж ты этого хочешь, то пусть так и будет. Прощай, Серена Соарес!

— Я больше не Соарес, — крикнула ему вдогонку Серена. — Пусть теперь она носит твою фамилию!

Закинув вещи в «джип», Рамиру уже собирался отъехать, но ему преградили дорогу Асусена и Кассиану.

— Мы не позволим тебе уехать, отец, — сказали они в один голос.

Рамиру пришлось выключить мотор и выйти из машины. Обняв детей он отвел их поближе к дому и наказал Кассиану заботиться о сестре и о матери.

— А о себе я позабочусь сам, — добавил он глухо.

Когда «джип» скрылся за поворотом, Кассиану и Асусена бросились в дом к матери. Туда же устремилась и потрясенная Эстер, но Серена попросила оставить ее наедине с детьми.

— Теперь ты единственный мужчина в доме, — сказала она Кассиану. — Тебе придется выходить в море, чтобы кормить семью. А мы с Асусеной будем тебе помогать. Я буду вести дом, как и прежде. А Асусена после школы станет собирать ракушки... Да, ракушки. Мы будем делать из них бусы, потом продавать... В моем доме никто не будет голодать.

— Мама, значит, отец нас бросил? — спросил Кассиану. — Он не должен был так поступать! Я поговорю с ним...

— Займись лучше своей лодкой, — остановила его Серена. — Она нам теперь особенно нужна. А мне пора готовить обед.

— Мама, но неужели же отец... — со слезами на глазах молвила Асусена, — нас предал?

— Послушайте меня, дети, — строго сказала Серена. — Я не хочу, чтобы вы отвернулись от Рамиру. Он — ваш отец и останется им навсегда. Если мы с ним не ужились, так это касается только нас двоих. И если я больше не могу любить и уважать вашего отца, то вы должны любить и уважать его, как прежде. Вот так. А сейчас давайте займемся делами.

Глава 3

Приподнятое настроение Самюэля сразу же улетучилось, как только он появился в поселке, потому что его, во-первых, отчитала Мануэла — за слишком долгое отсутствие старого Кливера, а во-вторых, Эстер — за то, что покинул дом в самый неподходящий момент, когда их соседи и друзья вздумали вдруг развестись. Понукаемый женой, Самюэль тотчас же отправился к Серене, хотя и понимал, что вряд ли его советы могут быть сейчас уместны.

— Я больше не могла терпеть, — сказала ему Серена. — Призрак этой женщины всегда стоял между нами.

— Ты очень точно выразилась: призрак! Так надо ли ломать жизнь из-за какого-то призрака? Я совсем недавно говорил с Рамиру — он был решительно настроен на то, чтобы жить с тобой и не вспоминать о Летисии.

— Возможно, он и хотел, да у него не получилось... У меня вот тоже не получилось, хотя я делала все возможное, чтобы завоевать его любовь. Жила только для детей и Рамиру, а на себе уже давно поставила крест. Теперь все кончено. Я не чувствую ни боли, ни ненависти. Внутри у меня одна пустота.

— Я поговорю с Рамиру, — вставил Самюэль, понимая, что должен хоть чем-то утешить эту женщину.

— Нет, не надо, прошу тебя! Я найду в себе силы пережить это. Мир ведь не рухнул с уходом Рамиру. И у меня впереди еще полжизни.

— Ты удивительная женщина, — взволнованно произнес Самюэль. — А этот упрямец... Он все равно вернется.

— Если такое когда-нибудь случится, то ему придется быть только моим! А способен ли он на это — одному Богу известно.

* * *

Рыбачий поселок буквально гудел, пересказывая на все лады то, что произошло в семействе Соаресов, и не находя этому объяснения. О тайной любви Рамиру знали только Самюэль и Эстер, но они умели молчать. Вообще же, в этом поселке не принято было сплетничать, и о Соаресах говорили не из желания посудачить или позлорадствовать, а из сочувствия

и желания понять, что заставило разойтись двух всеми уважаемых людей, которые прожили вместе долгую жизнь и, казалось, были созданы друг для друга.

Недоуменные сочувственные взгляды не раз ловила на себе и Асусена, отчего ей становилось невыносимо больно, и она в который раз просила мать объяснить, почему они с отцом расстались. Серена же на все вопросы отвечала односложно: «Это наше с отцом дело». Так же она вела себя и с сельчанами, которые при виде ее, как правило, умолкали, не смея о чем-либо спрашивать или давать ей какие-то советы.

Мужество Серены восхищало рыбаков и рыбачек. Уже на следующий день после разрыва с Рамиру она устроила у себя в доме нечто вроде артели по изготовлению бус из ракушек. Кроме нее самой и Асусены, в эту артель вошли Эстер, Далила, а также несколько местных девчонок и молодых женщин. Объясняя им, что и как нужно делать, Серена держалась молодцом, ни один мускул не дрогнул на ее лице, ни одна печальная интонация не прорвалась в ее голосе.

Зато Асусена просто сгорала от стыда, не зная, куда девать глаза.

— Мне трудно в их присутствии, — жаловалась она брату. — Что они все о нас думают? Ведь до сих пор в поселке никто не разводился.

— Мне тоже многое непонятно, — говорил Кассиану. — Я догадываюсь о причине их ссоры, но все равно не могу поверить, что это всерьез. Они же клялись перед священником!.. Пожалуй, я все-таки разыщу отца и попрошу его вернуться домой.

* * *

Рамиру он нашел на берегу, неподалеку от поселка.

— Ты что, решил поставить здесь хижину?

— Да, — ответил Рамиру, не оборачиваясь, продолжая истово работать топором.

— Думаешь, твоя миллионерша станет здесь с тобой жить? Откажется ради тебя от своих хором?

— Не лезь не в свое дело, Кассиану.

— То же самое мне говорит и мать, но это ведь не только ваше дело. Мы с Асусеной тоже имеем право знать, из-за чего вы поссорились. Мы хотим, чтобы ты вернулся домой.

— Что ж, я тебе отвечу, — отложив в сторону топор, Рамиру впервые прямо посмотрел сыну в глаза. — Та миллионерша, как ты выразился, не

имеет никакого отношения ни к моему уходу из дома, ни к этой хижине. Просто я хочу иметь хоть какое-то укрытие от дождя и ветра. А домой не вернусь! Я — не трусливая собачонка, которую можно пинками вышвырнуть из дома, а она все равно приползет обратно, поджав хвост.

— Ты упрямец, каких свет не видывал! — с досадой бросил Кассиану.

— Нет, дело не в моем упрямстве, а в том, что твоя мать абсолютно права: я заслужил это. Да, сынок, к сожалению, я во многом виноват. Но если ты хочешь мне помочь, то, будь добр, принеси сюда мой ящик с инструментами. Я без них как без рук.

* * *

Вернувшись ни с чем от отца, Кассиану решил откровенно поговорить с матерью, надеясь если не разжалобить ее, то хотя бы заставить усомниться в правильности такого чудовищного поступка.

— Пойми, отец глубоко страдает. Его, мужчину, выперли из дома!

— Не думала, что он станет настраивать вас против меня, — с горечью молвила Серена.

Да не настраивал он меня против тебя! Просто ты заблуждаешься так же, как когда-то заблуждался я. Признаюсь, было время, когда я отца ненавидел. Ты удивлена? Да, мама, я все знаю про ту дамочку — миллионершу. Сам застал их однажды целующимися. Но это было давно. Теперь у отца с ней все кончено.

— Ты видел их вдвоем?.. — не смогла скрыть своего ужаса Серена.

— Да, видел, как он целовал в дюнах мать Витора.

— Мать Витора? — эхом повторила вошедшая в комнату Асусена. — Так вот в чем дело! Вот почему вы запрещали мне видеться с Витором!

— Асусена, успокойся, это было давно, — пытался исправиться Кассиану. — Но мама не верит отцу, потому и выгнала его.

Он говорил еще что-то, но ни мать, ни сестра его не слышали. Асусена сквозь рыдания повторяла только одно: «Это нечестно, вы не имели права!..» А Серена, впервые за последние дни потеряв самообладание, глухо твердила: «Значит, они тайком встречались в дюнах, а я ничего не знала! Какой подлец! Какой подлец!..»

* * *

Инструменты Рамиру вызвался отвезти Самюэль, и Кассиану уступил ему в этой просьбе — пусть поговорят по-мужски, может, хоть старого друга отец послушается.

Самюэль, однако, не собирался тащить Рамиру обратно любой ценой. Он хотел понять, что произошло между Соаресами во время его отъезда. Ведь Серену нельзя упрекнуть в легкомыслии — если уж она так решила, то наверняка у нее была веская причина. Все это он и сказал другу, когда они встретились.

— Хочешь знать, что произошло?.. — в раздумье произнес Рамиру. — Прости, но я боюсь, что даже ты, со своей мудростью, не сможешь этого ни понять, ни объяснить. Потому что, когда речь заходит о любви, логика оказывается бессильна.

— Да, все так, — согласно кивнул Самюэль. — Но истинный друг всегда сможет найти верные слова, чтобы помочь тому, кто страдает от любви.

— Тогда скажи эти слова, Самюэль! Ты же мой самый лучший друг и можешь говорить всю, даже самую горькую правду. Давай выкладывай. Не стесняйся.

Говоря это, Рамиру и в самом деле надеялся, что, может быть, Самюэль действительно придумает нечто особенное и тем самым разрешит кажущуюся неразрешимой проблему. Но тот лишь печально развел руками:

— Единственное, что я могу тебе сейчас посоветовать, так это взять вон тот тесак из ящика. И еще — могу помочь построить твою хижину.

* * *

Как Далила ни отговаривала подругу идти к Витору и выяснить, знал ли он об отношениях Рамиру и Летисии, Асусена была непреклонна.

— Тогда я пойду с тобой! — заявила Далила. — А то ты можешь наделать глупостей.

Витора, однако, в офисе не оказалось, зато там была Летисия. Завидев ее, Далила тотчас же затащила Асусену в кабинет к брату, но Летисия успела заметить девушек, а Сузана сказала ей, что они искали Витора.

— Пусть Дави зайдет ко мне, когда проводит гостей, — распорядилась Летисия.

Дави тоже поинтересовался, что привело сюда сестру и ее подругу.

— Да вот Асусена хотела повидать Витора. У нее проблемы.

— Прощу тебя, Далила!.. — воскликнула та, и Дави наконец заметил,

что она очень взволнована.

— С тобой все в порядке? — спросил он у Асусены.

— Далила, пойдем отсюда! — взмолилась та, и слезы брызнули из ее глаз. — Я не могу с ней встречаться!

— Да, нам лучше уйти, — согласилась подруга. — Прости нас, Дави.

— Но объясни, что у вас случилось!

— В поселке происходят странные вещи, — бросила на ходу Далила. — Родители Асусены разошлись!..

Именно эту новость Дави и выложил Летисии, когда зашел к ней в кабинет.

— Боже мой! Невероятно! — ошеломленная Летисия даже не пыталась скрыть свою растерянность. — Что же там могло произойти?

— Не знаю. Я не стал расспрашивать Асусену, она и так плакала. Но у нас в поселке просто так не расходятся. Видно, у донна Рамиру появилась другая женщина. Потому что донна Серена, по моему, не способна изменить мужу.

— Ладно, Дави, оставим эту тему, — взяла, наконец, себя в руки Летисия. — А если Асусена опять придет к Витору, поставь меня в известность. Я хочу с ней поговорить. Кстати, ты не знаешь, куда запропастился Витор?

Ответить на вопрос Летисии не мог никто, потому что Витор никого не оповестил, отправляясь к Эстеле. Едва ли не каждый день он под тем или иным предлогом встречался с ней, разумеется, тайком от деда. С тех пор как она стала позировать Франсуа, ее беседы с Витором неизменно касались этой темы. Эстелу такая ситуация до поры до времени забавляла.

— Мы ведем себя как настоящие заговорщики, — смеялась она.

Однако Гаспара постепенно стали раздражать ее странные исчезновения и еще более странные отговорки: ходила по магазинам, гуляла по городу. Прежде она не любила гулять одна, не любила и посещать магазины. Да и покупок в доме не прибавилось, что выглядело уж совсем подозрительным.

Некоторое подтверждение своим самым худшим догадкам Гаспар получил, увидев в окно, как к дому подъехала машина Франсуа и из нее вышла Эстела.

— Где ты была так долго? — спросил он, стараясь сохранять хладнокровие.

— Да так, прошлась по магазинам, — не слишком уверенным голосом произнесла она. — Но ничего интересного мне так и не попало.

— Ты в этом уверена? — решил все-таки докопаться до истины

Гаспар, и Эстела поняла, что завралась.

— Вообще-то я и сама не знала, что ищу, — сказала она. — Блуждала там без цели, пока не устала. Хорошо, что встретила Франсуа и он меня подвез на машине.

— Ну, слава Богу, — облегченно вздохнул Гаспар. — Сама сказала... Понимаешь, когда я увидел вас двоих из окна!.. Я очень испугался, Эстела.

— Чего ты испугался? Ну, говори, о чем ты подумал, когда увидел нас вдвоем? Или нет, лучше не отвечай! Лучше я притворюсь, будто ничего не поняла.

— Эстела, не сердись на меня, ради Бога, — обнял ее Гаспар. — Ты такая красивая! Конечно же я ревную.

Примирение их было бурным и счастливым. Однако Гаспар не стал больше искушать судьбу и предложил завтра же подать документы на регистрацию брака. Эстела не возражала, только, смущаясь, сказала, что хотела бы сохранить за собой свою прежнюю фамилию. Гаспару это не очень понравилось, но он вынужден был согласиться, сказав, что «Эстела Марксе» — тоже звучит неплохо. Затем они стали думать, где им лучше провести свой, теперь уже официальный, медовый месяц, и остановились на Италии, потому что Эстеле хотелось побывать в знаменитом театре «Ла Скала».

А потом Гаспар ушел по делам, и, как всегда, в его отсутствие приехал Витор. Эстела сказала ему, что завтрашний сеанс у Франсуа придется отложить, так как в это время они с Гаспаром понесут документы в мэрию.

— Уговори его перенести ваш поход на послезавтра, — требовательно произнес Витор.

— Нет, я не смогу...

— Ты не хочешь сделать деду сюрприз? Ведь сейчас дорог каждый день! Франсуа может не успеть с портретом к вашей свадьбе.

— Но я же не могу этого сказать Гаспару! Он и так уже ревнует меня к Франсуа. Вчера увидел, как тот подвез меня на машине, и устроил сцену ревности.

— Это просто замечательно! — вполне искренне заявил Витор. — Пусть ревнует. Тем более приятным будет для него наш сюрприз. В общем, поступим так: я сам поговорю с дедом и попрошу его подождать до послезавтра.

* * *

Вернувшись в офис, он узнал от Сузаны, что его совсем недавно разыскивала Асусена, и тотчас же помчался вслед за ней.

«Джип» Далилы ему удалось настичь почти у самого поселка. Витор лихо обогнал его и резко затормозил, преградив дорогу Далиле. Асусена выпрыгнула из «джипа» и в одно мгновение оказалась рядом с Витором.

— Как хорошо, что ты здесь! Мне нужно с тобой поговорить!..

Далила напрасно пыталась до нее докричаться — Асусена, даже не оглянувшись, укатила вместе с Витором в дюны. А там она дала волю слезам, выплавав их на плече у своего возлюбленного.

— Ну вот, теперь ты поняла, почему они так с нами обошлись, — глядя ее по волосам, говорил Витор. — Твой отец и моя мать любили друг друга, но расстались из-за дурацких предрассудков. И теперь хотят, чтобы мы с тобой повторили их печальный опыт. Но им это не удастся! Я никому не позволю распоряжаться моими чувствами! И твоими тоже. Мы всегда будем вместе, да? Против всех и вся. Нам больше никто не помешает, да? Повторяй за мной: нам больше никто не помешает.

— Да, Витор, да!

Глава 4

Утром следующего дня Гаспар заехал к Летисии, желая поделиться с ней своей радостью: наконец-то они с Эстелой идут в мэрию, чтобы подать заявление о регистрации брака. Летисия поздравила его и стала расспрашивать, когда они намерены устроить свадьбу, а Витор, воспользовавшись этим, вышел в другую комнату и позвонил Эстеле.

— Ну все, я договорился с дедом. Ты можешь спокойно ехать к Франсуа. И не волнуйся: я придумал вполне правдоподобную причину. Скажешь, что для визита в мэрию тебе потребовалось какое-то необычное платье, которое ты и искала в магазинах.

Вернувшись в гостиную, он сообщил деду, что звонила его невеста.

— Почему ты меня не позвал к телефону? — рассердился Гаспар.

— Я сказал, что ты пьешь кофе, а она не захотела тебя отрывать от столь приятного занятия.

— Сейчас я ей перезвоню.

— Нет, она звонила не из дома, а с улицы. Просила передать, что у нее появились какие-то срочные дела, поэтому она не сможет сегодня пойти в мэрию.

— Какие у нее могут быть дела? — пришел в недоумение Гаспар. — В Форталезе она никого не знает.

— Да не расстраивайся ты из-за пустяка, — подлил масла в огонь Витор, весьма довольный содеянным. — Ну подумаешь, решила прогуляться по магазинам...

— В такой день?! — возмутился Гаспар, чем доставил неопишуемое удовольствие внуку.

— Да ты никак ревнуешь? — продолжал куражиться Витор. — Боишься, что ее может увести какой-нибудь молодой красавчик?

— Нет, ревность здесь ни при чем. Я вовсе не подозреваю Эстелу, а просто... переживаю за нее.

Говоря это, он тем не менее ясно увидел перед собой улыбающегося Франсуа, когда тот, прощаясь с Эстелой, приветливо махал ей рукой. Кровь яростно закипела в жилах Гаспара, и только присутствие дочери и внука заставляло его сдерживаться.

А Витор отнюдь не собирался останавливаться на достигнутом, беспощадно добивал деда:

— Это хорошо, что ты не ревнуешь. А то бы я с тобой сейчас начал

ругаться. Эстела — такая молодая, красивая, умная, и вот влюбилась в человека намного старше себя. Да за это ты должен кланяться ей в ноги. Наверняка у нее было немало поклонников, но ты один сорвал весь банк, так что успокойся. К тому же ты сам говорил, что здесь у нее нет знакомых мужчин...

— Да-да, — рассеянно пробормотал Гаспар и стал поспешно прощаться. — Мне еще надо встретиться с Франшику, я уже и так опаздываю.

Выйдя из дома, он велел Плинию немедленно ехать на виллу Франсуа и привезти оттуда Франшику. Шофер был удивлен таким указанием и даже счел для себя возможным заметить, что патрон чересчур балует этого парня.

— Ну, если быть откровенным, — смущаясь, сказал Гаспар, — то у меня к тебе более деликатная просьба. Франшику — только предлог, его ты там не найдешь, потому что мы через десять минут встретимся с ним совсем в другом месте.

— Простите, но я ничего не понял, — признался Плинию.

— Тебе и не надо ничего понимать, — раздраженно ответил Гаспар. — Просто выполни то, что я прошу. Поезжай к Франсуа, скажи ему, что я послал тебя за Франшику. А сам постарайся все внимательно рассмотреть там... Может, увидишь что-нибудь интересное.

— И все равно я ничего не понял, — совсем расстроился Плинию. — Прямо шарик за ролик заходят.

— К сожалению, я не могу объяснить тебе подробнее, — сказал Гаспар. — Поезжай, а потом все расскажешь мне. Но больше — никому ни слова! Это должно остаться между нами.

* * *

Эстела уже не раз пожалела, что поехала позировать, потому что сегодня у нее ничего не получалось — не могла принять необходимую позу, не могла расслабить мышцы лица. Франсуа вынужден был постоянно делать ей замечания, и работа у него не клеилась.

— Ты сегодня какая-то... беспокойная. Что-нибудь случилось? — спросил он.

Эстела объяснила ему причину своего волнения, и Франсуа предложил сделать перерыв. Затем он ушел варить кофе, а в это время как раз и появился Плинию. Эстела поспешно спряталась в другой комнате, но не

была уверена, что Плинию ее не заметил.

— Тебе не кажется странным этот визит? — спросила она у Франсуа, когда Плинию уехал.

— Ты думаешь, Гаспар послал его... в разведку? — догадался Франсуа. — Неужели он на такое способен?

— Вчера он устроил мне сцену ревности, увидев нас вместе.

— Вообще-то Гаспар никогда не посылал шофера за Франшику. Но не будем расстраиваться заранее, а примемся за работу. Теперь мы просто обязаны закончить этот портрет, чтобы твой жених понял, как он ошибался.

Желая как-то скоротать время до возвращения Плинию, Гаспар уступил настоятельной просьбе Франшику и поехал вместе с ним смотреть место, выбранное для строительства аквапарка. Однако в дюнах его настроение окончательно испортилось, поскольку выяснилось, что это замечательное место находится неподалеку от виллы Франсуа. Состояние патрона не укрылось от внимания Франшику, но он истолковал его по-своему, спросив с обидой:

— Тебе не нравится?

— Нравится, — рассеянно бросил Гаспар.

— Но я же вижу, что ты недоволен! Если хочешь, можем поискать другое место. Правда, я объездил все побережье и ничего лучше этого уголка не нашел.

— Ты прав, место для нашего аквапарка самое подходящее.

— Тогда что же тебя печалит? Стоимость проекта?

— Нет, дело не в деньгах.

— А в чем же? Может, ты сомневаешься во мне, как в том своем прежнем компаньоне?

— Успокойся, Франшику, я тебе верю. А тот компаньон плохо кончил. Я тогда потерял все свои деньги, но он потерял гораздо больше — жизнь.

— Как это произошло?

— Мне не хотелось бы сейчас это вспоминать. Поедем обратно. Меня уже, наверное, ждет Эстела.

Говоря это, Гаспар кривил душой: он был уверен, что Эстела еще не вернулась домой. Но зато его там уже дожидался Плинию. Сгорая от смущения, он сказал патрону, что видел его невесту в доме Франсуа, хотя она и пыталась спрятаться.

Последняя подробность совсем подкосила Гаспара, и он не стал выслушивать дальнейший отчет Плинию. Надо было хоть немного побыть одному и до возвращения Эстелы принять нужное решение, хотя оно, в общем, напрашивалось само собой.

— Где ты была? — спросил он, едва Эстела появилась на пороге. —
Смотри мне в глаза и отвечай!

— А разве Витор не передал тебе, что я уезжала по своим делам? —
попыталась она избежать ссоры.

— Передал, но не сказал, по каким делам.

— Так, мелочи. Хотела купить платье к завтрашнему событию.

— Если ты имеешь в виду нагл поход в мэрию, то его не будет. И
свадьбы тоже не будет. Ты свободна, Эстела Маркес!

Не считая нужным что-либо объяснять, он покинул квартиру, которую
совсем недавно купил для своей невесты и где провел несколько
счастливых недель. По виду патрона Плинию понял, что произошло, и
предложил поехать в одно тихое местечко, где можно утопить все печали.
Гаспару ничего не оставалось, как довериться преданному Плинию.

* * *

Оправившись от шока, Эстела помчалась в дом Летисии, полагая, что
Гаспар мог уехать только туда. Однако ее расчет не оправдался: Гаспар к
Летисии не заезжал и даже не звонил.

— Наверное, я напрасно его разыскиваю, — горестно заключила
Эстела. — Он не нуждается в моих объяснениях.

Летисия не стала выяснять, из-за чего поссорились отец и его невеста,
а принялась всячески ее успокаивать.

— Подожди, — говорила она, — отец наверняка сюда приедет, и вы
помиритесь.

— Нет, тут все сложнее, — возражала Эстела. — Гаспар сомневался,
стоит ли ему жениться на мне. Вот и воспользовался тем, что я перенесла
подачу заявления на завтра. Это был лишь предлог, чтобы отказаться от
меня.

И все же, несмотря на свои горькие умозаключения, она согласилась
подождать Гаспара, а тот в это время сидел с Плинию в загородном кабачке,
жалуясь на свою несчастную долю и ругая себя за доверчивость и глупость.

Прождав его более часа, Эстела не выдержала и стала прощаться с
Летисией. К этому моменту как раз и подоспел Витор. Увидев заплаканную
Эстелу, он изобразил глубокое сочувствие и вызвался отвезти ее домой.

А Летисии после их ухода довелось выдержать трудный разговор с
дочерью, которая неожиданно остро отреагировала на размолвку деда с
Эстелой.

— Выходит, сеньор Веласкес прозрел! — сказала она с ядовитой усмешкой на устах. — Понял наконец, что не следует вводить в наш дом певичку из бара.

Летисия одернула ее, но Аманда не унималась:

— Грустно сознавать, что такие вещи, как счастье, брак, любовь, в нашей семье не приживаются. Мне еще повезло, что я вообще родилась на свет. Но скоро наш род прервется. Потомков не будет ни у меня, ни у Витора! И таким образом исчерпается проклятье, которое висит над семьей Веласкесов!

— Аманда, девочка, что ты говоришь? — испугалась Летисия. — Ты приняла все чересчур близко к сердцу, перевозбудилась.

— Нет, мамочка, дело в другом. Просто я сегодня тоже прозрела. Я поняла, из-за кого все наши несчастья и это страшное проклятье. Ты — причина всех бед! Ты посеяла зло, за которое теперь мы все расплачиваемся!

Выпалив это, она забилась в истерических рыданиях, а ошеломленная Летисия не знала, чем ей помочь, как ее успокоить.

— Неjde, принеси ей горячего чаю, — попросила она, — а я пойду встречать отца. Кажется, он пришел.

Гаспар, действительно, появился в гостиной в сопровождении Плиниу, причем оба едва держались на ногах.

— Грустно жить без любви, — пьяно бормотал Гаспар. — Давай вернемся в кабачок, Плиниу.

— Плиниу сейчас пойдет спать, а с тобой я должна поговорить, отец, — строго сказала Летисия. — Ты очень обидел Эстелу.

— Не произноси при мне этого имени! — взвился Гаспар. — Никогда не произноси!

— Эстела не заслужила такого отношения. Она все бросила ради тебя.

— Ха-ха! — рассмеялся он. — Бросила? Да ей нечего было бросать. Она надеялась все получить от меня! Но — не получит! Вот так... Пойду, пожалуй, приму ванну...

Он сделал несколько нетвердых шагов и вдруг стал оседать на пол. Летисия и Неjde подхватили его под руки, уложили на диван.

— Наверняка это сердце, — встревожилась Летисия. — Дай ему нитроглицерин, Неjde, а я позвоню Оливии, пусть срочно приедет.

* * *

Этот внезапный звонок оказался для Оливии как нельзя кстати, поскольку избавил ее от тягостного общения с бывшим женихом. Справедливости ради надо сказать, что Дави появился в доме Оливии не по

собственной инициативе, а в силу сложившихся обстоятельств. Накануне Бонфинь задумал устроить у себя ужин для партнеров из Германии, полагая, что в неформальной обстановке с ними легче будет договориться. Витор одобрил его идею и на ужине тоже собирался присутствовать, однако в последний момент его планы изменились, и он подставил вместо себя Дави. Тот честно признался Бонфиню, что вряд ли сможет сосредоточиться на проблемах бизнеса, когда неподалеку будет находиться Оливия.

— А мне неловко представлять фирму одному, — сказал Бонфинь. — Это будет выглядеть несолидно.

Отправляясь на ужин, Дави дал себе зарок, что не станет искать возможности пообщаться с Оливией наедине, но едва увидел ее, тут же обо всем забыл. Улучив подходящий момент, он вновь стал говорить, что любит ее, что благодарен ей за все хорошее, что у них было, и что хотел бы все начать сначала.

— Ты была во многом права, когда думала обо мне плохо. Я действительно вел себя не лучшим образом, но сейчас пытаюсь исправить свои ошибки. Знаешь, недавно у меня были в гостях родители и Далила.

— Не может быть, — язвительно усмехнулась Оливия. — Ты пригласил своих скромных родственников к себе?!

— Можешь сколько угодно надо мной издеваться, но не гони меня! — взмолился он. — Дай мне шанс, Оливия! Обещаю, ты в этом не раскаешься.

Она попыталась отказать ему как можно мягче, но Дави не оценил ее деликатности.

— Ты лжешь! — заявил он, потеряв всякую надежду на примирение. — Лжешь мне и, возможно, самой себе. Утверждаешь, что разлюбила меня. Но истинная причина кроется не во мне, а в том, что ты любишь Витора!

Это был удар ниже пояса. Ошеломленная Оливия не могла вымолвить ни слова в свое оправдание, зато Дави говорил без умолку, продолжая бить в самое больное место:

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Ты не раз говорила, будто ненавидишь Витора. Возможно, так все и было. Но, как известно, от ненависти до любви — один шаг. И ты его сделала! К такому выводу прийти несложно — достаточно лишь взглянуть, как ты волнуешься в присутствии Витора. Что ж, если ты любишь его, то я отступлю. Для меня самое главное — видеть тебя счастливой.

— И ты утверждаешь, что изменился, понял свои ошибки? — кипя от возмущения, заговорила, наконец, Оливия. — Ты всегда выслуживался перед Веласкесом, а теперь решил и мной пожертвовать в угоду этому хаму

и мерзавцу?

— Не лги себе! — ответил на это Дави. — Ты любишь Витора!

Оливия закрыла уши ладонями, чтобы не слышать его, и в этот момент Жанаина позвала ее к телефону.

* * *

У Гаспара, действительно, оказался тяжелый сердечный приступ, и Летисия, не желая усугублять болезнь отца, не напоминала ему об Эстеле.

А та, просидев у телефона всю ночь, но так и не дождавшись желанного звонка, стала потихоньку укладывать вещи.

Звонок в дверь, однако, заставил ее встрепенуться, она с надеждой помчалась в прихожую.

— Гаспар! — выпалила она, едва открыв дверь, но на пороге стоял Витор.

— Я не смог оставить тебя в трудную минуту, — сказал он голосом, полным скорби и сочувствия. — К сожалению, Гаспар Веласкес продемонстрировал свое истинное лицо. Пока ты здесь маялась от горя и проливала слезы, он прекрасно провел время в ресторане и пришел оттуда вполне довольный и счастливый. Понимаешь, он рад, что вернулся к своей прежней жизни! В общем, прими мои соболезнования. Тебе очень не повезло с Гаспаром. Но слава Богу, что это выявилось сейчас, а не позже. Ошибку еще можно исправить. Я уверен, ты найдешь достойного человека, на которого сможешь положиться.

— Нет, Витор, я много раз обжигалась в жизни, но такого удара, какой нанес мне Гаспар, еще не получала. Вряд ли я смогу от него оправиться. Это слишком жестокий урок. Так что с мечтами о любви и замужестве покончено навсегда.

— Ну, не надо ставить на себе крест, — начал было Витор, однако Эстела прервала его:

— Помоги мне отнести чемоданы к такси. Я поеду на автовокзал.

— Что? Ты хочешь ехать в Рио на автобусе? Это слишком долго. Я сам отвезу тебя в аэропорт.

— У меня нет денег на самолет, — призналась Эстела.

— Ерунда. Я куплю тебе билет на самолет, только ты, пожалуйста, не отказывайся. Это самое малое, что я могу для тебя сделать. Ведь я же твой друг, Эстела! Единственный друг из всей семьи Веласкесов.

Глава 5

В глухую, непроглядную ночь, когда небо низко надвинулось над поселком, а с моря подул холодный ветер, Серена никак не могла уснуть. Эта бессонница была для нее не первой с тех пор, как ушел Рамиру, но именно сегодня она впервые усомнилась в своей правоте и почувствовала некоторую вину перед мужем. От Самюэля ей было известно, что Рамиру по-прежнему ночует под открытым небом, отказываясь поселиться даже в каюте на рыболовецком судне. И если раньше Серене мешала уснуть обида на мужа, то теперь мучила тревога за него.

К утру, однако, тучи рассеялись, а затем и солнышко выглянуло, но Серена не стала менять своего решения, принятого ночью. Она пошла к Самюэлю и попросила его отвезти Рамиру одеяла, подушки и теплую одежду.

— Ночи теперь стали холодными, — пояснила она смущенно.

— А почему бы тебе самой не отвезти? — спросил Самюэль. — Вы же не враги друг другу. Зачем мне быть посредником между вами?

Эстер, видя смущение Серены, пришла ей на помощь и тоже стала уговаривать мужа поехать к Рамиру.

— Я к нему поеду, но завтра, — твердо ответил Самюэль, и Эстер поняла, что он намеренно привередничает, желая таким образом свести бывших супругов. — Так что поезжай к нему ты. И сегодня же, а то к ночи погода может опять испортиться.

Отправляясь к Рамиру, Серена не сказала детям, куда едет, но те сами все поняли и с затаенной надеждой ожидали ее возвращения. Однако их надежда была напрасной. Рамиру встретил жену холодно, заявив, что такая забота с ее стороны выглядит по меньшей мере смешно.

— Не стоит ночевать здесь, пока ты не построил дом, — сказала Серена, оставив без внимания его колкости. — Так недолго и простудиться, заболеть.

— Если станет холодно — уйду на корабль.

— Рамиру, я понимаю, у тебя горько на душе, но и у меня — тоже. Давай на время забудем про обиды, сядем и спокойно обсудим, как нам жить дальше.

— Где сядем? На мокром песке? — не сдержал он своего раздражения. — Или, может быть, в том доме, откуда ты прогнала меня, как паршивого пса?

— Я приехала сюда не затем, чтобы ругаться, — с достоинством ответила Серена. — Мое беспокойство о тебе можно понять: мы столько лет прожили вместе. И дети тоже переживают за отца, оказавшегося без крыши над головой. Но если тебе хочется враждовать, то, извини, я лучше уеду.

Серена направилась к «джипу», стараясь ступать уверенно и твердо, но от Рамиру не укрылось, с каким трудом дается ей каждый шаг. Острое чувство жалости и вины перед этой гордой, но несчастной женщиной пронзило его сердце.

— Постой, — сказал он глухим от волнения голосом, — я отвезу тебя в поселок.

— Это ни к чему, — ответила она. — Ты что, пожалел меня? Не надо, не жалею: самое худшее я уже пережила.

— У меня есть дело к Самюэлю и Маджубинье.

— Ну, тогда садись за руль.

Всю дорогу они ехали молча, и лишь у самого поселка Серена сказала:

— Надеюсь, ты зайдешь к детям. Им очень тяжело без тебя.

Увидев отца и мать вместе, Асусена и Кассиану бросились к «джипу» и, едва выйдя из машины, Рамиру попал в их объятия.

— Ты вернулся, папочка! Дорогой, любимый! Я знала, что ты вернешься! — воскликнула Асусена, целуя его.

Серена стояла чуть поодаль, в глазах ее проступили предательские слезы. Чтобы не расплакаться, она ушла в дом. А Рамиру, у которого сердце разрывалось от боли, вынужден был мягко отстранить от себя дочь, сказав, что ему нужно поговорить наедине с Сереной.

Когда он вошел, Серена уже успела взять себя в руки и встретила его со сдержанным почтением — как гостя, но отнюдь не как мужа и хозяина этого дома: предложила ему стул, налила в чашки кофе.

— Так о чем ты хотела со мной поговорить? — холодно спросил Рамиру.

— О нашем разводе, — сказала она спокойно, как о чем-то будничном. — Надо решить, что кому достанется, как будем отмечать дни рождения детей, когда ты будешь их навещать, ну и так далее. Об этом лучше договориться сразу, чтобы потом не возникало недоразумений.

— Да, пожалуй, ты права, — Рамиру поддержал предложенный ею тон. — Это лучше, оговорить сразу. Ящик с инструментами я уже взял, а больше мне ничего не нужно. Дострою себе хижину. Буду ходить в море, как прежде. Так что вам на жизнь хватит.

— Нет, Рамиру, теперь все переменялось, — попыталась возразить

Серена, но он прервал ее:

— Как бы далеко я ни был, мне придется оставаться главой семьи. Пока у тебя не появится другой муж.

— Другой? — возмутилась Серена. — Ты вздумал надо мной поиздеваться?

— Нет, вовсе нет. Но рано или поздно он появится. Ты — красивая, сильная, умная. Почему бы тебе заново не устроить свою жизнь? А пока я буду содержать семью.

— Тебе придется содержать две семьи, — напомнила Серена. — Хотя Летисия и богатая, но ты же не захочешь жить за ее счет?

— Это мне решать, — сердито одернул ее Рамиру.

— Безусловно, тебе. Ну а за мной остается право брать или не брать у тебя деньги. И я прямо заявляю: твоих денег мне не надо, Рамиру Соарес! Живи спокойно. Попробуй начать все сначала. Даст Бог, у тебя это получится.

* * *

Пообещав Питайте найти фото ее отца, Мануэла поставила себя в очень сложное положение, выхода из которого не было. Точнее, один выход был — рассказать дочери всю правду, но Мануэла по прежнему не могла этого сделать. Чтобы покончить с двусмысленной ситуацией, ей пришлось сказать дочери, что фотокарточка бесследно исчезла. Всегда спокойная и сдержанная, Питанга отреагировала на это сообщение истерикой, немало напугав мать.

— Скажи, как она могла исчезнуть? — кричала дочь, захлебываясь слезами. — Если ни ты, ни я, ни дед ее не трогали, то куда она могла деться?

— Ну, не знаю. Потерялась.

— Ищи!

— Я все обыскала тысячу раз. Поверь мне, доченька, ее нет.

— Это ужасно! — воскликнула сквозь слезы Питанга. — Я не могу этого ни понять, ни простить. Ты говоришь, что любила отца, а сама потеряла его единственное фото! У меня не укладывается это в голове. Тут одно из двух: или ты никогда его не любила, или — что-то скрываешь от меня. Да! Иначе я не могу объяснить твоего странного поведения.

Ошеломленную таким заявлением Мануэлу, не знающую, что ответить дочери, спас Самюэль, пришедший в тот момент к старому Кливеру.

Питанга поспешно удалилась, а Мануэла вынуждена была признаться Самюэлю, из-за чего возник конфликт.

— Может, стоит рассказать ей все? Питанга уже взрослая, — мягко посоветовал он.

— Нет, Самюэль, нет! Ты прекрасно знаешь, почему я не могу этого сделать. И не уговаривай меня.

Гость не стал настаивать на своем мнении. Заглянув к старику, он сказал, что в письме, отправленном женщине с парусника, указал адрес бара, а не свой собственный.

— Понимаешь, Эстер застала меня за этим письмом и закатила сцену ревности. А я не хочу посвящать ее в наши мужские тайны. Так что ты не удивляйся, когда получишь письмо из Рио, а сразу же дай мне знать.

* * *

Определившись с местом для будущего аквапарка, Франшику по поручению Гаспара оформлял купчую на этот земельный участок. Когда документы были подписаны, а деньги уплачены, Дамасену — бывший владелец пляжа — признался, почему продал его по довольно низкой цене.

— Извини, что не предупредил тебя раньше, но бизнес есть бизнес. Не мог же я упустить такую выгодную сделку. Однако ты, Франшику, очень симпатичный парень и располагаешь к откровенности. В общем, я не хочу подкладывать тебе свинью. У тебя есть возможность продать этот пляж так же, как это сделал только что я, а не вкладывать туда миллионы. Боюсь, народ не пойдет в твой аквапарк, потому что у этого пляжа дурная слава.

— Ничего себе сюрпризик! — присвистнул Франшику. — Там что, черти водятся?

— Ну, не черти, а всего лишь призрак. Да, не смейся, его видели многие.

— Так это же замечательно! — воскликнул неисправимый оптимист Франшику. — С помощью призрака мы привлечем туда массу туристов, любящих острые ощущения. А как он выглядит? Весь в белом?

— Не знаю, я его не видел. А люди утверждают, что это огромный моряк, всплывающий из морской пучины, а затем бредущий по волнам. Когда-то на том месте потерпел крушение парусник, и вот будто бы утопленник с того судна иногда балуется...

Услышав о затонувшем паруснике, Франшику мгновенно переменялся в лице — побледнел, кончики губ опустились, отчего улыбка стала похожа

на болезненную гримасу.

— Кажется, тебя охватила жуть от одного моего рассказа, — огорченно молвил Дамасену. — Прости, брат, что подсунул тебе это морское чудище.

— Нет, все в порядке, — вновь овладел собой Франшику. — Наоборот, мне очень интересно! Скажи, а нельзя ли поговорить с кем-нибудь из очевидцев призрака? Ну, ты сам понимаешь, что я должен все разузнать о нем, прежде чем строить там аквапарк.

— Да, конечно. Есть тут поблизости одна старуха. Но она, по-моему, сумасшедшая. Говорит, что призрак моряка является ей чуть ли не каждую ночь...

— Веди меня к той старухе! — прервал его Франшику. — Немедленно веди.

Сумасшедшей старухой оказалась та самая донна Дивина, которую навещали Самюэль и Бом Кливер. Едва услышав, что нового гостя тоже интересует затонувший парусник, она схватилась за ружье:

— Убирайтесь вон! Я вас не пущу. Что вам всем надо от бедной вдовы?

С большим трудом Франшику удалось ее успокоить, объяснив, что его интересует не парусник, а призрак.

— Понимаете, я собираюсь построить здесь парк, установить аттракционы. А вдруг призраку это не понравится, он решит, что я вторгаюсь в его владения. Знаете, как это бывает: рассердится и станет крушить оборудование, пугать посетителей. Вот я и хотел с ним договориться. Вы не могли бы устроить нам встречу?

Как ни странно, такая речь оказалась понятной донне Дивине, и, проникшись тревогами Франшику, она стала уверять его, что призрак этот вполне миролюбивый, а потом и вовсе заявила, что никакого призрака не существует.

— Я придумала его, — лукаво подмигнув, призналась она, — чтобы ко мне не приставали с расспросами о затонувшем паруснике и о той женщине, что я выхаживала.

— Женщина с парусника! Она спаслась? — выдал свой истинный интерес Франшику, и донна Дивина заподозрила его в обмане.

— Так ты тоже интересуешься той женщиной? — произнесла она грозно.

— Нет-нет! — поспешил исправить свою оплошность Франшику. — Просто мне говорили, что раз та женщина утонула, то она может иногда появляться вместе с призраком моряка.

— Да не утонула она! — вновь сменила гнев на милость донна

Дивина. — Мой муж подобрал ее на берегу и принес к нам в дом. А я выходила ее. Она, бедняга, все искала своего ребенка, который точно утонул.

— Ребенок? Нет... — пробормотал Франшику; но вспомнив свою давешнюю ошибку, спросил как бы невзначай: — А кто искал эту женщину и зачем?

— Да недавно двое рыбаков приходили. Один такой странный... Как же его звали-то?.. Бом Кливер! Да, такое смешное имя...

— И что они хотели узнать о той женщине? — нетерпеливо спросил Франшику.

— Зачем-то им нужен был ее адрес. Я дала им ее письмо...

— Вам известен ее адрес?! — опять не сдержался Франшику. — А мне вы могли бы его дать? Меня очень заинтересовала эта история.

— Нет, письмо те рыбаки забрали с собой...

— Спасибо вам огромное, донна Дивина! Вы не представляете, насколько помогли мне! Господи, какое счастье!

Дивина посмотрела на гостя с сожалением: такой симпатичный парень и, к сожалению, сумасшедший.

* * *

Отыскать рыбака по имени Бом Кливер не составило никакого труда, потому что на всем побережье он был единственный, и к тому же Франшику его знал лично. Однако старый рыбак оказался весьма крепким орешком, который не по силам было расколоть даже изобретательному Франшику. С какой стороны ни заходил он, чтобы заставить старика проговориться, — все мимо. Кливер твердил, что к Дивине они с приятелем заходили выпить кофейку, и не более того. Ни о каком паруснике, а тем более о женщине они и слыхом не слыхали и, стало быть, расспрашивать об этом Дивину не могли. В общем, нафантазировала старуха, и точка.

Раздосадованный Франшику ушел от Кливера ни с чем, а тот срочно послал Питангу за Самюэлем.

— Этот парень точно из полиции! — заявил он приехавшему на зов Самюэлю. — Ему известен каждый наш шаг, он был у донны Дивины. Вообще, хотел бы я знать, на что он живет и каким образом появился в Форталезе!

Самюэль был весьма озадачен таким предположением Кливера: Франшику ему всегда нравился и более того — казался искренним и

открытым. Но чем он занимается и откуда у него деньги на подарки сельчанам, действительно не знал никто.

— Не похоже все-таки, чтобы он был из полиции, — высказал свои сомнения Самюэль. — Этот парень часто бывает в поселке, ему нравится дочка Рамиру. Ничего подозрительного за ним не было замечено.

— А я думаю, дочка Рамиру — только предлог, чтобы быть поближе к тебе и наблюдать за тобой. Он и у нас в баре частенько крутится...

— Не знаю, не знаю, — в задумчивости произнес Самюэль. — Если Франшику и не полицейский, то уж точно он гоняется за проклятым кладом.

Глава 6

Расстроив свадьбу деда, Витор недолго праздновал победу, поскольку истина восторжествовала уже на следующий день. Суть недоразумений могла бы вскрыться и раньше, если бы Изабел после ухода партнеров Бонфиня не предалась медитированию, к которому ее приобщила Адреалина — большая специалистка в области йоги, астрологии, белой магии, а также древнего цыганского колдовства. Откуда у этой хиппующей бродяжки были такие познания, Изабел не интересовало, просто она использовала любые средства, чтобы активизировать угасающую любовь Бонфиня. А Адреалина как раз и предлагала такой комплекс медитаций, в результате которого Изабел должна была стать неотразимой, а Бонфинь, соответственно, должен был вспылать юношеской страстью к жене.

И вот пока Изабел усердно занималась медитацией, Оливия рассказывала отцу о сердечном приступе, случившемся с его другом, а заодно и о причине этого приступа.

Естественно, Бонфинь очень расстроился и, всей душой переживая за Гаспара, думал только об одном: неужели же Эстела, казавшаяся воплощением любви и добродетели, на самом деле являлась коварной лицемеркой? Занятый этими мыслями, он остался равнодушным к прелестям супруги. Таким образом, медитации пошли насмарку, чары не подействовали.

Оскорбленная и уязвленная, Изабел с утра пораньше устроила мужу скандал, а тот вынужден был оправдываться, в результате чего и всплыла история с портретом. У Бонфиня полегчало на сердце, и он, порывисто обняв жену, одарил ее поцелуем:

— Ты прелесть! Самая удивительная и непредсказуемая женщина на свете! Особенно тебе удаются сюрпризы!

Затем он отправился к Гаспару и потребовал, чтобы тот немедленно поехал с ним в одно место. Летисия сочла это безумием, напомнив, что отцу прописан постельный режим, но Бонфинь, хитро улыбаясь, уверенно заявил:

— Там, куда я отвезу его, он сразу же излечится!

Заинтригованный, Гаспар счел возможным довериться другу, и, таким образом, они вскоре оказались в доме Франсуа. Сообразив, наконец, куда его привезли, Гаспар стал упираться — меньше всего ему хотелось в тот момент встретиться с удачливым соперником. Однако Бонфинь настоял на

своим и, войдя в дом вместе с Гаспаром, попросил Франсуа показать портрет Эстелы.

— Но... — замялся тот и, извинившись перед Гаспаром, обратился к Бонфиню: — Можно вас на минутку?

— Вы хотите напомнить мне о сюрпризе? — рассмеялся Бонфинь. — Сюрприза не будет! Точнее, он уже был.

Увидев недописанный портрет Эстелы, Гаспар попросил у художника прощения за столь ранний визит и за свои неоправданные подозрения. Затем он поехал на квартиру Эстелы, но, не обнаружив там даже ее вещей, все понял и незамедлительно вылетел в Рио.

Домой он вернулся лишь на следующий день — разумеется, вместе с Эстелой.

Витору пришлось делать вид, будто он несказанно рад их примирению.

Гаспар заявил, что регистрация брака состоится через неделю, а свадьбу они бы хотели сыграть тихо, в узком кругу и лучше всего — на фазенде донна Инасиу, старого приятеля жениха.

— Что значит «в узком кругу»? — спросила Аманда. — Ты пригласишь только родственников?

— Нет, не только. Мы позовем наших близких друзей и некоторых коллег по работе.

Аманду такой ответ удовлетворил: она решила в качестве своего кавалера пригласить Франсуа, но деду об этом конечно же ничего не сказала.

Витор молча удалился в свою комнату: ему было над чем подумать.

А Летисия и Эстела стали обсуждать будущий наряд невесты.

— Я так счастлива, — призналась Эстела. — Мне хочется, чтобы все вокруг были также счастливы. А ты помнишь, как я рыдала тут всего пару дней назад? Да, эта размолвка меня многому научила. Я поняла, что ни при каких обстоятельствах нельзя сдаваться, отступать. Надо верить в свою любовь и бороться за нее!

— Ты говоришь это специально для меня? — грустно молвила Летисия.

— Отчасти и для тебя. Ведь у тебя, насколько мне известно, тоже есть большая любовь. Это рыбак, да?

— Да, но там все очень сложно. Он обещал развестись с женой, однако почему-то этого не сделал. Мы с ним опять расстались, и я чуть было не сделала глупость, собираясь выйти замуж за Франсуа. Но слава Богу, вовремя опомнилась. А недавно узнала, что Рамиру все-таки ушел от жены

и живет теперь один.

— Так, может, стоит с ним встретиться? — робко предложила Эстела.

— Я даже не знаю, где он теперь...

* * *

Рамиру как одержимый строил свою хижину, работая почти без отдыха, до седьмого пота. Иногда ему помогали в этом деле Самюэль и Маджубинья, а однажды, когда он один тащил тяжелое бревно, то подставил свое плечо и случайно забредший сюда Франсуа. Рамиру не отверг его помощи, хотя и не выразил большого радушия.

— Мы, кажется, соседи, — сказал он гостю, давая понять, что не намерен с ним враждовать, но и водить дружбу также не собирается.

— Ты строишь здесь дом?

— Ну, дом — это громко сказано. Хижину! А ты боишься, что мое присутствие будет раздражать Летисию?

— У тебя устаревшие сведения. Летисия дала мне отставку, — не скрывая своего сожаления, сказал Франсуа. — Так что дорога свободна...

— Прости, я действительно не знал... — растерянно молвил Рамиру.

— Ну так знай: она ни о ком другом не думает — только о своем рыбаке.

— Летисия доставила мне немало хлопот... Вот почему пришлось забраться в дюны. Буду жить тут, как зверь в берлоге.

— Это не самое страшное, — уверенно произнес Франсуа. — Главное, что она тебя любит!

* * *

Чужое счастье заразительно, и после откровенного разговора с Эстелой Летисии почудилось, что для нее тоже не все потеряно, что она может устроить и свою жизнь с любимым человеком, если сделает хотя бы маленький шагок ему навстречу.

Переборков смущение, она выяснила у Дави, где живет Рамиру, и поехала к нему. Встреча, однако, вышла вовсе не такой, как ожидала Летисия. Рамиру встретил ее почти враждебно.

— Что тебе здесь надо? Зачем ты примчалась?

— Мне сказали, что ты ушел из семьи, — растерянно пробормотала

она. — Это из-за меня?

— Вы слишком о себе высокого мнения, сеньора Веласкес! — был ответ.

— Ты меня не понял, Рамиру! Я всего лишь хотела тебе помочь. Если надо, я могу сходить к Серене, объяснить, что наши отношения кончились.

— Серена не нуждается в твоих объяснениях. Она — мужественная, гордая женщина. Трудится, заботится о детях.

— Я знаю, что мы с ней очень разные. Возможно, поэтому я тебя всегда и привлекала.

— Что тебе нужно от меня, Летисия? — не выдержал он. — Разве мало того, что из-за тебя рухнула моя семейная жизнь, что я оказался с пустыми руками, вдали от детей и от друзей, совсем один?

— Когда-то тебе казалось очень романтичным жить вдали от всех, — с укоризной напомнила она.

— Когда-то! — подхватил он. — Но с тех пор прошло много лет и все переменялось.

— Помнится, еще недавно ты утверждал, будто готов бросить все и устроить для меня рай в шалаше.

— Давай лучше не будем вспоминать ту историю с запиской. Ее пора забыть раз и навсегда.

— Вот как ты заговорил! — от обиды голос Летисии дрожал. — А я не могу забыть, хотя и пыталась. Все эти годы я пыталась забыть тебя, Рамиру, но у меня ничего не получилось. Прости.

Она резко повернулась и почти бегом направилась к автомобилю, на котором приехала.

Рамиру молча смотрел ей вслед, но, когда машина тронулась с места, спохватился:

— Летисия! Вернись!

Она резко затормозила, обессиленно уронив руки на руль...

...А потом они, выплеснув всю свою годами копившуюся страсть, блаженно лежали на песке, среди казавшихся необитаемых дюн, и ощущали себя, действительно, как в раю.

— Можно, я тоже признаюсь? — с виноватой усмешкой спросил он. — Не было ни одного дня, чтобы я не думал о тебе.

Она жадно обхватила его голову руками, прильнула к нему всем телом:

— Мы никогда больше не расстанемся, правда? Скажи мне, Рамиру, мы теперь всегда будем вместе? Ну скажи! Чего ты боишься?

— Как же мы можем быть вместе? Где? В хижине, которую я строю, не будет даже водопровода.

Услышав, что именно его сдерживает, Летисия облегченно вздохнула:

— Тебе не придется строить хижину, любовь моя!

— Ты хочешь сказать, что возьмешь меня к себе в дом? Наденешь на меня костюм, дашь в руки портфель и прикажешь шоферу возить меня на лимузине?

При этих словах лицо Летисии перекошилось от боли, а он, словно и не заметив ее реакции, продолжал:

— Я рыбак, Летисия. Мое место здесь, на берегу моря. Тебе не стоит даже пытаться перекраивать меня на свой манер. И ты не сможешь измениться. Как бы сильно ты меня ни любила — тебе здесь не выдержать. Так что у нас ничего не получится.

— Но давай хотя бы попробуем! — взмолилась она.

— Нет, — твердо сказал он. — Надо смотреть правде в глаза. Мы любим друг друга, но жизнь развела нас так далеко, что нам уже никогда не сойтись.

— Рамиру, любимый мой, — обливаясь слезами, говорила она. — Позволь мне хоть иногда приходить к тебе сюда, в хижину!

— Это не выход, Летисия, — сам весь сжавшись от боли, горько молвил он. — Я хочу тебя всю, без остатка, и никогда не смог бы довольствоваться половиной. Но у меня нет права требовать, чтобы ты бросила свой мир и поселилась в моем. Любовь в шалаше выглядит красиво в романах, а в жизни это невозможно...

Шум остановившейся неподалеку машины заставил его закончить свою печальную речь:

— Прости, это приехал Самюэль с ребятами. Они помогают мне строить хижину.

* * *

Несколько дней Самюэль ломал голову, пытаясь понять, кто же такой Франшику и почему его интересуется затонувший парусник. Версию о полицейском пришлось отбросить почти с самого начала, а вот откуда этот парень мог узнать о кладе? Тот мужчина с парусника погиб на их глазах, а Бом Кливер молчал о сокровищах, скрывая тайну даже от Самюэля. Может, Франшику — родственник погибшего, и о кладе узнал из каких-то семейных преданий?

Теряясь в догадках, Самюэль еще раз поехал к старику и заставил его припомнить каждое слово, сказанное Франшику. Бом Кливер так напрягся,

что весь вспотел. Самюэль слушал его, не перебивая, а когда тот закончил, уточнил:

— Значит, он требовал от тебя письмо той женщины или хотя бы ее адрес? А о кладе он не произнес ни слова?

— Нет, о кладе речь не шла. — твердо ответил Бом Кливер. — Уж это бы я запомнил наверняка!

Самюэль не стал смущать старика внезапно мелькнувшей догадкой, а поехал прямо к Франшику. Тот встретил его приветливо, предложил кофе, но Самюэль прямо сказал, что длительность их беседы будет зависеть от того, как Франшику ответит на один вопрос:

— Почему ты интересуешься парусником? Что тебя с ним связывает?

— Это уже два вопроса, — пошутил Франшику, надеясь скрыть волнение.

— Мне не до шуток, парень, — предупредил Самюэль. — Ты ходил к донне Дивине и к Кливеру, выпрашивал адрес женщины с парусника... Почему, Франшику? Ты — тот самый ребенок, что был на паруснике и пропал в шторм? Говори правду...

Франшику, бледный как полотно, пытался сохранять невозмутимость, но Самюэль, видя его смятение, все больше убеждался в правильности своей догадки.

— Да, я был у Дивины и Кливера, но как тебе пришло в голову, что я — именно тот ребенок? Не вижу связи.

— Ну почему ты боишься сказать правду? — недоумевал Самюэль. — Старый Кливер уже много лет мучается угрызениями совести, потому что мог спасти женщину с ребенком, но не спас. Если он будет знать, что они живы, то проведет остаток своих дней спокойно.

— Ребенок умер, — печально произнес Франшику. — Он потерял все. Даже черты любимых людей стерлись в его памяти... Тот ребенок не знает, кто он на самом деле...

— Позволь мне помочь, — горячо заговорил Самюэль. — Позволь вытащить его со дна морского, и он узнает о своем происхождении! Так тот ребенок — это ты, Франшику?

— Мне известно только то, что я — Франшику. Маленький мальчик, потерявшийся в море много лет назад. Воспоминания то накатывают на меня, то опять ускользают. Я уже не знаю, где явь, а где мои фантазии. Иногда, глядя на море, я вижу себя ребенком: стою один, плачу и зову деда... Еще помню женщину. Скорее всего, то была моя мать. Она утешала меня, а я все равно плакал и просил игрушку. Тогда она открыла чемодан и отыскала там эту чертову игрушку. Мне стало так спокойно... Я и сейчас

помню это чувство... защищенности и любви. Потом я не испытывал его ни разу в жизни.

— А кто вытащил тебя из воды?

— Не знаю. Не помню. Меня оставили у двери приюта. Я был очень болен. Это няня мне потом рассказала. А сам я ничего не помню...

— Вот что, Франшику, — решительно произнес Самюэль, — пойдем со мной и не задавай пока никаких вопросов.

— Куда? Зачем?

— Пойдем, скоро все узнаешь.

Самюэль привез парня к себе домой и сразу. провел его в чуланчик. Но прежде чем открыть заветный сундучок, спросил, как выглядела та игрушка.

— Попытайся вспомнить, Франшику! Это очень важно.

— Да мне и пытаться не надо, — ответил тот. — Достаточно закрыть глаза, и я вижу ее. Лица матери не помню, а вот игрушку помню... Такая деревянная безделушка. Две палочки и между ними — перекладина. Если эти боковые палочки сдвигать и раздвигать, то человечек на перекладине кувыркается... Пакиту. Так дед называл то ли этого человечка, то ли вообще игрушку. Она мне очень нравилась!

Пока он говорил, лицо Самюэля постепенно расплывалось в широкой счастливой улыбке, и вот наконец он открыл заветный сундучок и извлек оттуда игрушку.

— Эта? — спросил он у Франшику, уже не сомневаясь в его ответе.

— Боже мой! — ошеломленный парень не сразу взял игрушку в руки, боясь, что, едва он прикоснется, она рассыплется, растает, исчезнет, как сон.

— Бери, не бойся, — подбодрил его Самюэль. — Она твоя.

Франшику взял, наконец, игрушку, и пальцы его стали сжимать и разжимать палочки. Беспечный человечек Пакиту при этом лихо кувыркался...

— А знаешь, как переводится Пакиту с испанского? — вспомнил вдруг Франшику. — Франсиск! Почти мой тезка.

— Теперь ни у тебя, ни у меня не может быть никаких сомнений! — радовался Самюэль. — Ты нашелся! Подумать только, мы считали, что мальчика нет в живых или он где-то далеко, а ты был тут, рядышком...

— А что еще там, в сундучке? — отвлекшись от игрушки, спросил Франшику.

— Тут еще много загадок, но теперь мы их разгадаем. А пока потерпи. — Самюэль запер сундучок и поставил его на прежнее место. —

Сейчас мы с тобой поедem к старику Кливеру!

* * *

Стоит ли описывать потрясение, которое испытал Бом Кливер, когда Самюэль представил ему мальчика с парусника — живого и здорового? Старик долго не мог поверить Самюэлю и заставлял его многократно повторять, почему тот считает, что Франшику является тем самым мальчиком. Наконец Бом Кливер, у которого камень упал с души, сказал в изумлении:

— Это чудо! Такой маленький мальчик — и выжил в страшном шторме. Ты — избранник судьбы, избранник богов! В нашем народе тебя почитали бы как святого!.. Теперь я понимаю, почему ты так внимательно рассматривал эту старую подозрную трубу. Она принадлежала твоему деду. Бери, теперь она твоя!

Франшику, любовно поглаживая поверхность трубы, пояснил, что ему довелось почувствовать, когда он впервые увидел ее у Кливера:

— Меня будто в жар бросило! Нахлынули воспоминания. Вспомнилось, как дедушка дал ее мне и велел смотреть по сторонам — не видно ли там суши.

— Ну вот, теперь она опять в твоих руках, — сказал Самюэль.

— Да, только я не стану ее брать с собой. Пусть она останется у тебя, Бом Кливер. А я и так уже безмерно счастлив: ведь сегодня я точно узнал, что моя мать жива!

— Давай не будем опережать события, — проявил осторожность Самюэль. — Подождем, что ответит на мое письмо сеньора Мария Соледад.

— Боже мой! Это звучит как музыка: Мария Соледад! Так зовут мою маму! Вы не представляете, что значит прожить столько лет и даже не знать имени своей мамы...

Глава 7

Франшику овладело такое нетерпение, что он готов был немедленно лететь в Рио на поиски матери. Но предстоящая свадьба Гаспара и затем свадебное путешествие вынуждали Франшику ускорить работу над проектом аквапарка, чтобы обсудить с патроном все необходимые детали до его отъезда. Энергии Франшику и прежде было не занимать, а предвкушение скорой встречи с матерью и вовсе окрылило его. Он с легкостью уговорил Франсуа заняться проектированием аквапарка, хотя прежде тот относился к этой идее с прохладцей.

Несколько суток Франсуа корпел над проектом не разгибаясь, а когда эскизы были вчерне готовы, Франшику показал их патрону. Гаспар пришел в восторг от будущего сооружения и дал Франшику карт-бланш на строительство.

— Значит, ты поручаешь мне заняться этим делом в твое отсутствие? Не боишься, что я подведу тебя? — на всякий случай переспросил Франшику.

— Нет, — смеясь, ответил Гаспар. — Но прежде чем влезть с головой в строительство, ты, я надеюсь, погуляешь у меня на свадьбе. Мы с Эстелой тебя приглашаем.

Аманда, присутствовавшая при этом разговоре, намотала кое-что на уши, якобы по поручению деда, пригласила на свадьбу Франсуа.

— Вы же теперь в некотором роде компаньоны, — аргументировала она причину приглашения. — Так что дед просто не мог тебя не пригласить. И если ты откажешься, то он может истолковать это неверно.

Франсуа, не проявив должного энтузиазма, все же велел передать Гаспару, что прибудет на его свадьбу, чем несказанно осчастливил Аманду.

* * *

А Витор в это время тоже готовился к свадьбе деда, только весьма своеобразно. Вызвав к себе Дави, он спросил, можно ли на того положиться в одном очень серьезном деле. Дави ответил с некоторой обидой:

— Разве у тебя есть причины в этом сомневаться? Я когда-либо подводил тебя?

— Нет. Но сейчас я прошу тебя о деле необычном и... тайном.

Понимаешь, мой дед совсем выжил из ума. Я давно замечал у него проявления старческого склероза, но сейчас, когда он вознамерился жениться на женщине, которая ему в дочки годится, это стало особенно очевидно. Чтобы удержать ее возле себя, он готов пустить в распыл всю нашу фирму.

— Не похоже как-то на доктора Гаспара, — высказал сомнение Дави. — А в чем это конкретно выражается?

— Ты так говоришь только потому, что не видел его в последние дни. Он очень переменился, поверь мне. И поэтому я решил подстраховаться. Не хочется быть заложником его безрассудности. Я должен принять меры, пока не поздно, чтобы уберечь предприятие от краха и таким образом сохранить свое наследство и твое место работы.

— Что же ты собираешься предпринять?

— Для начала подготовь мне список всех наших акционеров, за исключением, разумеется, Веласкесов. Я хочу иметь сведения о финансовом положении каждого из этих лиц, владеющих в сумме сорока девятью процентами акций.

— Я соберу эти сведения, — пообещал Дави. — Только не объяснишь ли ты подробно суть своего замысла?

— Пока нет. Но в ближайшее время ты все узнаешь. У меня нет от тебя тайн.

— Так уж и нет? — вырвалось у Дави.

— Ты в чем-то сомневаешься? Говори, не стесняйся.

— Хорошо. Я спрошу напрямик: тебе нравится Оливия?

— Ах вот в чем проблема! — расхохотался Витор. — Да, нравится. Она — прекрасный человек и превосходный специалист.

— Не надо, Витор! — одернул его Дави. — Ты ведь понял, что я имел в виду.

— Неужели ты думаешь, что я способен отбить у тебя невесту? Да как тебе в голову могло прийти такое?

— Невесту я, к сожалению, потерял сам, — грустно констатировал Дави. — По крайней мере, так мне казалось до недавних пор. Но сейчас я думаю, что истинная причина кроется не во мне, а в ваших отношениях с Оливией.

— По-моему, ты спятил, — сказал Витор.

— Нет, я в здравом уме. Жаль, что ты не захотел быть со мной искренним. Но это никак не отразится на моей работе, так что можешь, как прежде, на меня полагаться.

* * *

Дальнейшие события закрутились, как в детективе, где роль сыщика неожиданно выпала Бонфиню. А началось все с того, что он случайно услышал, как Сузана, отдавая Дави какую-то папку, сказала:

— Вот, пожалуйста, данные об акционерах. Полная картотека, как вы просили.

Удивленный, Бонфинь спросил у Дави, зачем тому понадобились сведения, которые не входят в его компетенцию. Дави ответил, что выполняет поручение Витора, чем немало озадачил Бонфиня.

Проанализировав данные картотеки, Дави доложил результат Витору. А тот, похвалив его за оперативность, счел возможным вернуться к недавнему разговору об Оливии:

— Верно ли я понял, что ты отдаешь мне свою бывшую невесту?

Дави стоило большого труда сдержаться, чтобы не ответить ему подобающим образом.

— Прошу тебя только об одном, — сказал он глухо, — не заставляй ее страдать.

* * *

В тот же вечер Витор нанес визит Оливии, вызвав в ее душе странное, неожиданное смятение. Но прежде чем встретиться с ней, Витору повезло услышать очень важную фразу, брошенную Бонфинем жене:

— Изабел, прошу, не отвлекай меня по пустякам. У меня серьезный разговор с Гаспаром. На фирме обнаружили кое-какие проблемы, и я должен посоветоваться с ним, пока еще не слишком поздно.

Никем не замеченный, Витор притаился в прихожей, надеясь услышать, о каких проблемах Бонфинь будет говорить с дедом, но тот, набрав номер, вскоре положил трубку:

— Как назло, его нет дома.

Выйдя из укрытия, Витор нагло спросил, какие дела могут быть у Бонфиня с дедом, который давно уже не занимается фирмой?

— Это старое дело, которое осталось не разрешенным еще с тех пор, когда Гаспар работал, — проявил осторожность Бонфинь. — Я что тебя привело к нам?

— Кажется, мне не слишком рады? — беззастенчиво напрашивался на

любезности Витор. — Я, в общем, пришел к Оливии.

Изабел, услышав это, расплылась в радушной улыбке и с превеликим удовольствием проводила гостя в комнату дочери, а Жанаине велела отнести туда поднос с выпивкой и разными угощениями.

Оливия, понимая всю двусмысленность ситуации, в которой она оказалась, была сдержанной, напряженной, и Витор предложил ей выпить. Она сказала, что вообще пьет очень мало, дав ему повод перейти в решительное наступление:

— Ну да, ты не пьешь, не куришь, ведешь себя всегда очень прилично. Этакая благовоспитанная девушка. Но я уже давно замечаю за тобой один грешок: ты усиленно скрываешь то, что само рвется наружу. Тебя не устраивает Дави, потому что он слишком правильный, слишком предсказуемый, не так ли? А тебе хочется чего-то иного — более страстного и даже в некотором роде порочного!

— Витор, ты не имеешь права так говорить со мной! — залившись краской, попыталась защититься она.

— Нет, я хорошо тебя изучил. Ты говоришь одно, а глаза тебя выдают, говоря совсем другое. Ты мечтаешь о мужчине, который вел бы себя с тобой более решительно, чем Дави, — и, не дав ей опомниться, сжал ее в своих объятиях, а затем страстно поцеловал в губы.

Оливия поначалу сопротивлялась его натиску, но в какой-то момент Витор почувствовал, как плечи ее обмякли, а губы сами раскрылись навстречу поцелую. Первый успех придал ему большую уверенность, и он страстно, почти грубо стал срывать с нее платье.

Это отрезвило Оливию. Резко оттолкнув Витора и отпрянув назад, она поспешно стала поправлять платье. А Витор, не давая ей перевести дух, заговорил горячо и взволнованно:

— Неужели ты хочешь свести меня с ума? Тебе нравится мучить мужчин, заставляя их стелиться у твоих ног? Ведь ты вся дрожишь, но не от страха, а от удовольствия! Ты ищешь любви, и любви дикой, грубой, такой, чтобы тебя наизнанку выворачивало от наслаждения! Не упрямясь, иди ко мне.

Слушая его, Оливия чувствовала, что каждое произнесенное им слово отзывается в ее теле судорожной вибрацией — непривычно новой, пугающей, но в то же время захватывающей, властно подчиняющей волю и рассудок...

Витор, хорошо понимавший ее состояние, выждал, пока волнение плоти пересилит в ней здравомыслие, и вновь обрушился на бедную неопытную Оливию с градом поцелуев.

Чем бы все это кончилось, неизвестно, если бы в комнату не вошла Изабел.

— Я принесла вам фрукты, — пропела она елеиным голоском, но, увидев смущение дочери, сделала понимающее лицо и поспешила удалиться: дескать, не буду мешать влюбленным.

— Господи, я, наверное, сошла с ума! — казнила себя Оливия.

— Нет, тебе понравилось! — беспощадно добивал ее Витор.

— Я не знаю, что со мной случилось, — продолжала она ругать себя.

— А я — знаю! Произошло то, что давно уже должно было произойти.

— Ничего ты не знаешь! — злясь на него, но прежде всего на себя, решительно заговорила Оливия. — В тебе сочетается все то, что мне неприятно. Ты — просто живое воплощение того мужского типа, который всегда вызывал во мне отвращение. Если есть на свете человек, с кем бы я не хотела иметь ничего общего, — так это ты!

— Невероятно! — насмешливо произнес Витор. — Мне еще никто не говорил такого после поцелуев. Но я не против, меня это возбуждает.

— Ты циник! Господи, какой же ты наглый, деспотичный, лживый!..

— И поэтому ты в меня влюбилась? — расхохотался он.

— Нет, просто я на минуту расслабилась. Но впредь ничего подобного не повторится.

— Перестань врать самой себе. Ты же страстная женщина. Ты вся дрожишь, когда я к тебе прикасаюсь, — и он вновь попытался ее обнять, но на сей раз Оливия проявила твердость, грубо оттолкнув его.

— Ладно, не буду настаивать, — отступил он. — На первый раз и этого достаточно. Прощай, моя любимая! До завтра!

* * *

После столь успешно проведенного вечера Витору особенно приятно было вызвать к себе Дави и увидеть, как этот неудачник преданно ему служит.

— Хочу услышать твое мнение об одной заметке, которую тебе надлежит разослать во все ведущие издания. Слушай. «Совет директоров судостроительной компании «Наве» извещает всех заинтересованных лиц, что распространяемые с недавнего времени слухи о якобы серьезных финансовых осложнениях, поставивших «Наве» на грань банкротства, лишены всяких оснований. Наша компания — одна из тех, кто из года в год имеет прирост по основным экономическим показателям. Положение

«Наве» и теперь прочно и стабильно». Ну как?

— Я ничего не понял. Какие слухи о банкротстве? До сих пор мне о них не было известно.

— Ага, значит, теперь стало известно? — захолопал в ладоши Витор. — Именно на этот эффект я и рассчитывал! Сам факт опровержения заставит акционеров подумать, что дыма без огня не бывает. У них начнутся сомнения, и акции упадут в цене.

— Понятно. Только тебе-то зачем это нужно?

— Сейчас поймешь. Итак, котировки упадут, и сорок девять процентов держателей акций захотят срочно от них избавиться.

— Да, но кто захочет покупать акции убыточной компании? — резонно заметил Дави.

— Ты! — огорошил его Витор.

— У меня нет денег даже на самый малый пакет...

— Зато у меня есть, — не дал ему договорить Витор. — Ты купишь их по минимальной цене на свое имя, а потом передашь весь пакет мне.

— То есть ты хочешь использовать меня как подставное лицо? — возмущенно спросил Дави.

— А разве не ты говорил, что я могу во всем на тебя рассчитывать?

— Да, но я не предполагал, какую аферу ты затеваешь.

— Афера — неточное слово, — поправил его Витор. — Более уместно здесь говорить о стратегии. Я уберегу фирму от аферистки, которая прибрала к рукам деда, а ты сможешь неплохо заработать: те деньги, что я тебе выдам на покупку акций, вскоре многократно увеличатся, когда выяснится, что это лишь стратегический ход. Котировки опять вырастут, и часть прибыли я обещаю уплатить тебе.

Дави попросил на размышление полчаса, а затем, стиснув зубы, вошел в кабинет к Витору и дал свое согласие.

* * *

Элена, которую Дави попросил без лишней огласки отпечатать опровержение и разослать в различные издания, была немало озадачена такой просьбой: конфиденциальность просьбы не согласовывалась с публикацией во всех газетах. Посоветовавшись с Сузаной и заручившись ее поддержкой, Элена показала опровержение Бонфиню, а тот, не желая подвести девушек, решил не задавать никаких вопросов Дави, а сразу же стал звонить Гаспару. Однако и на сей раз ему сказали, что сеньора нет

дома. Бонфинь расстроился, и его огорчение было бы еще большим, если бы он узнал, что Гаспар попросту велел всем домашним так отвечать на любые звонки, касающиеся его: не хотел думать ни о чем, кроме предстоящей свадьбы.

Видя странную озабоченность Бонфиня, Дави решил на всякий случай предупредить Витора, что Бонфинь о чем-то догадывается. Витор поблагодарил его и пообещал взять ситуацию под контроль.

— Я позабочусь о том, чтобы Бонфинь не смог поговорить с дедом, пока тот не уедет в свадебное путешествие. Отныне сеньор Гаспар будет находиться под моим постоянным присмотром.

Однако это не помешало Витору оставить деда без внимания на время свидания с Асусеной. Как всегда в последние дни, они встречались в дюнах и там предавались любовным ласкам. В отличие от того, первого раза Витор теперь был необычайно нежен с Асусеной, и она чувствовала себя самой счастливой девушкой на свете.

— Мы непременно будем вместе, — говорил он ей. — Навсегда вместе. И твои родственники поймут, что я не проходимец и не бандит. Они еще увидят, как я тебя люблю!

* * *

А Бонфинь между тем названивал Гаспару до позднего вечера, но ответ получал все тот же: нет дома. Когда же трубку взял Витор и попросил не беспокоить жениха перед свадьбой, Бонфинь окончательно убедился в существовании сговора между Витором и Дави.

Зато ничего не подозревающий Гаспар поблагодарил внука за понимание и поддержку.

На свадьбу семейство Бонфиня отправилось в полном составе, включая и Адреалину. Гостей там оказалось немного, но атмосфера была волнующей, праздничной, и исходила она конечно же от жениха и невесты, которые выглядели настолько счастливыми, что ни у кого на сей счет не могло возникнуть даже малейших сомнений. Может быть, поэтому здравицы, произносимые в честь новобрачных, звучали с особенной теплотой и проникновенностью.

Витор тоже произнес трогательную речь, сорвав аплодисменты гостей и новобрачных, и лишь два человека — Бонфинь и Дави — ему не аплодировали. Заметив это, Витор с вызовом посмотрел на Дави — дескать, напрасно ты не разделяешь моего цинизма: мы теперь с тобой в одной

упряжке. Затем он демонстративно, получая удовольствие от того, что уязвляет Дави, подошел к Оливии.

— Ты сегодня невероятно красивая! В тебе явно произошла какая-то перемена. В лучшую, разумеется, сторону.

На лице Оливии проступил стыдливый румянец, а глаза озарились светом беззастенчивой радости.

Чтобы не видеть этого, Дави отошел в сторону. Позже, однако, когда празднество было в самом разгаре, он не удержался и сказал Оливии, что у нее сегодня какой-то особенный взгляд.

— Это на меня так подействовала Свадьба, — ответила она. — Видимо, я — романтическая дурочка.

— Жаль, что я этого не понимал раньше. Надо было похитить тебя и увезти куда-нибудь в пустыню или в горы верхом на коне.

— Можно вас прервать? — бесцеремонно вмешался Витор. — Чтобы увлечь женщину, не обязательно тащить ее в оазис. Иногда бывает достаточно взгляда, прикосновения — лить бы в подходящий момент. Оливия, можно тебя на минутку? — и, не дождавшись согласия, он взял ее под руку и повел вдоль аллеи.

Несколько шагов Оливия сделала как под гипнозом, а затем очнулась и попыталась вернуться к гостям. Витор же крепко удерживал ее за руку.

— Отпусти! Слышишь? Убери руку! — потребовала она, и неожиданно получила поддержку со стороны Франшику.

— Оставь девушку в покое, — сказал тот. — Ты, похоже, азартный игрок, и тебе все равно с кем играть.

— Исчезни, — процедил сквозь зубы Витор. — Мне не хочется портить праздник.

— А ты держись подальше от Асусены!

Пока они обменивались угрозами, Оливия успела уйти в круг гостей.

— Ты никогда не думала, что мы могли бы породниться? — сказала Изабел Летисии, которая выглядела на этом празднике одинокой и держалась чуть отстранено. — Наши дети — как два голубка.

В ответ Летисия рассеянно кивнула, так и не поняв, о чем ей говорила Изабел.

Франсуа, старавшийся не быть слишком назойливым, все же держался вблизи Летисии, чем доставлял огромную неприятность Аманде.

— Изабел, мне кажется, тебя разыскивает Бонфинь, — соврал он, чтобы избавиться от нее Летисию.

— Спасибо, — оценила его поступок Летисия, — Изабел тараторила что-то, а я не расположена сегодня к беседам.

— Прости. Я тоже не буду тебя беспокоить, — поспешил удалиться Франсуа.

— Нет, ты меня неверно понял. В твоём обществе я чувствую себя спокойно.

Изабел пошла искать Бонфиня, но тот был занят разговором с Гаспаром. Правда, разговор у них вышел совсем не тот, на который рассчитывал Бонфинь. Гаспар не хотел ничего слышать о делах фирмы. Тогда отчаявшийся Бонфинь прямо заявил, что Витор совершил подлость, чреватую большим скандалом, а то и крахом всей фирмы.

В тот же момент к ним подошел Витор, все время не спускавший глаз с Бонфиня, и попытался увести деда:

— Тебя ждет Эстела! Она послала меня за тобой.

Расчет его оказался точным: имя возлюбленной подействовало на Гаспара магически.

— Сейчас пойдем. Но прежде я скажу несколько слов моему старому другу, — отойдя с Бонфином на пару шагов, он раздраженно бросил ему: — Ты не в первый раз пытаешься поссорить меня с внуком. Это печально. Не ожидал от тебя такого.

Он решительно направился прочь, и довольный Витор, положив руку ему на плечо, весело крикнул Эстеле, а заодно и Бонфиню:

— Я веду его! И обещаю, что сегодня он больше не будет отвлекаться на дела.

Бонфинь, понуриив голову, побрел к машине и, не сказав никому ни слова, уехал домой.

Глава 8

После отъезда Бонфиня Витор, наконец, вздохнул свободно: дед уедет в путешествие сразу после свадьбы, а завтра уже выйдут газеты с опровержением, тут как раз Изабел обнаружила, что муж бежал со свадьбы, бросив ее тут с детьми, и Витор любезно предложил свою машину.

— Не стоит волноваться. Доктор Бонфинь поручил мне отвезти вас домой. Так что можете веселиться.

Дави, услышав такое циничное заявление, тоже поспешил покинуть празднество, но поехал он не домой, а в поселок к родителям.

Там ему несказанно обрадовались, Эстер сразу же бросилась на кухню — готовить для сына его любимые кушанья. А Дави, чего за ним не водилось прежде, с неподдельным интересом стал расспрашивать отца и Далилу о местных новостях.

Самюэль говорил мало, зато Далила, наоборот, выложила брату все, чем жила в последнее время:

— Ты знаешь, что мы теперь продаем наши украшения из ракушек в баре у донны Мануэлы? Точнее, она сама их продает за небольшой процент, а мы только делаем бусы и ей относим. Вот так! Это все благодаря донне Серене. Она молодец. Не пала духом без мужа. Дон Рамиру ведь теперь живет отдельно. Построил себе хижину в дюнах. Папа и другие рыбаки ему помогали строить. А Кассиану все возится с лодкой. Сейчас она ему особенно нужна.

— Не только ему, но, как я полагаю, и тебе, — заметил Дави. — Ты по-прежнему собираешься за него замуж?

— О, она тут недавно устроила Кассиану такой скандал, — с улыбкой сообщил Самюэль. — Приревновала его к Питайте, дочери Мануэлы.

— Папа, не надо об этом, — вспыхнула Далила. — Да, я люблю Кассиану и не позволю, чтобы Питанга крутилась возле него.

— Значит, твои метания между городом и деревней кончились? — спросил Дави.

— Нет, я все еще надеюсь найти разумное сочетание моих интересов. Например, сейчас усиленно учу английский, чтобы продавать наши бусы из ракушек в городе.

— Что ж, это замечательно! — порадовался за сестру Дави. — Только одна ты не сможешь выучить язык как следует. Тебе надо пойти на хорошие курсы, а я оплачу твоё обучение.

Далила тотчас же расцеловала его, сказав, что это — самый лучший подарок, который она когда либо получала в своей жизни.

— Только с Кассиану опять будут проблемы, — сказала она с грустью.

— А ты поставь его перед фактом, — посоветовал Дави. — Сперва выучи язык, а потом скажи об этом Кассиану. Что ты улыбаешься, отец? Не разделяешь моей точки зрения?

— Нет, я просто радуюсь, глядя на вас.

— Он вообще в последние дни ходит как именинник, только нам не рассказывает, в чем причина, — пожаловалась брату Далила. — Какая-то у него тайна появилась. Мама всерьез обижается, но он говорит, что скоро мы все сами узнаем.

— Отец, что там у тебя произошло? — спросил заинтригованный Дави. — Ну-ка выкладывай.

— Нет, сынок. Пока не могу. Прости, но и тебе придется потерпеть. Я боюсь спугнуть удачу.

* * *

Удача, о которой говорил Самюэль, не заставила себя долго ждать: буквально на следующий день пришел ответ от Марии Соледад. Правда, тут не обошлось без курьеза, поскольку письмо получила Мануэла и, увидев, что оно адресовано Самюэлю, а отправитель — женщина, возмутилась до глубины души.

— Я не позволю использовать мой бар для различных шашней, — заявила она Кливеру, пытавшемуся отобрать у нее конверт. — Сейчас сама отнесу письмо Самюэлю и положу конец этой переписке.

К несчастью, Самюэля дома не оказалось, а Эстер встретила гостью весьма неприветливо: дескать, та совсем обнаглела, бегаёт в дом к женатому мужчине. Мануэла вынуждена была защищаться и в доказательство своей невиновности предъявила письмо от столичной незнакомки, адресованное Самюэлю. Эстер потребовала отдать ей письмо, но Мануэла отрезала, что отдаст его адресату и скажет, чтобы он больше не впутывал ее в свои сомнительные делишки.

Самюэля она нашла на причале, но высказать заготовленную тираду не успела: выхватив письмо из ее рук, ошалелый от счастья рыбак тотчас же сел в «джип» и умчался в сторону Форталезы.

Письмо они вскрыли вдвоем с Франшику. Мария Соледад сообщала, что она, действительно, плыла на том паруснике, потерпевшем крушение, что ее спасли добрые люди и что все эти годы она безуспешно ищет сына. «Буду благодарна вам за любые сведения о моем мальчике» — так заканчивалось то письмо.

— Я немедленно пошлю ей телеграмму! — сказал Самюэль, а Франшику промолчал, потому что у него уже созрел другой план.

Проводив Самюэля, он написал Франсуа записку, что улетает на несколько дней в Рио, и тотчас же поехал в аэропорт.

В Рио его, однако, ждало разочарование: от консьержа он узнал, что Мария Соледад только что уехала на автовокзал и будет отсутствовать примерно неделю.

— Как она выглядит? — спросил Франшику, но консьерж не мог назвать каких-либо особых примет.

Франшику бросился на автовокзал, надеясь узнать мать с помощью интуиции, однако, столкнувшись с ней лицом к лицу, прошел мимо. Интуиция подвела не только его, но и Марию Соледад, не почувствовавшую, что рядом с ней — сын. Она вся была устремлена в тот рыбацкий поселок, откуда пришла телеграмма, и даже предположить не могла, что ее дорогой мальчик находится здесь, в Рио.

Разминувшись, таким образом, с матерью, Франшику вылетел обратно.

Дома его встретил разгневанный Франсуа, которому пришлось взвалить на себя все дела по строительству аквапарка.

— Не ожидал от тебя такой безответственности! — сердился Франсуа.

Франшику же, не сказав ничего в свое оправдание, оставил дорожную сумку и поехал к Самюэлю — единственному человеку, которому можно было излить душу, полную печали и нетерпения.

— Я уверен, что она поехала в Форталезу, — говорил он Самюэлю. — Но автобусом ей придется добираться сюда слишком долго. Не знаю, как я смогу пережить эти дни.

Чтобы немного отвлечься, печальный Франшику не смог отказать себе в удовольствии хоть краем глаза взглянуть на Асусену. Она сидела в ряду Других девушек, нанизывающих ракушки на леску, но Франшику казалось, что все ее подруги меркнут рядом с ней и только она одна выделяется среди них, как сказочная принцесса.

— Зашел узнать, как тут поживает мой приятель, — сказал он,

взглядом указывая на медвежонка.

— Его зовут Франшишка! — сообщила Далила, отчего Асусена смущенно опустила глаза.

Девушки наперебой стали показывать гостю свои изделия, и Франшику, высоко оценив их, сказал, что в своем аквапарке предусмотрит специальную палатку для продажи этих украшений. В ответ на него посыпались горячие слова благодарности, и даже Асусена смотрела с теплотой и сердечностью.

Перехватив на себе такой ее взгляд, Франшику понял, что теперь у него хватит сил спокойно пережить те дни, пока мать — его неведомая, но уже горячо любимая мама — будет находиться в дороге.

* * *

Вечером после свадьбы деда в комнату к Летисии вошел Витор.

— Я хотел спросить, не случилось ли у тебя чего? На свадьбе ты выглядела очень печальной.

— Это не печаль, а мое горькое одиночество. Оно не оставляет меня никогда, будто я ношу траур по своей загубленной жизни.

— Не говори так, мама! — в голосе Витора прорвались пронзительные нотки любви и боли. — Я всегда буду рядом с тобой! Обещаю. Я поклялся в этом у гроба отца.

— Поклялся, что не позволишь ни одному мужчине приблизиться ко мне? — спросила Летисия, но Витор словно и не заметил ее реплики, продолжая пребывать в странном, болезненном возбуждении:

— Он слишком сильно тебя любил! Никто другой не сможет так любить тебя, как отец! Жаль, что ты не хочешь этого понять. Но я не устану внушать тебе эту мысль!

Обернувшись на сына и увидев в его глазах маниакальный блеск, какой бывает у одержимых, Летисия в испуге отпрянула.

— Витор, ты должен избавиться от своей ошибочной идеи. А я должна объяснить тебе, что между мной и твоим отцом никогда не было любви. В последнее время мы уже едва выносили друг друга.

— Ты ничего не поняла! — с горячностью произнес он. — Моя задача — защищать тебя, уберечь от проходимцев. Если бы я не заботился о тебе, ты бы давно уже вышла замуж за Франсуа или за рыбака! Если бы в тот день я не зашел к тебе в кабинет и не забрал у Сузаны записку...

— Записку? — встрепелась Летисия. — Так это твоих рук дело? Из-

за тебя я не получила ее?

— Да. Я порвал ее! — гордо заявил Витор. — И не только это сделаю. Я готов не все, лишь бы спустить тебя с облаков на землю.

— Нет, ты готов на все, лишь бы видеть, как я страдаю, — заговорила Летисия окрепшим от возмущения голосом. — Потому что тебе на меня наплевать. А то, что тебя действительно заботит, уже давно не существует. Твой отец умер, и его не воскресить. Ты остановился во времени, Витор! Живешь прошлым. Ты болен. Да, болен!

Она смотрела ему прямо в глаза, и под этим взглядом Витор постепенно сжимался, съеживался, а затем, обхватив голову руками, исторг из себя страшный, дикий звук, похожий на вой.

— Открой глаза, Витор, — продолжала между тем Летисия. — К сожалению, не я скатилась с лестницы. Так уж вышло, что я осталась живой. Посмотри на меня: я, твоя мать, — жива! И, как всякая женщина, нуждаюсь в любви и надежном мужчине, который был бы со мной рядом.

— Замолчи! — истошно завопил он. — Ты говоришь, как уличная девка! Надежный мужчина — рядом с тобой. Это я! Неужели ты не понимаешь?

Он ухватил Летисию за плечи и стал яростно трясти ее.

— Оставь меня! Дай мне жить! — она резко оттолкнула его.

Витор, обессилев от недавнего приступа ярости, теперь неуклюже сидел на краешке кресла — жалкий, со слезами на глазах.

— Я люблю тебя, — бормотал он сквозь всхлипывания. — Очень люблю. Так же сильно, как любил отца. А может, и сильнее. Просто я всегда был сдержан с тобой...

Летисия почувствовала острую жалость к этому несчастному, заблудшему ребенку. Разом забыв все обиды, она протянула руку, чтобы погладить его по голове, но в тот же момент Витором опять овладел бес.

— Если ты позволишь помочь тебе, то я готов забыть, что ты сделала с отцом. Мы будем счастливы, мы пойдем друг друга, — ослабившись в жутковатой ухмылке, он резко встал с кресла и опять что есть мочи стал трясти Летисию.

Она не на шутку испугалась:

— Отпусти! Ты хочешь убить меня! Ради всего святого, дай мне жить!..

Высвободившись из его цепких рук, Летисия, не соображая, что делает, выбежала на улицу и устремилась прочь из дому.

Рамиру одиноко сидел у своей недавно сколоченной хижины, рассеянно глядя вдаль, и в предвечерних сумерках ему привиделся мираж: Летисия! Она брела по дюнам, казалось, из последних сил. Рамиру резко встряхнул головой, но видение не исчезло. Все еще не веря в реальность происходящего, он поднялся и пошел навстречу своей возлюбленной.

Припав к его груди, Летисия обессиленно выдохнула:

— Не прогоняй меня... Позволь остаться с тобой...

...Проснувшись в хижине и вспомнив, что с ней произошло накануне, она улыбнулась Рамиру.

— Я долго спала?

— В этих местах никто не смотрит на часы. Здесь ни к чему знать точное время, — ответил он. — Или день, или ночь. Сейчас, например, настало время завтрака. Рыба, приготовленная на углях, подойдет?

Весь день они не могли оторваться друг от друга, а на следующий Рамиру съездил в город и привез оттуда ворох платьев. Правда, ни одно из них Летисии не подошло по размеру, не говоря уже о том, что все они были не в ее стиле.

— Не расстраивайся, — сказала она. — Мне очень нравится вот эта белая ткань. Я сошью из нее платье!

— Это же холстина для гамака, — пояснил изумленный Рамиру.

— Как раз то, что нужно! Я буду чувствовать себя удобно в таком платье. У тебя найдутся иголка и нитки?

— Да, это у меня есть.

Новое платье было сшито и надето для показа Рамиру, когда к хижине подкатил Кассиану. Войдя в дом и увидев там Летисию, он смутился и тотчас же повернул назад. Но Рамиру остановил его.

— Прости, отец, я же не знал, что ты не один, — оправдывался Кассиану. — Заехал вот... Мама послала узнать, как ты тут, не нужно ли чего. Но теперь я и сам вижу, что ты в порядке.

— Это даже к лучшему, — сказал Рамиру Летисии, когда сын уехал. — Пусть и Серена, и Асусена узнают, что ты здесь.

Затем он, с пристрастием оглядев ее новый наряд, решительно разорвал тот, в котором Летисия пришла. На ее испуганный возглас он ответил:

— рукавом я свяжу вот эти ветки, и у нас появится веник. А из остатков твоего роскошного платья можно сделать салфетки. Возможно, я

поступил как варвар, но мне хотелось, чтобы ты тоже понимала: обратной дороги у нас нет.

* * *

Первой исчезновение Летисии заметила Нейде и забила тревогу: надо звонить в больницы, в полицию. Аманда бросилась к телефону, однако Витор уверенно заявил, что этого делать не следует.

— Ты знаешь, где мама? — догадалась Аманда.

— Не знаю. Но мне кажется, она уже совершеннолетняя. Если наша мамочка не пришла ночевать домой и ничего нам не объяснила, то можно не сомневаться, что сейчас она кое с кем занимается кое-чем. Лично я не буду из-за этого проливать слезы и вам не советую.

— Но с ней могло случиться несчастье, — твердила свое Нейде. — Авария какая-нибудь.

— Ничего такого с ней не случилось, — твердо произнес Витор. — Я знаю, в каком месте можно ее найти, но не вижу необходимости этого делать.

* * *

Бонфинь уехал со свадьбы, рассчитывая в одиночестве обдумать все, в том числе и сказанное Гаспаром. Может быть, Бонфинь действительно преувеличивает опасность? Может, его подвела интуиция? Но и тайная подготовка опровержения, и последующая бдительность Витора, стремившегося любыми средствами помешать деду выслушать Бонфиня, говорили об обратном.

А утром, когда в газетах появилось то злосчастное опровержение, Бонфинь и вовсе перестал сомневаться в своей правоте.

— Кто распорядился это опубликовать? — спросил он у Дави, испепеляя его взглядом.

— Вы успокойтесь, — только и мог сказал Дави. — Публикация была санкционирована Витором.

— Ты... ты... — задыхаясь от возмущения, начал Бонфинь, ворвавшись в кабинет к Витору, — ты знаешь, что это означает? Что мы подтвердили то, чего не было на самом деле.

— Как это не было? — изобразил искреннее удивление Витор. — Если

вы не слышали, что фирма испытывает серьезные трудности, что мы уже на грани банкротства, то это ваши проблемы. А вот Дави меня уверял, что такие слухи существуют.

— И ты, основываясь на информации одного человека, посчитал возможным подлить масла в огонь? Ничего не проверив, ни в чем не убедившись?

— Я всегда считал, что Дави можно доверять, — беззастенчиво топил друга Витор.

— Это чудовищная безответственность! — взволнованно продолжал Бонфинь. — Тебе известно, какими будут последствия? Акции «Наве» резко упадут в цене, все захотят от них избавиться, пусть по минимальной стоимости. Да у нас просто не хватит денег, чтобы расплатиться со всеми сразу! И это будет конец фирмы, которую Гаспар создавал с таким трудом!..

Выпалив на одном дыхании эту тираду, он неловко пошатнулся и, цепляясь руками за воздух, стал тяжело оседать на пол.

Витору пришлось срочно вызывать Оливию, но до ее прихода Сузана дала Бонфиню нитроглицерин, и тому стало заметно лучше. А придя в чувство окончательно, он гневно бросил Витору:

— Я сразу понял, что именно вы затеваете с Дави. И пытался предупредить об этом Гаспара. Хотел не допустить публикации. Но он не стал меня слушать.

— Что? — с наигранным возмущением воскликнул Витор. — Вы пытались настроить деда против меня, его внука?! Это подло с вашей стороны! И пока я хозяин этой фирмы, а вы — мой подчиненный...

Он не успел произнести вслух свою угрозу, поскольку Бонфинь резко оборвал его:

— Нет, я больше не твой подчиненный! Я не намерен наблюдать за тем, как по вашей злой воле фирма пойдет ко дну. Так что тебе, Витор, осталось только подписать мое заявление об увольнении. Я избавлю тебя от моего присутствия.

Сказав это, он покинул кабинет и оказался в приемной, где Сузана и Дави стали уговаривать его не торопиться с увольнением. Но он решительно написал заявление, с укоризной бросив Дави:

— Если бы тебя действительно, как ты говоришь, волновала судьба фирмы, то ты мог бы посоветоваться со мной, а не поддерживать подлую авантюру Витора.

Оливия пришла, когда отца уже не было в приемной. Витор всем своим видом старался показать ей, что весьма сожалеет о случившемся.

— Понимаешь, все дело в документе, который составил Дави, а я

подписал. Черт его знает, может, твой отец и прав: не следовало мне так уж полагаться на Дави.

— А что это за документ? — спросила Оливия.

— Это не важно. Главное, ты постарайся убедить отца, чтобы он не увольнялся. Возможно, ему следует взять отпуск, подлечиться. Он очень напряжен, буквально на грани срыва. Нельзя столько работать и не отдыхать. Если бы ты его видела сегодня — сплошной комок нервов.

— Отец все принимает слишком близко к сердцу, — согласилась Оливия.

— Поэтому давай поступим так: ты уговоришь его вместо увольнения уйти в отпуск и обязательно отведешь этого упрямца к опытному кардиологу. Договорились?

— Да, Витор.

— Спасибо. Ты сняла камень с моей души.

Глава 9

Свадьба и отъезд Гаспара Веласкеса в свадебное путешествие послужили как бы сигналом, и одно за другим стали разворачиваться весьма значительные события.

Главным из них было исчезновение сеньоры Летисии. Она уехала со свадьбы одной из первых, как выяснила Аманда, но домой не вернулась. Аманда изнывала от беспокойства и не знала, куда же ей обратиться. Сначала она хотела немедленно позвонить деду, но очень скоро сообразила, что взволновать она его взволнует, но ничего не узнает о матери. И тогда она решила позвонить сеньоре Изабел: вот уж кто был в курсе всех событий в Форталезе!

Нейде отговаривала Аманду, она терпеть не могла эту завязтую сплетницу! Но Аманда ее и слушать не стала. Деятельная по натуре, она не могла оставаться в бездействии.

Изабел, услышав об исчезновении Летисии, пришла в восторг — вот это сенсация! У нее как раз сидел Фред. Естественно, что Аманде ей сказать было нечего, но зато Фреду!..

— Репортаж! Фильм! Целый сериал для телевидения, — трещала Изабел. — Летисия Веласкес испарилась! Представляешь? Берись немедленно за перо и пиши!

— Ты вечно все путаешь, Изабел, — меланхолично отвечал ей Фред. — Куда это она могла исчезнуть? Но если звонила ее дочь, если домашние обеспокоены, значит, сейчас совсем не время распускать слухи, — благоразумно прибавил он.

— А чего они, спрашивается, волнуются? — демонически рассмеялась Изабел. — Они бы не волновались, если бы знали человеческую натуру так, как знаю ее я! Все проще простого: могущественная, сказочная, потрясающая, шикарная Летисия Веласкес воспользовалась отсутствием совершающего свадебное путешествие отца и бросилась в объятия столь же потрясающего, красивого, необыкновенного и галантного архитектора и художника Франсуа Виейры да Силва!

Аманде независимо от Изабел пришла в голову мысль отправиться к Франсуа. Ей вдруг показалось, что именно у него в доме она отыщет Летисию. Она была в этом просто уверена и удивлялась, как это раньше не сообразила.

Франсуа, открыв дверь и увидев на пороге Аманду, которая смотрела

на него расширенными от волнения глазами, молча пропустил ее в дом и ждал, что она ему скажет.

— Где моя мать, Франсуа? — спросила Аманда.

Видя, что брови Франсуа недоуменно поднимаются, Аманда поторопилась прервать спектакль, которым ее собирались попотчевать.

— Я здесь совсем не для того, чтобы мешать вашему роману. Я знаю, что ты прекрасный актер, но я успела обегать всю Форталезу. Не была разве только в полиции и в больнице! Я очень беспокоюсь и хочу просто повидать свою маму, а там... я оставлю вас в покое!

— Поверь, Аманда, я был бы рад, если бы твоя мама была у меня, но ее здесь нет. Сядь! Сейчас я приготовлю тебе чудесный чай из страстоцвета, он удивительно действует на нервы. Мы попьем чайку и поговорим.

Франсуа усадил Аманду и уже хлопотал у плиты. Теперь Аманда ему поверила, она видела, что он говорил ей правду.

— Но где она может быть, Франсуа? — стала тоскливо размышлять Аманда. — Такого же никогда еще не было! Что могло с ней случиться?

— А тебе не кажется, Аманда, что твоей маме давно пора подумать и о себе тоже? — осторожно спросил Франсуа, снимая с плиты чайник. — Может быть, свадьба Гаспара пробудила и в ней надежду на счастье. Ведь она очень долго жила только вами, и вполне возможно, теперь находится с человеком, который заботится о ней и с которым ей хорошо, — с этими словами Франсуа поставил перед Амандой чашку с золотистым душистым чаем.

Аманда взяла чашку в руки, подула, отпила и сказала, глядя на Франсуа:

— Ты говоришь так, будто знаешь, что у мамы есть другой мужчина. И при этом совсем не злишься, не нервничаешь, не волнуешься. Да ты просто какой-то феномен, Франсуа! Спасибо за поддержку! Наверное, чай в самом деле целебный, мне стало гораздо легче, так что я, пожалуй, пойду домой.

— Конечно, иди, — одобрил решение Аманды Франсуа. — Я не сомневаюсь, что Летисия уже дома или позвонит тебе, когда ты придешь. И всегда помни, что я твой друг и ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

Но дома Летисии еще не было, и Аманде ничего другого не оставалось, как опять ждать и ждать.

Зато Витор чувствовал себя почти что счастливым из-за исчезновения Летисии. Его мало заботила ее судьба. Он не простил матери смерти отца, считал ее во всем виноватой и всегда страшно злился, понимая, насколько

зависит от нее во всех вопросах. Своим исчезновением Летисия развязала ему руки.

— Донна Летисия испарилась, дед занят своей очаровательной вертихвосткой, новое поколение начинает заправлять на фирме! — объявил он Дави.

Дави был потрясен тем, что Бонфинь подал заявление об уходе.

— Нельзя допустить, чтобы он ушел, Витор! — горячо говорил Дави. — Искать новое место работы в его-то возрасте! Разве может фирма оставить его без средств к существованию? Он же столько лет на вас работал! Задержи заявление. Я уверен, Бонфинь немного поостынет, опомнится и вернется.

— Брось, Дави, петь мне жалкие песни про голодного Бонфиня, — Витор со снисходительной усмешкой смотрел на друга. — Работая у деда, он нажил целое состояние. Пусть теперь отдыхает. На фирме начинается новая эра! Нам не нужны старики!

Витор вызвал Сузану и распорядился немедленно дать ход заявлению Бонфиня. Сузана не ожидала от шефа такой расторопности. Похоже, у них в фирме действительно начиналась новая эра.

* * *

Бонфинь дрожащими руками перекладывал кое-какие вещицы со своего письменного стола в кейс, когда к нему заглянула Оливия. Увидев, как взвинчен отец, она тут же повела его к себе в кабинет, собираясь померить давление и дать таблетку успокоительного.

Витор очень просил ее уговорить Бонфиня остаться. Оливию, с одной стороны, растрогало отношение Витора к ее отцу, он наговорил о нем много теплых слов, но с другой — там были и другие нюансы. По словам Витора, в фирме готовились большие перемены, и Бонфинь повел себя весьма странно, он первым спрыгнул с корабля, не помогая ему, а топя. Оливию огорчила эта оценка, она знала крайнюю добросовестность и честность Бонфиня во всем, что касалось дела. Поэтому ей и в самом деле очень хотелось уговорить отца забрать заявление. Ей и в голову не приходило, что Витор ведет двойную игру.

Давление у Бонфиня оказалось прекрасным. На здоровье Бонфиню, слава Богу, жаловаться не приходилось.

— Может, ты еще передумашь, отец? — осторожно спросила Оливия, с облегчением убирая прибор для измерения давления. — Или это из-за

Витора и ты не хочешь с ним работать?

— Нет, я не передумаю, дочка. Что касается Витора, то вопрос этот не так прост. Он принял неверное решение, а вот уволил меня практически Гаспар. И это обидно. Ведь я ему помогал строить эту империю, а теперь только попытался предостеречь от ошибок. Он еще не понял, что натворил, отстранившись от дел. Изабел права: вся моя преданность, добросовестность гроша ломаного не стоят... Единственное, что меня сейчас волнует, — как я скажу Изабел, что стал безработным... Ты представляешь, что меня ждет?

На лице Бонфиня изобразилось страдание, он уже предчувствовал истерику, которую закатит ему жена.

— Ну покричит немного, потом успокоится, — философски заметила Оливия. — В первый раз, что ли? Но сначала поговорю с ней я. Подготовлю почву. А пока почему бы нам не пообедать вместе?

Потом можем по городу прокатиться. Заедем в какой-нибудь бар, посидим. Как врач я тебе позволяю немножко гульнуть, — продолжала Оливия, — ты слегка расслабишься, и разговор с сеньорой Изабел не будет тебе казаться таким страшным.

Глаза Оливии смеялись, и Бонфинь благодарно улыбнулся дочери.

— Хоть я и безработный, — сказал он, — но заплатить за обед с хорошенькой девушкой пока в состоянии.

* * *

Ни Оливия, ни Бонфинь не подозревали, что у Изабел возникли свои непредвиденные осложнения. Едва она успела проводить Фреда, как Жанаина доложила, что внизу ее спрашивает какая-то женщина. Изабел распорядилась проводить эту женщину к ней наверх, потому что как раз раздался телефонный звонок. Жанаина привела ее. И кого же увидела Изабел? Илду, свою кузину!

— Что ты делаешь в моем доме? Кто тебе позволил приходить ко мне? — со свойственной ей импульсивностью накинулась на гостью Изабел.

Она не видела кузину уже много лет и не собиралась ее видеть никогда в жизни! Утвердившись в Форталезе в качестве донны из высшего света, Изабел покончила со своим прошлым раз и навсегда! И вот нате вам! Прошлое тут как тут!

— Тебе, однако, повезло, Красотка! — нимало не смущаясь горячей

родственной встречей, заговорила Илда. Уж кто-кто, а она прекрасно знала темперамент Изабел, но и ее отходчивое сердце тоже. — Живешь ты шикарно, да и выглядишь неплохо. А видишь, как я постарела?

Илда в самом деле выглядела неважно, и, если бы речь шла не о престиже, Изабел, пожалуй, пожалела бы ее.

— Я пришла к тебе, Красотка, только потому, что оказалась в совершенно отчаянном положении. Два года назад я потеряла мужа.

— И думаешь найти его здесь? — съязвила Изабел.

— Он умер, — серьезно ответила Илда, — а я осталась с пустыми руками. Пошла работать горничной, но никак не могу найти себе приличное место. Может, ты мне поможешь, у тебя, похоже, большие связи!

— Да как тебе в голову такое пришло? — разъярилась Изабел. — Как ты себе это представляешь? Я звоню своим приятельницам, благородным дамам, и спрашиваю: не найдется ли у вас места горничной для моей кухни? Что они обо мне подумают? Да ты без ножа меня зарезать хочешь! Сейчас же вон из моего дома, и чтобы о тебе больше ни слуху ни духу!

— Ты всегда была как кипятик, Красотка, — не отступалась от своего Илда. — Ты вспомни, что когда-то и ты сидела на мели и я, а не кто другой, нашла тебе место горничной у Бонфиней, там ты и познакомилась со своим будущим супругом, я тебе и платье бесплатно сшила для свадьбы.

— Не платье, а уродство! — попрекнула Изабел. — И не зови меня больше Красоткой. Что еще за фамильярности!

— Я ведь что подумала: поживу какое-то время у тебя, потом хорошее место найду, пристроюсь... На последние деньги билет купила! Ты только представь себе, на старости лет остаться без денег, без крова! — Илда заплакала.

Изабел уже было жаль ее, но она никак не могла придумать, как же ей с честью выйти из этого дурацкого положения.

— Понимаешь, в этом доме никто не знает о горничной Красотке. Бонфинь даже детям не рассказывал. И жестокая вовсе не я, а общество. Мне не простят моего прошлого. А если мне в жизни повезло, то я же в этом не виновата!

— Да никто ничего не узнает! — уговаривала кухню Илда. — Оставь меня у себя, а я оплачу кров и стол работой — дом у тебя будет сверкать, как стеклышко, обещаю!

Изабел начала было возражать: да разве можно нанимать в горничные собственную кухню? Ей уже мерещились разоблачительные заголовки: «Известная своей благотворительной деятельностью Изабел Бонфинь

облагодетельствовала и свою кухню тряпкой и шваброй, сделав прислугой в собственном доме...»

Но вдруг Изабел замолчала: ей в голову пришла счастливая мысль. Она достала из гардероба отлично сшитое строгое и скромное платье.

— Ну-ка примерь, — распорядилась она.

— Что это ты придумала? — спросила Илда, переодеваясь.

— Сейчас все знаешь. — пообещала Изабел.

* * *

Когда Бонфинь с Оливией вернулись домой, час был уже довольно поздний, и надо сказать, что Бонфинь был крепко навеселе, чего с ним не случалось уже давным-давно. Подвел его коктейль, который он все попивал для храбрости, готовясь сообщить своей дорогой супруге, что семья отныне по его вине будет терпеть лишения.

Встретила их заплаканная Жанаина, и с Бонфиня сразу слетела половина хмеля: неужели дурная весть уже донеслась до его дома и в нем уже воцарился траур?

— Может, мы лучше дадим Изабел телеграмму? — заплетающимся языком спросил он Оливию.

— Какую? — поинтересовалась Оливия. — Что ты просишь уволить тебя с поста ее мужа тоже? Объявляешь этокое всеобщее увольнение, да?

— Я уже чувствую, как меня распинают, — бормотал Бонфинь, — в голову вонзаются шипы тернового венца, в ладони — гвозди. Ты видишь, Жанаина уже плачет. О чем ты плачешь, Жанаина?

— Хозяйка взяла мне начальницу, — всхлипнула Жанаина, — немку Хильдегарду. Она теперь у нас в экономках...

Оливия и Бонфинь переглянулись — за время их отсутствия домашняя фирма существенно расширила штат, но, очевидно, придется произвести сокращения...

* * *

Чтобы Бонфинь не вернулся к ужину, такого еще не бывало, и встречать его вышли все: и Пессоа, и Адреалина, и конечно же грозная Изабел.

— Я тут истерзалась вся, — начала Изабел, упирая руки в бока, — а он

там пьет, да еще в компании собственной дочери! — удивленно прибавила она, переведя взгляд на Оливию.

— Я подал заявление об уходе, Изабел. Твой муж теперь безработный, — разом сжег все свои корабли Бонфинь и приготовился к буре.

— Это правда, Оливия, или он болтает спьяну? — попросила Изабел подтверждения у дочери, но лицо у нее уже начало наливаться краской.

— Правда, мама, — ответила Оливия. — Что с тобой, что? — стала спрашивать она у матери, видя, как та меняется в лице.

— Ну ты даешь, отец! — вступил в разговор Пессоа. — Наконец-то ты поступил как настоящий мужчина! Черт с ней, с этой поганой фирмой!

— Здорово! Мы организуем рок-ансамбль, — одобрила решение Бонфиня Адреалина, — будем играть на улицах. Вы, Бонфинь, будете ударником, у вас здорово получится. Мы с Пессоа будем играть на гитарах, а Оливия, если захочет, на контрабасе...

Лицо Изабел все краснело и краснело, но стояла она молча, и Оливия со все возрастающей тревогой посматривала на нее.

— Сейчас пройдет, мама, только не позволяй себе волноваться! Сейчас все пройдет, — повторяла она.

Изабел воздела руки к небу, домашние не без опасения уставились на нее.

— Господи! — громко провозгласила она. — Благодарю тебя! Наконец-то иго Веласкесов пало! Посмотрите на своего отца, дети, сегодня он освободился от рабства!

Растерянный, растроганный до слез, Бонфинь стоял в окружении своего семейства, которое искренне за него радовалось. Какие упреки! Огорчения! Слезы! Все были полны самых радужных проектов.

— Что бы ни случилось, я с тобой, — энергично заявила Изабел. — Я сделала кое-какие сбережения, мы поставим ларек и будем торговать сладостями. Начнем с нуля, как Гаспар, а потом у тебя будут свои верфи и ты будешь экспортировать лангустов.

— Наш рок-ансамбль будет привлекать покупателей, — пообещала Адреалина.

— Ты видишь, бонбончик, дети согласны, а ты? — осведомилась Изабел.

Наконец и Бонфинь собрался с силами, чтобы что-то ответить своим домашним. Все притихли, ожидая его ответа.

— Изабел! Ты лучшая жена, о которой только может мечтать мужчина, — тихо сказал счастливый Бонфинь.

В обеденный перерыв Витор отправился к школе повидать Асусену. Он чувствовал себя богом, который готовится сотворить небо и землю, и равных ему не было во всей Вселенной. С победной улыбкой смотрел он на хорошенькую, трогательную Асусену, которая на этот раз смотрела на него очень серьезно, почти страдальчески.

— Как хорошо, что ты приехал! — сказала она. — Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

— Тогда почему не садишься? — спросил Витор, он уже открыл дверцу, привыкнув, что Асусена вмиг оказывается рядом с ним. — Я, кажется, даже знаю, что ты скажешь: ты не ела, не спала, дожидаясь встречи со мной. Угадал?

— Нет, не это, Витор, дело в том... дело в том, что мой отец и твоя мать живут вместе...

Лицо Витора окаменело. Он всегда знал, что от этой женщины можно ждать только позора. Ну что ж, он и наступил. Тем лучше. Тем меньше у него оснований считаться с ней, принимать в расчет ее саму и ее мнение. Она, по существу, устранила себя из деловой сферы фирмы, дала ему лишний козырь в руки, и он был за это не в претензии. Но испытывал он к матери только брезгливость. Свидание, разумеется, можно было считать испорченным. Для Асусены это был явный удар. Как мог, он утешил и успокоил Асусену, а затем вернулся к себе в офис.

Вечером, как только он пришел домой, встревоженная Аманда стала просить его немедленно позвонить деду. Скрывать и дальше исчезновение матери не имело смысла. Дедушка должен что-то предпринять, пуститься на поиски...

Витор смотрел на тонкое благородное лицо сестры, которая взволнованно что-то ему говорила, но он особенно не вслушивался. Они уже вошли в столовую, где их ждал накрытый ужин, и Витор обводил взглядом эту роскошную просторную столовую с прозрачным стеклянным столом с изящной сервировкой... С детства они привыкли к холе, комфорту, уюту. Их мать всегда была изысканной светской женщиной, одетой в платья от лучших портных, элегантная, с безупречными манерами. Она была начитанна, слушала лучших музыкантов, объездила полсвета, а теперь...

— Не стоит, Аманда, никому звонить. Наша образцовая мать, которая нас растила, кормила, пела нам колыбельные и рассказывала сказки,

наконец перестала притворяться и показала свою истинную сущность.

Аманда пристально смотрела на брата, ожидая, что он скажет дальше, а Витор уверенно продолжал:

— У донны Летисии есть любовник. Он появился, когда мы еще не родились, но она была уже замужем.

— Что ты такое говоришь, Витор? — в ужасе вступила в разговор Нейде, которая пришла в столовую с супницей. — Перестань! Сейчас же перестань! Ты же знаешь, что это неправда!

Аманда переводила взгляд с брата на их верную служанку, и сердце у нее больно сжималось от предчувствия чего-то ужасного, чего-то непоправимого.

— Помалкивай, Нейде! — одернул ее Витор. — Ты так заволновалась, потому что у тебя совесть нечиста. Ты прекрасно знаешь, что было в тот день, когда погиб отец. Знаешь о звонках по телефону, любовнике и обо всем прочем! Так вот этот любовник, рыбак, троглодит, снова с нашей матушкой. Она переселилась к нему в хижину, и на нас, Аманда, ей наплевать!

Холодный ужас вполз в душу Аманды. Она узнала что-то такое, с чем не могла справиться, чего не хотела знать, о чем не могла думать!..

— Приготовь сестре успокоительное, — распорядился Витор, обращаясь к Нейде, — я думаю, оно ей понадобится. Ты его знаешь, Аманда, — добавил он, садясь за стол, — это отец Асусены.

— Погоди расстраиваться, дочка, — стала успокаивать Аманду Нейде, — завтра мы узнаем, правда ли это. И если да, то съездим к маме, поговорим. Она сама тебе все расскажет. Но лично я этому не верю. Разве можно представить себе такую женщину, как твоя мать, в какой-то хижине?

Аманда вспомнила, как двулично вела себя Летисия во всей истории с Франсуа. Как предала ее, свою собственную дочь. Теперь она предала и Франсуа тоже.

— Я не знаю, какая она, моя мама, — ответила Аманда. — Похоже, что это какой-то совершенно незнакомый мне человек. И не говори мне больше о ней, Нейде. Моя мама умерла.

Глава 10

Глядя на Серену, никто бы не сказал, что в жизни этой женщины произошла большая трагедия, что от нее ушел муж, — так она была доброжелательна, энергична и деятельна. Серена не позволяла себе ни на секунду поддаться такому естественному, казалось бы, чувству, как жалость к себе. Ее мудрое сердце торопило ее позаботиться о других и своей щедрой добротой избывало боль утраты.

А свою утрату Серена чувствовала на каждом шагу. Вся ее жизнь до этого была служением дому, мужу. И когда она оставалась одна в своем доме, когда Рамиру уходил в плавание, она жила ожиданием того дня, когда вновь окажется в крепких объятиях мужа и, задохнувшись от нестерпимого счастья, прижмется к его груди, вдыхая знакомый солоноватый запах моря. Но плавание по житейскому морю, в которое на этот раз ушел Рамиру, не предвещало возвращения. И не пустота в доме мучила Серену, а ненужность, бесцельность, бессмысленность ее ожидания.

За долгие годы жизни с рыбаком Серена привыкла, что ее ожидание — большая помощь мужу в его тяжелой борьбе со стихией. Оно защищало его от посягательства слепых, неразумных природных сил, напоминая о близких, ради которых необходимо выжить. Невольно ждала она Рамиру и теперь, но это ее ожидание было посягательством на его жизнь, свободу, счастье. Оно было во вред ему. Оно стало стихийной силой, с которой нужно было бороться.

И Серена боролась. С головой ушла она в изготовление украшений из ракушек. Подбирая ракушки по цветам, нанизывая их, она вспоминала свою бабушку-индианку и чувствовала, что умение делать ожерелья у нее в крови. Нанизывая их, она будто рассказывала свою жизнь, и почему-то выходило, что жизнь эта была прекрасна...

Помощницами в ее трудах стали все женщины деревни. Все они воодушевились, в каждой проснулся какой-нибудь талант. А после того как Франшику пообещал поставить ларек для их изделий у себя в аквапарке, Серена всерьез задумалась, что в нем еще продавать, — поставлять каждый день новую партию украшений они явно не смогут. Как-никак у всех у них были семьи, было много всяких дел и обязанностей.

Из молодых энергичней всех была Далила. В ее кудрявой головке роились тысячи планов, живые глаза сметливо примечали, где еще могут понадобиться их украшения, ловкие ручки набирали больше всех ракушек.

Жизнь творческая, жизнь деятельная — вот чего жаждала ее душа, и теперь она жила такой жизнью.

— Я поговорила с донной Ноки, и она обещала дать свои чудесные кружева для ларька Франшику. А вот что еще? — советовалась озабоченная Серена с Далилой.

— Еще? Моя мама умеет делать замечательные сладости! В аквапарке сладкое не помешает. Да! Вспомнила! Бом Кливер умеет делать бутылочки из разноцветного песка! Он продает одну-две в баре Мануэлы. Мы будем собирать разноцветный песок, и он нас научит. Ему одному трудно, у него с глазами плохо.

— Отлично! — одобрил предложение Далилы Франшику, который вошел в дом и услышал, о чем говорят будущие свекровь с невесткой. — На ларьке мы напишем: «Народные промыслы», и публика валом к вам повалит.

Серена с Далилой заулыбались. Они полюбили этого веселого ладного парня, который был скор и на помощь, и на выдумку. Обе они видели, что сердце Франшику тянется к Асусене, и очень надеялись, что однажды прозреет и Асусена. Она увидит, должна увидеть, кто в этой жизни чего-то стоит, а кто нет. Но пока...

Пока и душой и телом Асусена принадлежала Витору. И никто ни в чем не мог ее разубедить. Она особенно болезненно переживала уход отца из дома. И потому, что была к нему очень привязана, и потому, что он ушел к матери Витора. Это накладывало на их отношения с Витором какой-то особый, не слишком-то приятный отпечаток. Однако Асусена не сомневалась, что их любовь преодолеет все препятствия. Не сомневалась она и в том, что любовь эта взаимна...

* * *

Странное чувство было у Летисии, когда она просыпалась поутру и вместо привычного белоснежного потолка видела деревянные досточки и зеленые листья между ними, которые служили ей теперь кровом. Когда вместо привычного одиночества ощущала рядом присутствие любимого и любящего человека. Она смотрела на его горбоносый профиль, на его длинные, уже с проседью волосы, и ей казалось, что видит она все это во сне. А может быть, разыгрывается постановка в театре и в нем ей отвели главную роль, но очень скоро спектакль окончится, и она опять окажется в нелюбимой, но привычной реальности.

Рамиру с улыбкой смотрел на всегда чуть растерянное лицо Летисии. Она была так хрупка и тонка, что казалась ему чужедальной птицей, что ненадолго залетела в его края и ее предстояло приручить.

Каждому из них было по-своему нелегко, и все трудности они пытались испепелить любовной страстью, уповая на какое-то райское счастье, которое должно было искупить и их прошлые страдания, и теперешний неуют.

Надо сказать, что Рамиру было легче, чем Летисии. Он жил в привычной ему реальности, он любил эту реальность и хотел, чтобы ее полюбила и Летисия. Рамиру готов был всячески помогать Летисии в том, чтобы она освоилась в ней и к ней привыкла.

Для Летисии все было по-другому. Как только окружающее переставало быть сном или театральным действием, оно становилось трудным и непривычным бытом. Жизнь в их хижине сводилась к выполнению самых простых обязанностей: приготовлению пищи, уборке, хлопотам по хозяйству, но именно это и оказывалось трудным для Летисии. У себя в фирме она способна была проанализировать сложную ситуацию, найти выход и принять решение, здесь же не могла зажечь спичкой сырые дрова, уследить, чтобы в очаге не подгорела рыба, опустить живого лангуста в котелок с кипящей водой. Увидев, что Рамиру опускает его живым, она даже есть его не могла...

А уйти от своих детей могла? Уйти, поверив, что будет счастлива, обретя вновь любовь своей юности?.. Летисия чувствовала, что она должна принять и освоить всю эту незамысловатую и очень конкретную действительность, иначе ей так и не разобраться со сложными проблемами, в которых она так безнадежно запуталась. И она мужественно бралась за кастрюльки.

— Когда-нибудь я приготовлю тебе татарский соус специально для этой рыбы, — обещала она Рамиру. — Пальчики оближешь!

— Ты знаешь, от чего я облизываю пальчики, — отвечал он с улыбкой, глядя на свою любовь, которая вернулась к нему все той же неопытной девочкой, которой всему предстояло научиться, которую всему предстояло научить. — И это всегда мне будет нравиться, даже когда моя девочка превратится в старушку с палочкой, седую и ветхую, тугую на ухо, морщинистую и горбатую, и все-таки неопишемую красавицу.

Он потянулся к Летисии, и она с готовностью прильнула к нему, но объятию их помешал стук в дверь. На пороге стоял Франсуа. После того как он помогал Рамиру строить хижину, он стал в этой хижине желанным гостем, соседом, другом.

— Пришел отпраздновать новоселье? — радушно спросил хозяин. — Садись, раздели трапезу, сегодня у нас рыба.

И Летисия тоже приветливо улыбнулась Франсуа.

— Спасибо, Рамиру, но праздновать мы будем как-нибудь в другой раз. Мне нужно сказать несколько слов Летисии. Дело касается детей, Аманды... Оказывается, ты ни слова им не сказала, и они очень волнуются.

— Я поговорю, как только соберусь с духом, — честно призналась Летисия. — Пока мне еще трудно...

— А может, нам поможет наш друг Франсуа, — предложил Рамиру, — скажет детям, что видел тебя, что у тебя все в порядке.

— Я, конечно, попробую, но считаю, что не годится детям узнавать о таких серьезных вещах от посторонних, — ответил Франсуа.

— Ничего, ничего, успокой их, Франсуа, — попросил Рамиру, — а пока садись-ка с нами за обед.

— Спасибо, в следующий раз непременно. Я сейчас спешу. Если что понадобится, заходите без церемоний. Позвонить, например, — и Франсуа выразительно посмотрел на Летисию, потом кивнул и ушел.

Рамиру прекрасно видел, что Летисия после визита Франсуа сама не своя.

— Рамиру, может, мне лучше все-таки побывать дома? Мои дети имеют право знать, куда девалась их мать.

— Нет, — твердо и спокойно ответил Рамиру, — нет, Летисия, еще не время. Я не могу пока тебя туда отпустить. Стоило нам в прошлый раз расстаться, и встречи мы ждали много-много лет...

Летисия замолчала и покорилась. Но спокойнее ей не стало, и, обнимая ее, Рамиру чувствовал, что мыслями она далеко от него.

— У тебя уже взрослые дети, Летисия, — попытался он ее успокоить, убедить в своей правоте, — живут в тепле, в довольстве, у себя в доме. За ними есть кому присмотреть. Конечно, они беспокоятся. Но если ты сейчас отправишься к ним, они тебя не отпустят обратно и ты никогда ко мне не вернешься. Пусть немного попривыкнут к новой жизни, и тогда уж ты с ними повидаешься.

— Я вернусь, Рамиру, вернусь! Пойми, сейчас они совсем одни в доме, бабушка в свадебном путешествии, меня нет, а мы с отцом всегда уделяли им очень много внимания. Им трудно.

— Ну смотри, Летисия. У тебя своя голова на плечах.

А что еще мог сказать Рамиру? Ему и самому нужно было сходить в деревню, узнать у Самюэля, когда они выходят в море, и он очень надеялся, что, вернувшись, найдет Летисию дома...

В отсутствие Рамиру Летисия сообразила, что может пойти к Франсуа и позвонить Аманде. Да, это было самое верное, самое удачное решение.

Она отыскала Франсуа на стройке, к большому недовольству Франшику, и он проводил ее в дом.

— Звони, звони, — радушно сказал он Летисии, хотя она прекрасно чувствовала, что за его радушием таится немало недоумения.

* * *

Франсуа и впрямь многого не понимал в этой истории. Ясно он видел только одно: долгие годы эта красивая, умная женщина была несчастна и теперь, как мотылек на огонь, полетела на мерцание счастья. Только вот счастья или призрака его? Ведь несчастные люди слепнут и в потемках гоняются за призраками, принимая игру своего воображения за реальность...

* * *

Летисия тем временем набрала номер телефона, руки у нее дрожали, она с нетерпением ждала, чей же голос услышит первым?

Трубку подняла Нейде, и голос у нее стал взволнованным и счастливым, когда она поняла, кто звонит.

— Ну наконец-то! Мы переволновались. А тебе беспокоиться нечего, справляемся, все в порядке. Сейчас позову Аманду.

Летисия слышала, как Нейде кричала: «Иди поговори с мамой по телефону! Мама звонит, доченька!» Некоторое время к телефону никто не подходил, Летисия только слышала где-то вдалеке голос Аманды, что-то отвечающей Нейде.

— Совсем забыла, — вновь зазвучал в трубке голос Нейде, — Аманды-то нет дома. Ты мне расскажи, как у тебя дела, а я ей все передам.

— Спасибо, Нейде, у меня все хорошо. Я еще вам позвоню. Пока!

Летисия сжалась, сгорбилась: ее дочь отказалась говорить с ней по телефону! До детей уже доползли слухи, и они не хотят больше знать свою мать!..

Франсуа, видя напряженное, несчастное лицо Летисии, зная нрав Аманды, счел своим долгом начать непростой разговор. Он не считал себя в этой семье чужим человеком, он был другом Гаспара, а с некоторых пор

стал чувствовать ответственность и за его дочь, которая была ему глубоко безразлична.

— Выпей соку, Летисия, — Франсуа протянул ей стакан с апельсиновым соком, — успокойся, насколько можешь, и попытайся меня выслушать. Поверь, что я тебе друг. Что всегда стремился тебе помочь и всегда говорил, что нельзя идти по жизни без чувства ответственности...

— Я не ребенок, Франсуа, — с усмешкой, которую вызвал его отеческий тон, сказала Летисия, — и поверь мне тоже: я сделала то, что считала нужным.

— Да, я понял, что твое решение вызревало давно. Его можно было прочесть у тебя в глазах, когда ты смотрела на Рамиру. Я обманывал себя, когда считал, что смогу тебя увлечь, но несколько не раскаиваюсь. И по-прежнему хочу тебе только добра. Но знаешь, о чем я думаю? Время не проходит бесследно. Рамиру уже не тот юноша, которого ты когда-то полюбила. Может ли сегодняшний Рамиру сделать счастливой сегодняшнюю Летисию? Ведь за одну любовь ты платишь другой. Платишь любовью своих детей. Ты не думала, что можешь их потерять?

Как ни болезнен был для Летисии начатый разговор, она пошла на него. Ей необходимо было что-то прояснить для себя, а Франсуа был единственным человеком, в котором она не сомневалась, с которым говорила на одном языке.

— Я сама все время об этом думаю, Франсуа, — откровенно призналась она, — и пока поняла одно: я должна прожить свою жизнь с Рамиру. Ты сам сказал однажды, что, для того чтобы быть в чем-то уверенным, жить надо по-настоящему, без всяких «если бы»... И вот я живу. И если однажды раскаюсь, разочаруюсь, то буду знать: разочаровалась, а не струсила, не нашла, а не отказалась от счастья...

— Ну что ж, помогай тебе Бог! — только и мог сказать Франсуа.

Он, может, и попытался бы развеять ее иллюзии, но Летисия собралась поставить эксперимент над собой и своей жизнью, и ему оставалось только ждать результатов. Честно говоря, он даже не знал, какой результат был бы для него предпочтительнее: счастливый или несчастливый...

— Я постараюсь стать счастливой, — сказала вдруг с лукавой улыбкой Летисия. — И спасибо тебе за сок и за телефон, Франсуа.

* * *

Рамиру шел в деревню, но не к себе домой. Странное это было

чувство: ноги сами несли его к дому, а разум удерживал. Первым он увидел Кассиану, который строил в тени навеса свой баркас. С сыном Рамиру было и труднее, и легче. Легче, потому что у них общее дело и всегда было о чем поговорить. Труднее, потому что сын уже был мужчиной, и решения его и оценки были жестки и непримиримы. Однако Рамиру знал, что может помочь сыну, подать дельный совет, и рассчитывал на уважение Кассиану. Работа над баркасом продвигалась — недалек тот день, когда он будет готов, и Рамиру радовался за сына и гордился им.

— Если хочешь, оставайся на этот раз на берегу, кончай свою лодку, — предложил он, — в море я управлюсь за нас обоих.

— Спасибо, отец, но главный у нас теперь Самюэль, и мы все его слушаемся. Он сказал, что мы выходим в море, и я выйду. В море я чувствую себя человеком, а Далила, сколько бы ни забивала себе голову новомодными штучками, она из наших и умеет ждать.

С уходом из дома отца Кассиану почувствовал себя совсем взрослым, он стал опорой семьи и отвечал за благополучие трех женщин: матери, сестры и невесты. Он чувствовал себя сильным, уверенным, хотя по-прежнему нуждался в отце как в советчике и собеседнике. К тому же мать так уважительно говорила все время об отце, что Кассиану не чувствовал ни малейшей неловкости из-за своих добрых с них отношений.

— Кассиану, я пойду посижу с Самюэлем в кабачке, а ты позови к нам туда Асусену. Очень я по ней стосковался, хочу повидать, поговорить.

Кассиану кивнул и отправился домой за Асусеной.

И вот Рамиру сидит напротив Самюэля, ждет дочку, а Самюэль смотрит на горькую морщину, что перерезала лоб Рамиру.

— Не ладится что-то? — спрашивает старый друг. — Может, нам лучше задержаться на несколько дней на берегу, чтобы ты как следует подготовил Летисию? Ты скажи, мы можем и задержаться.

— Нет, Самюэль, спасибо. Летисия теперь моя жена, и ей придется привыкать к нашей жизни. Она уже готова и не станет звать на помощь из-за пустяков, так что не тревожься, Самюэль. Беспокоят меня больше дети, непросто мне стало говорить с ними...

И будто подтверждая его слова, Кассиану вернулся один, без Асусены. Однако сложность, похоже, была не в Асусене, а в Серене.

— Мама считает, что негоже встречаться отцу с дочерью в кабаке, — сообщил Кассиану. — Если хочешь повидаться, сказала она, приходи к нам в дом.

Как могла предложить ему такое Серена? Как он может переступить порог дома, из которого ушел? Она, похоже, ведет к тому, чтобы он вообще

не виделся с дочерью? Обида сразу захлестнула Рамиру. Обида на Серену, которую он сам и обидел и обделил...

Самюэль понял чувства своего друга, недаром они с детства были неразлей вода.

— Ты не прав, — сказал он, — а Серена, как всегда, права. Зачем вам встречаться здесь на глазах зевак. Ступай домой, обними свою дочку, прижми ее к сердцу. Пойдем, пойдем вместе, я тебя провожу.

Никогда бы не подумал Рамиру, что ему так трудно будет переступить родной порог. Но он переступил его, переступил и с болью, и с радостью. Как бы там ни было, но под этой крышей он прожил долгие и счастливые годы. И если распорядился теперь своей жизнью иначе, то не потому, что перестал испытывать благодарность и уважение к Серене.

Еще больше он был благодарен ей за то, что встретила она его улыбкой и тут же собралась навестить Эстер.

— Асусена ждет тебя, — улыбаясь, сказала Серена и ушла вместе с Самюэлем.

Первые неловкие минуты. Как же он соскучился по своей малышке Асусене! Рамиру попытался ей все объяснить. Он не хотел, чтобы она на него обижалась. Пусть знает, что ему нелегко далось это решение, но по-другому он решить не смог.

— Я тоже соскучилась по тебе, папа! — ответила отцу Асусена. — И не оправдывайся, мне это совсем не нужно. Мама много говорила с нами и помогла нам принять все как есть.

И опять Рамиру почувствовал благодарность к Серене, лучшей матери у детей и быть не могло.

Асусена уже пересказывала свои школьные новости. Скоро у них будет конкурс королевы для праздника моря. Она тоже записалась на конкурс. И ей бы очень хотелось, чтобы отец пришел на праздник, наверное, там будет очень весело.

— Конечно, приду, дочка! Не все изменилось в моей жизни, многое идет и пойдет по-прежнему.

Рассказала Асусена отцу и про бусы, которые они теперь нанизывают, и про то, что Далила поступила на курсы английского языка, потому что собирается продавать эти бусы во всех странах мира.

— Представляешь? Такая у нее мечта! — голубые глаза Асусены вопросительно смотрели на Рамиру.

— Это хорошо, дочка! Хорошо, когда у человека есть своя мечта. Из нее непременно что-то получается, — одобрил Рамиру.

Он перебирал ожерелья, которые принесла ему Асусена, и любовался

ими.

Растроганное, смягчившееся лицо мужа бросилось в глаза вернувшейся домой Серене, и сердце у нее забилось быстро-быстро: муж радовался делу ее рук, оттаял у нее в домашнем тепле.

Серена не могла знать, что после ее ухода Самюэль сказал Эстер:

— Меня ведь считают колдуном, Эстер, так запиши себе для памяти: судьба еще сведет Рамиру и Серену вместе, такое у меня предчувствие.

Но Серена не могла позволить себе расчувствоваться. Видеть Рамиру ей пока еще было очень тяжело, и поэтому она сказала:

— Ты уж прости, Рамиру, но если наговорился с дочкой, то позволь нам заняться делами. С тех пор как мы занялись украшениями, у нас и минуты свободной нет, а работы в доме хоть отбавляй.

— Конечно, Серена! Желаю тебе удачи! Спасибо за детей и за все...

Рамиру трудно было говорить, он не договорил, махнул рукой и ушел.

Асусена, видя, что мать молча принялась за дела, подумала было, что обидела ее долгим разговором с отцом.

— Ты обиделась, да, мама? Обиделась на меня? — принялась она спрашивать Серену. — Но мне же нужно было показать отцу наши украшения. Мы с ним разговорились, он меня рассмешил, а я...

— Не продолжай, дочка, — остановила ее Серена, — ты что, чувствуешь себя виноватой из-за того, что любишь отца? Упаси меня Господь дожить до того дня, когда вы с братом его разлюбите. — Серена обняла и прижала к себе головку дочери, и Асусена, как всегда, почувствовала, что на нее снисходят мир и покой. А Серена, словно бы баюкая свою большую-маленькую дочку, продолжала говорить: — Даже страх смерти не может заставить человека забыть того, благодаря которому он появился на свет. А когда отец такой заботливый и любящий, как у вас, то это же просто счастье. Но даже если бы он был совсем другим, то любить его все равно было бы вашей обязанностью... А теперь давай браться за дело, доченька, у нас с тобой и вправду дел невпроворот.

Мир и покой снизошли на Рамиру, повидавшегося со своими детьми. Неважно, что сын относился к нему пока еще не просто и отказался от его помощи. Сын повзрослел на глазах, стал настоящим мужчиной, а дочка скоро станет очаровательной женщиной. У него выросли хорошие дети. И Серена помогала им взрослеть по-хорошему. За своих детей Рамиру был спокоен. Теперь ему стало стыдно, что он помешал Летисии испытать ту же радость. Он совсем не хотел быть ее тюремщиком, держать свою любовь взаперти.

Летисия ждала Рамиру, и он был счастлив увидеть ее дома. И сразу же

повинился перед ней:

— Я был эгоистом и круглым дураком, Летисия, когда боялся, что ты останешься в городе. Поезжай повидайся с детьми. Сегодня я видел своих и понял, как тяжело не иметь возможности с ними видеться. Успокой их и возвращайся такой, какой я люблю тебя, какой хочу...

Он обнял Летисию и стал ей рассказывать, как рассказывал бы сказку:

— Вот увидишь, Летисия. простая жизнь многому тебя научит. Ты откроешь в себе новую Летисию, более сильную, смелую, и жить тебе станет гораздо легче. Мы с тобой больше ничего не будем бояться, Летисия...

Летисия благодарно слушала его. Завтра же она увидится с Амандой. Ей и нужно-то всего несколько минут, они посмотрят с дочкой друг другу в глаза и все поймут. Она найдет общий язык со своей сложной, строптивой дочкой, самостоятельной, непокорной и все-таки очень нуждающейся в матери...

Глава 11

Далилу, Асусену, Питангу — всех взволновал будущий конкурс, где должны были выбрать морскую королеву. Он волновал их предчувствием чего-то необыкновенного, неизведанного. Сначала конкурс, а потом бал, где королева будет царить и танцевать только с морским королем, которого тоже будут выбирать на конкурсе. Ощущение праздника вошло в жизнь юных подружек и кружило им головы, будто хмель.

Хмель юности закружил головы и их матерям, они тоже вспомнили молодость, выборы морской королевы и приготовились шить бальные наряды своим хорошеньким дочкам. Кто станет королевой — не важно, но бал у каждой останется в памяти на всю жизнь.

Только Кассиану мрачно смотрел на подымающуюся праздничную суету. Ему совсем не нравилось радостное оживление Далилы. А уж мысль, что она будет с кем-то танцевать на балу, просто выводила его из себя. Конечно, праздник будет еще не завтра, но... Кассиану работал, торопясь как можно скорее окончить свой баркас. Вот только бы ему достроить лодку, и тогда они уже никогда не расстанутся с Далилой! Выходить в море они будут тоже вместе!

Маджубинья, который помогал Кассиану в работе, потихоньку посмеивался. Он прекрасно понимал, о чем думает Кассиану, тем более когда тот так мрачно поглядывал на весело щебечущую Далилу — Далилу, которая в этот день впервые сама складывала сети.

— Женщина на корабле — гибель, — сказал Маджубинья, — считай, что простился с уловом!

Кассиану только хмыкнул: что за глупые предрассудки! У них с Далилой все будет прекрасно. Она будет приносить ему только удачу!

— Ну а если он не будет брать Далилу в море, то она будет с детьми сидеть. Кассиану, кажется, говорил, что у них будет не меньше восьми, — подхватил подошедший Самюэль.

— Восьми? — Далила услышала последние слова отца и подошла поближе. — Тебе, наверное, голову напекло, Кассиану? Не работай столько на солнышке!

Кассиану насупился. Его очень беспокоило легкомыслие девчонок-вертихвосток. Далила еще посерьезнее будет, только характер у нее очень уж боевитый. А вот Асусена даже помочь на берегу не хочет: «Не для этого, говорит, я родилась». И куда только мать смотрит?.. Вправила бы ей

мозги, и дело с концом!

Однако Серена нашла способ вправить мозги Кассиану. Она прекрасно видела, что мрачность Кассиану может испортить любой праздник Далиле, и, когда молодежь вернулась домой, она предложила:

— А почему бы тебе, Кассиану, не записаться на конкурс морских королей?

— Скажешь тоже, мама! — возмутился он.

Но Асусена с Далилой захлопали в ладоши: вот это мысль! Отлично!

— Конечно, Кассиану! Стоит тебе появиться у школы, как все девчонки только на тебя и пялятся! Я уверена, что ты непременно выиграешь! — весело подхватила Далила, чуть кокетничая и поддразнивая своего жениха.

— Мы тебе и костюм сделаем! Будешь весь в перьях, камнях, ракушках, загляденье, да и только! — подхватила Асусена.

Кассиану чуть не поколотил двух болтушек, которые только и знают, что зубы скалить. Но как только он представил себе, что Далила выигрывает конкурс и целый вечер танцует неведомо с кем, он махнул рукой.

— Ладно! Записывайте! Но учти, Далила, я соглашаюсь только ради тебя! — прибавил он, глядя на невесту.

— Тогда надо бежать быстрее! — встрепелась Далила. — Сегодня последний день!

И девчонок как ветром сдуло.

— А я сошью тебе очень красивый костюм, сынок. Вот увидишь, как у настоящего принца. — пообещала сыну Серена, ласково потрепав его по густым темным волосам.

* * *

Если в поселке только и разговоров было, что о королевах, королях и принцах, то Летисия, став хозяйкой маленькой хижины, превратилась в настоящую местную женщину, а может, и в индианку. По местному обычаю она соорудила себе наряд из цельного куска ткани и со своей худобой, смуглотой стала точь-в-точь как все местные жители. Однако, несмотря на свой деревенский наряд, Летисия собиралась поехать в город. Она хотела повидать своих детей.

Нейде очень обрадовалась, увидев свою хозяйку. У нее душа изболелась за Летисию, и увидеть ее живой, здоровой и такой непривычной

и красивой было для нее просто подарком.

— Слава Богу, что ты пришла, Летисия, — радостно заговорила она. — Я так переживала и после твоего звонка только о тебе и думала.

— Я хочу повидать детей, Нейде, — сказала Летисия. — Что они делают?

— Завтракают. Сейчас я их позову. Летисия села в кресло в холле и задумалась.

Эти несколько минут ожидания были нужны ей, чтобы сосредоточиться, найти нужные слова.

* * *

Витор окинул ироническим взглядом ту, которая была его матерью, — к несчастью, к большому его несчастью, так он считал. Увидев ее наряд, он окончательно убедился, что она повредилась в рассудке.

— Женщина из племени индейцев тупи у нас в гостинной? — протянул он. — А я-то думал, что Форталеза — цивилизованный город...

Боль и негодование захлестнули Летисию. Она знала, как сложно относится к ней Витор, знала, что он винит ее в смерти отца, к которому был очень привязан. И сейчас он вел себя точь-в-точь как отец — грубо, бессердечно, нагло. Но ведь Витор был сыном не только этого ненавистного ей человека, он был и ее сыном! А значит, в нем должны были быть те струнки, которые откликнутся любовью и пониманием на ее непростые проблемы...

Летисия не дала воли ни своей боли, ни гневу, она взяла себя в руки и спокойно проговорила:

— Витор, я прошу тебя...

Но он не дал ей даже договорить, точь-в-точь как его отец!

— Смотри-ка, да она говорит на нашем языке! Для начала неплохо. Похоже, и там уже побьгоали миссионеры.

Летисия смотрела на дочь. Дочь была не в отца. Она была в нее, в Летисию, такая же бурная и порывистая.

И глядя Летисии прямо в глаза, Аманда проговорила:

— Я не понимаю, с кем ты говоришь, Витор. Никого, кроме нас двоих, я здесь не вижу. Если тебе нравится говорить со стенами, говори! Я пошла к себе!

Аманда повернулась и вышла.

«Как она жестока, и как ей больно», — с горечью пожалела про себя

свою дочь Летисия.

А Витор продолжал свой издевательский монолог, он упивался своим красноречием, своим остроумием, говорил что-то о любимой женщине вождя, о гамаках, еще какую-то ерунду. Летисия не вслушивалась, боясь своего гнева, оберегая свое спокойствие. Оно было ей необходимо, потому что сын должен был ее выслушать! И время от времени она повторяла:

— Довольно, Витор! погоди! Ты должен меня выслушать.

Но разошедшийся юнец уже не мог остановиться, Летисия прикрыла глаза. В ушах у нее теперь звучал живой голос ее покойного мужа:

— Он ведь удовлетворяет тебя другим способом, да? Ведь трудно сказать, что он широко образован? Блестящий собеседник? Он удовлетворяет твои самые низменные инстинкты, вы общаетесь друг с другом на уровне ниже живота... — говорил Витор.

Летисия открыла глаза и дала своему сыну пощечину. И сыну, и мужу, и прошлому! Все! Хватит! Так она уже жила! И больше не будет! Никогда!

— Вы так привыкли решать все вопросы у себя в поселке? Позови охранника! — обратился Витор к Нейде. — Пусть он вышвырнет отсюда эту аборигенку!

— Да как ты смеешь так разговаривать с матерью! — вступилась за Летисию Нейде.

Летисия не сказала ничего. Она повернулась и пошла наверх к Аманде. С дочерью она должна была поговорить во что бы то ни стало!

Летисия заговорила с Амандой мягко, очень мягко. Сейчас ей было нетрудно признать свою вину, потому что всерьез она не чувствовала себя виноватой. Никто не знал той жизни, которую она прожила, и никто не вправе был ее судить. Тем более собственные дети. А свою вину перед дочерью, которая сейчас, безусловно, возникла, она готова была искупить. Этой вины не будет, как только они с Амандой поймут друг друга!

— Я знаю, что не права, Аманда. Потому и пришла. Я уверена, что могу тебе все объяснить, потому что мы с тобой женщины. Единственное, чего я хочу, — это жить той любовью, которая захватила меня целиком, которая заставляет меня забыть обо всем на свете. Понимаешь, я уже многим пожертвовала, многое упустила и теперь имею право попытаться найти свое счастье. Конечно, я поступила, некрасиво. Но поверь, я просто ни о чем не могла думать. Я чувствовала себя на вершине блаженства, как будто весь мир вокруг меня перестал существовать. А когда пришла в себя, поняла, что поступила нехорошо, исчезнув, ничего не объяснив, ничего не сказав, и вот теперь пришла...

Аманда смотрела на разругавшиеся щеки, на блестящие глаза

матери — да, она говорила правду; весь мир для нее перестал существовать. Было у ее матери право на это или нет, Аманда не знала и не хотела знать. Она знала другое и высказала то, что знала.

— Ты эгоистка и никогда никого не любила! — сказала Аманда. — Во всяком случае, своих детей! Ты даже не подозреваешь, сколько боли ты мне причинила! Но теперь ты ушла из моей жизни и больше не возвращайся в нее! Уходи! Убирайся! Я хочу остаться одна, потому что в дальнейшем мне придется привыкать именно к этому! К одиночеству! Счастливо!

И вот тут Летисии стало по-настоящему стыдно. Что бы ни говорил ей Витор, она видела избалованного мальчишку с дурной наследственностью. Но Аманда страдала. И страдала из-за нее, из-за своей матери. Родители не имеют права мучить своих детей. С чего вдруг она стала говорить с дочерью как с подружкой? Почему потребовала, пусть невольно, разделить свою любовь? Не Аманда должна была понимать ее. Летисия должна была понять, что мучает Аманду, и пойти ей навстречу, как мудрая любящая мать к своему истерзанному ребенку, который вдруг почувствовал себя сиротой...

Но сейчас уже не имело смысла делать никаких попыток. Аманда, которая и так уже настроилась враждебно, закрылась и отгородилась бы еще больше...

Летисия вздохнула, повернулась и вышла.

Нейде ждала ее внизу, приготовив кое-какие необходимые вещи. Рядом стоял и Плиниу.

— Если не возражаете, я вас отвезу, машина стоит у входа, — сказал он.

Летисия поблагодарила и попросила отвезти ее к дому Франсуа. Сейчас только он мог ей помочь.

И Франсуа, как всегда, отложил все свои дела ради Летисии, как всегда, он был готов выслушать ее. Франшику уже не раз упрекал его, что в любую минуту архитектор готов сбежать со строительной площадки, если только его поманит пальчиком Летисия. Франшику сердился, но не всерьез. Франсуа смеялся, но не весело. Что поделать, если так оно и было? Но сейчас дело было серьезным — речь в очередной раз шла об Аманде.

— Никакого разговора с детьми у меня не вышло, — говорила Летисия. — Можно считать, что они забросали меня камнями. Витор не может простить меня, потому что я сбежала именно в тот момент, когда он решил поделиться со мной — нетнет, не любовью, как он думает, а своей болезнью... Похоже, я выбрала не лучший момент, чтобы заняться своей личной жизнью: отец уехал, Аманде очень одиноко. И я прошу тебя,

Франсуа, поезжай, побудь с ней, поговори. Ей очень нужна поддержка взрослого человека.

— А ее любовные фантазии? — задумался Франсуа. — Они не всплывут снова?! Ведь иной раз пустяка довольно, чтобы вывести ее из равновесия. Я не уверен, что именно сейчас она способна выслушать меня как друга...

— Я надеюсь, ты не воспринял всерьез все то, что я наговорила тебе в тот несчастный день? — спросила Летисия. — Поверь, я несколько не сомневаюсь в тебе и знаю, что ты относишься к Аманде как к дочери. А сейчас как никогда ей нужны твоя рассудительность, спокойствие и здравый смысл! Ты единственный человек сейчас, Франсуа, который способен помочь Аманде! — Летисия умоляюще смотрела на Франсуа.

Умом она оценивала все правильно и трезво, но нервы ее были на пределе.

— Тебе не о чем беспокоиться, Летисия, — успокоил ее художник. — Я непременно сделаю все, что в моих силах.

Летисия уже стояла у дверей, собираясь уйти, но он попросил:

— Посиди еще, тебе нужно немного прийти в себя.

— Спасибо, Франсуа, но мне пора. Рамиру, наверное, очень волнуется. Я очень рассчитываю на тебя, Франсуа! Ты всегда был мне надежным другом.

В ответ Франсуа только кивнул. Да, он всегда будет другом Летисии Веласкес, как бы ни распорядилась она своей судьбой и как бы ни распорядилась ею судьба.

* * *

Рамиру отдал наловленных лангустов Маджубинье — он знал, Летисия все равно не будет их есть, она еще не свыклась с тем, что варят их живыми, — и теперь он ждал ее. Сначала с обедом, потом с ужином — в общем, на грубой глиняной тарелке Летисию ждала аппетитная хрустящая рыба.

Рамиру сидел на пороге и слушал привычный шум моря. Он бы умер, если бы перестал слышать этот вечный неторопливый разговор морских волн. Темнело. Одна за другой загорались звезды. Темнота убрала все подробности, оставив только огромное, неизменное и вечное — небо, море и любовь. Любовь, с которой ждал Рамиру Летисию. Когда она пришла — а она все-таки пришла наконец, — он сразу увидел, как она устала. И душа

ее устала больше тела. Но поддержать нужно было сперва телесные силы, и Рамиру протянул ей золотистую рыбу на грубой коричневой тарелке.

— Спасибо, я потом, — слабо улыбнулась Летисия. — Я совсем не голодна.

— Пустой мешок падает, — усмехнулся Рамиру. — Поешь, порадуй меня. Я еще не видел, как ты ешь с удовольствием.

Летисия опять слабо улыбнулась: да, она как-то успела позабыть, что к еде можно относиться всерьез и она тоже может быть удовольствием...

— Ты должна хорошо есть, пока я буду в море, — продолжал он.

— Ты уходишь в море? — спросила Летисия, и сердце ее болезненно сжалось.

Она все как-то забывала, что теперь, когда они решили не расставаться, разлука будет ее каждодневным хлебом...

— Послезавтра, — ответил Рамиру.

— Надолго?

— Кто это знает? Лучше не загадывать, чтобы потом не было разочарований. Ты ведь меня дождешься? — он заглянул ей в глаза, увидел в них тоску и тогда предложил: — Знаешь, что мы сделаем? Ты поедешь домой, побудешь с детьми, они успокоятся, а когда я вернусь, то дам тебе знать...

Но никакого облегчения не отразилось на лице Летисии, только благодарность. Она оценила жертву Рамиру, который отправлял ее обратно в ту жизнь, которой так опасался и ощущал как враждебную.

— Ты что, не хочешь? — удивился он.

— Нет, Рамиру, не хочу. Мои дети не хотят меня видеть. Я останусь здесь и буду ждать тебя столько, сколько понадобится. На этот раз, что бы ни случилось, я не убегу, не скроюсь. И не буду ничего бояться.

Глаза Летисии светились, и теперь в них говорила любовь, которая превозмогла, победила тоску.

Растроганный, Рамиру крепко обнял хрупкую Летисию.

Кто, как не он, знал: если что и помогает выдерживать долгие дни и ночи вдали от дома, то только уверенность в том, что человек, которого ты любишь, ждет тебя...

Глава 12

Как все бесчувственные люди, Витор был уверен, что просто не нашел еще той девушки, которая пробудила бы его чувства, того дела, которое бы увлекло его, того друга, которому он был бы предан. И вот он искал любви у всех девушек, которые встречались на его пути. Ломал то дело, которое ему досталось, надеясь создать совсем другое, которое его привяжет. И обращался с Дави, который был готов быть ему преданным другом, как со своим слугой.

Он встречался с Асусеной, и их встречи давно перестали быть невинными встречами двух юных робких влюбленных. Уж каким-каким, а робким Витор никогда не был. Асусена пленяла Витора своей безоглядной ему покорностью и преданностью. Но в то же время казалась чересчур пресной. А вот Оливия — самостоятельная, уверенная в себе, которая, напротив, всегда его избегала и старалась сохранять как можно более официальные отношения, — обещала что-то более интересное.

Витор все время давал понять Оливии, что заинтересован ею, влюблен без памяти, ждет ответа на свои пылкие чувства...

Однако всерьез его занимала только перестройка фирмы. Он собирался стать в ней единовластным хозяином. Отстранить не только Гаспара, который, собственно, и сам добровольно передал ему бразды правления, но пока сделал внука как бы своим управляющим, исполнителем своих замыслов. Положение исполнителя не устраивало Витора. В перспективе он хотел стать директором и получать баснословные барыши. В общем, Витор собирался потеснить не только Гаспара, но и всех акционеров. Контрольный пакет акций должен был быть в его руках.

Сейчас своими рискованными операциями и сделками он сеял среди акционеров панику, и акционеры уже были готовы продать свои акции, которые оказались в таких ненадежных руках.

Представляют ли деловые операции Витора реальную опасность для фирмы, этого точно не знал никто. Бонфинь считал, что да, и поэтому ушел. Витор считал, что нет, и поэтому действовал согласно своему плану.

Именно в эти дни ему понадобилась подпись Летисии — он составил промежуточный баланс, который должен был то ли успокоить, то ли вконец посеять панику среди акционеров и кредиторов. Летисия как-никак была вице-президентом фирмы, и без ее подписи ни один документ не имел силы.

* * *

Рамиру с неприязнью посмотрел на нагловатого Витора, который неожиданно возник возле их жилища. Избалованные, самовольные дети Летисии раздражали его. У него в голове не укладывалось, как можно не уважать свою мать? Он чувствовал, что Летисия несчастлива и с детьми, что они доставляют ей много забот и горя.

Летисия подписала все бумаги, даже не просмотрев их, чем очень порадовала Витора. Несмотря на свою развязность и пренебрежительный тон, он про себя опасался, как бы не возникли непредвиденные заковыки. Он не сомневался, что справился бы с ними в любом случае, но время и нервы были дороги и ему. Получив подпись, он тут же уехал.

Рамиру попенял Летисии на то, что она подписала документы, даже не прочитав их. Он увидел в этом знак некой недобросовестности: все, за что отвечаешь, нужно и делать как следует. Хотя он понимал, что женщины не способны всерьез отвечать за мужское дело.

Наверное, Рамиру был прав, потому что для Летисии на первом месте было все-таки не само дело, а отношения. В данном случае ее отношения с сыном. Она показала, что доверяет ему, несмотря на все его глупые и обидные слова, несмотря на оскорбительную встречу. С ее стороны это было проявлением великодушия. Она не понимала, что нисколько не улучшила их взаимоотношений. Потому что благодарность за доверие чувствуют только тогда, когда уважают человека, который тебе доверяет, а Витор не уважал свою мать.

Он вернулся в офис, чувствуя себя именинником, хотя именинницей в этот день была Аманда. Ей в этот день исполнилось восемнадцать лет — она стала совершеннолетней.

Как только Витор вошел в кабинет, на столе у него зазвонил телефон. Звонила взволнованная Нейде. Она умоляла Витора отговорить Аманду ехать на ферму Гаспара и там одной проводить свой день рождения. Нейде собралась испечь необыкновенно вкусный торт, пусть Аманда пригласит друзей, подруг...

— Пусть поступает, как считает нужным, — отрезал Витор, — она уже взрослая...

* * *

Аманде и вправду никого не хотелось видеть в этот день. А на ферме ее дожидался дедов подарок. Гаспар подарил ей лошадку, и Аманда решила провести этот день со своей новой подружкой.

Но к ней в гости приехал и старый друг — на ферму приехал Франсуа с чудесным букетом.

Несмотря на шипенье Франшику, который был страшно недоволен отлучками художника, Франсуа отправился на целый день за город. Он работал на Франшику бесплатно именно потому, что больше всего на свете ценил свою свободу и возможность распоряжаться собой.

— Мне захотелось поздравить тебя лично, — сказал Франсуа, шутливо раскланиваясь перед Амандой. — С днем рождения! Добро пожаловать в клуб взрослых!

Глаза Аманды засветились. Похоже, что день рождения у нее будет настоящий. Такого подарка она никак не ждала, и это был настоящий подарок к совершеннолетию.

Ферма была расположена в очень живописном месте. Вдалеке синели горы, а вокруг радующим глаз зелеными лоскутками лежали обработанные поля, между которыми белели обсаженные деревьями дороги, сам же дом прятался от знойного солнца в чудесном парке.

Детство Аманды тоже прошло в парке, хотя и не таком обширном, окруженном не полями и горами, а большим городом. Но благодаря детству среди зелени, природа всегда действовала на душу Аманды благотворно. Она любила цветы, любила изменчивые краски закатов и восходов, в ней жило то трепетное преклонение перед красотой мира, которое роднило ее с Летисией, но родство это оставалось пока для обеих неосознанным.

Франсуа и Аманда с одинаковым восторгом смотрели на изящную золотистую кобылку, которая отныне должна стать верной подругой Аманды. Похоже, что кобылка отличалась не только тонкой чувствительностью, но и кротким нравом, а значит, она будет идеально слушаться свою юную хозяйку.

Аманда гладила шелковистую шкуру, водила рукой по бархатистому крупу, заглядывала в темные глубокие глаза лошадки. Она была счастлива получить такой чудесный подарок. Дедушка знал, чем ее порадовать.

— Ты умеешь ездить? — спросила она у Франсуа, и тот в ответ кивнул. — Научишь меня?

Франсуа снова кивнул.

— Главное, обращаться с лошастью нежно, — предупредил он, — она — друг, а не раб. Если будешь с ней нежной и ласковой, она оплатит тебе сторицей.

На конюшне нашлась лошадь и для Франсуа. Он помог Аманде сесть в седло, вскочил сам, и они потрусили по каменистой и пыльной дороге в тени огромных раскидистых деревьев.

— На обед приготовлю вам фасоль с мясом и тыквой по-настоящему, по-бразильски! — крикнула им вслед экономка Матильда.

День рождения начался.

Ездить на лошади — дело непростое. У Аманды очень скоро заболели ноги, и Франсуа тут же прекратил прогулку верхом. Зато они отправились на горную речушку купаться. Ледяная вода, брызги, смех.

— Кстати, ты обещал научить меня еще и плавать, — закричала Аманда.

— Вот уж нет! Чего не обещаю, того не обещаю! — сразу же отказался Франсуа.

— Ладно, — со вздохом согласилась девушка. — Так и быть! Но согласишься, здорово я тогда придумала!

— У тебя необыкновенно богатая фантазия, Аманда! — признал Франсуа. — Если бы ее пустить в дело!

— Можно и в дело. Возьму и напишу роман. Героем у меня будет мужчина средних лет, красавец, умница, который отчаянно влюбился в юную прекрасную девушку. Она тоже умница и только одна в мире способна его понять. Ну как?

— Бестселлер! Из серии «Роман для одиноких женщин», — очень серьезно одобрил Франсуа. — Мне даже кажется, я читал что-то в этом роде.

Аманда собралась обидеться, но раздумала — слишком уж ярко светило солнце, голубело небо, и жизнь обещала какие-то необыкновенные чудеса...

— Вот ты все смеешься, Франсуа, — протянула она мечтательно, — а ведь существует же предание о рае, Адаме, Еве... Могут же люди жить только друг другом, жить счастливо и так, чтобы им никто не мешал?

— Даже собственная мама, — осторожно ввернул Франсуа. Он лежал в тени на теплом песке и, прищурившись, смотрел на Аманду. — Кстати, твоя мама и выбрала этот райский вариант. Тебе не кажется?

— Она наконец сбросила маску, которую носила всю жизнь, перестала всех обманывать. Она законченная эгоистка, и ты мог бы не говорить о ней сегодня! — Аманда мгновенно рассердилась и исподлобья, насупившись, смотрела на Франсуа.

— Именно сегодня мы и должны о ней поговорить, — очень серьезно и торжественно продолжал Франсуа. — Без нее тебя бы не было на свете.

Она дала тебе жизнь, Аманда. А жизнь слишком серьезный дар, чтобы не быть за него благодарной.

Аманда, все так же насупившись, смотрела на художника — такой красивый, загорелый, а похоже, приехал только для того, чтобы читать ей мораль. А она-то, дурочка, расчувствовалась!

А Франсуа продолжал:

— И любовь тоже дар. Твоя мать любит, и любит она достойного человека, поэтому все мы должны относиться к ее жизни и любви с уважением.

— А ты, часом, не святой, Франсуа? — вскинулась Аманда. — Как ты можешь расхваливать своего соперника? Я вот не святая! В моих жилах течет настоящая кровь, и сейчас она просто кипит от ненависти!

— И я не святой, — успокоил Аманду насмешливый Франсуа, — только что толку с ума сходить, если поделаться ничем нельзя? А любовь, знаешь, такая штука, которая существует только если она взаимна. Да ты это и сама прекрасно знаешь.

— Она обманула нас обоих! — Аманда придвинулась к Франсуа поближе. — Она нас покинула, оскорбила, обделила! Но разве мы с тобой не можем быть счастливы? Ну посмотри, посмотри на меня, Франсуа. Посмотри как на женщину! Ты же видишь, нам принадлежит будущее. Нам ничего не стоит забыть о ней, выкинуть из своей жизни и жить! Жить!

— Нет, Аманда, я не смогу смотреть на тебя как на женщину, — Франсуа отодвинулся подальше от этой сумасбродной девчонки, которая вновь взялась за свои бредни.

Ох уж эта юношеская неуравновешенность: белое или черное, все или ничего! Сколько еще шишек набьет жизнь этой горячей, порывистой лошадке, которой так далеко до зрелости. Он бы очень хотел ей хоть как-то помочь, по возможности, смягчить хоть какие-то удары!..

— Я никогда не буду твоим любовником, Аманда, — спокойно сказал он. — Никогда. Запомни это раз и навсегда.

— Я тебя ненавижу! Ненавижу! — уже кричала Аманда. — Зачем ты сюда явился? Что тебе от меня нужно?! Травить мне душу? Смеяться? Издеваться надо мной?

— Я явился потому, что я тебе друг, потому, что привязан к тебе, хочу тебе добра, а тебе сейчас плохо, — воистину у Франсуа был неиссякаемый запас терпения. — Если бы я тебя не любил, стал бы сносить твои выходки? Скажу тебе откровенно, что мне даже льстит, когда ты признаешься мне в любви и даже пытаешься соблазнить, прибегая ко всяким уловкам, детским и милым...

Несмотря на свою обиду, Аманда все-таки слушала Франсуа. Главная его сила была в честности, он все называл своими именами, и, когда все было расставлено по местам, все и выглядело как-то совсем по-другому.

— Но я никогда не стану в угоду тебе притворяться и делать вид, будто между нами возможны какие-то любовные отношения. Никогда. Потому что слишком люблю твое жизнелюбие, непредсказуемость, молодость. Ты творческий человек, Аманда! Помнишь, как было хорошо и весело, когда мы работали над выставкой? Так стоит ли нам терять нашу дружбу, раскованность, непринужденность? С тобой я чувствую себя моложе, мне становится веселее, и я предлагаю тебе свою взрослую дружбу, Аманда! Добро пожаловать в мир взрослых! Мой и твоей мамы!

Аманде нелегко было совладать со своими эмоциями, но она слишком ценила Франсуа, чтобы остаться совсем уж глухой к его увещаниям. Она увидела картину, которую он нарисовал перед ней, но пока еще не была готова принять ее и с ней смириться.

Франсуа прекрасно понимал это.

— Пойдем-ка обедать, — позвал он, — а там уж мне и в Форталезу пора.

За обедом они шутили, болтали, смеялись и больше уже не возвращались ни к чему серьезному. Но это серьезное висело в воздухе. Оно требовало своего решения, хотя Аманда, очевидно, не была еще в силах ни решить ничего, ни решиться на что-то.

Франсуа собрался уезжать со смешанным чувством победы и поражения. Он высказал все, что считал нужным, он не потерял доверия девочки, но так и не сумел помочь ей раскрыться, взглянуть на сложные вещи шире, открыть сердце для приятия и добра. Ну что ж! Все еще впереди. Им предстоит еще не один разговор, не одна встреча...

— Не уезжай, Франсуа, — попросила Аманда, видя, что он уже совсем собрался. — Останься со мной!

— Зачем? Чтобы помочь тебе засунуть голову поглубже в песок? Убежать и спрятаться от действительности? Нет, в этом я тебе не помощник.

— Оставь, Франсуа! Ты же знаешь, я приехала сюда для того, чтобы бороться с мыслями, подумать...

— И до чего додумалась? — Франсуа нетерпеливо смотрел на самолюбивое лицо девушки, которое вдруг осветилось совсем детской улыбкой.

— Что ты мой самый лучший друг и я вернусь с тобой в Форталезу! — последовал ответ.

— Отлично! Пять минут на сборы! — скомандовал художник, у него возник еще один план, затеплилась еще одна надежда.

Они ехали довольно быстро, Аманда смотрела в окно, и чувствовалось, что окружающий мир ей очень нравится: ей нравилось сверкающее вдали море, косые лучи солнца, ветерок в лицо.

— Знаешь, это лучший день рождения, который у меня был, — сказала она, поворачиваясь к Франсуа.

— Очень рад, — ответил он и, посмотрев на радостное, умиротворенное лицо Аманды, прибавил: — Вот такой ты мне нравишься, старушка. Такой я тебя просто обожаю!

Они оба весело рассмеялись.

Не доезжая до Форталезы, Франсуа свернул, и Аманда не поняла куда же. Но спрашивать не стала. Наверное, Франсуа решил устроить ей еще какой-нибудь сюрприз.

Франсуа действительно решил устроить сюрприз. Какое-то время они ехали между дюн, потом поворот, потом еще один...

— Это хижина, где живет моя мать? — спросила Аманда, когда Франсуа остановил машину и она увидела перед собой небольшое жилище, покрытое листьями, спрятавшееся в тени огромного ветвистого дерева.

— Ты же сказала, что не хочешь больше прятаться на ферме и готова встретиться с жизнью лицом к лицу? — спросил Франсуа.

Летисия, услышав голоса, вышла. Она увидела в машине Аманду и кинулась к ней.

— Аманда! Доченька! Как я рада! С днем рождения тебя! — начала она, протягивая к ней руки.

Но Аманда забилась глубже в машину, будто маленький дикий зверек — вновь вся напряглась, сжалась, ушла в себя.

— Я, кажется, поторопился, Летисия, — тихо сказал Франсуа. — Но обещаю, я своего добьюсь. Положись на меня.

— Спасибо, — так же тихо ответила Летисия. Несмотря ни на что, она была очень рада, что в день совершеннолетия повидала свою дочку и пусть мысленно, но пожелала ей счастья, зрелости и мудрости.

Машина тронулась, Летисия смотрела ей вслед.

— Ты меня предал, Франсуа, — упрекнула Аманда. — Ты вел мелкую игру. Теперь я не сомневаюсь, что это мать подговорила тебя приехать на ферму! Зачем ты меня к ней привез? Чего добивался? Хотел меня облить помоями после такого чудесного дня?

Единственным утешением было то, что Аманда на этот раз не кричала со слезами, как в прошлый раз, а говорила, пусть обиженно, пусть с

горечью, но говорила.

— Этот день и твой, и твоей матери, с этого мы начали, этим и кончим, — меланхолично проговорил Франсуа. — Она была и останется твоей матерью, где бы и с кем бы она ни была. И рано или поздно ты с этим справишься и не будешь доставлять ей лишних хлопот. Ей и так тяжело, поняла? И когда ты это поймешь, я смогу считать тебя взрослой. А в день твоего совершеннолетия вы должны были повидаться.

— Ты смешной, Франсуа, — живой ум Аманды взял верх над ее обидой, — ты требуешь от меня зрелости, в то время как моя мать поступает как легкомысленная и глупая девчонка. Или ты считаешь, что оставить свой дом и своих детей не легкомыслие?

— Я не вижу детей, — столь же меланхолично ответил Франсуа. — Столько времени, сколько мы с тобой знакомы, я слышу о взрослой женщине. Или Витор за это время впал в детство?

Аманда не могла не улыбнуться, вспомнив своего самоуверенного брата, который говорит ей: «Теперь берись за Франсуа покруче, ты уже взрослая, Аманда!»

— Но раз речь идет все-таки о детях, — продолжал Франсуа, — то ты должна тем более оценить мою твердость. Представляешь, что бы мне было за совращение малолетних? — Аманда при этих словах невольно поджала губы. — Не печалься, позволь мне угостить тебя мороженым.

Они уже остановились у террасы кафе, и Франсуа предусмотрительно открыл дверцу.

— Знаешь, хотя мне исполнилось восемнадцать, иногда я чувствую себя совершенным младенцем, — честно призналась Аманда и вылезла из машины. — А мороженое я съем с удовольствием, и с клубничным сиропом, и с шоколадом, и с печеньем, и с черешней. Да! Да! Угости меня скорее мороженым!

Все-таки это был прекрасный день рождения! Пусть пока еще и не произошло больших перемен, но возникли хотя бы обещания их...

* * *

Дома Аманду ожидал великолепный торт, который испекла Нейде. Плиниу вручил Аманде ключи от всех машин в доме, выразив надежду, что, несмотря на это, она подождет его рассчитывать.

Ее торжественно поздравили все слуги и служанки, и Аманда почувствовала, как все ее в доме любят. И ей это было приятно.

А когда она задула на торте все свечи и откусила первый кусочек, который буквально растаял у нее во рту, Витор сказал ей:

— Мне кажется, ты должна себе сделать подарок. Почему бы тебе не переселиться в комнату донны Летисии? Комната большая, просторная, и сразу понятно, что принадлежит она взрослой женщине.

— Нет, — твердо ответила Аманда брату, — эта комната останется по-прежнему запертой и попрежнему будет принадлежать той, которая нас бросила.

— Она умерла. Забудь о ней, — спокойно сказал Витор, с удовольствием отправляя в рот еще кусочек торта.

Разговор их был прерван телефонным звонком: Аманду поздравлял Гаспар. Аманда горячо поблагодарила деда за подарок: всю свою жизнь она мечтала именно о такой подружке.

Гаспар весело сказал, что они с Эстелой уже налили по бокалу шампанского, которое пьют за здоровье любимой внучки! Потом Гаспар попросил Летисию, он хотел поздравить свою дочь.

— Она пошла пройтись, — ответил Витор, взяв трубку. — Похоже, она решила заняться собой, дедушка. На нее действуют романтические флюиды твоей свадьбы.

И Гаспар понял, что в жизни Летисии произошли серьезные перемены к лучшему. Если уж она ушла из дома в день рождения дочери, то, значит, это что-то очень серьезное.

— Почему ты не сказал, что мама больше не живет с нами? — спросила Аманда, когда Витор положил трубку.

— Не хотел омрачать его свадебное путешествие, — ответил Витор, а про себя подумал: не хватало еще, чтобы встревоженный Гаспар примчался на всех парах в Форталезу и испортил все, что им, Витором, задумано — его игру с акционерами, выход на международный рынок...

Витор взглянул на сестру, которая сидела на противоположном конце огромного стеклянного стола, в котором отражались огоньки свечей, и очень серьезно сказал:

— Больше всего меня заботит будущее, Аманда, твое и мое. Сейчас я занят кое-какими перестановками в фирме, стараюсь все привести в соответствие с мировыми стандартами. Мы не можем допустить, чтобы кто-то нам помешал. Старики уже отжили свое. Их жизнь позади, им не нужны никакие перемены, никакое движение вперед, поэтому все они сейчас для нас только помеха. Главное дело сейчас ложится на нас, и только на нас. Кто бы ни вторгся в нашу семью — ловкачи, аферисты, любители чужого добра, — ничего у них не получится. Наше — это наше! — И Витор

поднял бокал с вином. — За нас, Аманда! За будущее семьи Веласкесов!

Глава 13

Изабел Бонфинь повела себя как маленькая девочка, решив, что, переодев свою кузину, она надежно спрятала ее от всех. Разумеется, Бонфинь тут же узнал Илду, которую прекрасно знал, и загадка с немкой-экономкой мгновенно разъяснилась. Илда и Бонфинь всегда симпатизировали друг другу и очень были рады встрече. Бонфиню, правда, было неловко, что Изабел так обошлась с их родственницей, но и спорить с женой он не собирался. Все домашние дела женщины должны были улаживать сами.

С появлением в доме Илды — Хильдегарды многие проблемы Изабел благополучно разрешились. Собственно, она не придавала этим проблемам особого значения, иначе никому в доме давно не стало бы житья, но тем не менее время от времени она все-таки устраивала небольшой скандал Пессоа и Адреалине, которые отказывались прибираться у себя в комнате, не пускали туда Жанаину, говоря, что она нарушает их замечательный порядок.

Молодежь занималась йогой, слушала магнитофон, философствовала, развалившись на полу, и совершенно не желала никаких посторонних вторжений в свою жизнь. Но Илда, у которой был большой опыт работы с детьми, — она с гордостью говорила, что имела дело с тридцатью, да, с тридцатью подростками! — нашла общий язык и с этими. На время уборки она всякий раз выманивала их, пообещав им что-то вкусненькое на кухне, и великовозрастные дети бежали лакомиться со всех ног.

Дом Изабел сверкал теперь как стеклышко, как и обещала Илда. И даже молодежь смирилась с уборками.

Немало времени Пессоа с Адреалиной проводили и вне дома, валялись на пляже, купались, играли в теннис, а потом пили сок в баре Мануэлы, где Пессоа всегда шуточно заигрывал с Питангой.

Питанга часто помогала матери в баре. Она привыкла к работе официантки, и это не казалось ей таким уж тяжелым делом. К тому же и посетителями в баре в дневное время была в основном молодежь, так что Питанга как бы просто проводила время в своей компании.

Появление новой посетительницы Питанга отметила сразу. Изысканная, стройная женщина с короткой стрижкой была не из тех, кто, примелькавшись за долгие пляжные дни, кажется доброй знакомой. Похоже, что красивая незнакомка была приезжей, и Питанга собралась

было ее обслужить, но Мануэла сказала дочери:

— Погоди, погоди, я сама!

Наметанный взгляд Мануэлы никак не мог определить, к какой категории отнести эту приезжую: она не была ни отдыхающей, ни туристкой. А зачем тогда появилась на пляже? Именно это и собиралась выяснить Мануэла.

Женщина отказалась от всех деликатесов, служивших достопримечательностью бара, и заказала стакан мангового сока.

— А вы случайно не знаете сеньора Самюэля? — внезапно спросила женщина у Мануэлы. — Я приехала издалека именно к нему, он мне очень нужен.

— Не знаю я никакого Самюэля, — ответила Мануэла, вся ее любезность тут же растаяла, и она поспешила вернуться к стойке.

«Вот это кто, одна из бесстыжих подруг Самюэля, — заключила она. — Ему, видите ли, пришло в голову назначать у меня в баре свои свидания!..» И Мануэла почувствовала себя смертельно обиженной.

Зато Питанга не сделала таких скоропалительных выводов. Услышав, что посетительница разыскивает сеньора Самюэля, она сообразила, что здесь, на побережье, сеньор Самюэль только один. К посетительнице она подошла с ожерельями, и та, несмотря на свою озабоченность, была очарована их красотой и тут же выбрала себе одно из них.

— Я сообщу сеньору Самюэлю, что вы его разыскиваете, — пообещала Питанга, — но вам придется подождать. Это неблизко.

Лицо незнакомки просияло.

— Я подожду, подожду! — сказала она. — Мне так нужно, просто необходимо с ним поговорить. А пока я пройду по пляжу, погуляю. У вас здесь так красиво, просто замечательно!

Мануэла, заметив, что дочь разговаривает с «бесстыжей», как она ее окрестила, тут же напомнила Питанге, что той скоро идти в школу, и Питанга мгновенно исчезла из бара. Немного погодя ушла из бара и незнакомка, провожаемая неодобрительным взглядом Мануэлы. Она огляделась по сторонам и пошла по направлению к теннисным кортам, где обычно толпилась и шумела молодежь.

Не прошло и четверти часа, как в бар влетела Адреалина. Мануэла недолюбливала эту хиппи, девчонка была, по ее мнению, малость не в себе. Вслед за ней влетел Пессоа.

— Соку, сеньора Мануэла! — закричал он. — Соку! Дреночке плохо!

Дреночке, видно, и в самом деле было плохо, потому что Мануэла не успела поставить на стол сок, как Дреночка пулей вылетела из бара. Зато в

окне мелькнула незнакомка, вошла и уселась в уголке. Пессоа выскочил вслед за Дреной.

«Какой-то сумасшедший дом», — вздохнула про себя Мануэла.

И будто в подтверждение ее мыслей у дверей зафырчал «джип» и в двери чуть ли не вбежал Самюэль. Питанга сообщила ему о незнакомке, он отвез Питангу в школу и помчался на свидание.

— Мне бы не хотелось, чтобы из-за ваших встреч пострадала репутация моего заведения, — ядовито прошипела вслед ему Мануэла, но он и внимания на нее не обратил, торопясь к одиноко сидящей в уголке женщине, рассеянно жующей бутерброд.

Женщина тоже вскочила ему навстречу.

— Сеньор Самюэль?

— Мария Соледад?

Они сели за столик, и было видно, что для этих двоих никто в мире больше не существует.

— Совсем стыд потеряли! — прокомментировала Мануэла эту встречу.

— У меня сердце чуть из груди не выскочило, когда я получила вашу телеграмму. Села в первый же автобус и тут же в аэропорт. Все, что вы написали о моем сыне, правда?

— Да, ваш сын в Форталезе. Когда я узнал, что на том паруснике была женщина с ребенком, все стало проясняться.

Глаза Марии Соледад наполнились слезами.

— Я потратила столько времени, разыскивая моего сына, и столько раз мои надежды не оправдывались. Я уже отчаялась, и вдруг — ваша телеграмма. Неужели я найду своего маленького Франсиску?

— Мы зовем его Франшику, — сказал Самюэль.

— Неужели? Так называл его мой отец... — проговорила растроганная Мария Соледад.

— Саул? — спросил Самюэль.

— Откуда вы знаете его имя? — удивилась Мария Соледад.

— Я знаю больше, чем вы полагаете, — таинственно ответил Самюэль. — Пойдемте, вы должны увидеть своего сына.

Эстер, которая принеслась на «джипе», вслед за Самюэлем, увидела только спину незнакомки и мужа. Она выпросила «джип» у Серены и помчалась нагонять мужа. Ей давно надоели все эти шатни: таинственная переписка, телефонные звонки! Сегодня она с этим покончит! Эстер приехала, чтобы застать своего благоверного на месте преступления. Но похоже, что преступление совершится в другом месте.

Первым тронулся «джип» Самюэля, следом «джип» Эстер.

— Сумасшедший дом! — снова вздохнула Мануэла, но она бы дорого дала, чтобы узнать, чем закончится эта история.

Самюэль отвез Марию Соледад в дом Франсуа, где по-прежнему жил Франшику. Марию Соледад поразил этот красивый большой дом, ей было приятно узнать, что ее сын живет здесь. Но сегодня он договорился с Плиниу, у которого был выходной, встретиться с машиной у школы Асусену, поэтому его не было дома.

Поднявшись в комнату Франшику, Мария Соледад увидела любимую игрушку своего мальчика. Да-да, он никогда с ней не расставался. Не расстался и теперь. И если у нее и были какие-то сомнения, то теперь они окончательно рассеялись. Она в самом деле нашла своего сына! Мария Соледад стояла посреди комнаты, с волнением прижимая к груди смешного деревянного человечка.

— Только не уходите, — попросила она Самюэля. — Мне кажется, одна я не выдержу нашей встречи...

Внизу хлопнула дверь.

— Дождались, — сказал Самюэль. — Мы с вами столько ждали этого часа!

Но в дверь вошел не Франшику, а гневная Эстер.

— Неужели очень долго пришлось ждать, Самюэль? — спросила она с издевкой, окидывая взглядом с ног до головы бесстыжую вертихвостку. — Мне-то показалось, что она к тебе быстренько прикатила. Насмотрелся на Рамиру и завидно стало? Решил и себе дамочку из высшего света завести? Ты только посмотри на нее и на себя! Сколько тебе, старому хрычу, лет, и сколько ей! Но ты, милочка, забирай его себе. Ты уж с ним и оставайся! Обрато я его не приму. Обьедков с чужого стола не ем! — выпалив все это, Эстер повернулась, и каблуки ее уже застучали по лестнице.

Мария Соледад недоуменно взглянула на Самюэля.

— Это Эстер, моя жена, — извиняющимся голосом сказал Самюэль. — Вы уж ее простите. Разошлась немного. Я ведь даже ей ничего не рассказывал.

Мария Соледад рассмеялась:

— Ах вот оно что! Так расскажите! Идите же, идите за ней и объясните ей все!

— А вы? Вы справитесь?

— Конечно! Это же мой сын! — после неожиданной сцены она обрела душевные силы для счастливой встречи.

Самюэль заторопился вниз, а Соледад осталась ждать, ждать своего сына, своего Франшику.

* * *

И вот по деревенской дороге снова мчались два «джипа» — Эстер и Самюэля.

Эстер гнала машину изо всех сил и обещала, что оба они, и Самюэль, и эта гадючка, еще будут у нее горячими слезами обливаться...

Самюэль ехал, насвистывая веселую песенку: таинственная история наконец близилась к своей развязке. И поскольку развязка обещала быть счастливой, он мог все рассказать Эстер. Как же она намучилась, бедняжка! С ее-то любопытством и ревнивым характером! И как, наконец, мирно и радостно будет у них в доме!

* * *

Мира и радости в доме добивался и Пессоа. Он терпеть не мог мрачной Адреалины. А тут она еще и поплакала. А теперь и вовсе собралась уходить.

Пессоа никак не мог от нее добиться, что же такое произошло? Что случилось? Стряслось? Не бывает же так, чтобы все вдруг взяло и сломалось на ровном месте!

— Дрена! Ну Дреночка! — прыгал он вокруг Адреалины, сидящей на полу. — Выпей молочного коктейля, это же лучшее лекарство от нервов, и поделись, что случилось?

Коктейль оказал свое действие, Адреалине стало явно легче, и она рассказала, что же произошло на пляже.

Беда была в том, что ее накрыли. И теперь ей, того и гляди, придется возвращаться к себе домой, а она этого не сделает ни за что! И поэтому лучше снова пуститься в бега и уйти от Бонфиней.

С этим решением Пессоа был не согласен в корне. Как это — уйти? Адреалина принесла в его жизнь столько радости! Он так к ней привязался. А теперь вдруг она уйдет?.. Дудки! Однажды такое уже было. Больше ему не хочется. Так что пусть лучше Адреалина расскажет все толково, и они непременно придумают какой-нибудь выход!

И вот, оказывается, какой была история Адреалины. Жила она с матерью. А отец... В общем, женаты они никогда не были. Женился отец Адреалины на жуткой мегере. А тут у матери стало плохо с работой, и на какое-то время Адреалину забрал к себе отец. А она от него сбежала. Ясное

дело из-за мегеры. Отец-то у нее очень хороший человек. И вот теперь ее ищут. Но она ни за что к ним не вернется. А сегодня ее мать появилась здесь, значит, ее засекли и теперь ей нужно делать отсюда ноги...

Пессоа слушал Адреалину открыв рот: не Адреалина, а шкатулка с секретами! Подумать только, у нее есть мать, но нет отца, вернее, он есть, но с ними не живет. Вот так дела!

— Я знаю, что тебе нужно, Дреночка! — воскликнул он. — Тебе нужен нормальный дом и семья! Считай, что они у тебя есть. Бонфинь тебя удочерит! И дело с концом!

* * *

Франшику вернулся домой очень грустным. Кому бы понравилось, что девушка, к которой ты привязан всем сердцем, бросается в объятия другого и уезжает с ним? А именно так и поступила Асусена — взяла и уехала на машине с Витором.

А Плиниу еще и добавил:

— Ты, Франшику, поосторожнее с Витором! Вот уж с кем не стоит связываться!

Все это вместе было крайне огорчительно для Франшику: Асусена, внук Гаспара...

Франсуа еще не вернулся, но его дожидалась какая-то его знакомая. Франшику, в общем, ничего не имел против милых и красивых знакомых Франсуа, но зачем она взяла его игрушку? С ее стороны это уже была некоторая неадекватность, и он очень вежливо отобрал ее.

— Простите, но это очень личная вещь, — сказал он. — Понимаете? Поэтому не стоит обижаться. В холодильнике есть все — лед, пиво, сок, виски. Угощайтесь. Франсуа — широкая натура. Я бы и сам составил вам компанию, но у меня сегодня что-то очень уж тяжело на сердце...

И Франшику уже собрался подняться к себе наверх. Однако странная женщина все смотрела на него во все глаза и словно бы его не отпускала, и тогда он невольно пожаловался:

— Не везет мне с женщинами! Любимая девушка исчезла, даже не сказав «прости». А мать, которую я искал всю жизнь и наконец нашел, тоже куда-то исчезла.

— Я здесь, — сказала женщина.

— Я вижу, — сказал Франшику, — большое спасибо за поддержку. Простите, если вывалил на вас свои проблемы, но мне сегодня что-то не по

себе.

Глаза женщины наполнились слезами, она стояла и плакала, и Франшику испугался.

— Да не огорчайтесь вы так! Неужели из-за меня! Погодите! Бросьте! Сейчас я сварю вам кофе, мы посидим, дождемся Франсуа...

— Я вовсе не жду Франсуа, — ответила женщина. — Я... я... пришла сюда в поисках того, кому принадлежит эта игрушка. Ты так часто плакал из-за своего Пакиту, так не хотел с ним расставаться... Так ведь, сынок?

Женщина подходила все ближе, и в глазах ее дрожали и мерцали слезы, и вдруг Франшику узнал ее!

— Мама! — воскликнул он и прижал к груди свою хрупкую, худенькую маму.

— Сынок, сынок, — твердила она, обнимая своего взрослого сына.

— Господи! Какая же ты у меня красивая! Настоящая королева! Как же мне было без тебя плохо! А теперь... мы нашлись, да?

— Я во сне слышала, как ты кричал, мой сыночек. Я всегда знала, что ты не умер, что ты зовешь меня, и все годы слышала твой голос.

Теперь они сидели рядом, не отрывая глаз друг от друга, держась за руки, и вспоминали прошлое. Они сидели счастливые, притихшие, но радость, переполнявшая Франшику, уже нуждалась в деятельности, в выходе:

— Поедем, мама! Я хочу познакомить тебя со своими друзьями! Ты знаешь, у меня теперь здесь очень много друзей!

Мария Соледад радостно ему кивнула.

Перво-наперво они отправились к сеньору Самюэлю. Самюэль уже успел рассказать все Эстер, и как же Эстер теперь раскаивалась! Она ругала себя, что могла заподозрить своего мужа в постыдных, недостойных поступках. С чего? Она же всегда знала, что у Самюэля золотое сердце! И все-таки камень наконец свалился с души Эстер, и в ней воцарились наконец мир и желанный покой.

Франшику пришел поблагодарить Самюэля. Кто, как не Самюэль подарил ему совершенно другую жизнь? Ведь Франшику перестал теперь быть человеком без роду без племени, у него появились семья, фамилия, корни. А главное, он был не один на свете — у него была мать.

Эстер с приветливой улыбкой встретила Соледад, стала извиняться перед ней.

— Но кто бы мог подумать, что в наши дни случаются такие истории? — только и могла сказать Эстер в свое оправдание. — Мы все очень рады за Франшику, вся деревня полюбила его от всего сердца.

Эстер усадила Соледад пить кофе.

— Сейчас и ужин разогрею, — сказала она. — Мы-то сами уже поужинали!

Но Соледад с Франшику отказались: они совсем не голодны, а до наступления ночи хорошо бы зайти еще и к донне Серене.

Франшику хотелось познакомить свою мать с Асусеной и конечно же с донной Сереной, которая всегда так тепло и ласково относилась к нему.

Не было человека в рыбацьем поселке, который бы не радовался за Франшику, и Соледад очень порадовало, что люди так тепло относятся к ее сыну. На долю ее мальчика выпала нелегкая жизнь, он мог бы замкнуться, озлобиться, но, слава Богу, он сохранил добрый, открытый нрав и отзывчивое сердце.

Соледад смотрела на всех счастливыми, радостными глазами. Она готова была любить всех друзей Франшику. Ей очень понравилась тихая голубоглазая Асусена, не говоря уже о донне Серене, которая тут же подарила ей на память одно из своих прекрасных ожерелий.

— Я вижу, одно вы уже купили, — сказала Серена, — так пусть у вас будет и второе на память о нас, о нашей деревне. А вы знаете, что сын у вас многообещающий бизнесмен? Он ведь строит аквапарк.

— Нет, еще не знаю, — ответила Соледад и с любопытством взглянула на Франшику.

— Я все тебе расскажу, — пообещал он. — Нам еще о стольком предстоит поговорить!

— А почему бы вам не заночевать у нас, — предложила Серена. — Места всем хватит.

— Нет-нет, — воспротивился Франшику. — Спасибо за приглашение, но мамочка будет спать у меня в комнате!

— А может, мне лучше поехать в гостиницу? — робко спросила Соледад.

Ее очень смущало, что она окажется незваной гостьей в совершенно чужом доме. Кто знает, как к этому отнесется хозяин, художник Франсуа.

Но Франшику только руками замахал. Что за мысли?! Все и всегда ей будут только рады.

Когда они вернулись, Франшику все суетился, чтобы устроить мать как можно удобнее, и Соледад с благодарной улыбкой смотрела на хлопоты сына.

— Если что-то понадобится, — говорил он, — я тут рядом, в комнате для гостей.

— Да я засну как убитая — я так устала...

— Наконец-то я смогу сказать: спокойной ночи, мамочка — слова, которые не говорил уже много-много лет, — растроганно произнес Франшику.

— А мне перед сном хотелось сказать тебе еще одну вещь, — Мария Соледад вдруг очень серьезно и даже как-то тревожно посмотрела на сына. — Ты знаешь, Франшику, что ты у меня старший сын и у тебя еще есть младшая сестра...

Франшику смотрел на мать с нежностью.

— Но это же прекрасно! — воскликнул он. — Еще один неожиданный и счастливый подарок! Второй за этот чудесный сумасшедший день! Я ведь так устал от одиночества!

* * *

— Папа! — с криком ворвался Пессоа к Бонфиню. — Ты должен удочерить одну девочку!

Изабел схватилась за сердце.

— Я так и знала, — простонала она. — Недаром они сидели там столько времени запершись. Я просто чувствовала, что они делают меня бабушкой! Нет, мне еще рано! — закричала она громко. — Я еще не готова! Я еще жена! Мать!

Пессоа с недоумением уставился на свою матушку. Она-то тут при чем? Бонфинь, чувствуя особую тему разговора с сыном, попросил:

— Зайди ко мне попозже, сынок, и мы все с тобой обсудим.

Спустя некоторое время, когда Изабел успокоилась и ушла из кабинета, к Бонфиню заявили Пессоа с Адреалиной. Они разыграли перед ним целую сцену. Адреалина красочно описала свое несчастное детство на улице, ужасы воспитательного дома, бегство из него, розыск... Они идут по пятам, они ее ищут...

— Никогда! Никогда я туда не вернусь! — повторяла она. — Даже под страхом смертной казни!

Бонфинь расчувствовался чуть ли не до слез. Он успел привязаться к этой бедовой и славной девчонке. И конечно, не собирался давать ее никому в обиду. В этом он ее и уверил.

— У нас в доме ты в полной безопасности, Адреалина. Ты принесла радость нам всем, а особенно нашему бездарному театральному режиссеру, — и Бонфинь с улыбкой посмотрел на сына.

— Бездарному?! — возмутился Пессоа. — Ты прав только в одном,

папа, Дрена — самая клевая из девчонок! И мы с ней неразлучны!

— С этого дня ты моя младшая дочь, — сказал Бонфинь. — И я никому не позволю отнять тебя! Пусть даже мне придется добиваться удочерения через суд! — глаза Бонфиня грозно сверкнули.

Адреалина бросилась целовать добряка. Ей было немножко стыдно за свое вранье, но Пессоа тут же утащил ее наверх. Дреночка должна была выпить соку и расслабиться после таких потрясений. Музыка, пара йоговских упражнений, и все в порядке — Дреночка в безопасности.

— Я буду твоим агентом, — пообещал Пессоа, — вся обстановка будет у меня под контролем. Как только опасность минует, ты выйдешь на улицу! А пока я буду тебя развлекать и охранять. Ты ведь не уйдешь, Дреночка? Знаешь, как мне не хочется, чтобы ты уезжала?.. Стоит мне об этом подумать, и в душе появляется такая штука... Странная... Я не знаю, как она называется, но...

— И не говори ничего, Пессоа! Лучше обними! Обними меня покрепче! Эх ты, голова бедовая! — ответила своему другу Дреночка.

* * *

А в кабинете Бонфиня не умолкал телефон. Звонили озабоченные акционеры. Они хотели выяснить, что на самом деле творится в фирме. Слухи ползли самые отчаянные — близкое банкротство, полное разорение. Долгое время фирма «Наве» была самой стабильной, и вот ее акции не сегодня завтра упадут в цене. Звонили и работники фирмы. Они боялись увольнения.

Бонфинь всем советовал одно: обратитесь к Витору Веласкесу. А что он мог еще посоветовать? И, повесив трубку, озабоченно тер виски: что же делать? Что делать? Похоже, над фирмой сгустились грозные тучи! Еще день, другой — и телефон начнут обрывать кредиторы...

Витор ведет фирму к гибели. За несколько недель он успеет развалить то, что строилось и создавалось долгие-долгие годы. Сколько сил пошло на то, чтобы их фирма прочно утвердилась среди надежных. Такая репутация дорогого стоила. И вот акционеры уже начали сомневаться в них. А что дальше? Что будет дальше?

Глава 14

После школы Далила объехала три магазинчика, на которые ей указал Дави, и всюду договорилась о том, что там примут пробные партии ожерелий. Согласны были принять и кружева. Далилу порадовал успех ее переговоров. Общаясь с людьми, она чувствовала себя в своей стихии, она умела ладить с людьми, умела и постоять за свои интересы.

И хотя Кассиану не нравилась ее новая деятельность, Далила чувствовала: она создана именно для нее, а значит, Кассиану, который ее любит, рано или поздно придется с этим смириться.

Далила от всего сердца любила своего жениха. Она знала, что в самом главном, в самом важном может на него положиться, и поэтому не сомневалась: Кассиану добросовестно вникнет в любую проблему и примет справедливое и доброе для них обоих решение. Что, однако, не мешало им частенько ссориться, а потом, разумеется, мириться.

Гораздо больше недовольства Кассиану Далилу волновала ее подружка Асусена. После того как Витор так бесстыдно приставал к Далиле у себя в кабинете, она окончательно поняла, что ее подруга попала в беду. Далила очень надеялась на Франшику. Живой, обаятельный и к тому же так безоглядно влюбившийся в Асусену, он не мог не заслужить ответного внимания. Пусть поначалу Асусена посматривает на него просто из кокетства, но потом-то должна же она прозреть! Должна понять, кто каков и чего заслуживает! Далила и в магазины отправилась только потому, что увидела у дверей школы Франшику, который дожидался Асусену.

Вернувшись в деревню, Далила побежала к донне Серене рассказать о результатах своей поездки, а заодно узнать у Асусены, не пошло ли у них на лад дело с Франшику.

Увидев блаженное лицо подружки, Далила обрадовалась.

— Ну как? — спросила она. — Может, Франшику уже поцеловал тебя?

— Вы с матерью только и знаете: Франшику да Франшику! Сколько раз повторять, что я его знать не хочу! — резко оборвала Далилу Асусена. — Витор — вот единственный мужчина, которого я люблю и с которым я счастлива!

— Но ему же нельзя ни в чем доверять! — воскликнула Далила. — Он уже столько раз обманывал тебя! И вспомни, как ты из-за него болела! В каком была отчаянии! — Далиле очень хотелось как следует встряхнуть глупышку Асусену, чтобы дурь, напавшая на нее, соскочила.

— Если и отчаивалась, то только по собственному невежеству, из-за глупых предрассудков, — спокойно ответила Асусена. — Витор же ни к чему меня не принуждал. Я пошла с ним, потому что мне так хотелось, и было это не один раз, и мне было с ним очень хорошо!

Асусена будто поучала ее свысока, и Далила просто слышать этого не могла. Ей казалось, что Асусену подменили, околдовали — лепит себе чужие слова, а сама и глаза, и голову потеряла!

— Тоже мне, нашла себе пару! Да он — дрянь и больше ничего! — рассвирепела Далила.

— Не смей так говорить! — рассердилась и Асусена. — Что ты имеешь против Витора? Что? Скажи! Мне-то кажется, что ты хочешь разлучить нас из какой-то зависти, каприза, прихоти. Ты всегда была умненькой и хитренькой, Далила, а я — глупышкой. Ты верховодила, а я подчинялась. А теперь вдруг все переменялось, и тебе не нравится, что я чувствую себя взрослее, чем ты. Что ты и понятия не имеешь о том, что я испытала. Ведь женщина от этого становится более зрелой не только телом, но и разумом!

«Ну и дуреха! Что она такое городит?!» — возмущалась про себя Далила.

— Да ты как была, так и осталась безмозглой девчонкой! Тоже мне! Нашла в чем тебе завидовать! Если я и живу по правилам, то не потому, что они мне кем-то навязаны, а потому, что они — мои, они у меня и в голове, и в сердце. И до свадьбы я постараюсь дожить в том виде, в каком появилась на свет. И касается это только меня и Кассиану.

Как после этого Далила могла не рассказать Асусене о том, что произошло у нее с Витором в кабинете? Это был ее единственный реальный довод. Единственный способ образумить окончательно задуренную Асусену.

— Ну поверь ты мне! — умоляла она подругу. — Теперь ты видишь, что он подлец! Понимаешь? Подлец! И если ты с ним останешься, то тебе придется еще много-много страдать, пока ты наконец не прозреешь и не увидишь, какой он отъявленный мерзавец!

И что же Далила услышала в ответ? Казалось бы, что можно возразить против вопиющего факта: возлюбленный Асусены пытался силком поцеловать Далилу у себя в кабинете!

— Кассиану прав, ты кажешься легкомысленной и доступной, — начала вещать Асусена, но, увидев округлившиеся глаза и приоткрытый рот Далилы, спохватилась и добавила: — Нет, конечно, ты не такая, но такой ты кажешься. Витору это не понравилось, и он решил тебя проучить...

— Если ты и тут оправдала Витора, то, значит, не заслуживаешь моей дружбы и нам, подруга, больше не о чем разговаривать! — с этими словами Далила в бессильном возмущении хлопнула дверью.

Пробегая мимо удивленной донны Серены, она бросила на ходу:

— Мне иногда кажется, донна Серена, что ваша дочь окончательно сошла с ума!

Увидев, как его бедовая дочка вихрем ворвалась в дом с горящими щеками и слезами на глазах Самюэль задумчиво сказал:

— А не намылить ли мне шею Кассиану?

— Нет, папочка! Сегодня я поссорила с Асусеной! И теперь не знаю, помиримся ли мы вообще когда-нибудь. Будь я виновата, то попросила бы у нее прощения. Но виновата она и не станет передо мной извиняться.

— А ты не чинись, доченька, сделай шаг первая, — посоветовал умудренный жизненным опытом Самюэль. — Вы ведь как сестры, и в будущем вам жить одной семьей. Всегда лучше получить рану, чем ранить самому...

Далила кивнула, она готова была сделать хоть сто шагов. На Асусену она не сердилась, она злилась на себя, что никак не может пробить глухую стену, в которую замуровали ее подругу. Вздохнув, она заторопилась к Кассиану. Рыбаки завтра уходили в море.

* * *

Рыбаки уходили в море, и Серена впервые не пошла на причал. С сыном она простилась дома. Простилась накануне и с Самюэлем. Но у нее больше не было мужа, который хотел бы помнить в море ее улыбку, которому был бы нужен ее прощальный поцелуй. Прощание — ведь не только печаль, это и радость тоже. Потому что, прощаясь, люди ждут возвращения, встречи...

И Серена принялась горячо молиться, прося, чтобы рыбаки вернулись на берег живыми и невредимыми:

— Не оставь наших рыбаков, святой Франциск, отведи от них сильные ветры и штормы! Дай им побольше рыбы! Присмотри за сыном моим, Кассиану. И за Рамиру тоже. Боюсь, что, кроме меня, некому за него помолиться.

На этот раз Рамиру оставил им рацию. Поэтому для экстренного случая у берега была связь с морем. Но ни одна из рыбацких жен не позволила бы себе тревожить мужа в море. Трудная работа рыбаков была

для них священной.

Летисия осталась одна. Прощание далось ей трудно. Кровоточил еще разрыв с детьми, с домом. Летисия не была готова к новой разлуке. Она все хотела как-то оттянуть ее, как-то миновать, хотя в то же время понимала: разлука неизбежна, ни о чем просить Рамиру она не имеет права.

Рамиру смотрел на нее с состраданием. Он понимал ее душевное смятение и при этом знал: не ему избавлять Летисию от ее страхов и боли. Жизнь должна идти своим чередом. Каким бы ни было душевное смятение человека, оно не может изменить ход жизни. И каждый должен смириться с тем, что идет жизнь, и каждый должен научиться справляться с самим собой...

Рамиру был занят домашними хлопотами и заботами, стараясь, по возможности, обустроить житье-бытье Летисии без него. У нее не должно было быть недостатка в припасах, и он закупил рис, фасоль, сахар, мыло, накопил овощей и фруктов, оставил ей и денег.

— Не стесняйся, покупай все, что найдешь нужным, — говорил он, стараясь домашними хлопотами занять Летисию. — Когда человек несет каждодневную тяготу дел, она ему в помощь, он чувствует себя устойчивее, ему некогда думать о постороннем, душа его меньше тратится на ненужные переживания.

Летисия, видя его заботы, благодарно кивала. Она понимала, что должна отпустить Рамиру в море с миром в душе. Что он должен быть за нее спокоен, и она твердила и себе, и ему:

— Я справлюсь, вот увидишь, я справлюсь. Со мной будет все в порядке. Я буду ждать тебя у нас дома, где каждая вещь напоминает мне о моем Рамиру. Буду сидеть в натаем уголке и считать минуты, думая о тебе.

— И я буду с тобой каждую минуту, — ласково отвечал Рамиру. — Волны за бортом моей лодки донесут до тебя мое дыхание, полное любви и печали. А по ночам я буду смотреть на небо и видеть в сверкающих звездах твои глаза, а когда вернусь... Ты еще узнаешь, Летисия, какое это счастье, когда рыбак возвращается на берег. Нет в жизни ничего прекраснее, чем мужчина, который возвращается к любимой женщине...

И вот теперь Рамиру ушел в море, и она должна была справляться со всем, как обещала. Но, похоже, что все стихии взбунтовались против нее. Огонь в очаге никак не желал разгораться, вода проливалась мимо кастрюли. И все-таки Летисия упорно пыталась разжечь огонь и аккуратнее наливать воду.

— Ну как поживает жена Робинзона Крузо? — раздался веселый голос Франсуа. — Похоже, дрова сыроваты? Сейчас найдем посуше.

И он уже тащил охапку дров.

Летисия с благодарной улыбкой посмотрела на художника — дружеская помощь подоспела вовремя и была как нельзя кстати.

Однако Франсуа приехал не просто так. В первую очередь он, конечно, хотел узнать, как себя чувствует Летисия после визита Аманды, а во-вторых, спросить ее мнение о портрете Эстелы, который он наконец закончил.

Портрет Летисии очень понравился, и она хвалила его колорит, тонкую нюансировку...

— Я уверена, что и отец, и Эстела оценят его по достоинству, — уверенно сказала она и с тоской посмотрела на очаг, где едва-едва тлели дрова. — Нет,стряпня — это не мое призвание.

— Слушай, я приглашаю тебя пообедать, — бодро предложил Франсуа. — Я тут приглядел одно славное местечко на пляже, там все очень просто, без затей, но очень вкусно кормят.

Оказалось, что у Летисии нет здесь даже более или менее приличного платья, а идти так она отказалась наотрез.

Франсуа мужественно пообедал полусырой рыбой, припомнив тот вечер, когда угощал Летисию полугорелой. Тогда она с честью вышла из положения — воздушный салатик, который она приготовила, был очень вкусным.

— Никогда у меня не было склонности к готовке, — печально пожаловалась Летисия, — но ничего, придется привыкать.

— За мной ужин, — пообещал Франсуа. — Приходи как-нибудь, приготовим еду в микроволновой печке, послушаем музыку. Я тут купил компакт-диск Четвертой симфонии Малера, дирижирует Бирбиолли, представляешь?

— Еще бы! — сразу воодушевилась Летисия. — В Нью-Йорке я слушала, как он дирижировал Пятой...

— Так что приходи, буду рад!

И тут Франсуа со смехом рассказал утреннее недоразумение. Поутру он увидел Франшику, который нес наверх поднос с завтраком, и решил, что его приятель привел к себе женщину. Этот факт почему-то до крайности его возмутил. Не говоря дурного слова, он тут же позвонил в агентство по найму квартир и попросил срочно найти небольшую квартирку для его друга.

Пять минут спустя выяснилось, что к Франшику приехала его мать, которую он искал всю жизнь и наконец нашел. Матушка Франшику оказалась премилой и довольно молодой женщиной по имени Мария

Соледад. Они очень быстро нашли общий язык, и теперь Франсуа даже рад своей гостье. Правда, кажется, она уже собирается уезжать. Но если вдруг Летисия ее застанет, то пусть не пугается и дурного не думает.

— Я приду как-нибудь, — пообещала Летисия, — вот только не знаю когда...

Мария Соледад собиралась уезжать на следующий день. Ей непременно нужно было успеть на работу, которой она очень дорожила. Франшику и огорчался, и радовался. Он уговаривал Марию Соледад перебраться в Форталезу. Они вместе с сестрой тут прекрасно устроятся. Франшику не терпелось узнать все и про сестру: какая она? Сколько ей лет? И... Неужели их отец не умер сразу после рождения Франшику?

— Нет, это твоя сводная сестра, — улыбнулась Мария Соледад нетерпению сына. — А вообще, все это крайне грустно. Мне просто не хотелось сразу омрачать нашу встречу.

В ответ на просьбы Франшику Мария Соледад рассказала невеселую историю своей любви. Она работала в аэропорту диспетчером, а ее возлюбленный был летчиком. И к тому же он был женат. Но они полюбили друг друга, вот так и родилась Ана Каролина. Когда об их отношениях узнала его жена, то устроила страшный скандал. Мария Соледад потеряла работу, и ее не взяли больше ни в одну авиакомпанию. Для нее настали черные дни, но длились они недолго, нашлась работа, и все пошло более или менее гладко. Они виделись, отец обожал свою дочь. А совсем недавно Мария Соледад вновь осталась без работы. Жить им стало не на что, и отец забрал дочку к себе. И естественно, что его жена возненавидела девочку. От такой жизни Ана Каролина сбежала. Сбежала как раз тогда, когда они договорились, что дочка все же будет жить у Марии Соледад, а отец будет давать им деньги, пока для нее не найдется другая работа. Вот теперь и работа нашлась, а Ана Каролина нет.

— Скорее всего, она побоялась, что я верну ее отцу, — со слезами на глазах объяснила Соледад, — наверное, она почувствовала себя отвергнутой. Отец даже нанял детектива, но он потерял след моей девочки именно в Форталезе.

— Успокойся мамочка, не плачь, — у Франшику просто сердце переворачивалось от сочувствия к матери и сестре, — вот увидишь, я ее отыщу! Всю свою жизнь я только этим и занимался. Я могу отыскать иголку в стоге сена, а уж отыскать маленькую леди в Форталезе мне сам Бог велел. Положись на меня! У тебя теперь есть опора в жизни!

Сквозь слезы Мария Соледад улыбнулась своему Франшику.

Франшику не мог не показать матери свой будущий аквапарк, который

в этих жарких местах будет пользоваться бешеным успехом. Мария Соледад от души порадовалась тому, что сын ее твердо стоит на ногах, раз может позволить себе такие траты.

— Это не совсем так, мамочка! — честно признался Франшику. — Моя только идея, а деньги принадлежат моему другу Гаспару Веласкесу. Он относится ко мне прямо как к ближайшему родственнику, но о том, что он дал мне деньги, не знают даже у него дома. Потому что его домашние могут быть против нашего с ним акционерного общества. Но ведь от тебя, мама, у меня не должно быть секретов, правда?

— Правда, — согласилась Мария Соледад.

С большим вниманием осмотрела она все, что показывал ей Франшику, и уже будто видела сверкающие брызгами каскады, голубые бассейны, изящный павильон-ресторан на островке посреди искусственной реки. Зрелище обещало быть фантастическим, а главное, что завершения строительства оставалось ждать совсем недолго. Парк стал уже реальностью, воплотившейся мечтой.

После осмотра парка они зашли к Мануэле пообедать, а после обеда Соледад собралась отправиться за покупками, но собралась она за покупками одна. Поначалу Франшику очень расстроился, но потом сообразил, что, очевидно, его матушка хочет сделать какие-то особые, чисто женские покупки. Он отвез ее в центр города и пообещал вернуться на то же самое место часа примерно через три.

Но Мария Соледад отправилась вовсе не за покупками. Она отправилась повидать доктора Гаспара Веласкеса. Но дома его не застала. Зато узнала, что он овдовел, но совсем недавно женился и сейчас совершает свадебное путешествие.

— Вы можете оставить номер своего телефона, — предложила Аманда незнакомке, — или адрес и, наверное, имя и фамилию.

— Я не уверена, что доктор Гаспар помнит, как меня зовут, — ответила худенькая брюнетка, — лучше я как-нибудь еще раз к вам зайду. Ведь прошло столько лет... Большое вам спасибо.

— Меня зовут Аманда, и я внучка доктора Гаспара.

— Спасибо, Аманда!

Если у Соледад не состоялась встреча с Гаспаром Веласкесом, то ее встреча с Бом Кливером превзошла все ожидания. Слезы потекли по щекам старика, когда он узнал, что перед ним стоит женщина с парусника.

— Тебе плохо, папа? — испугалась Мануэла, которая и привела гостей к отцу.

— Что ты, доченька! — отвечал старик. — Никогда в жизни мне не

было так хорошо! Я будто заново родился на свет и счастлив, как ребенок.

Много лет назад он поклялся, что богатство Саула достанется только его законным наследникам, и вот они стоят перед ним, живые и невредимые.

— Если бы не вы и не Самюэль, мы бы никогда не нашли, — растроганно говорил Франшику.

— А Самюэль уже сообщил вам о кладе? — нетерпеливо спросил старый Бом Кливер.

— Мы успеем еще поговорить о кладе, — Франшику не хотел, чтобы стариком завладела его навязчивая идея. — Вы лучше покажите маме подзорную трубу. Ведь только благодаря ей я все вспомнил, — попросил он.

С каким волнением Мария Соледад вновь держала в руках отцовскую подзорную трубу! Она помнила ее с детства, отец всегда очень дорожил ею, но и сейчас она выглядела совсем как новенькая. Сразу было видно, что старый морской волк очень тщательно и бережно за ней ухаживал. Когда Бом Кливер протянул ее Соледад, она поняла, что ему очень больно с ней расставаться, но в то же время он готов передать ее законным владельцам.

Ласково погладив трубу, Соледад вернула ее Бом Кливеру.

— Никто не сможет беречь ее лучше вас. Пусть она у вас и останется, я буду знать, что она в хороших руках...

— Спасибо тебе, дочка, — растроганно сказал старый морской волк.

* * *

После визита к Бом Кливеру мать и сын погрузились в воспоминания и все никак не могли наговориться.

Франшику узнал, что многое из того, что он считал бреднями слегка тронувшегося умом старичка, было чистой правдой. Например, оказалось, что Франшику действительно потомок морских цыган.

Мария Соледад рассказала ему, что в древности был такой народ, который называли морскими цыганами. Жили они в Средиземном море, занимались рыболовством, а иногда и разбоем. Их преследовали, и тогда кое-кто из них перебрался сюда, к берегам Бразилии, среди них был и дед Франшику — Саул.

— Так, значит, я морской цыган? — радостно завопил Франшику. — Верю, мамочка, верю! У меня никогда не было ни кола, ни двора, и мне всегда нравилось бродить по свету! А уж свободу я люблю как никто! Вот

здорово, да?

Глаза Франшику сияли, он чувствовал в своих жилах кровь морского бродяги, деда Саула.

— Послушай, мамочка, — Франшику придвинулся к Соледад поближе, — а что, если старый пират Бом Кливер не выжил из ума и все его бредни о сундуке, полном сокровищ, правда? Что, если морской разбойник Саул зарыл где-нибудь сундук с золотыми монетами?..

— И тебя зовут Али Баба и ты живешь в сказке? — ответила своему сыну-фантазеру Соледад. — Если бы твой дед хоть что-то нам оставил, то я бы об этом знала, — трезво заключила она. — Смотри-ка, уже стемнело, а твоего друга все нет. Пойдем-ка лучше на кухню, и я вам в качестве благодарности приготовлю вкусный-превкусный ужин!

— Ура! — обрадовался Франшику. — Наконец-то я увижу свою мамочку на кухне и в фартуке!

И романтическая история деда Саула и парусника окончилась приятной прозой: Мария Соледад надела фартук и принялась сбивать в миске яйца, сыпать муку, резать зелень...

Франшику расставлял на столе тарелки и чашки, поджидая возвращения друга.

Франсуа пришел в восторг от пирога, испеченного Соледад. А жаркое! Ни в какое сравнение с рыбой, которой он отобедал!

Франшику разглагольствовал с набитым ртом, строя розовые перспективы их будущей совместной жизни: Мария Соледад возвращается в Рио, срочно улаживает свои дела с квартирой, с работой и возвращается в Форталезу. Аквапарк приносит бешеные доходы, и Франшику строит прекрасный дворец для своей королевы-матери...

Виновато улыбаясь, Соледад взглянула на Франсуа.

— Вы уж простите его! Конечно, ему очень хочется жить со мной, но я, разумеется, понимаю, что это дело весьма отдаленного будущего. Так что вы можете не беспокоиться.

— Ну что вы! Буду только рад, если вы окажете честь поселиться здесь вместе с Франшику! — искренне воскликнул Франсуа. — Вы никак меня не стесните, а ваше общество будет мне необыкновенно приятно.

Соледад покраснела от удовольствия, а Франшику бросился обнимать своего друга, с которым они так часто ругались на словах и так много помогали друг другу на деле.

Глава 15

Рыбаки ушли в море, и Асусена с утра пораньше полетела на свидание с Витором. Так что когда Далила зашла к ней, ее уже и след простыл.

— Сказала, что ей что-то надо в библиотеке, поесть собиралась в городе, а потом в школу, — объяснила Серена.

Далила поняла, что примирение состоится чуть позже, и тоже заторопилась в город. Она собиралась повидаться с Дави, порадовать его печеньем, которое специально для него испекла донна Эстер, а потом повидать Оливию. Отец, уходя в море, попросил передать ей записку.

* * *

Витор сразу же заметил, что Асусена чем-то огорчена. И ему не составило большого труда добиться, какова же причина ее огорчения.

— Мы поссорились из-за тебя с Далилой, — призналась Асусена и вопрошающе посмотрела в глаза Витору. — Она сказала, что ты во время разговора пытался ее обнять.

— Далила меня просто не поняла. Я по-дружески пытался ее успокоить, но она была до того взвинчена, что уже, кажется, вообще ничего не понимала. Она устроила мне жуткий скандал и так на меня кричала!.. Но я понял, что тебя она очень любит. Так что вы, пожалуйста, не ссорьтесь из-за меня. Мне будет очень неприятно, если ты потеряешь лучшую подругу.

Этих слов Асусене было вполне достаточно, чтобы убедиться в благородстве Витора. «Надо же! Он даже не сердится на Далилу!» — вот что мелькало в ее головке. Тучи рассеялись, и вновь засияло солнце.

Время пролетело незаметно, и вот уже настал миг расставания: Витору было пора в офис, а у Асусены скоро начинались уроки.

— Я заеду за тобой в школу, — пообещал Витор, и Асусена счастливо улыбнулась.

Она не понимала, как может кому-то не нравиться Витор — прекрасный, умный, благородный Витор! Витор, который сказал ей сегодня: когда мы поженимся, свидетелями у нас будут Кассиану и Далила! Да-да, именно так ей и сказал сегодня Витор.

Направляясь к зданию своей фирмы, Витор повстречал Далилу. Она

успела повидать Дави, поговорила с Оливией и пригласила ее, если ей понадобится, почитать книги с народными рецептами Самюэля, пока сам он в море. Теперь она спешила в школу. Но ее остановил Витор:

— Зайди ко мне на секундочку! Мне нужно поговорить с тобой об Асусене.

Если речь шла об Асусене, Далила не могла отказать даже Витору.

Витор провел ее в свой кабинет и плотно закрыл дверь. Здесь он чувствовал себя как в крепости. Никто не имел права переступить порог без его зова под страхом увольнения. Своенравная девчонка сейчас была целиком в его власти.

— Если уж я такой подлец, каким ты меня выставила, то воспользуюсь слзгчаем и поддержу свою репзггацию. Вам будет о чем поговорить с Асусеной, вы ведь с ней ближайшие подруги, почти сестры.

С этими словами Витор крепко обнял Далилу, прижал ее к себе, ища ее рот. Но тут же получил такой удар в живот коленкой, что упал, скрючившись от боли.

— Попробуй только подойди ко мне, гадина! Я так закричу, чертям тошно станет, — пообещала Далила.

— Думаешь, я не заставлю тебя молчать? — злобно прошипел Витор. — Я могу сделать так, чтобы ты замолчала навсегда. Чудовища и совершают чудовищные поступки.

Ох, как возмутилась Далила! Ее прямо-таки затрясло от яростного негодования! Да как он смеет грозить ей, этот трус поганый?! Жалкая мразь! Он и перед Кассиану стоял, опустив руки, только потому, что понимал — если не будет защищаться, то Кассиану не будет его бить! А теперь пользуется тем, что она женщина. Думает, что слабая. Но не на такую напал!

— Я тебя не боюсь, Витор! Ты что, думаешь что можешь вертеть людьми, как тебе вздумается? Да ты кем себя возомнил? Господом Богом, что ли?

— Да, я — Бог и могу делать все, что вздумается, — Витор уже занял свое директорское место за столом и обрел ледяное спокойствие. — Это у вас в деревне сила есть — ума не надо, а у меня здесь по-другому. И не думай, что я воспользуюсь физическим насилием, я еще найду способ с тобой посчитаться.

— А с тобой посчитается Бог, Витор. И ты получишь по заслугам! Бог дает каждому то, что он заслуживает, и тебя ждет печальный конец, Витор Веласкес. А мне ты гадок, и молчать я не собираюсь. Все узнают, какое ты жалкое, отвратительное ничтожество. А теперь открывай дверь! Быстро!

— Убирайся! — рявкнул Витор, и Далила вышла с высоко поднятой головой, пылающими щеками и неутоленной жаждой справедливости в сердце.

Витор кнопкой вызвал Оливию. Увидев серое лицо Витора, Оливия испугалась.

— Померить давление? Дать лекарство? — стала спрашивать она.

— Нет, — отмахнулся Витор, — мне нужно не лекарство, а доктор, — он притянул к себе Оливию и стал целовать ее.

— Оставь меня сейчас же, Витор! — Оливия с силой оттолкнула его. — Не смей этого делать!

Дверь открылась и тут же закрылась, так что ни Оливия, ни Витор не успели понять, кто это заглядывал.

— Почему — не смей? — продолжал настаивать на своем Витор. — Я же тебе нравлюсь, а уж как ты мне нравишься...

— Отпусти меня сейчас же! Здесь не место! — Оливия уже начала сердиться всерьез.

— Вот это правильно, — согласился Витор, — идем! Найдем другое местечко! — теперь он с готовностью отпустил Оливию и встал.

— Мне некогда, Витор. Я на работе, — Оливия уже приняла официальный тон и собиралась во что бы то ни стало его держаться.

Ей был до крайности неприятен этот инцидент, и она злилась на себя за то, что в чем-то этот наглец Витор был прав, раз он вновь и вновь возобновляет свои любовные притязания, очевидно, она так и не сумела поставить его на место.

— Подойди к окну на секунду, — позвал Витор Оливию. — Да не бойся ты, я тебя не съем.

Оливия подошла, окно выходило на доки, и там белел остов большой изящной яхты.

— Как только ее достроят, мы отправимся с тобой на Карибы, — пообещал Витор. — Как директор, я имею право дать тебе отпуск в удобное для тебя время. Ты же не будешь отрицать, что тебе нужно отдохнуть?

Оливия не успела ответить. За дверями кабинета поднялась какая-то суматоха. Зазвонили телефоны и на столе Витора. Искали доктора Оливию, На верфи — несчастный случай, рабочий получил травму.

Оливия сломя голову понеслась на верфь. Витор с усмешкой смотрел ей вслед. Рано или поздно, но она будет принадлежать ему — это дело решенное.

* * *

У рабочего оказался, слава Богу, только вывих, и рентген подтвердил это. Наложив тугую повязку, Оливия возвращалась к себе в кабинет, в свой медицинский отсек, и дорогой повстречала Дави.

В кабинет Витора заглядывал он и видел, как целовались Оливия и Витор, и теперь ему было очень горько. Теперь он знал истинную причину, по которой Оливия разорвала помолвку, — у нее был роман с Витором. Обман всегда как-то особенно больно уязвляет самолюбие, и Дави не мог не высказать своей обиды.

— Не говори ничего, Дави, — прервала его Оливия. — У меня не было и нет никакого романа с Витором. Поцелуй ровно ничего не значит.

— Нет, я все-таки скажу, потому что люблю тебя по-прежнему: женщинам от Витора нужно держаться подальше, это человек...

— Витор — отличный парень, ты на него наговариваешь, Оливия! — передразнив голос Дави, насмешливо прищурилась девушка.

— Я ошибался! Так ошибался! — горестно вздохнул Дави. — И теперь хочу, чтобы ты знала, с кем имеешь дело.

— Спасибо, Дави, но мне кажется, что именно я это знаю... — и Оливия свернула к своему медицинскому отсеку.

Она шла и думала, что, пожалуй, надо будет съездить к донне Эстер, такого кофе, как она, никто не варит. Полистать книги сеньора Самюэля, поболтать с Далилой. Вот уж кто был всерьез по душе Оливии, так это Далила...

* * *

Асусена битый час прождала Витора возле школы, но так и не дождалась. В конце концов, она поехала с Далилой домой, огорченная и подавленная.

Далиле совсем не хотелось пересказывать подруге, с которой они только что помирились, утреннюю сцену. Она всерьез положила на Божье милосердие, которое должно было спасти Асусену и наказать Витора. Но свое мнение по поводу напрасного ожидания Асусены она все же высказала:

— Ну что? Ты же видишь, что Витор встречается с тобой только тогда, когда не может найти себе никого другого! Перестань обманывать себя!

— Нет, он любит меня, любит! — со счастливой улыбкой твердила Асусена. — Витора сегодня не отпустили с работы дела. Уж я-то знаю. Как жаль, что у нас в деревне нет телефона, а то бы он сегодня непременно позвонил мне и все объяснил.

Далила со вздохом покачала головой: нет, не в силах человеческих что-то поделаться с этим сумасшествием!

* * *

Но в чем-то была права и Асусена. У Витора сегодня были дела поважнее, чем ухаживание за Оливией. Если раньше телефон обрывали акционеры, то теперь начали звонить и кредиторы. Их интересовали сроки платежей.

— Когда это мы срывали сроки платежей? — спрашивал Витор в ответ. — Все у нас в порядке. Можете приехать и сами убедиться. Я распоряжусь, чтобы все необходимые сведения были в вашем распоряжении, — любезно отвечал он всем.

Он готовил взрыв, удар и бум и радостно потирал руки, потому что рыбка взяла наживку.

Вечером Витор взял машину и поехал в деревню. Он считал нужным все-таки повидать Асусену. Все взрывы он любил готовить сам. А со взрывоопасными девчонками, вроде Далилы, предпочитал держать руку на пульсе.

Асусена просто обомлела, когда различила в быстро надвигающихся сумерках машину Витора.

Вот это да! И Далила еще смеет говорить, что Витор ее не любит! Да он на все готов ради нее!

А Витор уже входил в дом.

Серена с неприязнью смотрела на очередного представителя семейства Веласкесов. В том, что он посмел переступить порог ее дома, она видела почти что оскорбление, но сдержалась.

— Что тебя привело к нам, Витор? — спокойно спросила она. >

— Я приехал к Асусене, — ответил он, оглядывая просторную, просто убранную комнату, в которой все дышало уютом и чистотой.

В этой комнате хорошо было рукодельничать и секретничать, но Витор не был склонен ни к тому, ни к другому, и поэтому убранство вызвало у него лишь снисходительную усмешку.

На его усмешку ответила усмешкой и донна Серена.

— Зря потратил время, — сказала она, — у Асусены теперь другой парень.

— Как это?

— Да так! Что, у нас в округе холостых ребят, что ли, нет? Асусена встречается с другим и счастлива! — Серена не отличалась коварством, но озабоченность, появившаяся на лице Витора, ее порадовала.

— Вы имеете в виду Франшику? — уточнил Витор.

— Да, Франшику, — подтвердила Серена. — Парень вежливый, веселый и всем нам по душе, особенно Асусене. Так что ты уж больше не приезжай к нам, Витор, сделай милость.

— Я не понимаю, за что вы меня так невзлюбили? — спросил Витор.

То, что эта женщина, которую сам он и в грош не ставил, смотрела на него как на пустое место, почему-то задело Витора.

— Если спрашиваешь, скажу, — ответила Серена. — Я не допущу, чтобы еще кто-то из моей семьи связался с семьей Веласкесов.

Вот это Витору было уже понятнее, и он поспешил отместить от себя этот упрек.

— Нападки не по адресу. — заявил он. — Да, я из семьи Веласкесов, но ничего общего не имею с делишками донны Летисии. Я разделяю ваше негодование. Мы могли бы объединить наши усилия и покончить с этой дурацкой любовной идиллией.

Откровенное пренебрежение по отношению к матери, которое прозвучало в тоне Витора, понравилось донне Серене еще меньше, чем все остальное: зачем ей такие союзники?

— Уходи, Витор, — попросила она, — и больше не приезжай к Асусене.

— Передайте ей, что я ее люблю, — с этими словами Витор вышел, и Серена надеялась, что этого молодого человека в ближайшее время она не увидит.

Но напрасно.

Когда Серена поднялась к Асусене, чтобы все таки сообщить ей о визите Витора, то нашла только пустую комнату и открытое окно, которое о многом ей поведало. И тогда Серена принялась молиться за дочь, прося, чтобы Господь сохранил ей разум и охранил от беды.

* * *

Витор мгновенно оправдался перед Асусеной, сообщив о несчастном

случае на верфи и о болтливости доктора Оливии.

— Замучила своей болтовней, — говорил Витор, — а я весь был как на иголках, все мечтал успеть к тебе. Ты, наверное, еще не знаешь, что я строю себе новую яхту, — продолжал он, — большую, на ней можно будет пересечь даже океан. Ты когда-нибудь слышала о Карибах?

— Это острова, не слишком далеко отсюда, да? — спросила Асусена, замороженно глядя на Витора. — Отец мне рассказывал, говорил, что они необыкновенно красивые.

— Да, очень красивые, и я хочу, чтобы первое плавание было на Карибы и мы отправились туда вместе. Ну как, согласна?

Имело ли смысл и спрашивать о согласии? Асусена уже плыла по теплому ласковому морю в объятиях своего возлюбленного...

— Ах, Далила, Далила, как же ты неправа! — прошептала она, сожалея о своей недальновидной подружке.

— Кстати, я ее сегодня видел, — беззаботно сообщил Витор. — Может, она тебе говорила?

— Нет, не говорила, — отвечала Асусена. — А ты знаешь, мы с ней помирились, и, похоже, она не будет больше на тебя сердиться.

— Надеюсь, — Витор про себя усмехнулся. — Я и сегодня был с ней предельно вежлив, но она набросилась на меня как кошка, и знаешь, мне это надоело. Я хочу, чтобы жители твоей деревни поняли: им не под силу запретить что бы то ни было Витору Веласкесу. А сейчас я хочу пойти и поговорить с твоей матерью.

— Ты самый лучший человек в мире, Витор, — восторженно прошептала Асусена.

— Я это знаю, — усмехнулся Витор. — Поехали.

* * *

Когда Серена увидела Асусену, вернувшуюся вместе с Витором, много легче ей не стало, но все-таки камень свалился у нее с души. Похоже, что на этот раз все обошлось. Однако поощрять эти встречи она не собиралась. И высказала Асусене все, что думала: парень этот ей не пара, он намерен воспользоваться ее молодостью и неопытностью, а героя разыгрывает только потому, что в доме нет мужчин. И что же она услышала в ответ от своей тихой и всегда такой послушной Асусены?

— Я люблю Витора. С ним я сама не своя от счастья, и все это время я с ним встречалась, — страстно говорила тихоня Асусена. — Вот увидишь,

мы поженимся, у нас будет семья, дети. А если ты, даже запрешь меня, мама, запретишь видаться, я все равно убегу к нему, когда бы он ни позвал меня — днем, ночью или на рассвете...

— А ты, парень, что мне скажешь? — Серена пристально смотрела на Витора, который все это время скромно стоял в сторонке.

— Асусена у меня одна на всю жизнь, — ответил Витор.

— Ну что ж... — камень вновь лег на сердце Серены, у нее хватило опыта, чтобы различить, когда у человека честные намерения, а когда он пытается обмануть других. Не вызывал у нее доверия Витор, нет, не вызывал, но что она могла поделать? — Раз уж у вас отношения серьезнее, чем я ожидала, встречайтесь. Но встречайтесь под крышей нашего дома, на глазах у меня и Кассиану, как и положено девушке из приличной семьи.

Так сказала Серена, и сказала очень твердо.

— На глазах у Кассиану? — с упреком переспросила Асусена.

— Да, дочка, — столь же твердо ответила ей мать. — Если у твоего парня намерения честные, то они с Кассиану станут родней, и чем раньше подружатся, тем лучше.

— Твоя мать права, Асусена, — поддержал Витор донну Серену, — девушка из хорошей семьи должна встречаться со своим женихом дома. Обещаю, что не обману ваших ожиданий, донна Серена.

— Надеюсь, что нет, Витор.

Витор даже попросил разрешения на прощальный поцелуй и получил его. Поцеловал Асусену, простился с Сереной и уехал.

Вот и свершилось что-то вроде помолвки. Асусена сияла, а Серене было больно смотреть на свою дочь.

— Ты уверена, что поступаешь правильно, Асусена? — спросила она.

— Кто в этой жизни хоть в чем-то может быть уверен? Тем более после того, как ты сама споткнулась на ровном месте, — со свойственной юности жестокостью ответила матери дочь.

И Серена, удержав печальный вздох, замолчала.

Глава 16

Витор провел неофициальное собрание акционеров и даже привез на него Летисию в качестве вице-президента. Летисия не смогла отказать сыну, переделась в привезенное им платье и поехала. На словах Витор как бы стремился успокоить взволнованных, обеспокоенных людей, но на деле сеял только еще большую панику. Летисия, которая сидела на этом собрании только ради сына, прекрасно увидела, что за спектакль он разыгрывает, и он показался ей более чем неприятным фарсом. Но бороться сейчас с сыном она не могла и предпочла просто покинуть заседание.

После такого заседания со дня на день можно было ожидать только бума на бирже. Всегда устойчивые акции фирмы «Наве» могли пойти по самой низкой цене, и это означало бы конец фирмы. Бонфинь прекрасно понимал это и пришел еще раз поговорить с Витором. Ему было больно видеть, как дело жизни Гаспара развалится в один день.

Но Витор говорил с ним откровенно издевательским тоном:

— Если кто-то и испытывает панику, то только вы, Бонфинь! Никогда еще фирма не находилась в более блестящем положении. Вы знаете, на какую сумму я собираюсь заключить контракт с японцами? Даже говорить не буду, а то у вас начнутся колики. Так что идите себе с миром.

Бонфинь еще раз убедился в своей бессилии, но совесть у него, по крайней мере, была чиста: он просил, предупреждал, предостерегал. На прощание он сказал:

— Я ухожу, мальчик, но колики, к сожалению, будут у тебя, когда тебя припрут к стенке и на шее у тебя затянется веревка.

* * *

Бонфинь вернулся домой в очень грустном и подавленном состоянии. Но в его доме не было места для грусти. В этом доме всегда все кипело и бурлило. И Бонфиню, глядя на бьющую ключом жизнь, становилось легче.

Пессоа сейчас наряжал Адреалину для выхода на пляж. Он надел на нее светлый паричок мамы Изабел, сделал макияж и нарядил в яркое дамское платье.

— Это не мой стиль! — заявила Адреалина, глядя в зеркало на размалеванную аппетитную блондинку.

— Зато так тебя и родная мама не узнает! — возразил ей довольный Пессоа.

— Мама узнает, на то она и мама, — со вздохом сказала Адреалина.

— Посмотрим! — грозно насупился Пессоа. — Вперед, Дрена, и не трусь!

А мама Изабел, изнемогая от любопытства, готовилась в экспедицию. Она последней узнала потрясающую новость, что главная дама города, Летисия Веласкес, поселилась в хижине с рыбаком, и должна была все увидеть собственными глазами. Она должна была сделать снимки! Должна была опубликовать эту сенсацию во всех газетах!

Изабел уже провела небольшую подготовительную работу, предупредив Фреда о том, что он должен будет написать целую серию сенсационных сообщений в светскую хронику. Потом она заставила Жанаину отправиться на прогулку с равнодушным к ней Плинию, чтобы выведать у него точное местонахождение Летисии.

Жанаина хоть и без всякой радости, но справилась со своей шпионской миссией и выяснила, что хижина, где живет Летисия, находится возле голландского пляжа.

— Вашей машине туда не пройти, — сказала Жанаина, оглядывая мощную машину, на которой обычно ездила Изабел. — Там песок, вы завязнете.

— Я поеду туда на осле, — решила Изабел.

И поскольку никогда не отступала от своих решений, то действительно поехала на осле. Рядом шла Жанаина и заслоняла свою госпожу от палящего солнца зонтиком.

Когда Летисия вернулась к себе с охапкой хвороста, она застала весьма странную компанию — серого ослика, который стоял в тени деревьев с опущенными ушами, скромно стоящую возле него Жанаину с зонтиком и цветущую клумбу, Изабел, которая носилась с фотоаппаратом, то и дело вскрикивая:

— Удобства на дворе! Восхитительно! — затем следовало: щелк! щелк! — Ну и нищета! — щелк! щелк! — Ну и затрапезность! Подумать только! Отныне это резиденция одной из богатейших наследниц! — щелк! щелк! — На что только не пойдешь ради любви?!

Летисия постояла несколько секунд, наблюдая за деятельностью Изабел, и тут наконец Изабел заметила ее.

— Не шевелись, душечка! — крикнула она. — Сейчас я тебя сфотографирую вот в таком диком виде с ветками! — энтузиазм Изабел достиг апогея.

— А ну давай сюда пленку! — скомандовала Летисия. — И если тебе дорога твоя хозяйка, Жанаина, то увози ее отсюда немедленно!

Изабел тут же сникла. Она всегда пасовала перед настоящими дамами.

— Ты не поняла, Летисия, — умоляюще заговорила она, — я пришла поздравить тебя. Многие женщины в Форталезе хотели бы точно так же перевернуть свою жизнь, но никому еще это не удавалось. Ты чудо, Летисия! — Изабел пятилась, заведя руки с фотоаппаратом за спину от неумолимо надвигающейся на нее Летисии, понимая при этом, что сенсационные сообщения светской хроники, очевидно, появятся без снимков...

А Жанаина, глядя на Летисию, торопливо приговаривала:

— Ну пойдете же! Пойдете!

Изабел отдала пленку, взгромоздилась на осла и со слабыми возгласами: «Да здравствует Летисия Веласкес!» удалилась, заслоняясь зонтиком от тяжелого взгляда, который вперила ей в спину Летисия.

* * *

Однако если экспедиция Изабел не принесла желанных результатов, то маскарад Пессоа удался на славу.

Пессоа с Дреной сидели в уголке бара Мануэлы и пили сок, когда туда вошли Соледад с Франшику, — они зашли попрощаться, спустя час Соледад уезжала.

— Делаем ноги, — нервно вскинулась Адреалина, — это и есть моя мать!

— Кто? — не понял Пессоа. — У тебя что, галлюцинации? Здесь же никого нет, кроме Франшику с какой-то своей знакомой.

— Эта знакомая и есть моя мать, — с отчаянием произнесла Адреалина.

— Ну да?! — Пессоа уставился на Соледад, и глаза его округлились. — Ты так говорила, Дреночка, что я понял, будто мать у тебя настоящее чудовище, а она...

— Пожалуйста, помолчи, и все матери тебе будут благодарны! — оборвала его Дрена. — Мы сейчас же делаем ноги.

— Не нервничай, Дрена. Ты неузнаваема, поэтому сиди спокойно и пей свой сок.

Дрене пришлось подчиниться: привлечь сейчас к себе внимание вряд ли было благоразумно.

Соледад попрощалась с Мануэлой, потом пообещала привезти фотографии Аны Каролины Франшику, прося его непременно заняться поисками сестры.

— Не беспокойся, мамочка, — обнял и расцеловал Соледад Франшику.

— Похоже, Франшику не знает, что с чужими матерями шутки плохи! — сердито сказала Адреалина, вольное обращение с ее родной матерью было совсем ей не по душе.

— Ну что ж, осталось только посадить донну Соледад на самолет, — провозгласил Франшику. — С Бом Кливером мы уже попрощались!

— Ты слышишь? Слышишь? — зашептал Пессоа. — Она уезжает. И тебя она не узнала...

* * *

Только на следующее утро Адреалина вздохнула с облегчением. На этот раз опасность, похоже, и в самом деле миновала. Они с Пессоа с утра отправились на пляж, и так было прекрасно бездумно плескаться в море, полежать на солнышке, а потом отправиться в уютный бар Мануэлы и выпить там прохладного сока!

Пессоа попытался выяснить у Мануэлы, что за женщина была вчера у нее в баре вместе с Франшику и в каких они, собственно, отношениях с Франшику? Откуда они вообще знают друг друга?

— Откуда? — начала Мануэла. — Да она... — но договорить не успела: в бар ворвалась толпа молодежи с криками:

— Да здравствует Питанга! Морская королева!

И Мануэла с радостными слезами бросилась обнимать дочь. Как же ей этого хотелось! Кто как не она учила Питангу, как надо держать себя на конкурсе, как ходить, как улыбаться. Сама нарядила ее, причесала, подкрасила. И вот усилия ее не пропали даром! Ее дочь, ее Питанга — морская королева! А ведь когда-то и сама Мануэла была морской королевой. Тогда-то все и началось. А потом кончилось, и очень печально... Но почему, собственно, только печально? У нее есть дочь, ее выбрали морской королевой, и у этой морской королевы будет все совсем по-другому!

— Угощайтесь, ребята! Угощайтесь! — приглашала Мануэла молодежь. — Сегодня у нас настоящий праздник!

Молодежь веселилась от души, и только Питанга выглядела будто слегка растерянной и даже огорченной. Далила допыталась наконец, что

Питанга побаивается танцевать на балу с каким-то там неизвестным парнем.

— Я одолжу тебе Кассиану, — пообещала великодушная Далила, — с ним же ты не боишься танцевать?

И счастливая Питанга кивнула.

— Хорошо тебе, Далила! Ты понятия не имеешь, что иной раз случается, когда отдаешь своего парня другой, — внезапно сказала подруге Асусена.

— Ничего не бывает! — уверенно отвечала Далила. — Я Кассиану доверяю. И кто бы там ни был — королева, русалка или принцесса, Кассиану был и останется моим!

Ни Асусену, ни Далилу не огорчил успех Питанги, они были рады за подругу. К тому же у каждой из них были бы свои сложности, выиграй они конкурс, а теперь они от них были избавлены.

День прошел в радостном возбуждении. Только и разговоров было, что о предстоящем празднике, который должен состояться в спортивном зале школы ровно через две недели.

— Ровно через две недели, в субботу, я открываю свой аквапарк, — объявил появившийся на пороге бара Франшику. Он отвез донну Соледад в аэропорт и вернулся полный радужных проектов и перспектив. — Приглашаю всех на открытие!

— Ничего не выйдет! — огорченно защебетали девчонки. — У нас морской праздник. Видишь, Питангу выбрали морской королевой!

— Как? Неужели не Асусену? — не смог сдержать своего удивления Франшику, и все дружно рассмеялись.

Узнав, что праздник будет в школе, Франшику вдруг замахал руками:

— Погодите! Погодите! Морской праздник должен праздноваться в моем аквапарке! Ну как? Что скажете?

Молодежь возбужденно загалдела:

— Да! Вот это идея! Отличная идея! Вот это будет праздник так праздник!

— Сейчас же побегу к вашей донне Марли, директорисе, договариваться, — пообещал Франшику. — А заодно узнаю и насчет Асусены. По-моему, там произошло недоразумение, — Франшику выбежал из бара, и все опять дружно рассмеялись.

Девушки вернулись домой только к вечеру, они были в радостном возбуждении. Все так хорошо, так удачно складывалось! Далила прикидывала, сколько у них уже сделано ожерелий, сколько других украшений. Франшику как-то научил их делать заколки для волос из

раковин, и они успели сделать довольно много этих украшений. Выходило, что вместе с кружевами у них будет всего вполне достаточно для киоска. А потом нужно будет подумать еще и о платьях для бала. Хотя, кажется, их мамы уже достали с верхних полок шкафа и отрезы, и куски кружев...

Когда Асусена вошла в дом, ее поразило встревоженное и озабоченное лицо матери.

— Что-то случилось, мама? — испугалась она.

— Вам придется, девочки, — обратилась Серена к дочери и Далиле, которая провожала Асусену, — взять «джип» и дозвониться доктору Оливии.

— А кто же у нас заболел? — спросили девушки, недоуменно переглядываясь.

— Донна Летисия, — ответила Серена.

Она приоткрыла дверь спальни, и они увидели лежащую на кровати худую красивую женщину — в жару и без сознания.

Асусена изменилась в лице, праздничное настроение у нее будто ветром сдуло.

— Мама! Это уже переходит все границы! — сердито сказала она. — Я просто не могу поверить, что эта женщина у нас в доме и лежит на кровати отца!

— Она лежит на моей кровати, — кротко ответила донна Серена, — но сейчас не время сводить счеты, дочка. Было бы жестоко не помочь ей только потому, что произошло то, что произошло. Бери ключи от «джипа», Далила, и поезжайте к Франшику. Позвоните от него доктору Оливии. Она такой прекрасный врач и такой отзывчивый человек!

Притихшие девушки вышли, и вскоре Серена услышала, как «джип» отъехал от дома.

Серена занялась спиртовыми компрессами: перво-наперво нужно было сбить жар, а потом уж приедет доктор и скажет, что за болезнь тут приключилась.

Серена нашла Летисию почти у порога своего дома, она лежала на земле без сознания. Видно, ей сделалось плохо, и она побрела в деревню за помощью.

Франшику дома девушки не застали, наверное, он снова поехал на стройку. Хоть он и обещал устроить через две недели праздник, но сделать еще предстояло немало. И Франсуа, например, вовсе не был уверен, успеют ли они все закончить к сроку. Однако Франшику со свойственным ему оптимизмом не сомневался в успехе. Он готов был работать и днем и ночью, лишь бы поскорее открыть свой парк!

Дома был Франсуа, который охотно предоставил девушкам и телефон, и домашний номер Оливии.

Когда же Франсуа узнал, что серьезно больна Летисия и лежит без сознания в доме Серены, то сразу же предложил свою помощь.

Далила дозвонилась до Оливии, и Оливия пообещала приехать как можно скорее. А Далила заспешила обратно.

— Нет, сначала мы должны заехать к Витору, — возразила Асусена. — Ему первому нужно сказать, что его мать больна.

— А я думаю, что мы должны как можно скорее вернуться обратно, — не согласилась Далила. — Донне Серене наверняка нужна наша помощь.

— Не беспокойтесь, девушки, я заеду к Веласкесам и все им сообщу, — успокоил их Франсуа. — Так будет лучше всего.

* * *

Франсуа тут же и отправился к Веласкесам. Он не сомневался, что Аманда вместе с ним поедет к больной матери, а потом, возможно, нужно будет переправить Летисию в Форталезу...

Но Аманда спокойно выслушала его известие и в ответ не сказала ни слова. Франсуа стоял и вопросительно смотрел в большие темные глаза этой красивой своенравной девушки, надеясь уловить в них хоть тень сочувствия, намек на сострадание, но видел опять только гнев. Своим известием он нарушил ее призрачное спокойствие, потребовал от нее действий и решений, которые были для нее болезненны и невозможны, и она опять защищалась от него.

— Чего ты от меня хочешь? — наконец враждебно спросила Аманда, видя его вопрошающий и укоряющий взгляд. — Я не доктор. Ведь Оливию уже вызвали? И правильно сделали, она знающий, компетентный врач и окажет необходимую помощь!

— Ты, кажется, не поняла меня, Аманда, у тебя заболела мама.

— У меня нет мамы, — ожесточенно ответила Аманда.

— Опять за старое? — со вздохом спросил Франсуа. — А мне-то казалось, что ты повзрослела, что-то поняла.

— Ничего я не поняла и нисколько не повзрослела, — строптиво отвечала Аманда.

— Да какое кому дело, повзрослела ты или нет! — разозлился Франсуа. — Разве сердце и душа наживаются с годами? Они или есть или го нет! Ты знаешь, кто сейчас ухаживает за твоей матерью вместо тебя?

Донна Серена, жена Рамиру!

С этими словами он хлопнул дверью. Его терпению, его пониманию пришел конец. Он спешил к Летисии, он должен был знать, что с ней, как она. Он должен был быть с ней.

* * *

Спиртовые компрессы оказали свое действие. Жар стал спадать, и Летисия понемногу приходила в себя.

— Кажется, уже просыпается, — встретила приехавшего Франсуа доброй вестью Серена.

— Идите отдохните, я посижу возле нее, — предложил он.

Летисия приоткрыла глаза.

— Где я? Что со мной? Серена? — Летисия перевела взгляд и увидела Франсуа. — И ты тут, Франсуа?

Серена потихоньку вышла, а Франсуа присел возле постели.

— Ты приболела, Летисия, но не смей сдаваться. Сейчас придет Оливия, и ты увидишь, как быстро все пойдет на лад...

* * *

Серена принялась за стирку.

— Порезь картошку, Асусена, — попросила она, — у этой женщины еще маковой росинки во рту не было, пусть хотя бы горячего супчика поест...

Но Асусена не собиралась браться за нож.

— А тебе не кажется странным, мама, что эта женщина лежит в твоей постели да еще любезничает с другим?! — возмущенно спросила она.

— Бог знает, что ты говоришь, дочка! — огорчилась Серена. — Как тебе такое в голову пришло?

Но вот, слава Богу, и Оливия. Серена проводила ее к больной, и Франсуа вышел на кухню.

— Угостите меня кофейком, донна Серена, — попросил он.

— Да, Франсуа, сейчас мы с вами попьем кофейку, — ответила ему Серена, чье великодушное сердце всегда чутко чувствовало добросердечие других.

А Оливия внимательно выстукивала и выслушивала Летисию, пытаясь разобраться, что же с ней такое. Летисия смотрела на нее блестящими от жара тревожными глазами.

Первое, что бросилось Оливии в глаза, была худоба Летисии. Налицо было явное истощение. А на фоне общей ослабленности организма могло возникнуть что угодно...

— Вы хороню питаетесь? — спросила Оливия. — Только честно.

— Если честно, то все последнее время мне было как-то не до еды.

— Понятно. А вода? Какую воду вы пьете?

— Вода у нас замечательная, прямо из родника! А у меня что-нибудь серьезное? Заразное? Может, я и Рамиру заразила и он там в море мучается?

«Значит, вода ледяная», — отметила про себя Оливия и стала успокаивать больную:

— Успокойтесь, донна Летисия. Рамиру тут ни при чем. Я уверена, что он здоров. А мне, чтобы поставить окончательный диагноз, нужны результаты анализов. Поэтому я забираю вас в больницу. Вам там будет обеспечен необходимый уход, и вы очень скоро поправитесь.

— Нет, это невозможно, Оливия, — Летисия откинулась на подушки, показывая всем своим видом, что не сдвинется с места. — Я обещала Рамиру, что буду дожидаться его дома. Я не могу внезапно исчезнуть. Он этого не переживет.

— Он не переживет, если вы исчезнете с лица земли, — с жестокой шутливостью сказала Оливия, — а если вас сейчас оставить в вашей хижине без всякой помощи, то именно это и произойдет. Или вы хотите остаться на попечении донны Серены? Она, возможно, согласится за вами ухаживать, но я сомневаюсь, что вы именно этого и хотите.

— Хорошо, я все поняла и поеду с вами в больницу, — смирилась Летисия.

— Ну так-то лучше, — одобрила Оливия, — сейчас вы сделаете над собой усилие, я помогу вам, и вы встанете.

Оливия, поддерживая Летисию, которая оказалась совсем невесомой, вышла из спальни. Она оставила Летисию в комнате и заглянула на кухню.

— Я решила госпитализировать нашу больную, — сказала она. — Так она гораздо быстрее поправится.

Серена и Франсуа встали, готовые помочь Летисии добраться до

машины.

— Я справлюсь сама, — сказала Летисия. — Франсуа, Оливия, не могли бы вы подождать меня на улице? Мне бы хотелось немного поговорить с Сереной наедине.

Франсуа с Оливией, кивнув, вышли.

— Ты потрясающий человек, Серена, и я не знаю, как тебя благодарить, — слезы блестели в глазах Летисии, и было видно, что благодарит она не на словах, а всем своим настрадавшимся сердцем.

— И не благодари, я сделала бы это для каждого, — ответила Серена. — Я — женщина, мать, как и ты. У меня было много страданий, но много и радостей, которые не дали мне ожесточиться...

— И все-таки мне хотелось бы как-то выразить свою благодарность, — настаивала Летисия. — Можно я пожму тебе руку?

— Я уже сказала, что благодарить меня не за что, Летисия, — Серена говорила очень мягко, но не подала руки. — И я совсем не святая. Если ты не против, мы просто не будем больше об этом вспоминать.

Летисия кивнула и, держась за стенку, медленно вышла. Благодарность ее не уменьшилась, но теперь она еще и уважала эту в самом деле необыкновенную женщину.

Глава 17

Летисия лежала в светлой палате, на белоснежных простынях, и тело ее наслаждалось привычным и долгожданным комфортом, но душа томилась тревогой и горькой печалью. Горько было сознавать Летисии, что ее избалованность, физическая хрупкость стали преградой на пути к счастью. Она тревожилась о Рамиру: что будет, если он не найдет ее в их хижине? Второго предательства он не перенесет...

«Успокойся, любимый, — твердила она про себя, — я люблю тебя, я с тобой. Что бы ни случилось, я с тобой. Делай свое трудное дело в душевном спокойствии и любви».

Это было ее молитвой, ее заклинанием. Твердя эти слова, она внутренне собиралась, готовясь как можно скорее выздороветь и встретить Рамиру у них дома, под кровом, который он построил собственными руками.

И еще Летисия ждала своих детей. Она не считала, что ее болезнь, ее физическая немощь являются какой-то особой привилегией. Про себя она просто ненавидела эту немощь. Но ей казалось, что эта болезнь могла бы стать вполне достойным поводом для примирения, если бы они того хотели... если бы... Но они пока не хотели.

Антибиотики сразу улучшили состояние Летисии. Оливия была просто счастлива, что организм Летисии так хорошо на них реагирует. В противном случае исход был бы плачевным, теперь Оливия могла сказать это с полной откровенностью. Сил для борьбы у истощенного организма не было, а воспаление затронуло оба легких. Хорошо еще, что помощь подоспела так вовремя, еще час-два лежания на земле, и все было бы кончено.

Все это Оливия сообщила Франсуа, который то и дело заглядывал в больницу, узнавая о переменах в состоянии Летисии. Он не спал из-за нее много ночей, готов был дежурить возле ее кровати. И было похоже, что у Летисии есть один-единственный родственник на свете — Франсуа.

Возвращаясь домой из больницы, Франсуа не мог не заехать к Серене и не поблагодарить ее.

— Вы вчера спасли ей жизнь, донна Серена, и я не мог не сказать вам об этом. Вы редкостный, необыкновенный человек!

Может, донне Серене благодарность Франсуа была нужна куда меньше, чем Асусене. Асусена все считала обидой присутствие Летисии у

них в доме. Однако восхищение окружающих постепенно убедило ее в материнской правоте. После ухода Франсуа она бросилась матери на шею.

— Я так люблю тебя, мамочка!

— И я тебя, — отозвалась Серена, обнимая дочь и с печалью думая, сколько ее девочке еще уготовано испытаний.

Потом они обе решили, что хоть и не принято беспокоить рыбаков в море неприятностями на берегу, но случай этот не такой уж обыкновенный, и поэтому будет лучше, если они сообщат все заранее Рамиру. Чтобы не было никаких обид и недоразумений.

Серена с большим трудом вышла на связь. И успела сказать только несколько слов, сообщить, что Летисия больна, после чего связь оборвалась. Что ж, главное было сделано. Сказав одну короткую фразу, Серена будто проделала невероятно тяжелую работу и почувствовала себя вконец опустошенной и без сил.

— Ну знаешь, Серена! — сказала ей Эстер, узнав о разговоре по рации. — Разве можно звать собственного мужа к другой?

— Он... он мне больше не муж, Эстер, — устало сказала Серена. — Знаешь, пойду-ка я приму душ, а то у меня сегодня ни минуты свободной не было...

* * *

Когда Аманда сообщила Витору, что их мама находится в больнице, он игриво поинтересовался:

— В ветеринарной или психиатрической? Вопрос покорибил Аманду. Ну и ладно! Что она, Витора не знает? Пусть лучше сообразит, как связаться с дедушкой. Он непременно должен знать о болезни Летисии.

Как раскаивалась теперь Аманда в своих резких словах, которыми встретила Франсуа! Вдруг она поняла, что может остаться без матери, и ей стало по-настоящему страшно. Она увидела, что непрерывная материнская забота окружала ее как воздух, что злилась и негодовала она на мать только потому, что ни с кем не хотела ее делить. Она требовала, чтобы мать занималась только ею, Амандой, чтобы во всем помогала ей. Франсуа был прав, когда твердил, что обиды ее — чистейший детский эгоизм. Но когда опасность потери стала реальностью, Аманда вдруг почувствовала, как мелки и ничтожны были все ее обиды и претензии перед грозящей ей бедой...

Но Витор не понял и не почувствовал ровно ничего. Он наотрез

отказался звонить Гаспару. Болезнь была очередным вывертом Летисии, досадной помехой на пути Витора, и он не собирался обращать на нее ни малейшего внимания.

— Но мама больна, и серьезно. Безответственно держать дедушку в неведении, — пробовала убедить брата Аманда. — Он даже не знает, что она живет теперь с рыбаком в этой ужасной хижине...

— А разве не ты говорила, что у тебя нет матери? — ехидно спросил в ответ Витор.

— Теперь все изменилось.

— С чего это вдруг? Будь ты тверже, для тебя не было бы никакой разницы. Но все женщины одинаковы — вечно меняют мнение, цвет помады, мужей, любовников. Все зависит от величины мозга, Аманда! Но ты не волнуйся, у тебя это наследственное.

И все это говорил ее брат! Брат, который призывал держаться вместе. Но какой опорой он мог быть для нее в ее одиночестве? В ее беспокойстве? Сейчас он лишил ее даже возможности поговорить с дедушкой, который конечно же помог бы маме и ей...

— У меня много дел, Аманда. Ты не видишь, я занят! — и Витор погрузился в чтение каких-то бумаг.

— Извини, что помешала, — ядовито сказала Аманда.

— Ничего, — снисходительно ответил Витор. Аманда полетела к матери в больницу. Больше она не думала, не рассуждала, ей хотелось одного: обнять, прижаться к матери, убедиться, что они еще вместе, что они еще долго-долго будут вместе...

Появление Аманды было подарком не только для Летисии, но и для Франсуа, который как раз сидел у нее. Теперь Франсуа был спокоен: Летисия непременно поправится. Дети — великий стимул, чтобы жить.

— Привет, Аманда! Оставляю тебе твою мамочку, — сказал он.

И Аманда бросилась Летисии на шею.

— Мама! Мамочка, — бормотала она. — Ты ведь не умрешь, правда? Ты ведь будешь со мной, правда?

— Глупышка моя, моя любимая девочка, конечно, я не умру, конечно, буду с тобой, — отвечала счастливая Летисия.

— Я наговорила тебе столько ужасных вещей, мамочка! Ты когда-нибудь сможешь меня простить? — темные глаза Аманды наполнились слезами.

— Разве, доченька? Я ничего не помню. Я все время сама хочу попросить у тебя прощения. Мое счастье на миг заслонило от меня твою боль.

— Я так перед, тобой виновата! Я все хотела показать, что мне все равно, но я ведь так люблю тебя, мамочка! И просто не переживу, если что-то случится с тобой.

Аманда плакала, и со слезами уходили из ее сердца все самолюбивые обиды. Как же ей стало хорошо сидеть на кровати возле матери, обнимать ее и чувствовать тепло ее объятий.

Они обе плакали, обе улыбались.

— А что Витор? — осторожно спросила Летисия.

— Ты же знаешь его, — отозвалась Аманда. — В глубине души он хороший. — Аманда не могла не защитить брата. — Все дело во времени, пройдет время, и вы непременно помиритесь.

— Конечно, дочка, я тоже так думаю, — ответила Летисия.

Она понимала, что рано или поздно, безусловно, так и будет, но будет это скорее поздно, чем рано...

Образумить Витора попытался и Франсуа. Если уж ему удалось как-то разговорить Аманду, то, может, и с Витором что-то получится? Во всяком случае, он считал небесполезным поговорить с ним, когда ему предоставилась такая возможность. А возможность предоставилась, когда они с Амандой пили в столовой чай и туда заглянул Витор.

— Считайте, что вы меня не видели, — проговорил Витор вместо приветствия. — Чувствуйте себя как дома, Франсуа.

— Вместо того чтобы отпускать дурацкие шуточки, спросил бы лучше, как здоровье мамы, — сказал ему Франсуа.

Но Витор продолжал паясничать:

— Кого вы имеете в виду? Неужели донну Летисию? Но разве вам неизвестно, что таких в нашем доме больше нет и не ожидается?..

— Прекрати! — оборвал его Франсуа. — Хватит валять дурака! Твоя мать в больнице, ей плохо, и ты ей нужен!

— Ошибаетесь, — издевательски протянул Витор. — Я ей совсем не нужен. Вокруг нее и так полно мужчин, которые горят желанием о ней позаботиться, так что она охотно откажется от моего внимания!

— Ах ты щенок! — Франсуа готов был ударить зарвавшегося самолюбивого мальчишку.

— А как тебе удалось сделать так, чтобы мать и дочь грызлись из-за тебя? — продолжал подливать масла в огонь Витор, которому очень нравилось выводить людей из равновесия — тогда он чувствовал себя и в самом деле всемогущим... Но вот тут-то Франсуа и успокоился. Он насквозь видел все ходы Витора, но по большому счету сейчас ему было не до него.

— Когда захочешь, научу. Всегда к твоим услугам, — со снисходительной улыбкой спокойно сказал он и понял, что Витор пока совершенно безнадежен...

* * *

Бом Кливер прожил слишком долгую жизнь, чтобы радость была для него только радостью, а печаль только печалью, они всегда смешивались вместе, выводя за собой длинную череду воспоминаний.

Глядя, как Мануэла суетится вокруг Питанги, он вспомнил победу другой морской королевы, которая была одержана много лет назад...

Мануэле страстно хотелось, чтобы дочка ее взаправду царила на морском празднике. Она даже взяла из банка деньги, чтобы купить самой лучшей материи на платье, любой, какая понравится, и кружев, и лент и пуговиц...

— Вот тебе и случай, чтобы открыть Питанге правду, — предложил озабоченной Мануэле Бом Кливер.

— Никогда! — твердо заявила Мануэла. — Зачем ей эта правда? К чему?

Бом Кливер думал по-другому: правда, она всегда и всем на пользу, к тому же могла послужить предостережением... Но с дочкой он спорить не стал. Жизнь обошлась сурово с его дочкой, и он жалел ее, надеясь хоть на какой-то просвет и для Мануэлы... Он не считал ее историю законченной. А вот история Франшику приближалась к концу, и к концу счастливому, благополучному. Бом Кливеру казалось, что с него теперь сняли давний грех, который он когда-то по неразумию совершил в юности. А почему бы тогда и всем остальным историям не повернуться к лучшему?..

* * *

Если Мануэла не спала ночей, сидя за шитьем платья для своей Питанги, то Франшику днями и ночами пропадал в своем парке, торопясь все закончить к празднику.

Франшику летал как на крыльях и все представлял, как встретится со своей сестрой. Она должна была быть тоненькой, изящной девочкой, очень воспитанной, даже немного жеманной. Настоящей маленькой леди.

Франшику описал Питайте именно такую девочку и попросил ее

внимательно следить, не появится ли она однажды в какой-нибудь из молодежных компаний.

— Зовут эту чудо-девочку Ана Каролина, и лет ей пятнадцать или шестнадцать...

— И не стыдно тебе, Франшику? — укорила его Питанга. — С каких это пор ты стал интересоваться такой мелюзгой?

— Это совсем не то, что ты думаешь, Питанга, — таинственно отвечал Франшику. — Эта девочка очень дорога и мне, и моей маме.

Добрая Питанга всегда была готова оказать услугу. Она пообещала смотреть во все глаза. И еще подумала, что хорошо бы расспросить об Ане Каролине Пессоа, вот уж кто знает всех в округе.

* * *

Франшику позвонил своей маме в Рио и пригласил ее на предстоящий праздник.

— Ты ведь приедешь на открытие моего аквапарка, мамочка? — спросил он.

— Да, конечно. Не сомневайся! А что нового? — осторожно спросила Мария Соледад, и Франшику сразу понял, что это вопрос об Ане Каролине.

— Пока ничего, мамочка! Но я очень надеюсь на наш праздник, — отвечал Франшику. — На него же соберется вся молодежь Форталезы. И если она в Форталезе, то обязательно придет на праздник. Интуиция меня еще никогда не обманывала. Вот увидишь, Ана Каролина непременно появится! А раз ты приедешь на праздник, то мы можем быть уверенными, что нас ждет счастливая встреча!

— Похоже, Эстела, что наш сюрприз — коту под хвост, — говорил Гаспар, входя в дом. — Никто нас не встречает. И вообще дом как будто вымер.

Гаспар с Эстелой вернулись из свадебного путешествия. Вернулись раньше, чем собирались. Но вместо радостных возгласов дом встретил их мертвой тишиной.

Первой появилась Нейде с причитаниями и восклицаниями, следом Плиниу, а потом уже вылетела Аманда и бросилась деду на шею.

— Дедуля! Глазам своим не верю! Как же мы давно не виделись! — торопливо говорила она. — Здравствуй, Эстела! Мы очень без вас соскучились.

— Господи! А ты-то как изменилась с тех пор, как тебе исполнилось

восемнадцать! — радостно говорил Гаспар, любясь внучкой.

— Мы всем привезли подарки, — сообщила с улыбкой Эстела, — но твой дед такой нетерпеливый и все оставил в аэропорту, чтобы Плинию потом привез. Ему не терпелось вас всех увидеть.

— Рассказывай, Аманда, рассказывай, как вы тут живете! — торопил Гаспар.

— Понимаешь, дедушка, маму положили в больницу, — осторожно начала Аманда.

— Что с ней? Несчастный случай! Говори мне все как есть, — тут же вскрикнул Гаспар, и на лице Эстелы отразилось истинное волнение.

Она успела оценить умную, тактичную дочь Гаспара и испытывала к ней самое сердечное расположение.

— Нет-нет, наверное, это скорее следствие простуды, но ее уже скоро выпишут, так что вы не волнуйтесь.

— Где же она могла так простудиться? У вас что, были тропические ливни? — недоумевал Гаспар. — Или какие-то немыслимые бури? А ну, рассказывай! — и он притянул к себе Аманду, догадываясь, что ему предстоит услышать немало необыкновенного.

— С тех пор как вы уехали в свадебное путешествие, мама не живет дома, — со вздохом сказала Аманда.

— Как это? — не понял Гаспар.

— Да так, дедушка. Она поселилась в жалкой хижине с одним рыбаком, с Рамиру Соаресом, и там подхватила воспаление легких.

Аманда выпалила все новости и уставилась на деда, даже не в силах себе представить, что он на это скажет.

— Так вот в чем дело, — спокойно и задумчиво протянул Гаспар. — Значит, Летисия и Рамиру снова вместе... Это многое объясняет. Что ж, Эстела, поехали к Летисии в больницу. Ты с нами, Аманда? Или приедешь попозже?

— Попозже, — ответила Аманда. Господи! Как же все стало хорошо с приездом деда! Все разом встало на свои места!

* * *

Гаспар лучился энергией и счастьем. Поглядев на них с Эстелой, сразу можно было сказать — эти двое обрели друг друга, они понимали один другого с полувзгляда и полуслова, и хотя прожили вместе меньше месяца, но казалось, что у них за плечами долгая совместная жизнь.

Когда они вошли в палату к Летисии, она порадовалась за них. Сама она чувствовала себя виноватой перед отцом и хотела оправдаться. Им предстоял долгий нелегкий разговор, и Эстела тут же поняла, как хочется остаться отцу и дочери наедине. Поцеловав Летисию, она пошла разыскивать Оливию, чтобы узнать реальную картину состояния больной.

— Вы вернулись из-за меня, папа? — огорченно спросила Летисия, но ее огорчение было куда меньше радости видеть возле себя любимого отца и чувствовать себя любимой дочкой.

— Если бы! — отвечал Гаспар. — Мы хотели устроить вам всем сюрприз, а оказалось, что вы нас тут поджидаете со своими сюрпризами! Все новости узнал только что сегодня от Аманды.

Летисия поняла, что отец говорит и о ее жизни с Рамиру тоже, и горячо сказала:

— Это был мой последний шанс, папа! И я бросила вызов судьбе! Рамиру ушел из семьи, и мы опять вместе, в хижине, которая точь-в-точь, как та, которую я так и не смогла вычеркнуть из памяти и где только и была счастлива.

Гаспар смотрел на тонкое, слегка порозовевшее лицо своей Летисии, слушал звук ее голоса, который креп по мере того, как она говорила, и хотел одного: пролить покой в эту истерзанную душу.

— Мне это было нужно, папа, просто необходимо, — продолжала она. — Слишком долго я убегала от себя, жила рассудком, но внезапно поняла: все, конец! Мои чувства, желания взяли верх, оказались сильнее меня. Мне было нелегко принять это решение. Его продиктовал не разум. И мне очень недоставало тебя, отец... Дети меня не поняли, осудили. Я догадываюсь, что и многие другие готовы бросить в меня камень. И тебя я опять огорчила, папочка, но по-другому поступить я не могла.

Летисия не защищалась, не нападала, не просила прощения, она просто излагала некую данность, с которой смирилась сама и предлагала смириться и всем остальным.

Гаспар лучше всех понимал свою дочь и больше всех желал ей счастья.

— Это я тебя огорчил, дочка, — сказал он. — Однажды я уже совершил глупость и запретил тебе жить по любви, как велело сердце, но вы тогда были так молоды... Я часто чувствую себя виноватым за то, что твоя жизнь сложилась не так, как ты хотела...

— Как бы она ни складывалась, я всегда знала, что ты хотел мне только добра, — поспешила утешить его Летисия.

— Да, это правда, и всегда, и сейчас. И поэтому я говорю тебе: живи,

дочка, так, как подсказывает тебе сердце. Иди вперед и ничего не бойся.

Получив отцовское благословение, Летисия почувствовала большое облегчение. Она видела, что дано оно от души, а значит, никакие недомолвки не омрачат их отношений.

— А где Рамиру? — спросил Гаспар.

— Он сейчас в море, ты же знаешь, это его хлеб. Эстела вошла в палату вместе с Оливией и сразу

увидела, что главное уже сказано.

— Ну теперь мачеха позаботится о падчерице, — весело сказала она, — а папа Гаспар будет беседовать с доктором.

Гаспар с Оливией тут же вышли.

— Присядь, расскажи, как прошел ваш медовый месяц, — попросила Летисия, с улыбкой глядя на счастливую Эстелу. — Папа вел себя как влюбленный мальчишка?

— И как зрелый муж, и как страстный возлюбленный. Погоди! Когда я тебе расскажу, ты вмиг вскочишь с постели, чтобы пережить все то же с Рамиру...

Эстела наклонилась к Летисии, и зажурчал тот женский разговор, который может длиться вечно...

* * *

Гаспар узнал от Оливии, что жизнь в тех условиях, в которых Летисия оказалась теперь, противопоказана ее здоровью. Утренняя сырость, повышенная влажность, резкие охлаждения — Летисия в жару купалась в ледяной речке, пила ледяную воду из родника, — все это оказало свое вредное воздействие. Сказались и непривычная пища, и волнения, которые лишили ее аппетита. Сейчас опасность миновала. Но при неблагоприятных условиях возможен рецидив. Со слабыми легкими не шутят.

— Я подержу ее подольше в больнице, — пообещала Оливия, — чтобы максимально уменьшить эту возможность, потому что Летисия и слышать не хочет о том, чтобы куда-то переехать.

— Вот как? Ну что ж, значит, у Гаспара появилась еще одна проблема — нужен дом для Летисии. И замечательно! Чуть позже мы с Летисией как-то решим этот вопрос, — сказал он. — А теперь я попрошу тебя, Оливия, позвонить отцу на верфи и попросить его приехать ко мне домой. Ты, наверное, знаешь, у нас с ним вышла размолвка, и весь этот месяц я будто камень на шее таскал. А сейчас мы с ним посидим, потолкуем и сведем

вничью эту глупую стычку.

— Я позвоню с удовольствием, но только домой. Отец уволился, стал безработным и сидит дома, — ответила Оливия.

Гаспар не поверил своим ушам. Да такого просто не может быть! Бонфинь покинул фирму «Наве»!

— Ты, наверное, что-то спутала, Оливия, — Гаспар с сомнением посмотрел на девушку. — Я же несколько раз говорил по телефону с Витором, и он ни словом не обмолвился ни о чем похожем...

— Ну как я могу что-то путать, сеньор Гаспар? А что касается Витора, то, возможно, он просто не хотел вас тревожить.

— Нет, в таком случае, я полагаю, у него были другие причины промолчать, — в раздумье сказал Гаспар. — Так ты говоришь, он дома? Ну и расчудесно. Тогда я сам его навешу. Спасибо за все, Оливия!

Гаспар заглянул к Летисии, простился с ней и Эстелой и, пообещав навестить дочку завтра, немедленно поехал к Бонфиню.

Увидев Гаспара, Изабел разохалась:

— Да ты просто расцвел! Стал совсем как новенький! Что с тобой делала Эстела, ну-ка расскажи!

Она уже кричала Жанаине, чтобы та подавала кофе, и приготовилась выслушать захватывающие подробности свадебного путешествия, но Гаспар охладил ее пыл:

— Изабел, я только что приехал, и у меня, как ты сама понимаешь, дел по горло, и в первую очередь мне необходимо поговорить с Бонфинем.

Бонфинь купался в бассейне, но, услышав голос Гаспара, тут же появился в холле с мокрым полотенцем на плече.

— Мой бонбончик заслужил свой отдых, — защищала мужа от посягательств Гаспара Изабел.

— Оставь нас, Изабел, — распорядился Бонфинь, и Изабел, как всегда в серьезных случаях, беспрекословно ему повиновалась.

Старые друзья не стали тратить время на взаимные упреки. Положение было слишком серьезным.

— Расскажи мне все с самого начала, только ничего не упускай, — попросил Гаспар, когда они уселись рядышком в саду под большим тенистым деревом, глядя на голубую гладь бассейна.

* * *

Среди дня в кабинете Витора раздался телефонный звонок. Витора не

было на месте, и к телефону подошла Сузана. Как только Витор появился, Сузана передала ему:

— Вам только что звонил сеньор Гаспар.

— Неужели? — усмехнулся Витор. — И откуда? Из Рима? Милана? Парижа?

— Из дома сеньора Бонфиня, и просил, чтобы вы его ждали, он едет сюда.

Похоже, что бум начался несколько раньше, чем предполагал Витор. Он тут же вызвал к себе в кабинет Дави и напомнил об их договоренности.

— Ты обещал, чуть что — ты сматываешь удочки. Помнишь? Так вот, момент настал. Собирай вещички и мотай на все четыре стороны! — распорядился Витор.

Для Дави это предложение было полнейшей и очень неприятной неожиданностью.

— Но может, мы все-таки сначала поговорим с доктором Гаспаром? — нерешительно начал он.

Витор грозно взглянул на него.

— Ты что, хочешь стать предателем и выйти из игры? — спросил он.

Дави, как всегда, спасовал.

— Да нет, конечно! Как скажешь, так и будет.

— Быстренько соберись, и чтобы духу твоего здесь не было, — напутствовал его Витор.

Теперь он был готов к встрече с дедом.

Гаспар не слишком удивился тому, что Витор после его отъезда занял кабинет президента фирмы, о чем сообщила ему Сузана.

После всего, что он узнал от Бонфиня, Гаспара трудно было чем-то удивить.

Легким быстрым шагом Гаспар вошел в свой кабинет, и Витор приподнялся ему навстречу из-за массивного стола.

— Рассказывай, как дела, Гаспар, — предложил он. — Рад тебя видеть, дед!

— Уходи-ка из-за этого стола! — распорядился Гаспар.

— Господи! Но почему? — искренне изумился Витор. Такой резкости от деда он не ждал: как никак, любимый внук! — Что, соскучился по своему трону?

Но Гаспар не принял его шутливого тона.

— Немедленно! Сейчас же! Я жду, — властно и нетерпеливо повторил Гаспар.

— Может, мне перебраться в кабинет донны Летисии? — словно бы

советуясь, спросил Витор.

Он как бы в нерешительности стоял возле стола, а Гаспар привычно расположился на своем рабочем месте.

— Ты сказал донны Летисии? С нее-то мы и начнем. Объясни, почему ты скрыл от меня, что она ушла жить к Рамиру? Я звонил вам много раз, говорил с тобой, с Амандой, с Нейде, и никто ни разу мне и словом не обмолвился! Из каких соображений ты запретил им говорить мне об этом?

Темные глаза Гаспара буквально впились в младенчески-невинные глаза Витора.

— Запретил и не раскаиваюсь. Мне не хотелось омрачать твой медовый месяц. Я решил, что это минутное увлечение, в неделю пройдет. Чего тебя было беспокоить? — спокойно и мирно отвечал внук.

— А с каких это пор твою мать стала отличать склонность к минутным увлечениям? — грозно спросил Гаспар. — Твое мнение о матери мне ясно! Хорошо! А когда она заболела, лежала в больнице, здесь что тобой руководило?

— Единственное, к чему я стремился, — это избавить тебя от забот — продолжал настаивать Витор, прямо и открыто глядя в глаза деду.

— Единственное, к чему ты стремился, — это держать меня подальше от Форталезы и от дел нашей фирмы! Только ради этого ты пренебрег интересами семьи, здоровьем своей матери, покоем сестры! Ты возомнил, что умнее всех на свете, и по уши влез в дерьмо! — голос Гаспара напоминал раскаты грома. — Свою фирму я создавал год за годом, она вырастала, как дерево, и давала плоды, а ты задумал подрубить ее под корень в один день своими безответственными решениями! За кого ты меня принимаешь, Витор? За полного идиота?

Сытое, гладкое, с прилизанными кудрями, лицо внука вдруг стало Гаспару необыкновенно противно. На нем читалось только бесчувствие, равнодушие и стремление во что бы то ни стало добиться своего. Ни одно слово Гаспара не нашло отклика в этой душе. Молодой человек, похоже, давно исключил себя из семейного клана и стоял только за себя.

— Тебя настроил против меня Бонфинь! — огорченно воскликнул Витор. Он заметил неприязненный взгляд Гаспара и поспешил изобразить волнение. — Сейчас я все объясню. Опровержение, которое нам так навредило, дал без моего ведома Дави, и я тут же рассчитал его. Я так ему доверял, но, к несчастью, он мое доверие обманул. А Бонфинь убежал как крыса с тонущего корабля. Я один пытался как-то спасти положение, делал, что мог. Может, неудачно, может, ошибочно. Но делал!

И глаза Витора были опять чисты и искренни.

— И тебе не стыдно говорить мне это? — горько спросил Гаспар. — Ты просто мелкий мошенник, мне известны твои проделки, твои махинации, и я понимаю, чего ты хотел добиться. Но я помешаю тебе! Не допущу, чтобы корабль с сотнями рабочих, которые ни в чем не виноваты, пошел ко дну. Теперь у руля буду стоять я.

— С тобой рядом я, конечно, буду чувствовать себя гораздо увереннее, и вдвоем мы быстро выправим положение, — подхватил Витор.

— Нет, рядом мы не будем. Иметь с тобой дело — это все равно что идти по минному полю. Секундная потеря бдительности грозит взрывом. Нет, Витор! С этой минуты ты уволен, и я запрещаю тебе подходить к воротам верфей на пушечный выстрел.

Такой скорой развязки Витор не ожидал и попытался хоть немного смягчить решение деда.

— Ты несправедлив ко мне, — начал он, — мне просто не хватило опыта. Разве можно за это выгонять меня на улицу как щенка...

— Щенок хранит верность хозяину. В нем есть хоть какая-то привязанность. А ты похож на змею, ядовитую предательницу, которая всегда готова укусить. — Гаспар говорил все с большей и большей горечью.

— Какая нелепость, дед! Нет, я не могу... — все еще пытался защититься Витор.

— Да, больше ты не можешь вредить мне! И можешь только одно — немедленно уйти отсюда, — твердо сказал Гаспар, потом нажал кнопку и вызвал секретаршу.

— Сузана, оповестите всех, что завтра состоится собрание директоров компании и проводить его буду я.

Озлобленный, Витор вышел. Дело повернулось совсем не так, как он рассчитывал, однако он не собирался сдаваться. Наивность отживших свой век стариков, вроде Гаспара и Бонфиня, его просто изумляла. Они еще на что-то надеялись! Витору их надежды казались смешной нелепостью.

Он поехал домой и стал собирать чемоданы. Делать в доме Гаспара ему было больше нечего.

* * *

Эстела, вернувшись из больницы, сидела и разговаривала с Амандой. Обе они с большим изумлением увидели проходящего мимо них с чемоданами Витора.

— Ты уезжаешь? Куда? — заинтересовалась Аманда.

— Чем дальше, тем лучше, — последовал ответ.

— погоди, Витор! Если ты поссорился с дедом из-за мамы, то не стоит делать из этого такие крайние выводы, — стала уговаривать юношу Эстела. — Ты же знаешь, как отходчив Гаспар. И потом, мы обе тебя поддержим.

— В вашей поддержке я не нуждаюсь, — высокомерно ответил Витор. — И прекрасно знаю, что делаю. В делах я достаточно щепетилен, хотя уверен, что эту черту унаследовал не от Веласкесов.

Витор уселся со своими чемоданами в машину и отправился к Дави. Дави был весьма удивлен визиту бывшего своего начальника. Вот уж кого он не ждал!

— Я поживу у тебя, — произнес Витор безапелляционно. — Бонфинь что-то надул в уши деду, и он выставил меня из фирмы, но мой план остается в силе. Гаспар, сам того не подозревая, мне очень помог. Мне будет куда удобнее действовать подальше от их затхлости.

Дави слушал Витора с плохо скрываемым недоверием. Новый поворот событий был ему совсем не по вкусу. Он не ждал, что и Витор останется без работы. Мало того что без работы, но еще и без крова над головой...

Зато Витор, оглядев славную, уютную квартиру Дави, остался очень доволен.

— Решено! Лучшего места для альтернативного офиса не придумаешь, — сказал он, потирая руки. — Прямо отсюда и скупим, все акции.

— А если у тебя ничего не выйдет? — поинтересовался Дави.

— Чего не выйдет? Обставить моего склерозного деда? Ты смеешься, Дави! Когда фирма будет в наших руках, ты забудешь эту свою квартиру и свою серую жизнь! — Витор снисходительно смотрел на приятеля, и тот, как всегда, стушевался.

— Ладно, Витор, делай как знаешь. Я тебе доверяю. Ты можешь на меня рассчитывать.

— Ну то-то! А теперь походи и принеси мои чемоданы из машины. Мне совсем не улыбалось тащиться с ними наверх, — распорядился Витор и с удобством устроился в кресле.

Когда Гаспар вернулся домой и услышал от Аманды, что брат ее ушел из дома и где он, неизвестно, Гаспар не кинулся на поиски внука. Он прекрасно понимал тревогу Аманды, поэтому притянул ее к себе и сказал:

— Этому мальчику пора уже стать взрослым. Поверь, все, что мог, я для него уже сделал, теперь пусть пробует сам. Пусть набьет себе шишек,

пусть научится терпеть. Такая для него наступила пора.

Главными заботами Гаспара были сейчас фирма и Летисия. На следующий же день Гаспар скупил чуть ли не полрынка — Летисия должна употреблять побольше витаминов.

Увидев перед собой красочное изобилие всевозможных фруктов, Летисия рассмеялась: неужели отец считает, что она способна с ними справиться?

Чувствовала она себя уже вполне здоровой. Анализы были удовлетворительны, и Летисия настаивала, чтобы ее немедленно выписали из больницы. Как ни противилась Оливия, делать было нечего: как можно было удержать в постели здорового человека?

Гаспар тут же предложил дочери поехать укрепить силы в Италию или Швейцарию. Ненадолго. На месяц-два. Подышать горным воздухом.

Но Летисия, улыбаясь, с упреком посмотрела на него.

— О чем ты говоришь, папа? Я буду ждать Рамиру у нас дома, как обещала.

Летисия чувствовала, что Рамиру вот-вот вернется, и изо всех сил спешила домой. Он должен, должен застать ее дома!

* * *

Франсуа, который с приходом Гаспара стал появляться в больнице гораздо реже, предлагал Летисии с Рамиру поселиться у него. Предлагал он искренне, без задних мыслей, хотя не мог не понимать, что ни она, ни Рамиру никогда не примут его великодушного и вместе с тем весьма сомнительного предложения.

* * *

В конце концов Летисия добилась, чтобы ее выписали. Добилась и того, чтобы Гаспар с Эстелой отвезли ее в их с Рамиру жилище.

Оглядев это жилище, Гаспар нахмурился, но воли своим опасениям не дал. Ничего. Сейчас Эстела навезла для Летисии пижам и всего прочего, чтобы избавить ее от ночной прохлады и сырости, а потом он поговорит с Рамиру, и что-то они вместе придумают.

Летисия прилегла на кровать, обвела взглядом деревянные стены, листья, торчащие сквозь щели, и почувствовала, что довольна и счастлива.

Рамиру она встретит здоровая и у себя дома...

* * *

Сердце не обманывало Летисию: Рамиру уже высадился на берег. Как только он услышал о болезни жены, он постарался как можно скорее закончить все необходимые дела, сел в маленькую лодку и поплыл к берегу. Остальные должны были вернуться позже. Плыл он один, преодолевая волны и ветер, торопясь на помощь к любимой, которая оказалась в беде.

Первой Рамиру увидела Асусена. Она с девочками собирала на берегу ракушки для украшений и вдруг заметила небольшую лодку, которая ткнулась носом в песок. Как обрадовалась отцу Асусена! Для нее это была первая радость за долгие дни. С тех пор как мать разрешила им с Витором встречаться, Витор исчез. Асусена тосковала и, хотя предполагала, что он занят работой, про себя думала самое печальное и дурное.

Она бросилась отцу на шею, прижалась к нему, ища поддержки в его силе и уверенности. Рамиру наскоро расспросил ее о домашних делах, узнал, что Летисия лежала у них, очень про себя удивился и отправился к Серене.

Рамиру был рад повидать Серену, он был благодарен ей за Летисию и лишней раз отдал должное матери своих детей. В свой час он сделал безошибочный выбор. Серена была и осталась ему помощницей во всем, что бы он ни предпринял, ни задумал... Но дупла его томилась беспокойством о Летисии, которая, как он узнал, лежала в больнице. Серена видела это и не занимала его долгими разговорами, а протянула выглаженную рубашку.

— Переоденься, — сказала она, — прежде чем идти в больницу.

И Рамиру переоделся.

Однако Рамиру не нашел Летисию в больнице. Ее уже выписали. А куда она поехала — не знали.

Однако, судя по тому что забирали ее Гаспар с женой, она должна быть в Форталезе. Рамиру отправился к Летисии домой. Он понимал, что после тяжелого воспаления легких Летисия вряд ли сразу вернется в их продуваемую всеми ветрами хижину.

Встретила Рамиру Аманда, которая сказала, что она в доме одна, что матери здесь нет.

Рамиру ей не поверил. Понятно, что домашние сговорились и просто скрывают от него Летисию. И он про себя решил, что сейчас он разнесет

весь этот дом, но к Летисии прорвется, — недаром же он преодолел все бури и штормы, торопясь ей на помощь.

— Мы что, злодеи из сказки? Или тюремщики? — увещевала Аманда рассерженного здоровяка, который, похоже, решил во что бы то ни стало все-таки проникнуть в дом. — Уверяю вас, мамы здесь нет!

Подоспевший Плинию сообразил, в чем дело, и сказал Аманде:

— Сеньор Рамиру очень хороший человек, но сейчас немного расстроен. Пригласи его, Аманда, пусть пройдет и убедится, что донны Летисии тут нет.

Аманда посторонилась, пропуская Рамиру. Он обегал все комнаты, заглянул и к ней в спальню — на него повеяло нежилым.

— Но где же она? Где? — спрашивал он Аманду, вернувшись в холл.

— Вот этого я не знаю. Вам виднее, — с тайной мстительностью ответила ему дочь Летисии.

Делать было нечего. Надо было возвращаться домой одному. Летисию спрятали лучше, чем он предполагал. Усталый Рамиру пустился в обратный путь. Ему было просто необходимо немного отдохнуть, прежде чем всерьез браться за поиски. То, что на этот раз он никому не позволит разлучить его с Летисией, он знал твердо.

* * *

Рамиру вошел в хижину. Летисия сидела на постели и поднялась ему навстречу. Он подхватил ее на руки и замер. Его счастье было у него в руках...

Поцелуи, короткие торопливые слова. И только когда они оба уже вновь уселись рядышком на постель, Рамиру заметил, что у дверей хижины стоят Гаспар и Эстела.

Они привезли Летисии всяких домашних мелочей, которые должны были облегчить ее теперешний нелегкий быт.

— Я думаю, нам пора, Эстела, — глядя на Рамиру и свою дочь, сказал Гаспар. — Рамиру столько времени отсутствовал, что у них есть, наверное, что обсудить. Если что, Рамиру, сообщи нам немедленно.

Счастливо оставаться, дочка. Держись. Рамиру вышел проводить гостей.

— Мы потом обсудим с тобой кое-какие проблемы, так, Рамиру? — спросил Гаспар.

Рамиру кивнул: проблемы были, и немалые. В больнице он успел

переговорить с доктором Оливией, и она сказала ему, что Летисия не выдержит жизни на природе. Это для нее смертельно.

А жить в доме у Гаспара, или построить на деньги Гаспара дом было смертью для Рамиру.

Но пока Рамиру усадил гостей в машину, помахал им на прощание рукой и вернулся в свою хижину. Сейчас его счастье было у него в руках...

Глава 19

С первых дней Гаспар и Бонфинь окунулись в работу. Нужно было расхлебывать кашу, которую завалил хитроумный Витор. С утра до вечера офис осаждали акционеры, поставщики и подрядчики. Экспертный отдел был завален телексами и факсами от зарубежных заказчиков и держателей акций. Бонфинь считал положение сложным, но не безвыходным.

Рана в душе у Гаспара все еще кровоточила: его любимый внук так безжалостно предал его! Если бы только деловая неопытность привела их к сокрушительному краху, он был бы счастлив. Но нет — это был заговор. Холодный, расчетливый Витор все продумал. Он хотел стать единственным правителем фирмы, оттеснив деда и мать.

На собрании директоров им удалось успокоить местных акционеров. Имя Гаспара пользовалось хорошей репутацией в деловом мире. Но как быть с зарубежными клиентами?

— Тебе придется срочно лететь в Японию и Германию, Бонфинь, чтобы установить личный контакт с держателями акций. Только так можно исправить положение, — решил Гаспар.

Бонфинь не пришел в восторг от таких перспектив. Он надеялся, что сам Гаспар займется зарубежными заказчиками. Но, как видно, шеф устал от свадебного путешествия и ему не хотелось тащиться куда-то на край земли, покинув молодую жену.

— Что такое, Бонфинь? Ты недоволен тем, что летишь в Токио? Вспомни чудесных гейш. Вспомнил, негодник? Разве ты не соскучился по ним? — Гаспар даже в этой сложной ситуации не потерял чувства юмора.

* * *

Дома известие о заграничных командировках Бонфиня вызвало веселый переполох. Предложение Изабел сопровождать его он решительно отверг, но вынужден был согласиться на прощальный ужин по-японски. Пессоа говорил теперь только по-японски:

— Оливия-сан, вас приветствует Пессоа-сан! При этом он кланялся в пояс. Пессоа не забыл

составить для отца длинный список подарков, которые он мечтал получить. Первое место в этом списке занимала музыкальная приставка, а

последнее — маленький факс. Зачем ему факс, он не мог толком объяснить, но раз у всех есть факсы, почему Пессоа не может его заиметь?

Прощальный ужин превратился в театральное действие. Адреалина изображала гейшу. Изабел ухаживала по примеру заботливых и кротких японских жен за своим ненаглядным бонбон-санчиком. Пессоа-сан отказался от сырой рыбы по-японски, потому что его бразильский желудок такой пищи не принимал. И только Оливия была чем-то озабочена и молчала.

Бонфинь соскучился по работе и с жаром накинулся на нее. Хорошо, что у него дома была такая беззаботная, легкая обстановка. Вечером он отдыхал с родными от дел и проблем на фирме. И только Оливия его беспокоила. Он всегда чутко угадывал ее душевное состояние, потому что они были очень дружны. И сейчас он понимал причину ее грусти.

Когда они вышли после ужина прогуляться к бассейну, Оливия первая начала разговор о том, что ее тревожило все последние дни:

— Папа, скажи мне, почему все-таки Витор ушел из фирмы? Об этом ходит много слухов, и я хотела бы знать, что в них правда, а что выдуманно?

— Дочка, у Гаспара было достаточно оснований выгнать Витора и вернуть меня. Одно я могу сказать тебе определенно: будь осторожна с младшим Веласкесом! Я знаю, он тебе нравится.

Оливия вздохнула: от отца ничего не скроешь. В последнее время она с трудом отгоняет от себя бесконечные мысли о Виторе. Это какое-то наваждение. И отец, как видно, огорчен ее увлечением. И саму себя она понимает с трудом: ведь Витор никогда не нравился ей. И вдруг она словно взглянула на него по-новому, может быть, глазами влюбленной женщины?

* * *

Оливия не так часто думала бы о Виторе, если бы он постоянно не напоминал о себе. Сначала звонил — в больницу или домой.

— Это снова твой влюбленный бандит. Извини, что отрываю от дел, но мне так одиноко, — грустно говорил он в телефонную трубку. — Мне не с кем поделиться, Оливия. Только ты понимаешь меня.

Еще полгода назад эти слова показались бы ей лицемерными и притворными. Но сейчас, несмотря на предостережение отца, она верила ему. В глазах Витора поселилась такая черная тоска. Он не скрывал, что свалившиеся испытания почти сломили его. Этот человек казался очень загадочным и противоречивым. В нем уживались добрые и злые начала —

истинно страдающая душа с недобрыми помыслами. Оливии хотелось во всем этом разобраться. Но главное, ее тянуло к Витору, и она не в силах была справиться с этим влечением.

Как-то вечером она заметила, что Витор бесцельно бродит по пляжу возле их дома.

— Привет! Что ты здесь делаешь? — удивленно окликнула его Оливия.

Витор не скрывал, что надеялся повидаться с ней, но не хотел входить в дом. Он предложил ей пройтись по берегу и поговорить. Для него это стало насущной потребностью — пожаловаться

Оливии на судьбу. Дома все ополчились на него, а он даже не понимает за что. Да, ему неприятен был роман матери с рыбаком, но он сумел это пережить и помог Аманде справиться со стрессом. Он приходил в больницу к матери, стоял под дверью, но не решился войти. Неизвестно, как бы она его приняла.

Не забыл Витор посетовать и на деда, который в сердцах выставил его, не пожелав выслушать.

— Но я ни на кого не держу зла, — спокойно, без тени обиды говорил Витор. — Я научился ценить людей, их мнения, но жить с ними под одной крышей не могу.

— Думаю, ты правильно сделал, Витор, — одобрила его уход Оливия. — Это поступок зрелого человека. Устроишься на своем месте, станешь более независимым.

Она считала, что Гаспар поступил с внуком несправедливо. Может быть, Витор по неопытности и допустил какие-то ошибки, но способности к управлению такой сложной машиной, как верфь, у него, несомненно, есть. За столь короткий срок он многое сумел сделать, например улучшил условия труда. За это к нему хорошо относятся рабочие. Оливия не скрывает от Витора некоторые одобрительные отзывы о нем на верфи и отметила, как он обрадовался и воспрянул духом.

— Я всегда был замкнутым, и откровенные разговоры у меня ни с кем не получались, — признался он Оливии, когда они бродили у моря. — Как хорошо, что я могу вот так открыто поговорить с тобой. Тьд очень нужна мне.

И он вдруг нежно, но крепко обнял ее. Все труднее становилось Оливии сопротивляться его ласкам. А их свидания обычно заканчивались страстными поцелуями, от которых она теряла голову. Казалось, кровь закипает в ее жилах, учащенно бьется сердце. Спокойная, рассудительная Оливия не узнавала и стыдилась себя.

— Нет, не нужно, Витор, — она поспешно высвободилась из его объятий. Ей казалось, что им хорошо вместе, а подобное завершение их встреч только все портит. — Если захочешь поговорить со мной, смело заходи к нам, тем более что отец уехал на несколько дней.

— Куда? — поспешно спросил Витор. — Наверное, в Рио, на профсоюзную конференцию?

— Нет, гораздо дальше, в Японию и Германию. Гаспар отправил его по делам фирмы, — Оливии и в голову не пришло, что подобную информацию ее отец посчитал бы секретной.

— Вот как? — задумался Витор. — Как бы я хотел слетать в Токио. Если бы дед меня не выставил, я бы, наверное, был сейчас там с Бонфином.

Он вдруг заторопился куда-то и попросил у Оливии прощения за то, что отнял у нее целый вечер. Они договорились встретиться завтра.

* * *

Дави с утра до вечера проводил время в «обществе» компьютера и телефона. Он работал как вол, не позволяя себе расслабиться, отдохнуть хотя бы час. У него открылся особый дар общения с перепуганными держателями акций. Он не уговаривал их расстаться со своими ценными бумагами. Он просто снисходительно предлагал облегчить им жизнь, купить у них акции, которые дешевеют с каждым днем, конечно, по разумной цене. Этот торг почему-то действовал на людей безотказно: они охотно отдавали акции за бесценок и еще благодарили за помощь.

Проверив список «отработанных» клиентов, Витор не забывал похвалить своего помощника за расторопность:

— Что, еще два процента, Дави? Молодец! Это немного, но курочка по зернышку клюет, а сыта бывает. Знаешь такую поговорку? Давай звони еще вот этому бедолаге, у него шесть процентов. Он, конечно, места себе не находит. Спасай его от банкротства!

Дави умолял позволить ему принять ванну или подышать воздухом на пляже. Но Витор был жесток и неумолим: потом их ждет отдых, купание, массаж, развлечения. Но сначала все это нужно заслужить. Он уже не раз переживал в мечтах эту сцену: вот он по-хозяйски является в «Наве», входит в кабинет сеньора Гаспара и объявляет ему, что является отныне держателем самого крупного пакета акций, например, пятидесяти процентов, а может быть, семидесяти. Это будет удар для старика. Интересно, как доктор Гаспар примет это известие? Придет в ярость?

Набросится на него с угрозами? А может быть, будет унижен, раздавлен? Ради этой минуты Витор и жил сейчас.

Однажды после свидания с Оливией он вернулся в квартиру Дави чем-то сильно обеспокоенный.

— Ах, Гаспар, старая лиса! Он уже отправил этого болвана Бонфиня в Японию и Германию заключить контракты с клиентами. Нам нужно торопиться, Дави. Мне необходим контроль над предприятиями как можно быстрее. Давай звони вот этому, у него пять процентов.

Дави удивился, откуда у него такая информация, ведь он давно не был на фирме?

— Уметь надо, дружище! — хохотнул Витор своим неповторимым злым смешком, от которого у Дави мороз пробежал по коже. — Я работаю на всех фронтах. Есть у меня информатор, который обо всем мне докладывает.

Дави давно уже заметил, как Витор увивается вокруг Оливии. И его информатором могла быть только она. Тень пробежала по лицу Дави. Он ревновал, мучился и с трудом скрывал свои чувства. Витор догадывался об этом и в душе забавлялся его страданиями. Дави убеждал себя, что не имеет права ненавидеть шефа. Его будущее, карьера зависели от Витора. Но ненависть помимо воли то и дело вспыхивала в нем как пламя.

* * *

Летисия поправлялась медленно. Она мало ела, с трудом передвигалась по хижине, забывала принимать лекарства. Как ни старался Рамиру быть заботливой нянькой, у него не всегда это получалось. Он видел, что Летисия через силу проглатывает две-три ложки его похлебки. Немудрено, она ведь привыкла к другой еде. Как-то в его отсутствие она сама попыталась развести огонь в печке, но у нее ничего не вышло. Пока что у них хватало чувства юмора невесело шутить над своим неустроенным бытом.

Но Рамиру все чаще одолевали сомнения: правильно ли он поступает, удерживая в жалкой лачуге больную, слабую женщину? В этой хижине Летисия в своей розовой дорогой пижаме выглядела как жар-птица в курятнике. Она мужественно старалась приспособиться к непривычным для нее условиям, но это было нелегко для женщины, никогда не стоявшей у плиты, не ведавшей, что такое стирка или уборка.

Однажды ночью Рамиру услышал спросонья, как Летисия встала и

пытается нашарить на столике склянку с лекарством. Ее мучил надоедливый кашель.

— Зачем ты встала, дорогая? Тебе нельзя ходить босиком по холодному полу, — сразу же вскочил Рамиру и приготовил ей теплое питье.

— Ты так сладко спал, я не захотела тебя будить, — виновато оправдывалась Летисия.

Рамиру хотел дать ей лекарство и вдруг обнаружил, что склянка пуста. Летисия была как ребенок, беспомощный и беззащитный. Ему стало стыдно: ведь это он должен был вовремя позаботиться о ее лекарстве. Рано утром Рамиру поехал в город в аптеку. По дороге он обдумывал, как им жить дальше. Это решение зрело в нем давно. Летисия никогда не поправится, живя в этих первобытных условиях. Ей нужно вернуться домой. Он будет настаивать на этом. Сегодня же поговорит с ней серьезно.

Оставив лодку на берегу, Рамиру поспешил в хижину. Летисия очень не любила оставаться одна и всегда умоляла его вернуться пораньше. Но на этот раз она была не одна. Их снова навестил сосед. Рамиру казалось, что Франсуа делает это слишком часто, но он не высказывал своего мнения Летисии. Она еще с порога заметила, как нахмурился Рамиру.

— Франсуа заглянул повидать меня и заодно предложить нам машину, телефон, если понадобится, — словно оправдывалась она, заглядывая Рамиру в глаза.

— Большое спасибо! Обязательно воспользуемся, — обещал Рамиру как можно радушнее.

Но он не умел притворяться. Франсуа сразу понял, что хозяин не слишком доволен его визитом, и поспешил проститься. С тяжелым чувством он покидал эту хижину, всякий раз давая слово никогда не приходить сюда. Но словно неведомая сила тянула его к Летисии.

* * *

После ухода Франсуа Летисия с Рамиру долго молчали. Ей казалось, что Рамиру сердится на нее и ревнует. Сколько раз она говорила ему, что ревность — проявление слабости, а он сильный мужчина. Но ведь и она сама не могла не ревновать его к жене. На самом деле Рамиру был озабочен другим и уже забыл о Франсуа. Он думал, как начать разговор и сообщить Летисии о переезде.

— Летисия, любимая, я поступил как эгоист, держа тебя здесь. Ты сегодня же вернешься домой, где за тобой будут хорошо ухаживать, —

наконец решился он.

Как встревожили и опечалили Летисию эти слова! Ей даже пришло в голову, что Рамиру из ревности хочет отправить ее обратно домой, чтобы она оказалась подальше от Франсуа.

— Нет-нет! Я не хочу расставаться с тобой. Мой дом здесь. Без тебя я совсем разболеюсь, — с мольбой глядя ему в глаза, говорила она.

— Кто тебе говорит, что мы расстанемся, любовь моя! — нежно обнял ее Рамиру. — Ты уже немалым пожертвовала ради меня, оставила семью. Теперь настал мой черед. Я решил поехать с тобой, помозолить глаза Веласкесам.

Изумление Летисии сменилось радостью, которую она не сумела скрыть. Это была ее тайная мечта — со временем поселить Рамиру в своем доме, вместе с отцом и детьми, дать ему работу в фирме или на верфи. Она даже самой себе боялась признаться, как утомило ее это убогое житье в хижине. И вот Рамиру сам сделал первый шаг. Похоже, ее тайные мечтания начинали сбываться.

* * *

В доме Соаресов царил предпраздничная суэта. Девушки под предводительством Серены складывали в коробки бусы и украшения из ракушек — все, что они успели сделать за эти дни специально для ярмарки. Женщины из деревни подносили Серене скатерти, кружева и вышивки. Все с нетерпением ждали открытия аквапарка «Морские цыгане». Будут грандиозный праздник, ярмарка, чествование морской королевы, танцы до утра. С этого дня в аквапарке откроется палатка с изделиями ручной работы. От того, как пойдет торговля, зависит доход многих семей в деревне.

В комнате у Кассиану, пока он был в море, Серена устроила склад готовых товаров для своей палатки, который все пополнялся. Но вчера вернулись рыбаки, и Кассиану тут же попросил освободить его территорию от этих бабьих тряпок и побрякушек. Пришлось все перетащить к Асусене и в гостиную.

На диване любезничали Кассиану с Далилой. Весело болтали девушки, укладывая свои поделки. Только Асусена был тиха и печальна. Ни праздник, ни возвращение рыбаков с хорошим уловом — ничего ее не радовало. Витор не показывался уже несколько дней. Ожидание совсем измучило Асусену.

И вдруг дверь отворилась и на пороге предстал он, ее долгожданный принц. Глаза Асусены лучились счастьем. Зато Кассиану вскочил как ужаленный.

— Что он делает в нашем доме, мама? Ведь ты сама говорила, что этот тип — не пара Асусене.

Но Серена грозно прикрикнула на него. Удивленный Кассиану узнал, что Витору разрешено приходить сюда и ухаживать за его сестрой на глазах у родных. Далила поспешила увести подальше жениха, чтобы он не набросился на ненавистного Витора. Далила была уверена, что младший Веласкес не только дурной человек, он серьезно болен психически. Все они терпеть его не могли, но приходилось мириться, потому что Асусена просто помешалась на нем.

Серена отпустила домой девушек, и в комнате остались только Витор и Асусена. На этот раз диван для влюбленных заняла другая парочка. Асусена не сводила глаз со своего кумира. А Витор снисходительно принимал ее ласки и больше ворчал:

— Так ухаживали за девицами в прошлом веке. Мы сидим на софе, взявшись за руки, украдкой целуемся под присмотром маменьки и братца. Нет, все это не для меня. Мы должны найти другое место для наших встреч, где мы будем одни.

Витор еще больше разозлился, когда явился Франшику, влюбленный, робкий Франшику. Он побледнел, как скатерть, когда увидел свою принцессу в объятиях другого. Забормотал извинения и поспешил в комнату донны Серены. Франшику не упускал случая заглянуть сюда, чтобы посмотреть, как идут приготовления к открытию палатки. На самом деле — просто встретиться с принцессой.

— Эй, приятель! — окликнул его Витор. — Я видел твой гидропарк. Грандиозное сооружение. Где ты взял столько денег на его постройку?

— Не твое дело! — отрезал Франшику.

Витор ненавидел этого новоявленного бизнесмена, но не только за удачливость в делах. Он чувствовал, что Франшику наблюдает за каждым его шагом и многое в нем понимает. Этого он никому не прощал.

— Прямо какой-то проходной двор, а не дом! — взорвался он. — Не нравится мне, что этот проныра является сюда как друг семьи.

Асусена улыбнулась. Она думала, Витор ревнует ее к Франшику, а ревность — верный признак любви. Да, Серена просто обожала Франшику. Если бы можно было выставить его портрет на полку рядом со святым Франциском, она бы поставила и молилась на него. Ведь он дал им работу и заботился о них.

— Витор, ты поведешь меня на праздник? Там мы сможем скрыться в толпе и побыть одни, — в который раз просила Асусена, но он почему-то отвечал уклончиво.

Витор вспомнил, что уже обещал сопровождать на это зрелище Оливию. Похоже, он чуть-чуть запутался со своими женщинами. Эта ситуация его даже позабавила. Ну ничего, он что-нибудь придумает. Людьюми легко управлять. Порой он чувствовал себя кукольником, который дергает за веревочки, а марионетки покорно двигаются и говорят, следуя его воле. Иногда нитки обрываются, как случилось с дедом, с матерью. Но это всего лишь глупые случайности.

Повелевать людьюми — вот к чему он всегда стремился. И скоро сотни, тысячи людей будут зависеть от него, когда он завладеет компанией, целым городом. Эта мысль кружила ему голову.

Глава 20

Утром Рамиру проснулся в роскошной спальне Летисии. По крайней мере, такой она казалась ему после хижины на берегу моря. Первое, что пришло ему в голову, — он никогда не сможет привыкнуть ко всему этому ни за год, ни за два, ни за всю оставшуюся жизнь. Но ведь они решили, что переехали только на время, пока Летисия не поправится. Летом он подыщет для них небольшой домик или квартиру.

Гаспар и Эстела встретили его с искренним радушием, обращались с ним как с членом семьи. Чуткая душа Рамиру не уловила ни тени снисходительности или недовольства. Только Аманда изобразила удивление и чуть поморщила носик, но грозный взгляд деда заставил и ее быть приветливой с этим странным пришельцем.

Больше всего мучений доставляла Рамиру необходимость спускаться к столу. Не только потому, что он не умел как следует пользоваться приборами и боялся допустить оплошность. Просто не привык еще к новым домочадцам, и разговор за столом не клеился. Но Летисия старательно ограждала его от неловких ситуаций. Пока что они завтракали и ужинали вдвоем у себя в спальне.

Летисия не могла удержаться от удовольствия купить Рамиру новую одежду, туалетные принадлежности, хотя понимала, что это будет не совсем приятно ему. Увидев дорогую шелковую пижаму, Рамиру остолбенел.

— Летисия, дорогая, что это? Ведь в ней впору к обедне идти, а не спать.

— Смотри, что я хочу тебе подарить, милый, — Летисия, как любая дочь Евы, с удовольствием расставляла на столике свои приобретения. — Это одеколон, гребешок из слоновой кости, пена для бритья, шелковые носки... Ведь ты мне купил новые платья, когда я пришла к тебе в хижину. Ты не представляешь, как мне было приятно выбирать все это для тебя.

Летисия с мольбой смотрела на него, и Рамиру сдался. Он принял ванну, побрился и облачился в ненавистную пижаму. Чего только не сделаешь ради любимой женщины. Летисия просто расцвела, вернувшись к привычным условиям жизни, а в хижине она тихо угасала. Поэтому Рамиру решил молча терпеть и постараться свыкнуться с ее миром.

В это время внизу в гостиной Гаспар тихо беседовал с женой, внучкой и Нейде. Он напомнил им о том, в какое щекотливое положение сейчас

попал Рамиру, как трудно ему войти полноправным членом в их семью. Но муж Летисии обязательно будет жить в этом доме! При этом Гаспар строго посмотрел на внучку, и Аманда опустила глаза. Все обещали вести себя с Рамиру деликатно, сердечно, как с близким человеком.

Гаспар был жестким и решительным человеком. Если Витор еще только мечтал управлять людьми, то его дед умел это делать. Летисия должна быть счастлива, сказал себе Гаспар, но для этого ей необходим Рамиру. Поэтому он уже отвел этому человеку определенное место в их доме, в семье и в жизни. Гаспар не собирался в ближайшие дни указать новому зятю на это место. Нет, все произойдет постепенно, незаметно для Рамиру. Прежде всего, необходимо найти ему занятие по душе, все остальное приложится. Сделать это было нетрудно, фирме очень пригодится такой человек.

Вечером Гаспар предложил Рамиру посидеть с ним на террасе, выпить и поговорить. Рамиру охотно согласился. Разговор о работе Гаспар начал издали:

— Ты думаешь, я не мечтаю бороздить моря, как ты, ловить лангустов? Море, солнце, романтика — об этом я мечтал всю жизнь. Но вынужден сидеть в душном офисе и подписывать бумаги. Как я завидую тебе, Рамиру!

Рамиру задумчиво кивал. Он недавно вернулся из плавания, но уже соскучился по морю и едва ли смог бы существовать без своей работы. От романтики Гаспар незаметно перешел к улову. Улов на этот раз оказался превосходным, рыбаки вернулись с полными трюмами. В прошлый раз по вине Дави с продажей товара вышла небольшая заминка, но больше это не повторится, заверил Гаспар. Фирме очень нужен товар такого качества. Бонфинь только что заключил договоры с японцами и немцами. Клиенты уже ждут первых поставок лангустов и рыбы.

— Мне пришла в голову мысль. Не хочешь ли ты стать моим представителем, — вдруг предложил Гаспар. — Завтра же поедешь в деревню и купишь весь улов сразу. Сделку заключай от моего имени.

Гаспар предложил хорошую цену. И Рамиру подумал, что было бы неплохо помочь Самюэлю продать улов. Самюэль был отличным рыбаком и главой артели, но перед коммерческими операциями пасовал. Бедняга до сих пор не мог забыть, как Дави заставил его подписать какую-то бумажку с убытком для артели.

Рамиру согласился завтра же отправиться в деревню, погрузить улов на грузовик и доставить в холодильник. Они с Гаспаром ударили по рукам. Рамиру совершал выгодную сделку, ведь часть улова принадлежала и ему.

Но пока он и не подозревал, какие грандиозные планы строит Гаспар, обдумывая его судьбу. В ближайшем будущем фирме потребуется много свежей первосортной рыбы для отправки за рубеж. Придется создать особый экспортный отдел для закупок улова у всех рыбацких артелей вокруг Форталезы. И главой этого экспортного отдела Гаспар предполагал сделать Рамиру Соареса.

* * *

Рано утром Рамиру был уже на ногах: ему предстояло важное дело. Плинию дожидался у гаража, готовый доставить его в деревню. Так как Рамиру не захватил с собой ничего из одежды, то пришлось переодеться в купленные Летисией элегантные светлые брюки и рубашку. Сначала он хотел отдать эти тряпки Нейде, чтобы та вернула их в магазин, но потом одумался. Он боялся огорчить Летисию.

— Как ты хорош, Рамиру! Глаз не отвести, — не могла удержаться Летисия от полушутливого возгласа при виде этого чудесного преображения.

Когда она обнимала его, у Рамиру кружилась голова, как и двадцать лет назад, когда их любовь только зарождалась.

— А как вкусно от тебя пахнет, — шептала она, прижавшись щекой к его щеке. — Ты пользовался одеколоном, который я тебе подарила?

— Только мне не хватало одеколона, — грустно усмехнулся Рамиру. — Нет, дорогая, это крем для бритья. Он такой пышный, нежный и пахнет мороженым. Ты тоже нежная, мягкая и замечательно пахнешь, Летисия!

Несмотря на трудности, медовый месяц у них продолжался. Их все так же страстно тянуло друг к другу, как в первые дни, когда Летисия прямо со свадьбы отца пришла к нему в хижину. Рамиру никогда не блистал красноречием, но сейчас ласковые слова сами слетали с его губ:

— Ты волшебница, любовь моя, и околдовала меня. Зачем ты это сделала?

— Я перестаралась с колдовством. Теперь мне придется глаз не спускать с моего рыбака, — ответила Летисия. — Берегись! Даже смотреть не смей на других женщин, а то я их всех превращу в мерзких жаб.

И Рамиру обещал смотреть только на нее одну, потому что он однолюб и другие женщины ему не нужны. Она проводила его до машины и долго смотрела вслед. Все это уже немного походило на настоящую семейную жизнь, о которой она мечтала: Рамиру, ее дети и отец. Может быть, Витор

со временем одумается и вернется к ним. По утрам они будут провожать Рамиру в офис. Ведь не век же ему ходить в море. Их жизнь вступила в пору зрелости, когда покой, уют и комфорт так необходимы.

* * *

Но свое будущее Рамиру видел совсем иным, чем Летисия и Гаспар. Он не мог жить без моря и без своей работы. Поэтому им овладело беспокойство, когда он увидел свою деревню и рыбаков на берегу. Как они встретят своего бывшего вожака, вдруг ставшего мужем Летисии Веласкес? Он уже пожалел, что переоделся в эти дорогие шмотки. И конечно, дурак Маджубинья, увидев его, радостно завопил:

— Смотрите-ка, наш Рамиру вырядился как богач! От него даже одеколоном пахнет. А машину с шофером тебе тоже подарила Твоя дамочка?

— Пойдем, Рамиру, ко мне, поговорим спокойно, подальше от этой язвы Маджубиньи.

Самюэль поспешил увести друга, заметив, что тот смущен и раздосадован таким приемом.

Но и сам он с трудом скрыл удивление при виде необычного облика Рамиру. Особенно поразили его шелковые носки и туфли, которые они сроду не носили. Значит, Летисия заставила его обрядиться во все это. Неизвестно, чего она потребует завтра. Самюэлю стало обидно, что Веласкесы так быстро прибрали Рамиру Соареса к рукам.

О продаже улова они договорились быстро. Цена действительно была хорошей, Самюэль вынужден был это признать. Задело его только то, что они теперь с Рамиру как бы стояли по разные стороны прилавка: он покупает у них рыбу! Скоро, чего доброго, выбьется в большие начальники. Самюэль не знал, что такое зависть. Сейчас он испытывал только обиду, потому что Рамиру Соареса — главу их артели — украла у них эта всесильная женщина. Он был своим человеком в деревне, а теперь на глазах превращался в чужака.

Рамиру тоже почувствовал, что деревня приняла его как чужого, мужа миллионерши, прикатившего к ним на роскошной машине с шофером. Он даже не предполагал, что это причинит ему такую невыносимую боль. Почему они все думают, что он поселится навсегда в чужом доме Веласкесов и забудет о них? Нет, в артели его жизнь и работа, он никогда не расстанется с морем и с друзьями — это Рамиру решил для себя

окончательно и твердо.

Стараясь не замечать любопытных и неодобрительных взглядов, он с удовольствием занялся вместе с Самюэлем делами. Они пересчитали ящики с лангустами и взвесили на весах весь улов, составили договор начерно. Осталось только прислать грузовик и отвезти товар в холодильники. Рамиру и Серене предложил помощь — вызвался отвезти их поделки в палатку на ярмарку. Он хотел быть с деревней и артелью, как и раньше, разделять их заботы, их праздники. И на открытие аквапарка он обещал Асусене обязательно прийти, хотя Летисия чувствовала себя слабой и избегала шумных мероприятий.

Пока Рамиру с Плиниу укладывали коробки с поделками в багажник машины, Самюэль с Сереной успели обменяться мнениями. Их больше чем кого-либо волновала судьба Рамиру Соареса.

— Что-то не похож он на счастливого человека. И глаза тоскливые, — украдкой шепнула ему Серена. — Мне даже жалко его. Он как рыба, выброшенная на берег.

— Помяни мое слово: недолго он выдержит эту жизнь в золотой клетке, — отвечал Самюэль куме. — Летисии Веласкес не удастся отнять у нас нашего Рамиру.

* * *

Мария Соледад обещала сыну вернуться в Форталезу ко дню открытия его парка. И она сдержала слово. Рано утром с помощью Франсуа она перенесла свои чемоданы в комнату Франшику и снова расположилась там, уже на долгое время, может быть, навсегда. Теперь ее заботило только одно — поскорее найти Ану Каролину, и тогда вся ее семья будет в сборе. Фотографии дочери она второпях положила в один из чемоданов и сейчас никак не могла их отыскать, чтобы вручить Франшику.

Его любимое детище — аквапарк занимал все помыслы Франшику. Но он сумел, оторваться от него на час, чтобы встретить мать и осуществить давно задуманное.

— Мама, поисками Аны Каролины я займусь сразу же после открытия парка. А сейчас я хочу представить тебя моему другу, компаньону и помощнику Гаспару Веласкесу! — торжественно объявил Франшику.

Он и не заметил, как смутилась мать. Не обращая внимания на то, что она пытается что-то сказать ему, он усадил Марию Соледад в машину и поспешил в город. А Мария Соледад ругала себя за то, что раньше не

рассказала сыну правду. Даже сейчас, по дороге к дому Веласкесов, у нее не хватило мужества объясниться с ним. И только когда они вступили в просторный холл дома и им навстречу вышла Нейде, Мария тихо попросила:

— Сынок, позволь мне несколько минут поговорить с Гаспаром наедине. Я тебе все объясню потом. Да-да, мы с ним знакомы.

Тут только Франшику заметил, как взволнована мать. Он был изумлен и обижен: мать, оказывается, знает Гаспара и скрыла от него это. У нее есть какие-то тайны, которыми она не делится даже с ним, родным сыном. А Мария в это время, затаив дыхание, входила в кабинет Гаспара. Путь на Голгофу, наверное, был бы легче для нее. Почему же она так боялась этой встречи?

Гаспар поднялся навстречу из-за стола и долго вглядывался в ее лицо, не узнавая. И вдруг память что-то подсказала ему. В глазах Гаспара мелькнуло удивление, потом радость. Он считал эту женщину погибшей. Много лет назад прочитал в газете о трагедии с парусником и о том, что никому не удалось спастись.

— Соледад, это ты? — все еще не верил он. — Почему же ты молчала все эти годы, не разыскала меня?

— Потому что мне было очень стыдно, Гаспар, — со слезами отвечала Мария Соледад. — Мне и сейчас трудно смотреть тебе в глаза. Когда я узнала, что мой отец так с тобой поступил... Он подставил тебя, Гаспар. Ты имеешь право выгнать меня вон.

Но Гаспар обнял ее и усадил на диван. Соледад напомнила ему о счастливых временах, когда он был молод и полон решимости покорить мир. Тогда его порой предавали даже лучшие друзья, но сейчас даже это вспоминалось без обиды.

— Как мне было больно, тяжело, когда я узнал, что вы утонули — ты, Саул и малыш, — вспоминал он. — Я долго переживал потерю своего друга, компаньона — твоего отца. Он был моим кумиром. Зло, которое он мне причинил, давно забылось.

И они надолго замолчали, уносясь мыслями в прошлое. Их многое связывало когда-то — дружба, общее дело. Гаспар очень любил малыша Франшику. И тут Соледад сообщила ему радостную новость: Господь был милостив к ним, они остались в живых, она и мальчик. И он сейчас рядом, в соседней комнате. Мария Соледад позвала сына. Вошел Франшику, с недоумением глядя на мать и Гаспара: почему мать плачет, а Гаспар утешает ее и они обнялись, как близкие друзья.

— Что здесь происходит, мама? — удивленно спросил он.

Кто был поражен больше всех, так это Гаспар Веласкес: его старый друг Франшику оказался внуком его старого друга и сыном Марии Соледад.

— Так это ты Франшику Пимпа, как называл тебя Саул! Тот самый малыш, которого я так любил! — он смотрел на Франшику так, словно впервые его видел и тот только что свалился ему на голову.

И все же Марии Соледад нужно было объяснить сыну, что же связывало их с Гаспаром. Это было непросто сделать. Но Гаспар сам великодушно взял на себя эту нелегкую ношу.

— Франшику, малыш, начнем с самого неприятного, болезненного и горького, чтобы покончить с этим и больше к этой теме не возвращаться.

Когда-то в Рио Гаспар рассказывал Франшику о своем компаньоне, друге, который его предал. Ему неприятно было вспоминать об этом, он давно поставил крест на этой истории.

— Но сегодня я должен сказать тебе правду, сынок, — поморщился, словно от боли, Гаспар. — Этот мой компаньон, который меня обманул... Его звали Саул, Франшику. Это твой дед.

Так Франшику пришлось пережить еще одно сильное потрясение накануне самого счастливого для себя дня — открытия аквапарка. Но Гаспар заверил их с Соледад, что зла не помнит, и они по-прежнему его лучшие друзья. Правда, когда они ушли, Гаспар показался Эстеле очень озабоченным. Он обещал жене рассказать эту историю, когда немного придет в себя.

— Судьба проделывает с нами забавные фокусы, Эстела. И вот тут-то нам приходится быть очень осторожными, чтобы не наделать глупостей, — задумчиво говорил он.

На открытие парка Гаспар так и не пошел. Не захотел оставить одну больную дочь. Летисия казалась ему очень грустной, наверное, потому, что Рамиру исчез с утра и больше не появлялся. Гаспар замечал, что между его молодоженами пробежала черная кошка. Они то смотрят друг на друга влюбленными глазами, то ссорятся и спорят. Что могло случиться? Уж не ревность ли стала причиной их размолвок?

Глава 21

В день открытия с раннего утра парк «Морские цыгане» заполнили толпы людей, жаждущих отдохнуть и повеселиться. Заработали аттракционы на радость детям всех возрастов, зашумела ярмарка с

многочисленными киосками и лотками. Все столики в кафе и барах уже были заняты посетителями. Молодежь с нетерпением ожидала ежегодного традиционного бала, на котором выбирали королеву моря, самую красивую девушку в Форталезе и окрестностях.

Туристы атаковали палатку Серены и охотно покупали ожерелья из ракушек, кружева и поделки местных мастериц. Серена даже и мечтать не могла, что торговля у них пойдет так бойко.

— Заходите, заходите! За погляд денег пока не берем! — весело приглашала она покупателей.

Единственным грустным человеком на этом празднике была Асусена. Прошел час, другой, а Витор так и не появился, как обещал. Далила с Кассиану напрасно приглашали ее погулять по парку, полакомиться мороженым. Она стояла как прикованная у своего киоска, ее глаза искали в толпе Витора.

Мимо прошли Оливия с Изабел, заглянули к Серене и купили несколько безделушек. Оливия тоже с нетерпением ждала Витора. Он обещал заехать за ней, чтобы вместе отправиться в парк, но почему-то не сдержал слово. Она была удивлена: значит, что-то случилось. Но Оливия, в отличие от Асусены, умела хорошо владеть собой, улыбаться и скрывать свои огорчения.

— Что с тобой, Асусена? Ты кого-то ждешь? — ласково спросила она, заметив, что девушка сама не своя.

— Да, своего любимого, — простодушно призналась Асусена.

Оливия только вздохнула на это: еще одна подруга по несчастью. Наверное, женщинам на роду написано — ждать и надеяться. Нет, она не позволит, чтобы Витор испортил ей праздник, как испортил его Асусене ее парень. Оливия внимательно осмотрела весь парк, пообщалась со знакомыми под аккомпанемент болтовни Изабел. Мать больше всего волновало, что друг Летисии Веласкес, этот Рамиру, не отходит от киоска своей бывшей жены и все время поглядывает на нее. А самой первой дамы Форталезы почему-то нет. Но Оливию совсем не интересовала личная жизнь гранд-дам. Хотя бы в своей собственной разобраться.

И вдруг появился Витор. Тут же отыскав их с матерью, он рассыпался в извинениях. Он так замотался, что заснул, сидя в ванной. Его сморило от усталости. Оливия выразила искреннее сочувствие. Они побродили по ярмарке одни, Изабел тут же предусмотрительно оставила их. А потом Витор пригласил ее поужинать и искупаться в бассейне.

Свет померк в глазах Асусены, когда она увидела Витора, болтающего с докторшей и ее матерью. Он делал вид, что не замечает ее, и вскоре вовсе

исчез. Витор хочет наказать ее за то, что она подчинилась матери и не желает встречаться с ним наедине, как прежде. Она ни в чем не винила Витора, только своих родных, которые портят ей жизнь, делают ее несчастной. Мать и брат терпеть не могут Витора и делают все, чтобы разлучить их.

Асусене даже некому было пожаловаться на свою судьбу. Далила ее не понимала, для нее Витор — негодяй и чудовище. Только с отцом она может поделиться своим горем. Отец внимательно выслушал ее, но, похоже, и он был настроен против Витора.

— Нет, девочка, твоя мать ни в чем не виновата, она просто слишком хорошо знает Витора и каждый день молит святого Франциска, чтобы он открыл тебе глаза. Все мы хотим тебе добра. Витор — плохой человек, — говорил Рамиру дочери.

Но даже он ни в чем не убедил Асусену. Весь смысл жизни сосредоточился для нее в Виторе. И чем больше родные предостерегали ее против него, тем сильнее она ожесточалась против всего мира. Теперь к ее безрассудной любви добавилась еще и ревность. Интуиция подсказывала Асусене, что у Витора появилась другая. Конечно, не докторша, она ведь помолвлена с Дави.

Пока Асусена страдала от его холодности, Витор проводил время с Оливией, поужинал с ней, а потом украдкой сорвал несколько поцелуев на пустынном пляже. Соппротивление Оливии подстегивало его самолюбие. Но главное, что заставляло его преследовать девушку, — это информация о Бонфине: удалось ли старику заключить договоры, когда он возвращается? Все это он мимоходом выведывал у доверчивой Оливии.

* * *

Адреалине очень не хотелось идти на открытие парка. Ее седьмое чувство подсказывало, что она непременно влипнет в какую-нибудь историю. Но восьмое чувство Пессоа тоже не дремало, оно заверило хозяина, что все будет в ажуре. Да и не мог Пессоа пропустить такое зрелище, не покататься на аттракционах, не поглазеть на хорошеньких девчонок. И он убедил старушку Адреалину, что без них праздник не может состояться. — Если же появится кто-нибудь подозрительный, они всегда успеют унести ноги.

Пессоа, этот большой ребенок, нуждался в развлечениях так же, как в еде и питье. И Адреалина не смогла ему отказать, хотя на душе у нее было

тревожно. Но когда они обошли ярмарку, перекусили и пошли к аттракционам, она забыла о своих опасениях. Пессоа беззаботно наслаждался американскими горками и каруселью вместе с малышами. Разница в возрасте его нисколько не смущала. Они только что купили еще два жетона, чтобы покататься на чертовом колесе, как вдруг Адреалина услышала за спиной знакомый голос. Прямо к ним приближались ее мать и Франшику.

— Для меня очень важно твое мнение, мамочка. Как тебе все это? — спрашивал Франшику, показывая на детскую площадку.

— Грандиозно, сынок! Аттракционы замечательные! — искренне хвалила Мария Соледад. — А какая архитектура! Это проект Франсуа? У него замечательный вкус.

Адреалина схватила за руку Пессоа и увлекла его в толпу. Они спрятались за широкой спиной какой-то необъятной мамы в окружении целого выводка детишек. Но Франшику уже заметил их и весело помахал рукой.

— А вот, мамочка, площадка для самых маленьких, и я хочу познакомить тебя с моими близкими друзьями. Они будут нашими постоянными клиентами, я уверен.

И Франшику, быстро лавируя в толпе, подвел Марию Соледад к Адреалине и Пессоа. Всего на одно мгновение глаза Соледад и Дрены встретились. Пессоа не успел опомниться, как его подружка вырвала свою ладонь из его руки и умчалась прочь как вихрь. А Мария закричала ей вслед:

— Ана Каролина, доченька, родная, вернись! Догоните ее, а то она снова скроется!

Франшику помчался было за Адреалиной, но тут же вернулся, заметив, что матери очень плохо, она вот-вот лишится чувств. Он заботливо усадил Марию Соледад на скамейку и попросил Плинию принести стакан воды. До него еще не дошел смысл происшедшего: Дрена — его сестра? Бред какой-то! Не может этого быть.

Зато за беглянкой устремился Пессоа. Он только на минуту опешил, но быстро пришел в себя. Дрена приучила его ко всякого рода неожиданностям. Надо было поторапливаться, недаром он называл свою подружку «беглая». Вскочит в какой-нибудь грузовик — и поминай как звали.

Он догнал ее далеко за пределами парка, на пустынном берегу. Они постояли молча, чтобы отдышаться. Пессоа разглядывал Адреалину как диковинку. Подумать только — Ана Каролина! Да эта девчонка просто

ларчик с секретами. Откроешь крышку — и неизвестно, что в нем найдешь.

И Пессоа стал мягко уговаривать Адреалину не пускаться в бега, а вернуться к матери. Старушке даже стало плохо. Ведь не хочет она довести родную мать до инфаркта? На глаза Адреалины навернулись слезы. Она призналась Пессоа, как соскучилась по матери. Пусть будет что будет, но ей хотелось повидать Марию Соледад. И еще мучило любопытство: почему это Франшику называет ее мамой? Что за новоявленный братец?

Торжествующий Пессоа вернул Адреалину родным. И даже растрогался, когда они бросились друг другу в объятия.

— Доченька, где ты пропадала все это время? Как ты могла сбежать? — Соледад целовала свою ненаглядную девочку, все еще не веря, что так неожиданно отыскала ее.

— Мамочка, я жила в очень хорошей семье, не переживай за меня. Ты не отдашь меня снова отцу? — вдруг с беспокойством спросила Ана Каролина.

Нет, Мария Соледад никому больше не отдаст свою девочку, это она торжественно обещала. Наконец они собрались все вместе, у них появилась семья. Будущее виделось ей безоблачным и лучезарным после тяжких лет одиночества, напрасных поисков и несбыточных надежд.

* * *

Но праздник был отмечен не только счастливыми встречами. Не обошлось и без скандалов. Франшику и в голову не могло прийти, что скандал разразится на балу, который должна открыть морская королева. Все девушки Форталезы с нетерпением ждали этот ежегодный конкурс красавиц, шили наряды и надеялись на счастливый случай.

Королевой выбрали Питангу. Далила говорила себе, что она ни чуточки не обижена. Действительно, она не была ни завистливой, ни злой. Конечно, в душе ей хотелось побывать королевой моря, но она умела соизмерять свои желания с возможностями. Гораздо больше ее беспокоило другое: Кассиану — принц и должен танцевать с королевой. Ревность оказалась сильнее мечты о королевской короне.

Давно уже Далила замечала, что Питанга равнодушна к ее жениху. Кассиану уверял ее, что они с Питангой просто хорошие друзья. Но Далиле очень не нравилась эта дружба. Она со своим женихом только и делала, что ссорилась и выясняла отношения. Зато Питанга с Кассиану всегда ворковали как голубки, словно были созданы друг для друга.

Но Далила сумела подавить в себе ревнивое чувство. Она же современная девушка! Нельзя позволять мелким обывательским предрассудкам управлять собой. Она могла бы запретить Кассиану танцевать с королевой. Но Далила не сделала этого. Наоборот. Гордясь собственным великодушием, Далила сама предложила Питанге танцевать с ее женихом на балу. Это была веселая шутка: она отдала королеве своего Кассиану как бы напрокат, всего на один танец. При этом погрозила Питанге пальцем. Та покраснела и опустила глаза.

И вот это мгновение наступило. Под крики и рукоплескания толпы на постаменте появилась Питанга в королевской короне, с алой широкой лентой через плечо. Мануэла не поскупилась на туалет для дочери. Девушка была очень хороша — стройная, нежная, со светлыми волосами и глазами, она мало напоминала жгучих тропических красавиц, к которым привыкли в этих местах. Сотни восторженных глаз устремились на Питангу. И Далила вместе со всеми хлопала в ладоши и приветствовала новую королеву.

Питанга взяла принца за руку и пригласила на танец. И тут вдруг Далила заметила, как смотрел на нее Кассиану — с восторгом, восхищением и обожанием. Он не имел права так смотреть ни на одну девушку, кроме своей невесты. Этот взгляд поразил Далилу в самое сердце. Пока королева с принцем кружились в танце, она стояла, окаменев от обиды и злости.

Когда танец закончился, молодежь, окружив королеву и принца, радостно скандировала:

— Поцелуй, поцелуй, поцелуй!

Этот поцелуй был неотъемлемой частью обряда появления королевы и принца, в нем не было ничего необычного. Далила, отдавая жениха «напрокат», как бы давала согласие и на этот невинный поцелуй. Но вдруг Питанга с готовностью запрокинула голову и потянулась к Кассиану. Их губы встретились в настоящем, долгом и страстном поцелуе.

И тут Далила потеряла голову и бросилась к ним:

— Оставь его! Не прикасайся к нему, бессовестная! — крикнула она, отталкивая Питангу. — Я думала, ты моя подруга, доверяла тебе, а ты...

— Прости меня, Далила, я не хотела! — только и могла прошептать испуганная Питанга.

Кассиану сдерживал разъяренную Далилу. Самюэль утешал плачущую Питангу. Народ вокруг бушевал. Кто-то был доволен происшествием. А кому-то, наоборот, не понравилось, что ревнивица испортила такую красивую сказку. В жизни и без того мало радостного. Скандалов, ссор и

ненависти им хватает и дома, в повседневности. Большинство пришедших повеселиться и потанцевать на одобряли Далилу. А Франшику метался между соперницами и уговаривал:

— Давайте мириться! Мир и любовь. Спокойно, господа! Праздник продолжается.

Но ему не удалось погасить ссору. Наоборот, пожар все разгорался. Далила взяла под руку Кассиану и как свою собственность хотела увести с праздника, подальше от соблазнов. Но принц вдруг воспротивился.

— Никуда я не пойду! Что я, марионетка, чтобы послушно исполнять твою волю? — заявил он твердо. — Ты попросишь прощения у Питанги за эту безобразную сцену. Она ни в чем не виновата. Все кричали — «Поцелуй, поцелуй!» — ну мы и поцеловались.

Тут Далила окончательно вышла из берегов: он еще осмеливается защищать эту бесстыжую и заставляет просить у нее прощения.

— Вот что, оставайся с ней, целуйся, обнимайся. Можешь жениться на ней, а на меня не смей больше даже смотреть! — в сердцах выговорила она жениху и убежала.

В это время Франшику бодро выкрикивал:

— Все в порядке, праздник продолжается! Дамы и кавалеры танцуют. Музыка!

Снова загремела музыка, и молодежь радостно устремилась на танцплощадку. Бал разгорался, и неприятное происшествие стало понемногу забываться. Только королева исчезла и больше не появлялась в парке. Питанга горько рыдала у себя в комнате. Не только от обиды, что Далила унизила ее на глазах у всех в такой день. Питанга давно и безнадежно любила Кассиану и не знала, как ей справиться со своим чувством.

И Далиле было невыносимо тяжело. Они и раньше ссорились с Кассиану. Ко сегодняшняя ссора не похожа на прошлые, она должна непоправимо изменить их отношения. Далила торжественно поклялась самой себе и матери, что ни за что не простит Кассиану эту измену, как бы он ни упрашивал и ни убеждал ее.

* * *

Рамиру вернулся в дом Веласкесов только поздно вечером. Его с нетерпением ждали. Внизу, в гостиной, молча сидели Гаспар, Эстела и Аманда. Они не поехали на открытие аквапарка, потому что Летисии снова

стало хуже. Она тосковала, поглядывала на часы и жаловалась на нездоровье. Но Гаспар понимал, что причиной ее дурного настроения была не болезнь, а Рамиру. Единственное, что нужно было сейчас Летисии, — это его присутствие. Они планировали, заехав на открытие парка, отправиться на фазенду и отдохнуть на природе всей семьей. А вместо этого Рамиру весь день провел в деревне, со своими детьми и бывшей женой.

— Наконец-то явился наш рыбак! — ехидно заметила Аманда.

Она уже не скрывала своей неприязни к странному избраннику матери. Донна Летисия вовсе не выглядела счастливой, наконец-то заполучив своего Рамиру. А он, вместо того чтобы быть с ней, скитается неизвестно где, занимается своими делами. Теперь Аманда была уверена — у матери с ним ничего не получится, слишком разные они люди. И как могла мама совершить такую мену, когда у нее была возможность устроить свою жизнь с умным, интеллигентным мужчиной ее круга!

Несмотря на ворчание Аманды, Гаспар с Эстелой встретили Рамиру, как всегда, очень приветливо, расспросили о делах, о празднике. Правда, Гаспар, грустно вздохнув, сообщил ему, что Летисии очень плохо и она давно его ждет. И Рамиру понял этот мягкий упрек. Он поспешил подняться в спальню. Летисия неподвижно лежала на постели, устремив глаза в потолок. Эта поза красноречивей слов выражала ее боль, отчаяние, ожидание.

Рамиру взял ее за руку, погладил по голове, как ребенка. Летисия тут же с готовностью отозвалась на ласку, она никогда не умела мстительно молчать и дуться.

— Где ты был так долго, дорогой? Я так соскучилась! — обиженно спросила она.

Рамиру охотно описал ей свой богатый событиями день. Они договорились с Самюэлем и выгодно продали фирме свой улов. Потом он отвез Серену с девочками и их побрякушками на ярмарку. Торговля у них пошла отлично.

— Значит, ты виделся с ней, Рамиру? Ты был с ней все это время? — губы у Летисии предательски дрогнули, в глазах заблестели слезы.

Так вот что мучило ее весь день, подумал Рамиру. Во все не то, что он оставил ее одну, занимаясь делами, а то, что он встречался с женой. Но он сумел подавить в себе даже легкое недовольство и спокойно убеждал Летисию:

— Что же, мне теперь из дому нельзя выйти? Сидеть с тобой взаперти, жить твоими заботами? Мне нужно работать, дорогая, зарабатывать деньги.

Да, в парке было весело. Серена пела, продавала в киоске ожерелья. И никто, похоже, не убивается из-за моего отсутствия...

Тут Рамиру улыбнулся ей, и, хотя улыбка была чуть грустной, Летисия совсем успокоилась и тоже улыбнулась ему сквозь слезы.

— Прости меня, Рамиру! Я больше никогда не буду действовать тебе на нервы, клянусь. Я хочу только одного — чтобы ты был счастлив.

К ночи они совсем помирились. Рамиру по привычке сбросил одеяло с кровати и улегся спать на полу. Он не мог уснуть на этих барских пуховиках и простынях с кружевами. Но Летисия на этот раз захватила покрывало и последовала за ним. Они долго смеялись, представляя себя как первобытных людей, где-то на голой земле, под ясным небом, а не в стенах душной спальни. В эту ночь Летисия снова была безоблачно счастлива. Они любили друг друга, и Рамиру принадлежал только ей одной, позабыв о своей деревне, артели и семье. Если бы так было и днем!

Глава 22

Утром Рамиру так торопился в офис, что даже не успел позавтракать с Летисией.

— Мне очень жаль, дорогая, но у меня нет времени, — оправдывался он. — Меня ждет Гаспар. Мы договорились с ним, что я сам приму улов у Самюэля.

— Ты заговорил совсем как министр, Рамиру, — посмеивалась над ним Летисия. — Скоро ты будешь уезжать рано утром, возвращаться поздно вечером, и у тебя совсем не останется времени для меня.

Она, как заботливая жена, помогла ему одеться, напоследок окинула с ног до головы придирчивым взглядом и рекомендовала не заглядываться на молоденьких секретарш Гаспара. Она была бы рада каждое утро провожать его в офис, чтобы он поскорее привыкал к «Наве», к фирме и забывал свою деревню, артель и Серену.

Самюэль с Рамиру благополучно отгрузили рыбу в холодильник. Им осталось только подписать договор у Гаспара и получить деньги. Сеньор Веласкес уже ждал их в кабинете и попросил секретаршу подать им кофе и кое-чего покрепче, чтобы ознаменовать удачную сделку. Но перед этой встречей Самюэлю хотелось повидать сына. Дави почему-то давно не навещал их с матерью. Самюэль не предполагал, какие дурные новости обрушатся на него.

Секретарша, очень смутившись, сообщила ему, что Дави больше не работает в фирме, но подробности его увольнения сообщить отказалась. Гаспар сам захотел поговорить с ним об этом:

— Я не люблю ходить вокруг да около, Самюэль. Тем более из уважения к тебе хочу сказать только правду. Дави уволили. Он оказался замешанным в заговор против фирмы.

Самюэль был поражен и не нашелся, что сказать на это. Гаспар не скрыл от него, что Даби служил лишь орудием в руках его внука, который задумал отстранить от дел деда и мать и встать у руля компании. Ему нужны были послушные исполнители его коварных замыслов, и он выбрал именно Дави.

Когда Самюэль, отказавшись от кофе, вышел из кабинета, секретарша так была испугана его необычным видом, что даже предложила ему помощь. Рамиру поспешил за ним вслед, не зная, как утешить друга и объяснить странное поведение Дави. Ведь фирма была для него дороже

дома, а Гаспар — наставником и учителем.

— Я чуть не сгорел со стыда, Рамиру, — признался Самюэль, опустившись на сиденье своего «джипа». — Мне еще предстоит рассказать Эстер, какую змею мы с ней вырастили. И вот она ужалила меня в самое сердце. Эстер еще станет защищать своего сыночка, вот увидишь, ведь он всего лишь выполнял приказы начальника. Рамиру тоже пытался оправдать Дави:

— Ведь Гаспар сказал тебе, что он просто попал, как цыпленок, в когти Витора. Вот увидишь, все уладится и Дави снова возьмут на работу.

Но Самюэль не верил в то, что Дави — покорная овечка. Он умный, хитрый, с огромными претензиями и желанием разбогатеть. Хорошо, если этот случай послужит ему хорошим уроком и сынок наконец поймет, что кроме денег и карьеры, в жизни есть и другие ценности. Рамиру хотел было замолвить слово за Дави перед сеньором Веласкесом, но Самюэль строгонастрого запретил ему это делать. Его сын совершил подлый поступок, пускай сам расхлебывает кашу, которую заварил.

* * *

Рано утром Адреалина зашла в комнату к Пессоа проститься и поблагодарить его за все, что он сделал для нее:

— Поцелуй за меня Бонфиня, Изабел и Оливию. Попроси прощения у Жанаины и Хильдегарды за мои выходы. Нельзя мне больше оставаться у вас, пора сматывать удочки.

— Ты что, Дрена? У тебя совсем крыша поехала? — завопил Пессоа, вскакивая с постели. Разве матушка не обещала не отправлять тебя к отцу, зачем тебе снова пускаться в бега? Пстой!

Но Адреалина уже исчезла, посоветовав на прощание другу не устраивать трагедий. Пока Пессоа оделся и бросился за ней вслед, она словно растворилась в воздухе. Неужели он больше никогда не увидит свою непутевую Ану Каролину? Пессоа был безутешен.

Но Адреалина разыграла эту драматическую сцену прощания только из любви к эффектам. Просто она задумала вернуться в лоно семьи, благо теперь настоящая семья у нее появилась. А с Пессоа они встретятся в самом ближайшем будущем, может быть завтра. Куда он денется?

* * *

Обитатели дома в дюнах проснулись поздно после вчерашнего шумного праздника. Хозяин готовил завтрак для гостей. Мария Соледад тревожилась о дочери, не задумала ли Ана Каролина снова сбежать. Тогда Франсуа предложил сразу после завтрака отправиться за девочкой и привезти ее сюда. Франшику эта мысль очень понравилась. Но им так и не пришлось никуда ехать.

— А вот и я! — весело объявила Ана Каролина, распахивая дверь. — Семья, если она настоящая семья, должна жить вместе, поэтому я и решила поселиться с вами. Завтрак уже готов? Что ты там сварганил, Франсуа?

Франсуа пек блинчики. И Адреалина тут же дала ему указание: она любит поджаристые, с сыром и джемом из манго. Где бы ни появлялась Дрена, там сразу же воцарялись хаос и суета, шум и беспорядок. В этом смысле она намного превосходила даже своего брата Франшику. Их внешность да и характер явно указывали на то, что они действительно единоутробные брат и сестра. Хотя Адреалина требовала сделать анализ крови: не может быть, чтобы этот урод был ее братом, наверное, его подменили в роддоме.

Они дрались, таскали друг друга за волосы, спорили до хрипоты о том, что Франсуа приготовит им на обед — курицу или рыбу. Хозяин кротко сносил это нашествие, готовил гостям завтрак, потом обед и ужин. Адреалина с Франшику даже прозвали его «нашим штурманом плиты». Только однажды Франсуа позволил деликатно заметить Марии Соледад, что удивлен, как у нее, спокойной, уравновешенной женщины, могли появиться такие шальные детки? Но Соледад только виновато вздохнула: природа любит подшутить над нами.

Франсуа, любитель тишины и покоя, быстро привык к этому странному семейству. Но когда вечером в доме объявился Пессоа, он невольно вздрогнул. Это было уже слишком.

Пока еще друг Аны Каролины не мечтал у них поселиться, он прибыл с поручением. Изабел требовала вернуть их хиппи, их добрую девочку, обратно. Они проснулись утром и не услышали знакомого топота, криков и оглушительной музыки. В доме было тихо, как в могиле. Когда Жанаина сообщила им, что Адреалина ушла, оставив им поцелуй и благодарность за приют, Изабел сначала не поняла, хорошо это или плохо. Но к обеду тишина измучила, оглушила ее, Пессоа тосковал и метался. Тогда-то Изабел поняла, что исчезновение этой странной девочки — катастрофа. Все вместе они подумали и вычислили: если Адреалина не сбежала куда-нибудь в Рио или в Мексику, она должна находиться сейчас у своей матери.

— В конце концов, мы ее подобрали на улице, как котенка, приютили,

обогрели. Она наша! — рассуждала Изабел. — Ступай к Франсуа, сынок, и приведи домой нашу ненормальную. Скучно без нее.

Пессоа решил остаться ужинать, ему здесь понравилось. Он даже заказал Франсуа что-нибудь мясное, например, мясо по-строгановски или куропатку. Куропатки в холодильнике не нашлось. Но Пессоа не унывал. Он предложил Ддреалине наведаться в деревню, поймать там первого попавшегося цыпленка и свернуть ему шею: вполне сойдет за куропатку. Соледад чувствовала себя виноватой перед хозяином:

— Прости, Франсуа, мои дети окончательно сели тебе на шею. Обещаю, завтра же поеду в город, найду какую-нибудь квартиру, и мы переберемся.

Но Франсуа вдруг решительно отказался. В последние дни ему было очень тяжело на душе, может быть, потому, что он ни разу не видел Летисию и не знал, как ей живется с Рамиру. Остаться в полном одиночестве в этом огромном доме — этого он сейчас боялся больше всего на свете. Сама судьба послала ему в утешение Франшику с его шумной семейкой. Он ворчал и переругивался с этой братией больше для порядка, прекрасно понимая, что никто не сумел бы так удачно отвлекать его от грустных мыслей и глупых переживаний.

* * *

Гаспар выбрал удобный момент, когда они с Рамиру по-семейному посиживали за бутылкой виски, и предложил ему работу в «Наве».

— Не сочти это вмешательством в твою жизнь, но ты действительно можешь стать незаменимым человеком в фирме, — убеждал его Гаспар.

Рамиру внимательно выслушал его доводы. «Наве» нужны хорошие практики — связующее звено между рыбаками и фирмой. Большинство же сотрудников — чистые теоретики, никогда не выходившие в море. Заниматься закупкой рыбы — это дело словно создано для Рамиру, считал Гаспар. Рамиру обещал обдумать предложение, но для себя он уже все решил. В четырех стенах в офисе он быстро зачахнет. Нет, его судьба — по-прежнему ходить в море вместе с Самюэлем.

— Неужели он откажется, Эстела, как ты думаешь? — спрашивал Гаспар у жены. — Ведь это постоянный заработок. Престижная работа. А рыбаки зависят от прихотей моря, от погоды, от ветра. Они никогда не уверены в завтрашнем дне.

Но у Эстелы было свое мнение на этот счет:

— Эти люди, Гаспар, предпочитают свободу!

И она оказалась права. Рамиру вежливо, но твердо отклонил предложение возглавить отдел экспорта и превратиться в преуспевающего чиновника. Ни с кем еще Гаспару не было так трудно: этот человек был неуправляем. Он не делал никаких усилий, чтобы стать членом их семьи. Летисия оставалась все такой же грустной и подавленной. Но Гаспар не терял надежды и призывал дочь запастись терпением.

Но однажды они снова поссорились, на этот раз очень серьезно. Франсуа закончил портрет Эстелы, и по этому поводу заказчица — Изабел хотела устроить вечеринку. Решено было собраться на фазенде Веласкесов, пригласить художника и торжественно вручить портрет оригиналу. Но Рамиру от вечеринки отказался.

— Летисия, у Самюэля, моего друга, беда. Эта история с Дави доконала его. А ты хочешь, чтобы я веселился на фазенде. У нас в поселке так заведено — протягивать друг другу руку помощи. Тебе этого не понять, — сердито объяснил он.

Летисия возмутилась: не проходило дня, чтобы Рамиру не упрекнул ее и людей ее круга в безделье, легкомыслии, бесчувствии к чужим бедам и других грехах. Только в их деревне и живут еще настоящие люди. Они долго спорили — с раздражением и взаимными упреками. Летисия была уверена, что Рамиру не желает ехать на вечеринку из-за Франсуа. Он по-прежнему ревнует ее к бывшему соседу, но сам тем не менее под любым предлогом убегает в поселок к жене и детям. Сегодня этим предлогом стал Самюэль и их нерушимая дружба.

— Да, Самюэль всегда был рядом, когда мне нужна была помощь! А у вас даже друзей нет! — сгоряча бросил Рамиру.

Он уехал, не примирившись с Летисией, а она долго не могла прийти в себя от обиды и волнения. Ее почему-то очень уязвили слова Рамиру. Это неправда, у нее есть друзья. По крайней мере, один друг, с которым ей вдруг очень захотелось поговорить, поделиться своими горестями. Летисия посидела в задумчивости у телефона — и позвонила Франсуа. Они договорились встретиться и вместе пообедать.

Это была не только месть. Летисии действительно очень нужен был сейчас хороший друг. Ей надоело сидеть в четырех стенах, наедине со своими мыслями о Рамиру, о Виторе. Летисия впервые за долгое время привела себя в порядок, долго выбирала платье и даже посоветовалась с Эстелой, что ей надеть. Но Эстела ее не поняла:

— По-моему, ты играешь с огнем, дорогая. А что, если узнает Рамиру?

— Да что же в этом плохого, Эстела? Я просто обедаю с другом, пока

Рамиру проводит время со своими друзьями, — оправдывалась Летисия.

На самом деле она понимала, что Рамиру это едва ли понравится. Но если он вернется раньше и спросит о ней, она уже придумала объяснение. Она давно собиралась присмотреть себе маленький домик на окраине. Теперь Летисия собиралась рассказать ему, что ездила поискать такой дом с маленьким садом недалеко от моря.

* * *

Далила считала, что в ее жизни наступил решительный поворот. И не только потому, что они окончательно расстались с Кассиану. Его кругозор оставался все таким же узким. Как ни уговаривала его Далила прочесть хотя бы одну книгу, научиться чему-нибудь, он упорно отказывался. Мечта Кассиану не простиралась далее лодок, полных рыбы, а свое будущее он видел только в деревне, артели и очередных выходах в море.

Такая жизнь уже не устраивала Далилу. Теперь она это точно знала. Как он противился ее учебе, особенно на курсах английского языка! Но почему она должна полностью соответствовать представлениям Кассиану о многодетной и покорной мужу подруге рыбака? Далила совсем другая — умная, деятельная и энергичная. И дело здесь совсем не в ревности, убеждала она себя. Просто они очень разные с Кассиану и отныне пойдут каждый своей дорогой.

Почувствовав себя совершенно свободной и на распутье, Далила решила с головой окунуться в учебу и устройство их торговых дел с донной Сереной. И начала она именно с английского, который так ненавидел Кассиану. Язык ей просто необходим, потому что приходится ездить по отелям для туристов, пристраивать их поделки в киоски и магазинчики для иностранцев, разговаривать с торговыми агентами.

Занятия на курсах начинались завтра, и Далила отправилась на квартиру Дави. Он обещал оплатить счет за первый месяц обучения. Каково же было ее изумление, когда дверь ей открыл Витор Веласкес! Наверное, во взгляде Далилы было такое отвращение и ужас при виде его, что Витор невольно хохотнул:

— Что ты так смотришь? Я что — ядовитая кобра или бандит с большой дороги? Проходи, я тебя не съем. Твой братец отлучился в магазин.

Но Далила медлила. Она уже решила обождать Дави на улице, когда Витор насильно втащил ее в квартиру и зачем-то запер дверь.

— Я зайду попозже, — забеспокоилась Далила, припомнив/их последние встречи у него в кабинете. От Витора можно было ожидать любой пакости.

— Неужели ты меня боишься? Это меня очень возбуждает, — посмеивался Витор, медленно надвигаясь на нее. — Я прямо чувствую, как адреналин бродит в крови.

Он схватил ее за запястья и, грубо заломив ей руки за спину, вдруг рывком притянул к себе и жадно впился губами в ее шею, плечо.

Далила отчаянно сопротивлялась и кричала:

— Пусти меня негодяй, животное!

— Ты сама этого хочешь, — бормотал Витор, напрасно пытаясь поцеловать ее в губы. — Иначе зачем ты выставляешь напоказ свои ножки и дразнишь меня?

Но тут Дави отпер ключом дверь и появился на пороге. Он удивился, зачем это Витор запер дверь, но еще больше удивился, увидев взволнованную Далилу в объятиях шефа.

— Дави, этот подонок приставал ко мне! — чуть не плача бросилась к нему сестра.

Но Витор ничуть не смутился. Наоборот, он держался особенно нагло и развязно:

— Твоя сестрица просто ненормальная. Я только хотел поговорить с ней, а она сразу в крик. И это у нее уже не первая истерика. Я советую тебе серьезно, Дави, покажи ее Оливии. Это похоже на припадок.

Дави растерялся. Он не знал, как ему поступить. Ясно, что Далила не могла выдумать такое. Кровь бросилась ему в голову. В эту минуту он ненавидел Витора как никогда и готов был пустить в ход кулаки. Но здравый смысл подсказывал ему, что из-за такого пустяка не стоит ссориться с патроном. И здравый смысл победил. Дави спокойно и снисходительно обнял сестру за плечи и усадил на диван. Но Далила вырвалась из его рук.

— Дави, я зашла к тебе взять деньги за английский. Но теперь мне ничего от тебя не нужно. Я знать тебя не хочу! — говорила она, глядя на него с презрением. — Ты ничтожество! Мне противно смотреть, как ты стелешься перед ним. Вы оба мерзавцы!

И она пулей вылетела вон, оставив Дави неподвижно стоящим посреди комнаты. Ему потребовалось невероятное усилие, чтобы взять себя в руки. Далила словно швырнула ему в лицо эти слова, причинившие такую невыносимую боль.

— Ах-ах! Какие трагедии! — Витор воздел руки к потолку. — Я тебе

давно говорил, что твоя сестра ненормальная. Ты купил хлеб, молоко? Отлично, я проголодался как черт.

И Витор как ни в чем не бывало принялся уплетать свой поздний завтрак и не заметил, какой мрачный, тяжелый взгляд бросил на него компаньон перед тем, как заняться работой.

Глава 23

Аманда не сразу решилась на это. Но дни шли за днями, она видела, как страдает мать, как хмурится Рамиру. Слышала отголоски их ссор, потому что ее комната была рядом со спальней Летисии. Дед Аманду не понимал. Он был уверен, что Рамиру постепенно привыкнет к их дому и станет «своим». Аманда в это уже не верила.

Она решила сама помочь матери. Все обиды были забыты. Осталась только щемящая жалость к этой несчастливой, запутавшейся женщине, которую они с Витором насмешливо называли донной Летисией. Аманда повзрослела настолько, что взяла на себя заботу о матери.

Как-то утром она подъехала к дому Франсуа и вошла в него никем не замеченной. Адреалина еще спала, а Пессоа пока что не появился, хотя он проводил здесь все дни. Аманда завидовала счастливой беззаботности этой пары. Какие они разные, несмотря на то что принадлежат к одному поколению. Франсуа, тихо напевая, готовил на кухне завтрак для своего шумного семейства.

Аманда заметила два завешенных тканью холста в его мастерской. Франсуа ухитряется еще работать! Как она завидовала людям, увлеченным каким-нибудь делом. Ее собственная жизнь была совершенно пуста. Может быть, поэтому она так страдала от семейных неурядиц. Женское любопытство заставило ее взглянуть на холсты. С одного из них глянули на нее грустные глаза ее матери. Аманда чувствовала, что Франсуа продолжает любить Летисию, иначе бы не приехала к нему. Но ревность не вспыхнула в ней, как прежде. Франсуа, действительно, стал для нее только другом.

Он очень обрадовался ее неожиданному появлению на своей кухне в столь ранний час. Но по ее лицу сразу догадался, что Аманда приехала для серьезного разговора. Но Франсуа и представить себе не мог, какое странное предложение сделает ему дочь Летисии.

— Помоги мне, Франсуа, вернее, моей матери. Освободи ее от Рамиру! — взмолилась Аманда. — Ее нужно спасать. Только она об этом не знает или не хочет признаться даже самой себе.

— Постой, постой, Аманда! — растерялся Франсуа. — Я вовсе не считаю, что твою мать нужно спасать. Рамиру вовсе не монстр. Ты забыла, что живет она с ним не против воли.

Но Аманду уже невозможно было остановить. Ей хотелось высказать

все наболевшее. И никто не способен все это понять лучше Франсуа, тем более что ему далеко не безразлична жизнь Летисии. Больше всего Аманда боялась, как бы он не заподозрил ее в слепой ненависти к Рамиру. Он всегда нравился ей, но в своей среде обитания, в рыбацкой деревне. Когда она навещала Асусену и Далилу, то всегда охотно общалась с доном Рамиру. Но в их доме он навсегда останется чужим.

Франсуа не ожидал, что его настолько выведут из равновесия слова этой девочки, почти ребенка. Он взволнованно шагал по кухне из угла в угол, забыв про завтрак. Да, в душе он тоже полагал, что Рамиру не тот мужчина, который нужен Летисии Веласкес. Но что толку, если сама Летисия думала иначе. И вот теперь его тайные мысли словно подслушала Аманда.

— Моя мать — женщина культурная, умная, любит музыку, искусство, изысканные блюда, тонкие напитки. Рамиру — хороший человек, но у него на уме только море и рыба, — рассуждала она. — Ей нужен близкий человек, с таким же вкусом, уровнем и понятиями, с кем она могла бы делиться мыслями. Ей нужен такой мужчина, как ты.

Франсуа даже остановился и удивленно посмотрел на нее. Еще недавно Аманда с ума сходила от ревности, а теперь мечтает о том, чтобы они с Летисией были вместе. Но этому не бывать. Франсуа грустно покачал головой. Уж он-то знал по своему богатому опыту, что любви не помеха ни разница в происхождении, ни доводы рассудка. Страсть все сметает на своем пути. А Летисия — женщина сильная, страстная.

— Франсуа, ты хотя бы пообещай мне, что подумаешь об этом, — просила Аманда. — Ты же любишь ее, я знаю. Так борись за нее, за ваше счастье!

* * *

И вот настал день, когда Витор объявил Дави, что они, наконец, скупили сорок девять процентов акций. А это значило, что вместе с десятью процентами, которые принадлежали ему раньше, он превратился в держателя контрольного пакета.

— Я почти босс! — торжествовал Витор. — Вернусь в «Наве» триумфатором. А по правую руку от меня будет стоять кто? Мой верный компаньон Дави.

Раздался телефонный звонок, и Витор, все еще погруженный в свои честолюбивые планы, поднял трубку. Это была Асусена. Измученная

долгой разлукой и равнодушием любимого, она решила сделать первый шаг к примирению. Узнав от Далилы, что Витор сейчас живет у Дави, она пропустила занятия в школе, чтобы повидать его.

— Чего тебе? — небрежно бросил Витор, но, услышав ее робкий, виноватый голосок, немного смягчился.

Так и быть, пускай зайдет. Но сначала ему нужно было поговорить с хозяином и выпроводить его на часок из дома.

— Дави, у меня проблема, и ты должен мне помочь, — заговорил он просительным тоном. — Ко мне сейчас придет одна девица из тех, что сами клянутся к парням. Оставь нас на часок. Клянусь, я этой услуги не забуду.

— Ни за что! — отрезал Дави возмущенно.

Он подумал, что сейчас сюда явится на тайное свидание Оливия. Но Витор его успокоил, еще раз заверив, что это только девица легкого поведения, на один вечер. И Дави согласился немного погулять, пока шеф развлечется.

Витор встретил Асусену на пороге, как хозяин, — покорную, тихую рабыню, исполняющую все его желания. Снисходительно позволил обнять себя и выслушал ее извинения. Он сумел привить Асусене чувство вины, как прививают подопытным животным бациллы. Она постоянно терзалась угрызениями совести перед ним за их встречи под присмотром матери, за сорванные на лету поцелуи, за недоброжелательство к Витору всех ее родных и друзей. И теперь она решилась на эти свидания в чужой квартире, зная, что поступает дурно, безнравственно. Но чтобы угодить Витору, Асусена готова была на все, даже на бесчестье.

Она смотрела на него глазами, полными любви и обожания. И Витору чрезвычайно нравилось быть предметом искреннего обожания. Пожалуй, Асусена была единственной, кто принимал его таким, каков он есть. Правда, она далеко не все знала. Но он был уверен: даже если ей станет известен его роман с Оливией, ее отношение к нему не изменится. Порой он сравнивал ее привязанность с преданностью собаки, готовой отдать за хозяина жизнь.

Витор тоже по-своему любил ее, насколько он вообще способен был любить кого-то, кроме себя. Он был нежен и ласков с Асусеной. А она чувствовала себя-безмерно счастливой, словно вернулся после долгого отсутствия прежний Витор. Они договорились время от времени встречаться здесь, когда Асусене удастся сбежать с уроков.

Вскоре Витор стал поглядывать на часы: вот-вот вернется Дави, совсем ни к чему, чтобы он застал здесь Асусену. Она уже была у двери, когда зазвонил телефон. Витор взял трубку и вдруг так изменился, что

Асусена невольно насторожилась и застыла на пороге.

— Какой сюрприз! Сколько же мы не виделись, целую вечность! — говорил он кому-то с улыбкой. — Хорошо, заеду к тебе домой. В девять? Отлично. Целую, пока!

В его голосе зазвучали какие-то нежные, чуть игривые интонации. Так можно разговаривать только с женщиной. Ревнивое сердце Асусены это сразу почувствовало.

— С кем это ты договорился встретиться, Витор? — не удержалась она от вопроса.

— Ты еще здесь? — удивленно оглянулся он, будучи уверенным, что она давно ушла. — Дела, Асусена. Я деловой человек. У меня все время назначаются встречи. А сейчас, например, меня ждет важная работа. Как-нибудь встретимся. До свидания.

Еще недавно он был таким внимательным, ласковым, а сейчас не скрывал, что она ему очень мешает, как камешек в ботинке. Он так торопился ее выпроводить, что Асусена обиделась. Но кроме обиды ею овладела и тревога. Ее подозрения о том, что у Витора есть другая, превратились почти в уверенность после подслушанного телефонного разговора.

Она долго стояла у школы в задумчивости, дожидаясь Далилу. Долгое время родные и подруги напрасно предостерегали ее от Витора. Но, видно, святой Франциск внял, наконец, мольбам Серены. Ревность разбудила в Асусене гордость. Она прозрела и дала себе слово отныне держаться с Витором строго и отчужденно.

* * *

Интуиция не обманула Асусену: Витор разговаривал по телефону с Оливией и договорился о свидании. Он умолял ее накануне провести с ним вечер, и Оливия согласилась поужинать с ним. В девять он уже входил в знаменитый дом Бонфиня на берегу моря. Его встретила новая управительница Хильдегарда.

— Проходите, пожалуйста, — пригласила она Витора. — Сейчас я позову Оливию.

Витор уже видел как-то эту странную экономку, она подала им с Оливией коктейль и тут же исчезла, словно боясь встретиться с ним глазами. Еще в тот раз его память тревожно всколыхнулась: лицо этой женщины, ее голос показались ему до боли знакомыми. И все эти дни он

почему-то в мыслях то и дело возвращался к ней. Теперь уж у него не оставалось сомнений.

— Хильда, Иванильда, — повторял он, пристально глядя на экономку. — Ведь это ты была нашей няней, правда?

— Нет, сеньор, вы ошибаетесь, — пробормотала Хильдегарда, пытаясь уйти, но Витор решительно преградил ей путь.

Он не мог ошибиться. Разве он мог забыть няньку, которая вырастила их с Амандой? Он помнил ее белый передник, ее голос, даже сказки, которые Иванильда рассказывала им перед сном. Она была с ними и в тот день, когда умер отец. Она должна была все видеть: как ссорились родители, как мать столкнула отца с лестницы. Когда Витор вспоминал эту трагедию, на него накатывало непонятное безумие. Он терял контроль над собой, над своими поступками и словами. Он вдруг схватил Хильдегарду за плечи и встряхнул, словно заставляя ее напрячь память:

— Иванильда! Ты все видела, не отнекивайся! Ты видела, как убили моего отца. Это было подлое убийство. Почему ты не закричала, не позвала на помощь?

Испуганная Хильдегарда потеряла дар речи. Она сразу поняла, что с молодым Веласкесом не все ладно. Только что перед ней стоял самоуверенный, безупречно воспитанный молодой человек из хорошей семьи. И вдруг гримаса боли до неузнаваемости исказила его лицо.

— А потом ты потихоньку исчезла, Иванильда. Это донна Летисия заплатила тебе, чтобы ты убралась подальше и помалкивала, — в его словах послышалась мрачная угроза.

— Я ничего не знаю. Отпустите меня, сеньор, — пролепетала Хильдегарда.

Кто знает, чем бы закончилась эта драматическая сцена, если бы на выручку экономке не пришла Оливия. Витор вовремя заметил ее появление и оставил в покое бедную женщину. Оливия удивленно посмотрела на них. Витор показался ей обозленным, а Хильда — измученной.

— О чем ты говорил с ней? — спросила она у Витора, когда они сели в машину и отправились в загородный уютный ресторан.

— С Хильдой? — рассеянно отвечал он. — Мы немного поболтали о жизни. Она кое-что поведала о себе.

Позднее, когда они сидели на открытой террасе ресторана, молча глядя на тихое ночное море, Витор вдруг признался ей:

— Знаешь, мне сегодня было так плохо, что-то неладно с головой. Но ты действуешь на меня умиротворяюще — уже все прошло. Сейчас у меня нет никого дороже и ближе тебя.

И он прижал к своей щеке ладошку Оливии. А она подумала, что он для нее до сих пор остается загадкой, которую она не в силах разгадать. Порой ее пронзала жалость: таким он казался беспомощным, одиноким и несчастным.

* * *

Серена не могла поверить своим глазам: ее сынок, целыми днями лежа на диване, читал книги! Сколько раз Самюэль и Далила напрасно уговаривали его прочесть хотя бы одну. Серена пыталась взглянуть на обложку, но Кассиану поспешно прятал очередной томик под подушку и говорил, что это специальные книги по судостроению, которые дает ему Самюэль. Но вскоре Серена убедилась, что читает он вовсе не технические книги, а романы: «Десять тысяч лье под водой» — прочла она заглавие, когда сын отлучился куда-то из дому.

Этой новостью она поспешила поделиться с Далилой: их Кассиану медленно, со скрипом меняется. Он стал подолгу о чем-то задумываться, разговаривать с Самюэлем. Но Далила уже не верила, что человек может круто измениться в зрелые годы. Она устала биться головой о стену, пытаясь переделать своего жениха. Ему нужна такая жена, как Питанга, которая будет думать только о нем и его баркасе. Она полюбит Кассиану таким, какой он есть, и сумеет во всем под него подлаживаться.

— Не жалейте с нашей размолвке, донна Серена, — утешала она свою несостоявшуюся свекровь. — Я никогда бы не стала хорошей женой для Кассиану и не сделала бы его счастливым.

Теперь она старалась как можно реже бывать у них в доме, но однажды зашла повидать и утешить Асусену. Ее подруга снова пребывала в тоске по вине своего ненаглядного Витора. Но, кажется, у Асусены стали понемногу открываться глаза.

Далила застала Кассиану по-прежнему возлежащим на диване. Она решила серьезно поговорить с ним. Ведь родные считают ее виноватой в его меланхолии: он забросил лодку, потерял ко всему интерес.

— Кассиану, пора приниматься за дело, — уговаривала его Далила. — Не получилось у тебя со мной, получится с другой женщиной. Все равно придется кормить жену и восьмерых детишек, о которых ты мечтаешь. Или ты решил забросить баркас и остаться холостяком?

Но Кассиану держался с ней в последнее время очень независимо, как с чужой. Он больше не пытался убедить ее в своей невинности,

примириться с ней. Это немного задевало Далилу. Вот и сейчас он отвечал ей чуть насмешливо и с достоинством:

— Не волнуйся, я недолго буду ходить в холостяках. Позаботься лучше о своем будущем, Далила. Кажется, только оно тебя раньше и беспокоило. Если я забросил баркас, то только потому, что у меня голова занята другим. Я кое-что придумал...

Подумать только, какая самоуверенность, удивлялась Далила: Кассиану мыслит! Что он там может придумать своими убогими мозгами? Ей вспомнились слова Серены о том, что ее сын скоро всех удивит. Ну что ж, материнское сердце — вещун.

Глава 24

Асусена невыносимо страдала. Все прежние беды казались пустяками в сравнении с ее теперешними ревнивыми сомнениями и муками гордости. Она так долго была женой Витора, что забыла о чувстве собственного достоинства. И вдруг это чувство проснулось и настойчиво заявило о себе. Асусена считала причиной своих несчастий мать, брата, Далилу. А оказалось, что Витор нагло обманывал ее, в то время как она ему безгранично верила.

Ей нужно было выговориться. Хорошо, что Далила с готовностью выслушивала ее исповеди.

— Как мне больно, Далила! Впервые я задумалась: а что, если я и в самом деле дурочка, а Витор — негодяй? Я словно прозрела.

Далила внимательно слушала подругу и старалась утешить ее. Она уже не ругала Витора, потому что этот подлец сам себя выдал. Так и должно было случиться. Сейчас главное — помочь Асусене переболеть Витором и как можно скорее полностью излечиться.

— Когда ты выздоровеешь, твоя жизнь изменится. Витор не ценит тебя, знать не желает ничего о твоих чувствах. Ты для него просто игрушка, — каждый день повторяла она, и Асусена с ней соглашалась. — Он из тебя просто веревки вьет, унижает на каждом шагу, а ты ему все прощаешь.

Далила оказалась настоящим другом. Она не только поддержала Асусену в трудную минуту, но и дала ей несколько полезных советов, как справиться со своим наваждением, не проявить слабость, когда появится Витор, держаться с ним с достоинством. Асусена обещала ей поставить Витора на место.

— Раньше я на все была готова ради него, Далила. Но он причинил мне такую боль. Никогда я не стану делить его любовь с другой.

И все же Далила с тревогой ждала этого момента. Она уже насмотрелась на своем веку на влюбленных без памяти девчонок. Они клянутся отомстить неверному возлюбленному, но стоит тому появиться — без памяти бросаются ему на шею. Но Асусена превзошла все ее ожидания. Откуда что взялось? Робкая голубка превратилась в тигрицу.

Как-то они с Далилой уже приближались к дверям школы, когда подъехал Витор и притормозил у ступенек. Он ждал, что Асусена, как всегда, сияя от счастья, бросится к нему. И вдруг — он не поверил своим

глазам! — она прошла мимо, сделав вид, что не заметила его. Точно так же, как он в день открытия парка прошествовал в двух шагах от Асусены, не удостоив ее даже взглядом.

От возмущения Витор даже выпрыгнул из машины и ринулся за ней. Обычно он только ждал, когда Асусена покорно сядет рядом, и включал зажигание.

— Ты что, ослепла или с ума сошла? — грубо схватил он ее за руку.

— Нет, Витор, я очень хорошо тебя вижу. Именно поэтому и прошла мимо, — спокойно отвечала Асусена, вырвав свою руку и продолжая шагать к дверям школы.

Витор взглянул на ее решительно вздернутый носик, ставшие вдруг холодными и чужими глаза, в которых еще недавно было такое обожание, преданность, готовность на любые жертвы. Это была совсем другая Асусена, ее словно подменили. Он попробовал обратить все в шутку. Посмеялся над ее детскими выходками и дал понять, что совсем не сердится, а даже совсем наоборот — приглашает ее на прогулку по одному безлюдному пляжу.

— Никуда я с тобой не поеду! — отрезала Асусена. — Можешь взять с собой ту, с кем ты встречался вечером.

Витор не оправдывался. Нет, он сердито отчитал ее за вздорную ревность, ведь он деловой человек и ежедневно назначает встречи с десятком людей. Но Асусену его слова не убедили.

— Да, я такая — глупая, ревнивая, недалекая, — сказала она на прощанье с вызовом. — Но я еще не разучилась себя уважать.

Далила не верила своим глазам: неужели это безропотная рабыня Витора? Теперь она стала хозяйкой своей судьбы.

Через несколько дней Витор повторил попытку, но Асусена снова отказалась ехать с ним на пляж и заявила, что встречаться они будут отныне у нее в доме, как просила мать. Тут уж Витор пришел в настоящую ярость: значит, маменька и пигалицаподружка победили и Асусена теперь пляшет под их дудку. Он бы не поверил, что эта удивительная перемена совершилась в ней вовсе не под влиянием близких.

— Асусена! Это было великолепно, как ты его отшила! — хвалила ее подруга. — Только теперь ты стала настоящей женщиной, дочерью Серены Соарес. Все, довольно страдать по мужикам! Нам и без них хорошо, будем веселиться и поедem в парк к Франшику. Вперед!

Асусена была счастлива от своей решимости, но в то же время грустила и боялась, что Витор больше не придет. Поэтому Далила изо всех сил пыталась развлечь ее. Франшику принимал их с радостью, приглашал

пообедать или поужинать, водил на аттракционы. И Далила с удовлетворением отмечала, что Асусена понемногу оттаивает, улыбается и беззаботно радуется развлечениям. Как бы им с Франшику хотелось, чтобы это дурное наваждение — Витор — навсегда выветрилось из ее сердца.

* * *

Семейство Веласкесов заканчивало ужин, когда Нейде позвала Летисию к телефону. С ней хотела поговорить какая-то женщина. Наверное, из приюта, подумала Летисия, как всегда, будут просить денег. Но она сразу же узнала голос из прошлого и побледнела.

— Это Иванильда! — прошептала она Нейде, прикрыв трубку ладонью.

Летисия была явно испугана, Нейде тоже забеспокоилась. Почему их так взволновало неожиданное появление Иванильды, бывшей няньки? Уже несколько лет она не давала о себе знать, и они надеялись, что она исчезла из их жизни навсегда. Но Иванильда почему-то оказалась в Форталезе и просила Летисию о встрече. По телефону она отказалась объяснить, в чем дело, только намекнула о неприятном происшествии с Витором. Летисия лихорадочно думала, в каком тихом месте, подальше от любопытных взглядов они могли бы поговорить с Иванильдой? Ну конечно, в хижине Рамиру, там никогда не бывает ни души.

Всю ночь она не сомкнула глаз, а рано утром поспешила в хижину. Ей пришлось снова солгать Рамиру, что она идет в парикмахерскую, и от него не укрылось, как она обеспокоена. Иванильда с нетерпением ждала ее. Они не виделись несколько лет. Вскоре после смерти Жорди она нашла себе место в другом доме, но иногда навещалась к Веласкесам, и Летисия каждый раз давала ей деньги. Потом она перестала приходить, и Летисия вздохнула с облегчением.

Испуганная Иванильда рассказала ей о вчерашней встрече с Витором. Он узнал ее и требовал рассказать правду о гибели отца, угрожал заявить в полицию. Летисия была потрясена.

— Ты должна мне помочь, Иванильда. Мой сын тяжело болен, — призналась она. — Он ненавидит меня, обвиняет в смерти отца. Я для него — злейший враг.

Хильда уже догадалась, о чем ее просит Летисия. Нельзя, чтобы Витор снова увидел ее и окончательно удостоверился, что экономка Бонфинеи и есть его нянька Иванильда. Хотя Хильда все отрицала, но она чувствовала,

что Витор ей не поверил и теперь не оставит ее в покое. Он очень хитрый, изворотливый и со временем угрозами или другим способом сумеет вытянуть из нее правду. Летисия умоляла ее немедленно уехать из Форталезы.

Как не хотелось Хильде покидать обжитое место! Она уже привязалась к Красотке, Бонфиню и их детям. У нее никогда не было настоящей семьи. Но она боялась Витора: он явно ненормальный, злой и беспощадный человек. Что, если он и в самом деле затеет судебное разбирательство против родной матери? И заставит свидетельствовать против нее бьющую няньку?

— Похоже, у меня нет другого выхода, Летисия, — вздохнула Хильда. — Придется уехать. Я не хочу причинять тебе зла, ты всегда помогала мне.

Они договорились, что уже сегодня вечером Летисия принесет ей сюда же, в хижину, билет на самолет до Рио и немного денег, все, — что сумеет достать. Но впредь она обещала помогать Хильде, чтобы ей не пришлось бедствовать в столице. Кто знает, сможет ли она найти работу. Летисия чувствовала себя в неоплатном долгу, потому что бывшая нянька отыскала ее и помогла предотвратить большую беду.

По крайней мере, Летисии казалось, что пока все уладилось. Но тревога не покидала ее: от Витора можно было ожидать чего угодно. Он словно подстерегал ее, следил за каждым ее шагом, чтобы в решительный момент нанести удар.

* * *

Асусена теперь бывала в парке у Франшику почти ежедневно. На душе у нее было тяжело, она старательно отгоняла мысли о Виторе. А Франшику помогал ей развеяться. Сначала они втроем бродили по его чудесному парку, потом хитрая Далила стала отлучаться под различными предлогами и оставлять их наедине.

Франшику уже не раздражал Асусену, как бывало раньше. Еще недавно центром Вселенной для нее был Витор. Теперь ее кумир рухнул с пьедестала, и она стала замечать людей вокруг, интересных, хороших людей. Она словно увидела Франшику другими глазами, поняла, почему его обожают мать, Далила, все знакомые. Он веселый, легкий, открытый человек, готовый в любую минуту прийти на помощь ближнему. Ей нравился Франшику. Как друг. Каждый день она открывала в нем новые

достоинства.

Однажды они обедали вдвоем в новом ресторанчике. Франшику считал себя великим кулинаром и, как хозяин парка, наблюдал за кухней в этом ресторане, давая советы и наставления поварам. Он хотел угостить свою принцессу фирменными блюдами.

— Креветки просто чудо, Франшику! А белый соус такой мягкий, сладковатый. Очень вкусно, — хвалила Асусена.

Этот белый соус был личным изобретением Франшику. Он экспериментировал много дней, пока довел его до кондиции.

— Загляни в меню, принцесса, — он протянул ей меню, почему-то смутившись и покраснев. — Как называется мой соус? «Белая лилия».

— Неужели это в мою честь, Франшику? — Асусена была обрадована и польщена.

Подумать только — ее именем назван соус! Ей не терпелось рассказать об этом матери, похвалиться подругам.

— Да, Асусена, твое имя самое красивое на земле. Ты такая изящная, гибкая, сладкая, как белая лилия, — тихо говорил Франшику прерывающимся от волнения голосом.

И сердце Асусены вдруг гулко забилося. Редкая женщина осталась бы равнодушной к подобному признанию. А Франшику умел говорить о любви, словарный запас у него был довольно богатый, а на недостаток фантазии он никогда не жаловался. Часто женщины любят ушами. Асусена почему-то вспомнила, что Витор редко говорил ей нежные слова, разве только в самом начале их романа. Он всегда смотрел на нее сверху вниз, как на деревенскую простушку. А в последнее время стал просто грубым.

Франшику умел не только говорить любимой красивые слова. Он часто радовал Асусену подарками — цветами, игрушками, забавными мелочами. А однажды, когда она вернулась из школы, Серена с хитрой улыбкой сказала:

— Иди посмотри, какой подарок привез тебе Франшику.

Асусена бросилась к себе в комнату. Кто не любит подарков? Она нетерпеливо открыла красиво упакованную коробку, наверное, из самого дорогого магазина. Платье. Франшику с любовью выбирал его, правда, советами помогала Адреалина. Асусена, затаив дыхание, облачилась в это роскошное платье и надолго застыла у зеркала.

— Мама, у меня никогда такого не было, — растерянно глядела она в зеркало на незнакомую красавицу.

Серена радовалась и ахала от восторга. Еще месяц назад Асусена ни за что не приняла бы такого подарка от Франшику, чужого и даже

неприятного ей человека. Но теперь все изменилось, они стали друзьями. И снова она невольно сравнивала. Витор никогда ничего не дарил ей, даже мелочей. Ему это просто не приходило в голову. Ведь она была для него собственностью, развлечением, и он мало заботился о том, чтобы делать ей приятные сюрпризы.

Когда вечером их навестил Франшику, Асусена встретила его улыбкой и сияющими глазами. Серена благодарила святого Франциска и молила его еще чуть-чуть подтолкнуть дочку к Франшику. Только он поможет ей забыть это чудовище — Витора. А сам Франшику готов был терпеливо ждать хоть целую вечность и любить за двоих, пока Асусена вместо второстепенной роли друга даст ему, наконец, главную роль.

Поздно вечером она лежала на кровати в своей комнате и, обняв своего медведя, вспоминала — не о Виторе, а о Франшику, о соусе «Белая лилия». Это было удивительно, но она все чаще возвращалась мыслями к Франшику. Витор лишь снисходил до нее, а Франшику любил ее по-настоящему. Она это чувствовала.

Вдруг под ее окном раздался странный шорох. Асусена испуганно вскочила. На подоконник легко впрыгнул Витор, и вот уже он стоит перед ней.

— Не ждала? Брось этого медведя и лучше обними меня, живого! — потребовал он, притягивая ее к себе.

Но Асусена уже опомнилась.

— Ты с ума сошел! Немедленно уходи отсюда. Рядом мать, Кассиану. Убирайся! — потребовала она.

Но Витор нагло развалился на ее постели и напомнил, что им разрешено встречаться в этом доме, вот он и пришел. Асусена была испугана не столько его появлением, сколько тем, что произойдет, если в комнату войдут брат или мать.

— Тебе разрешено приходить сюда через дверь, а не через окно. Выметайся! — в голосе ее прозвучали ледяные нотки.

Витор был так удивлен, что даже подчинился. Да, он придет завтра же ухаживать за ней на софе под присмотром маменьки. Сделает все, что она пожелает. Он умел вовремя уступать. Пусть Асусена немного покапризничает, женщинам это просто необходимо. Он выпрыгнул в окно и исчез в темноте.

А Асусена долго не могла заснуть, обдумывая свое положение. Витор долго не появлялся, и она стала привыкать к мысли, что потеряла его навсегда. Как только она его увидела, прежние чувства всколыхнулись в ней. И опять затеплилась надежда, что она ему все-таки нужна и он ее так и

не смог забыть. И вот завтра вечером они явятся сюда оба. Она представила, как будет больно Франшику увидеть ее помирившейся с Витором. Асусена стояла словно на распутье. Что же ей делать?

И вновь Витор принес Дави благоприятное для него известие. Его информатор сообщил: Гаспар с Бонфинем уже обнаружили, что сорок девять процентов акций фирмы скупил у мелких держателей некто неизвестный. Они в панике! Ведь это может окончиться полным крахом. Пока они не подозревали, что это сделали Витор с Дави. Гаспар предполагал, что одна из конкурирующих фирм, воспользовавшись неурядицами и смутным временем в семье Веласкесов, задумала прибрать к рукам «Наве».

— Наша с тобой мина, подложенная под этих недоумков, взорвалась! — не скрывал своего ликования Витор. — Сейчас Бонфинь объезжает всех акционеров и пытается выведать, кому они продали свои пакеты. Но те будут молчать.

Дави снова помрачнел, потому что давно догадывался, кто поставляет Витору информацию о делах в фирме. Он все еще любил Оливию, ее встречи с другим причиняли ему невыносимые муки. Но еще больше страдал Дави оттого, что Витор, как видно, обманывал Оливию, а та простодушно рассказывала ему все об отце и Гаспаре. Впрочем, это не мое дело, убеждал он себя. Оливия потеряна навсегда, а сам он связан прочными деловыми узами с будущим хозяином фирмы.

Сейчас Дави больше всего хотелось бы избавиться от купленных акций. Он понимал, в какую грязную историю втянул его Витор. Совесть Дави была нечиста. Но Витор наотрез отказался перевести акции на свое имя, нужно еще немного подождать. Если Гаспар узнает, что эта операция — дело рук его собственного внука, он сразу же лишит его наследства и все пойдет прахом.

У Витора уже был наготове новый план. Он должен вернуть доверие деда, помириться с ним, чтобы завладеть теми десятью процентами семейных акций, которые причитаются ему как наследнику. И тогда у него будет контрольный пакет и решающий голос в совете директоров. Впервые у Дави зародилось сомнение: Гаспар Веласкес вовсе не такой простачок, он хорошо знает внука и едва ли бросится на шею Витору. Но его патрон никогда не сомневался в своих способностях убеждать людей, даже таких хитрецов, как его родной дед.

— И знаешь, что я сейчас сделаю, Дави? Я отправлюсь к деду и поставлю его в известность, что они с Бонфинем пригрели змею на своей груди, то есть тебя. А ты взял и скупил добрую половину их акций, —

Витор хохотнул своим дьявольским смешком, который так ненавидел Дави.

Он молча смотрел, как его шеф собирается на встречу с дедом, и раздумывал, есть ли у Витора копыта, хвост и маленькие рожки, не заметные в его густой шевелюре? Даже если он — сатана в облике человеческого, то я немногим лучше его, с горечью признал Дави. Пускай я не придумываю все эти козни, но я с успехом участвую в них.

Витор действительно решил не откладывать ни на один день визит к Гаспару. Вдруг Бонфинь сам выведает, что акции скупил Дави, тогда его дружеское предостережение запоздает. Он прямо прошел в кабинет Гаспара, предстал перед ним и заговорил, делая вид, что очень взволнован встречей:

— Я пришел сюда потому, что мне небезразличны интересы компании и я по-прежнему люблю тебя, ведь ты заменил мне отца. Мне стали известны очень важные сведения о том, например, кто скупил наши акции.

— Неужели ты решил позаботиться о нас, Витор? — не без ехидства перебил его Гаспар. — Ну и кто же их скупил, уж не ты ли сам?

Витор с большим трудом подавил вспышку ненависти и продолжал вполне спокойно и дружелюбно. Да, только сегодня утром он узнал, что именно тихоня Дави скупил сорок девять процентов акций фирмы, наверное, для какого-нибудь богатого конкурента «Наве», потому что у него самого нет ни гроша. А узнал он это, когда случайно «залез» в его компьютер. И тут же бросился предупредить деда, потому что «Наве» — его компания, которой он будет руководить и когда-нибудь передаст своему внуку.

Но Гаспара ничуть не тронул его монолог. Он смотрел на внука с иронией и возмущением, как будто сумел проникнуть в его мысли и разоблачить коварные планы.

— До чего ты циничен, Витор! Хочешь все взвалить на беднягу Дави. Это похоже на глупый розыгрыш. Не мог придумать чего-нибудь получше, — пытался пристыдить его Гаспар.

Витор в ярости покинул его кабинет. Он готов был признать, что проиграл. И он еще пытался разжалобить этого истукана своей любовью. Но судьба вновь помогла Витору. Вскоре после его ухода к Гаспару ворвался разгневанный Бонфинь:

— Ты прочно сидишь на стуле, шеф? Так вот, я узнал, что акции скупил Дави! Похоже, по поручению какого-нибудь иностранного концерна или могущественного предпринимателя.

Гаспар засомневался: не напрасно ли он обидел внука? Вдруг Витор действительно ни при чем? Это им с Бонфином предстояло выяснить. Но

кто бы ни стоял за этой интригой, он скоро узнает, что с Гаспаром Веласкесом шутки плохи.

* * *

Самюэль явился к Марие Соледад и Франшику с каким-то особенно торжественным видом.

— Теперь вы нашли друг друга, и настало время разрешить старую загадку, — заявил он. — Вот бортовой журнал с парусника, его вел ваш отец, Соледад. В нем и содержится ключ к разгадке исчезновения вашего состояния.

Бом Кливер уже говорил Франшику и Марие Соледад о кладе на паруснике, но они не обратили внимания на эти сказки. Мария Соледад бережно взяла журнал, но для нее он был только семейной реликвией, памятью об отце. Она погрузилась в чтение и словно унеслась в те далекие времена, когда они все вместе вышли на паруснике в открытое море. В этом журнале словно остался дух ее отца, его любимые словечки. А Франшику только мельком заглянул в него, в клад он не верил. Его клад зарыт в парке, и он собирался работать как проклятый, чтобы разбогатеть и выплатить долг Гаспару. Франшику считал, что обязан вернуть своему компаньону деньги, украденные у него Саулом.

Адреалина удивилась: весь день мать не отрывается от этого журнала. Что там может быть увлекательного, какие-то морские термины, направление ветров?

— Ну что ты, дочка, это очень интересно. А вот на этой странице и вправду упоминается о каких-то деньгах, но тут все зашифровано, — : Мария Соледад показала им с Пессоа эту странную запись. — Наверное, Самюэль прав: мы должны поразмышлять над этой загадкой.

— Значит, твой дед был миллионером? Это клево! — Пессоа пришел в восторг. — Морской пират припрятал свои денежки, и нам предстоит их отыскать.

Они с Аддреалиной тоже заинтересовались журналом. Не из-за денег. Все, что таило какую-то тайну, влекло их как магнитом. Дело стоящее, есть над чем поломать голову. Когда Мария Соледад уехала по делам в Форталезу, они тут же завладели журналом и изучали его, лежа на пляже. Строили различные версии и тут же сами их отвергали. Утомившись от непривычного умственного напряжения, бежали к воде окунуться.

Мария Соледад, вернувшись домой, тут же хватилась журнала. Он

исчез. Она только собиралась сообщить дочке хорошую новость: Ана Каролина скоро будет учиться в школе, ее записали на следующий учебный Год. Едва ли это обрадовало бы привыкшую к свободе Адреалину. Но сейчас школа на время была забыта. Они с Франсуа перерыли весь дом. Куда могла подеваться эта семейная реликвия?

Прибежали с пляжа беззаботные Адреалина и Пессоа и застали ужасный переполох. Мария Соледад была безутешна, наверное, журнал украли, когда в доме никого не оставалось. Ана Каролина вовсе не хотела подшучивать над матерью. Она только боялась, что их обругают за то, что они без спроса взяли журнал.

— Мамочка, я знаю, кто его взял, — с таинственным видом сообщила Дрена. — Это призрак моего деда Саула. Я иногда вижу его по ночам, он бродит по дому. Когда-то давно он украл чужие бабки и припрятал их, а теперь, когда мы сели ему на хвост, он замечает следы.

Мария Соледад даже уши закрыла, услышав такую версию. Адреалина тут же предложила, используя свои цыганские таланты, поговорить с призраком. Она обошла все комнаты в доме, приговаривая:

— Уважаемый призрак! Пожалуйста, не пожалей журнальчик и перестань водить нас за нос!

При этом она незаметно подбросила в комнату матери журнал. Они с Пессоа, хихикая, помчались снова на пляж. Впрочем, теперь их головы были отягчены постоянными раздумьями. На той странице, где речь шла о деньгах, все предложения начинались на букву В, а заканчивались на К. Что это значит, спрашивал себя и Дрену Пессоа?

А Мария Соледад вскоре обнаружила пропавший журнал у себя под подушкой и вздохнула: маленькие жулики, они хотели ее провести.

* * *

Вечер, о котором так долго мечтала Изабел, наконец состоялся. К ужину приглашенные собрались в доме Веласкесов. Франсуа должен был вручить портрет Эстеле. Ради этой цели и затеяла Изабел прием. Ей не терпелось взглянуть, как будет держаться в гостинной, на людях этот рыбак, избранник Летисии. То-то будет забавное зрелище. Сможет ли он вести светские беседы или станет только мычать в ответ что-нибудь нечленораздельное. Кроме того, у Изабел был тонкий нюх, и она за версту чужая присутствия любовного треугольника: Рамиру ревнует к Франсуа, Франсуа не может скрыть, что неравнодушен к Летисии.

И предчувствие не обмануло Изабел, было за чем понаблюдать. Франсуа почему-то запаздывал, Летисия была чем-то обеспокоена, Рамиру внимательно наблюдал за ней. Изабел давно не испытывала такого наслаждения, как бы участвуя в чужой семейной драме.

Летисия и вправду не находила себе места, потому что из-за этой глупой вечеринки не смогла отнести в хижину деньги и билет для Иванильды. Она попросила сделать это Франсуа и теперь с нетерпением ждала его возвращения. Улетит ли сегодня Иванильда в Рио? Только после ее отъезда Летисия сможет вздохнуть с облегчением.

Она вдруг поймала испытующий взгляд Рамиру и через силу улыбнулась ему. Сегодня он снова спрашивал, что с ней происходит, почему она такая усталая, задерганная? Когда она отлучилась из дому, чтобы встретиться с Франсуа и передать ему пакет для Иванильды, он дожидался ее возвращения, чтобы узнать, где это она была? Ведь они собирались посмотреть один из домов, сдающихся в аренду. Летисия забормотала в ответ что-то невразумительное и в глазах его прочитала — он уже не верит ей. Все складывалось так неудачно в ее жизни.

Наконец появился Франсуа, и Изабел тут же запорхала вокруг него. Можно было приглашать гостей в столовую. Хорошо, что роль хозяйки взяла на себя Эстела. Летисия сейчас не в состоянии была бы выполнять ее. О том, чтобы поговорить с Франсуа на людях, не могло быть и речи. Рамиру не спускал с них глаз. И Летисия терпеливо ждала удобного момента.

За столом она украдкой поглядывала на Рамиру. Она с большим трудом уговорила его прийти на этот званый ужин. В душе он боялся выглядеть смешным в непривычном обществе. С вилкой и ножом он справлялся хорошо, но, когда подавали особые приборы для рыбы или набор стаканов, каждый из которых предназначался для особого напитка, Рамиру терялся.

Летисия отметила, что в этот вечер он держался великолепно — уверенно и непринужденно. Он умел быть самим собой, никого не изображая. Она им гордилась. Рамиру был уверен, что ему не о чем будет говорить с гостями. И ошибся. Гаспар и Бонфинь оказались родственными ему душами. Весь вечер они говорили о рыбалке, о морских окунях, о рецептах запеченной рыбы.

Выбрав момент, когда они увлеченно спорили, на что лучшее берет окунь — на креветку или малька, Летисия после десерта отозвала Франсуа в другую комнату.

— Ну как? Ты передал деньги Иванильде? Она уже уехала?

Франсуа виновато вздохнул. Эта женщина показалась ему немного

странной. Она заглянула конверт, сказала, что денег слишком мало. Вед ей предстоит заново обосноваться в Рио, жить без работы. Пока она отказалась уезжать и хочет еще раз встретиться с Летисией. Франсуа был возмущен: почему эта Иванильда шантажирует ее?

Но Летисия объяснила, что Иванильда — не шантажистка, она сама напугана Витором, но не хочет уезжать из Форталезы, покидать насиженное место и семью Бонфиня. Она рассказала Франсуа все. О том, как Витор узнал свою няньку и стаи угрожать ей судебным расследованием. В тот вечер, когда погиб его отец, он с малышкой Амандой стоял возле лестницы и все видел.

— Что видел? — удивился Франсуа.

— Мой муж в самом деле погиб из-за меня, Франсуа, — тихо призналась Летисия. — Ты мой друг и должен знать правду. Я была унижена, доведена до крайности. Он часто устраивал мне сцены ревности, избивал...

Даже воспоминания о жизни с мужем причиняли ей невыносимые страдания. В тот роковой день Жорди заметил, что она долго говорила с кем-то по телефону, и тут же решил, что у нее появился любовник. Он ворвался в комнату, набросился на Летисию и стал душить.

— Я хотела убежать от него, но он догнал меня на лестнице. Он был вне себя и хотел убить меня! Я сопротивлялась изо всех сил и оттолкнула его! — Слезы бежали по лицу Летисии, каждое слово давалось ей с мукой. — я толкнула его. Ты понимаешь? Он споткнулся о край ковра и упал с лестницы.

— Успокойся! Не вспоминай больше. Так или иначе это был несчастный случай! — утешал ее Франсуа.

— Мой сын думает иначе. А сейчас, если он заставит Иванильду все подтвердить... Нет, я не вынесу этого! — говорила Летисия.

В одном Франсуа был уверен — нельзя давать Иванильде деньги, потому что она станет требовать все больше и больше, как все шантажисты. Когда-нибудь Витор ее найдет и предложит крупную сумму за ее показания. Зачем оплачивать несуществующий грех?

— Но что же мне делать, Франсуа? Помогите мне! Я больше не могу! — в отчаянии повторяла Летисия.

Глава 26

Эстела давно мечтала выступить в роли миротворца — вернуть Витора, как блудного сына, в семью, помирить его с дедом и матерью. Летисии эта мысль очень понравилась, она ухватилась за нее как за последнюю надежду. Ведь Витор всегда доброжелательно относился к «приемной бабке», гораздо лучше, чем к своим кровным родственникам. Только удастся ли Эстеле уговорить его вернуться?

Для начала Эстела позвонила Витору. Они очень мило поболтали о жизни, он даже пригласил «бабулю» навещать его запросто.

Летисия обрадовалась такому разговору, как ребенок.

— Ты поедешь к нему, Эстела? Как я тебе завидую, я так давно не видела своего сына! Разузнай, пожалуйста, хорошо ли он питается, вспоминает ли хотя бы иногда о своей семье?

И вот Эстела стала изредка бывать у Витора с Дави и постепенно, исподволь осуществлять свою миротворческую миссию. Но Витор и слышать не желал о матери и о доме. Отныне он решил жить в полном одиночестве. Эстеле он обычно жаловался на свою злосчастную судьбу, на одиночество, на непонимание близких. Его целью было вышибить слезу у «бабули», заставить ее пожалеть блудного мальчика и ходатайствовать за него перед дедом. И Эстела ему верила.

После встречи с дедом обозленный Витор особенно долго и убедительно жаловался «бабуле»:

— Я, отбросив в сторону свою гордость, первым пришел к нему с миром, предупредить об опасности, грозящей фирме. А он даже не захотел меня выслушать, Эстела, как будто я какой-нибудь проходимец. Он меня ненавидит.

— Что ты говоришь, Витор? Дед души в тебе не чает! — утешала его Эстела.

Витор добился своего — растрогал «бабулю», и она одолела мужа упреками за то, что он был так несправедлив к мальчику, жестоко обошелся с ним. Гаспар недоверчиво качал головой. Он-то знал внука. Витор мог легко прикинуться такой вот обиженной овечкой. Доверчивая Эстела не знала, что под овечьей шкурой затаился серый волк.

Да, Гаспар не доверял внуку, но ему хотелось до конца разобраться в истории с акциями. Действовал ли Дави самостоятельно или по указке Витора? Для этого он и решил навестить внука, внимательно выслушать

его доводы. Он хотел нагрязнить в квартиру Дави неожиданно, но Эстела заботливо предупредила Витора.

— Спасибо, бабуленька, никогда этого не забуду, Витор положил трубку и сообщил Дави: — Ну вот, сработало: в наше логово жалует крупный зверь — сам Гаспар Веласкес. Конечно, все точно разнюхать. Мне предстоит решительное сражение. Так что оставь нас наедине. Ненадолго.

Дави охотно это сделал, ему вовсе не хотелось сталкиваться с бывшим шефом. А у Витора лихорадочно блестели глаза. Ему предстояло скорее не сражение, а театральное представление. Дави был прав, предупреждая его: Гаспар очень умен и проницателен. Обмануть его не так просто, как Эстелу. И все же Витор смело готовился к встрече, даже отрепетировал перед зеркалом несколько масок — учтивое и обиженное выражение лица, лицо преданное и любящее.

Гаспар хотел задать внуку несколько вопросов. Почему, например, Дави, осуществляя свой коварный план, приютил его у себя? Витор не растерялся, он ждал подобных вопросов.

— Дед, он знал, что у нас с тобой не самые лучшие отношения, и даже предложил мне сотрудничество. Представь, я согласился и стал работать с ним, чтобы быть в курсе всех деталей. Я пошел на это, чтобы спасти состояние нашей семьи.

Гаспар сомневался. Как будто объяснения Витора были вполне правдоподобны. Он следит за каждым шагом Дави, собирает доказательства его вины. Как бы хотелось ему верить, что внук не замешан в этой грязной истории. Пускай он не желает вернуться домой и в фирму, молодежь сейчас стремится к независимости. Только бы не строил козни против родного деда и матери.

Он обнял Витора. Как будто бы небольшая частица тепла их прежних отношений была восстановлена. Гаспар одобрил решение внука жить своей жизнью, найти другую работу. Во всяком случае, дед останется его опорой и лучшим другом.

После ухода Гаспара Витор облегченно вздохнул: кажется, старая лиса расчувствовалась и поверила ему. Еще немного, и он вновь обретет доверие сеньора Гаспара. Через несколько дней тот позовет любимого внука и примет его с распростертыми объятиями. Вот тут-то внучок и получит свои кровные десять процентов.

Но Витор рано радовался. Гаспар очень сильно любил его, но едва ли смог бы простить ему предательство. Эстеле, с нетерпением дожидавшейся его возвращения, он сказал:

— Знаешь, Витор очень правдоподобно доказывал, что он невиновен.

Но у меня предчувствие... В этой головоломке что-то не сходится. Я дам ему еще один шанс. Но если мои подозрения подтвердятся, дороги назад не будет, он мне больше не внук!

* * *

Прошло уже несколько дней, а разыскания Адреалины и Пессоа не продвинулись ни на шаг. Они валялись на пляже, глядя в небо, бродили по окрестностям, сидели в баре у Мануэлы и размышляли, размышляли... Что же означают эти две таинственные буквы — ВК? Пессоа не отчаивался: ведь это только первая ниточка к коду, нужно искать вторую и потянуть за нее.

Они принялись допрашивать Марию Соледад, куда же направлялся парусник Саула? Ведь пират, по всей видимости, решил забрать денежки, которые или зарыл где-то на безлюдном островке, или припрятал в надежном месте.

— Мы шли в Карибское море. Но куда именно, на какой из островов, этого я не знаю. — Мария Соледад пыталась что-нибудь еще вспомнить, но безуспешно.

— Ага, это уже вторая ниточка — Карибы. Пессоа, дай мне, скорее атлас. Попроси у Франсуа, — торопила его Адреалина.

Они все вместе склонились над атласом. Адреалину озарила какая-то новая идея. Она лихорадочно водила пальцем по географическому атласу, что-то выискивая. Пессоа и Мария Соледад уже начинали нервничать и требовали у нее объяснений.

— Нашла,шла,шла! Вот оно! ВК прямо у нас под носом. Саул направлялся прямо сюда. Клад здесь! — вдруг пронзительно закричала Адреалина. — Мама, Виллемстад — это В, а К — это Кюрасао.

От этого крика Пессоа испуганно подпрыгнул, а Мария Соледад вздрогнула. Ей как будто что-то припомнилось: отец как-то говорил ей о Виллемстаде. Кажется, Ана Каролина нашла на правильный след. И Франсуа так думал. Он предложил тост за Дрену — гениального дешифровальщика, и за разгадку ВК.

Когда вечером вернулся Франшику его семейство поднимало бокалы с соком и поздравляло сестрицу.

— Ты гений, Адреалина! Поздравляю, — торжественно говорил Франсуа. — Теперь все складывается в стройную картину. Мария Соледад вспомнила, что Саул тоже интересовался Виллемстадом — столицей

Кюрасао. Может быть, он и собирался плыть туда, чтобы забрать деньги.

Франшику забеспокоился, уж не рехнулись ли они, как старый Бом Кливер! Мало ли что выдумает его ненормальная сестренка. Значит, она прочитала журнал и вмиг расшифровала, что ВК — это Кюрасао? Чепуха!

— Ничего и не чепуха! Ты должен немедленно сгонять туда, Франшику, и проверить, правда это или нет, — предложил Пессоа.

— Ну да! Я возьму с собой заступ и перекопаю весь остров в поисках клада, — обреченно согласился Франшику.

И тут сказал свое весомое слово Франсуа. Если Адреалина потянула за первую ниточку и своим изворотливым умом разгадала шифр, то Франсуа завершил расследование тайны и поставил точку.

— Перекапывать остров не надо, Франшику, — успокоил он друга. — Деньги должны лежать в банке. Кюрасао — налоговый рай, и весь мир хранит там свои денежки. Остров ломится от голландских банков, умные люди переводят сбережения только туда.

Так общими усилиями была разгадана тайна двух букв, и осталось только найти в бортовом журнале номер счета в банке.

* * *

Вернувшись из своей заграничной командировки, Бонфинь понял, что Оливия еще больше сблизилась с Витором. Теперь они встречались каждый день. Парень не терял времени зря. Он подбирался все ближе и к Гаспару и к его, Бонфиня, дочери. Оливия возвращалась домой поздно ночью счастливая, с сияющими глазами. Бонфинь мрачнел, все хотел серьезно поговорить с дочерью, но не мог собраться с духом.

В отличие от Гаспара он никогда не обольщался насчет Витора и не верил, что Дави мог один осуществить такую операцию. За всем этим стоит именно Витор, а не конкурирующая фирма, подозревал Бонфинь. Его беспокоило и то, что молодой Веласкес снова что-то затевает. Он помирился с дедом. Мягкосердечный Гаспар снова доверился внуку и забыл об осторожности. А второй удар от Витора может оказаться для него фатальным.

Бонфинь никак не мог разгадать, что нужно Витору от Оливии? В искренность чувств этого повесы он никогда не верил. Он много слышал о похождениях Витора. Гаспару не раз приходилось выручать внука из переделок. И вот однажды Бонфинь решился высказать дочери свои опасения. Он слышал, как она тихо беседует с Витором по телефону.

— Жаждешь меня увидеть, соскучился? Лгунишка! Хорошо, я буду готова через полчаса. Целую. Пока!

И Оливия, напевая веселую мелодию, поспешила в свою комнату одеваться. У Бонфиня сжалось сердце, он понял, что дело зашло слишком далеко, дочь влюбилась в этого негодяя. И он сам виноват в том, что вовремя не остановил ее.

— Поди сюда, Оливия, — позвал он дочь. — Что происходит, девочка? Ты встречаешься с этим парнем? Вполне возможно, что он просто использует тебя, у него свои цели. А когда ты поймешь это, будет уже поздно. Я не хочу, чтобы ты страдала из-за этого типа.

— Как это использует, папа? Я ведь не ребенок! — обиженно воскликнула Оливия. — Я всегда нравилась Витору, и он этого не скрывал. А я его терпеть не могла. Но сейчас мы сблизились, и я открыла в нем много хорошего. Ты просто несправедлив к нему.

Бонфинь признал, что он бессилен. Витор оказался слишком коварным и сумел так быстро прибрать к рукам Оливию. Похоже, сейчас он преуспел в этом и с собственным дедом. Бонфинь еще пытался бороться, объяснить дочери, что у Витора нет чувств, принципов, у него вообще нет души. Как может человек, ненавидящий собственную мать, деда, привязаться к кому-то искренне, по — настоящему? Люди для него только марионетки, с помощью которых он добивается своих целей.

— Оливия, Витор — психически ненормальный человек, это патологический случай, — привел Бонфинь свой последний довод.

Оливия сама догадывалась об этом. Но она была врачом и считала своей профессиональной обязанностью помочь больному. В ее отношении к Витору была изрядная доля жалости и сочувствия. Он не раз повторял, что нуждается в ее помощи, что она действует на него благотворно и умиротворяюще. И этим он покорило отзывчивое сердце доктора Оливии. Если бы Витор испытывал к ней только страсть, он не сумел бы так быстро покорить ее.

Бонфинь проиграл еще и потому, что ему приходилось сражаться на два фронта. Изабел давно с вожделием наблюдала за развитием этого романа и всячески потворствовала ему. Она и слышать не хотела ни о каком сумасшествии Витора. Все Веласкесы немного сумасшедшие. Ну и что же? А Витор ее просто очаровывал: такой утонченный, воспитанный мальчик.

— Успокойся, Бонфинь! — сердито говорила Изабел мужу. — Я согласна, Витор — парень непростой. Но одного у него не отнять, он — наследник Веласкесов. Не то что этот простолюдин Дави. Представь себе, наша дочь — Оливия Мария Бонфинь Веласкес! У меня даже мурашки по

коже бегают, я вся дрожу!

И Изабел по секрету сообщила мужу, что Витор уже поговаривает о свадьбе. После этого бедный Бонфинь потерял аппетит и сон. Но больше он не заговаривал с Оливией. Молча провожал ее глазами, когда она устремлялась на свидания — радостная и беззаботная. Но он знал твердо — его дочь в большой опасности.

Глава 27

Проблемы, одна сложнее другой, катились на Летисию как снежный ком, и с этим ничего нельзя было поделаться. Она, как могла, сопротивлялась бедам и невзгодам, приходившим каждый раз с самой неожиданной стороны, но сил у нее оставалось все меньше и меньше.

По-прежнему самой большой ее головной болью оставались взаимоотношения с Рамиру.

Она надеялась, что проживание, хотя и вынужденное, в особняке Веласкесов поможет Рамиру хотя бы в какой-то мере приобщиться к их образу жизни, смягчит его, но не тут-то было. Как ни умоляла она его принять предложение Гаспара и поработать у отца, Рамиру отвечал угрюмым отказом. Он рыбак и останется им до конца своих дней, нравится это кому-то или не нравится. Он надеется, что ему не придется этого повторять. А сегодня ему надо подскочить в деревню, поговорить с Самюэлем — скоро опять в море.

— Иногда я думаю, ты просто ищешь предлог, чтобы повидаться с Сереной и детьми, — вырвалось у Летисии.

— Если мне когда-нибудь придется подыскивать для этого предлог, значит, я конченный человек, — отрезал Рамиру.

...Вторая проблема Летисии была связана с Иванильдой, или Хильдегардой, как теперь ее называли. Эту проблему взялся разрешить Франсуа, но разговора у него с Иванильдой не получилось. Женщина была напугана. Она не хотела давать показаний против Летисии, но и не собиралась сидеть за нее в тюрьме — больше ничего от этой дамы Франсуа добиться не смог. Видимо, Витор сумел запугать ее.

Франсуа, передавая Летисии свой разговор с Иванильдой, рассказал, что Витор угрожал этой женщине. Он говорил, что сумеет их обоих — ее и мать — засадить в тюрьму.

— Мой сын помешался, Франсуа! — вздохнула она.

— Почему бы тебе напрямую не поговорить с ним? — предложил тот.

— Я же говорила тебе, у меня духу не хватит для такого разговора, — объясняла Летисия.

— А твой отец? Он мог бы помочь...

— Никого не хочу вмешивать в это дело, — сразу отвергла это предложение Летисия.

— Но ты не можешь это долго скрывать даже от Рамиру, от своего

мужа! — убеждал ее Франсуа.

— Именно Рамиру ничего не должен знать об этом! — воскликнула Летисья. — Иначе он сам умрет от чувства вины... Помнишь, я тебе рассказывала, что в тот роковой день Жорди устроил мне скандал из-за звонка одного человека?

— Звонка, который вызвал ссору? — вспомнил Франсуа.

— Да, я не видела Рамиру много лет. Но в тот день он был в Рио и позвонил мне... Просто так, узнать, как у меня дела... Мы и не поговорили толком, но Жорди увидел, что я нервничаю, и сделал свои выводы...

— Рамиру с удивлением посмотрел на нее.

— Значит, Рамиру имеет отношение к смерти твоего мужа?

Выходит, так, — скорбно подтвердила Летисья. — Теперь ты понимаешь, почему об этом не должен знать Витор. Если только он когда-нибудь узнает об этом, Франсуа, то решит, что его подозрения оказались правильными. Тогда он весь мир перевернет, но отомстит и мне, и Рамиру...

* * *

Рамиру не обманывал Летисию, когда говорил, что ему необходимо повидаться с Самюэлем. Но когда они переговорили относительно срока выхода в море, Самюэль сам предложил ему:

— Почему бы тебе не повидаться с Сереной и детьми? Поговоришь с Кассиану... Он сам не свой из-за ссоры с нашей Далилой.

Рамиру взглянул на часы.

— Ворваться к ним без предупреждения в такой час...

— Ты смотри, Эстер, какой он стал воспитанный, — обратился Самюэль к жене. — Ладно тебе, Рамиру. Сходи туда. И дети обрадуются...

На пороге его бывшего дома Рамиру ожидал неприятный сюрприз: он увидел целующихся Асусену и Витора.

— Где твоя мать, Асусена? — резко обратился он к дочери и бросил презрительный взгляд на отпрянувшего от нее Витора.

— Там, в комнате, — испуганно пролепетала Асусена.

Рамиру ворвался в комнату злой, как зверь. Свирепо бросив Серене «нам надо поговорить», опустил на стул.

— Что это еще такое? — возмутилась Серена. — Ни «здравствуй», ни «добрый вечер»...

Рамиру возразил, что ему не до соблюдения этикета. Он только что

видел целующихся Асусену и Витора. Здесь, под нашей крышей!

— Под нашей крышей? — возвысила голос Серена. — С тех пор как ты покинул этот дом, у тебя другая крыша!

Рамиру сказал, что дело не в этом. Как она может позволять их дочери встречаться с этим типом?

— Да, — согласилась Серена. — Я дала Асусене разрешение на свидания с Витором. Я научилась сама принимать решения. И я устала запрещать Асусене встречаться с этим парнем. Она хочет этого, так пусть лучше встретятся здесь, чем в дюнах или в лесу. Здесь я, по крайней мере, могу уследить за ними!

— Ты? — у Рамиру глаза сузились от бешенства. — Разве ты можешь за кем-то уследить, когда сама превратилась в современную женщину, которая посещает кабак?!

— Вон из моего дома, Рамиру Соарес, — тихо, но внушительно произнесла Серена. — Ты не имеешь права меня оскорблять. Вон отсюда!

Рамиру выскочил из дома и ту же налетел на Витора. Витор, не утратив самообладания ни на секунду, защищался. В чем дело? У него есть разрешение хозяйки дома встречаться с ее дочерью. И он не понимает, зачем тут Рамиру машет руками и устраивает на ровном месте трагедию.

— Ты не понял, что это достойная семья? — зарычал Рамиру. — И таким, как ты, тут делать нечего!

Витор сделал удивленный вид.

— Я что-то не понял, а моя мать — она из достойной семьи или такая, как я? Как, по-вашему, я должен себя чувствовать, когда какой-то тип, вскруживший голову моей матери, заставивший ее забыть обо всех обязанностях, приходит сюда и оскорбляет меня без всяких причин! Да еще сам перед этим ушел из семьи, чтобы вести сомнительную жизнь со своей милой!

Слова Витора были во многом справедливы, и Рамиру не знал, как на них возразить.

— Кто дал тебе право так со мной разговаривать? — только и произнес он.

Витор, казалось, удивился еще больше.

— Если у вас есть права отца, то у меня есть права сына, и я считаю, что у вас нет морального права критиковать меня!.. Подумаешь, мы с Асусеной поцеловались! Мне тоже было не по себе, когда я увидел, что вы целуетесь с моей матерью! Там, в роще... Но увы! Люди созданы из плоти и крови, и с этим ничего не поделаешь...

Серена вышла на крыльцо и сделала Витору знак, чтобы он замолчал.

— Перестань, Рамиру. А ты, Витор, уходи, пока чего-нибудь не случилось. Уходи, прошу тебя!

Витор пожал плечами.

— Хорошо, — бросил он. — Вы меня сами звали. Но если вы мне отказываете от дома, то пеняйте на себя.

С этой угрозой, смысл которой хорошо поняла опечаленная Асусена, он прыгнул в машину.

Рамиру хотел было снова войти в дом, но Серена стала перед дверью, скрестив руки, всем своим видом показывая, что ему здесь больше делать нечего.

— Ну смотри, Серена, — пробормотал Рамиру, — смотри, как бы тебе не пришлось обо всем этом пожалеть!

— Ступай, — холодно произнесла Серена. — Ступай домой, Рамиру. Тебя ждет жена. Не заставляй ее тревожиться понапрасну!

* * *

Прежде Кассиану не находил себе места, поссорившись с Далилой, а теперь не выказывал ни малейшего признака беспокойства. Он жил как будто во сне. Кассиану точно ступил на борт волшебного парусника, погрузившись в мир книг.

Их страницы шелестели, как морской ветер, слова отдавались в ушах гулом морских раковин. Это было удивительное чувство — каждая прочитанная им страница казалась открытым окном во Вселенную.

Теперь он понимал Самюэля с его пристрастием к печатному слову.

Он лежал на берегу залива — и в то же время плыл по волнам прочитанных фраз.

«А если вам угодно знать мое имя, то я не стану его скрывать. Меня зовут Семан Баруш, я — повелитель пустыни... И, окутанный облаком песка, благородный разбойник исчез за горизонтом...»

— Кто у нас и вправду исчез за горизонтом, — послышался голос Маджубиньи, — так это Кассиану. Теперь он весь Божий день валяется на солнышке, нежится, потягивается, а кому приходится вкалывать? На кого ты бросил все дела? Один трудяга остался на всю деревню — это я. Ты меня удивляешь, Кассиану. Ты точно заразился от Самюэля. Я тебя не узнаю, парень!

Самюэль, лежавший в гамаке поблизости, тоже подал голос:

— По-моему, этот тип хочет нас оскорбить, Кассиану?

— И так грубо, что это спустить ему нельзя, — выразил свое мнение Кассиану.

Оба книгочехя лениво поднялись со своих мест и, схватив Маджубинью, бросили его в воду.

— «Это наша жертва богу моря», — процитировал Кассиану, глядя со смехом, как барахтается в воде Маджубинья.

...Расправившись с Маджубиньей, Самюэль, раз уж ему пришлось прервать любимое занятие, постучался к Серене.

— Впустишь, кума?

— А, кум! — отозвалась Серена. — Пришел на запах кофе?

— Если и бывают на свете совпадения, то это — одно из них, — не согласился Самюэль. — Но чашечка свежего кофе была бы в самый раз.

— Что делает мой сын? — осведомилась Серена, протягивая ему чашку.

— Читает, — с гордостью ответил Самюэль.

— Страсти Господни! — отозвалась Серена. — Опять читает! День-деньской носит с книжками, прячет их от меня то здесь, то там...

Самюэль, довольный, рассмеялся. Он сказал, что скоро Кассиану перестанет стыдиться своего увлечения. Наоборот, будет гордиться тем, что делает.

Серена хмыкнула. Есть чем гордиться — с тех пор как он взялся за книжки, не забил ни единого гвоздя в свой баркас... Похоже, баркас ему больше не нужен.

Самюэль с этим не согласился. То, что сейчас делает Кассиану, важнее баркаса. Кассиану парень неглупый, но он всю свою жизнь боялся выделиться из толпы. Боялся того, чего не знал. С этим Серена согласилась, добавив, что люди часто боятся неизвестности, а потом оказывается, что страдания пошли им на пользу. Это хорошо, когда человек отбрасывает страх и делает шаг вперед, добавила она.

Самюэль кивком подтвердил справедливость этих слов.

— Поэтому тебе не о чем тревожиться, кума, — добавил он. — Книги сейчас важнее для Кассиану, чем лодка. Они помогут ему приблизиться к моей Далиле... Рамиру вчера заходил к тебе?

— Он переступил порог этого дома, чтобы внести в него разлад и неприятности, — подтвердила Серена. — Рамиру сильно изменился. Он посмел повысить на меня голос.

Самюэль немного помолчал.

— Почему-то мне кажется, Серена, — наконец произнес он, — что недалек тот день, когда Рамиру вернется к тебе. Помяни мое слово. Не там,

а здесь его дом. И это — аксиома...

* * *

Мысль о том, что он незаслуженно обидел своего внука, выказав ему недоверие, не давала Гаспару Веласкесу покоя и не позволяла ему наслаждаться радостями семейной жизни.

Эстела заметила это.

— Тебя гложет чувство вины? Я угадала?

Гаспар заявил ей, что она права. Он несправедливо поступил с Витором. Возможно, Витор играет на его стороне, но он, Гаспар, подозревает во внуке бесчестного мошенника, какие ему встречались в жизни не раз. Что поделаешь, у него до сих пор душа болит, когда он вспоминает своего прежнего компаньона, которого считал своим другом, почти братом, и который обманул его и предал.

Эстела сказала, что этим сомнениям следует положить конец, и решительно направилась к телефону.

...Витор, услышав голос Эстелы, подмигнул Дави. Прикрыв трубку ладонью, Витор сказал Дави, что сеньор Гаспар почувствовал раскаяние прежде, чем он надеялся. Затем он развязно сказал в трубку, что он придет и что Эстела может на него рассчитывать.

— Я встречаюсь с сеньором Гаспаром в комнате вице-президента компании, — объяснил он Дави, торжествуя. — Сеньор Гаспар не просто клюнул на наживку, он смущен... он потрясен... его замучило чувство вины... Ну, Дави, пожелай мне ни пуха, ни пера!

— Ты должен быть готовым ко всему, — возразил Дави, — возможно, в кабинете тебя будет ждать наряд полиции...

В это время Гаспар, поджидая внука, вместе с Бонфинем как раз просматривал счета. Все было в идеальном порядке. Никаких перерасходов средств, никаких недочетов при перечислениях, баланс компании такой, что комар носа не подточит. Выходит, Витор буквально создан для того, чтобы руководить компанией. Кроме того, ему удалось заключить сказочные контракты с японцами, Бонфинь проверил это лично, находясь в Японии. Сомнений нет: Дави купил эти акции на их же деньги. А свой план Дави начал приводить в действие намного раньше, до того, как Витор вернулся в Форталезу. Гаспар вздохнул с облегчением и сказал Бонфиню, что теперь он, честное слово, заслужил покой.

— Что ты хочешь этим сказать? — встревожился Бонфинь:

— Скоро узнаешь, — уклончиво ответил Гаспар.

Когда явился Витор, Гаспар сообщил ему, что проверил баланс компании за последний квартал, весь приход и расход, все платежи, все счета — и ему осталось только поблагодарить внука. Он со всем прекрасно справился. Витор напустил на себя рассеянный вид. Он-то был уверен, что допустил массу ошибок. Он готов поклясться, что Дави где-то подставил ему ножку. Но если дед доволен им, что ж, он счастлив.

Гаспар разразился пространной речью. Он принялся вспоминать о том, сколько в свое время ему пришлось вкалывать, падая и снова вставая на ноги. Но он никогда не опускал рук. Вся его жизнь связана с компанией. Компания — результат долгих лет его труда. (Витор почтительно кивал, весь внимание.) Когда Гаспару стало известно об интрижке против него, о том, что за всем этим стоит его внук, для него это явилось страшным ударом. Но теперь он понял, что Витор здесь ни при чем, что он не имеет ничего общего с плутнями Дави. И он, Гаспар Веласкес, просит у внука прощения за свои подозрения.

— Не стоит, дед. Я не заслуживаю того, чтобы ты просил у меня прощения, — с видом крайнего простодушия произнес Витор.

— Заслуживаешь, — отрезал Гаспар. — Ты заслуживаешь гораздо большего. Господи! Я едва не исковеркал твою жизнь! Я унизил тебя! Меня эта история научила многому...

— Дед, я хочу доказать свою невиновность, — перебил его Витор, — я хочу разоблачить Дави...

— Мы это сделаем, — пообещал Гаспар, — но пока, Витор, дай мне возможность исправить мою ошибку.

— О чем ты, дед? — отмахнулся Витор, делая смущенный вид.

— Я хочу, чтобы ты простил меня, — продолжал Гаспар, — и чтобы мы начали игру с того места, на котором она остановилась... Я хочу, чтобы ты снова сел в это кресло, которое по праву принадлежит тебе.

— Ты это говоришь всерьез? — изобразил колебание Витор.

— Конечно. Пожалуйста, вернись в фирму, не отказывайся. Прими мои извинения и вернись... А Бонфинь во всем будет тебе помогать, так, Бонфинь?

Бонфинь неуверенно кивнул.

— В таком случае я прошу, чтобы и Дави был возвращен на свое место, — проговорил Витор. — Нам надо узнать, где он взял деньги на покупку акций.

— Это ты серьезно? — вдруг спросил Бонфинь. — Ты серьезно хочешь пригласить его назад?

Витор стал объяснять. Знает ли Бонфинь, как можно поймать мышь? Положить в мышеловку кусочек сыра. Сыром будет высокая зарплата, а мышеловкой — сама фирма. Витор будет всегда рядом с Дави. Он будет по-прежнему якобы его другом. Он установит в его кабинете подслушивающее устройство, чтобы узнать, кто сообщник Дави на фирме.

На том и порешили.

* * *

Поздно вечером Летисия, обеспокоенная отсутствием Рамиру, села в машину и поехала в деревню.

Серена встретила ее в обычной своей манере. Сдержанно, но без насмешек, что с уважением к ней отметила про себя Летисия. Она сказала, что Рамиру действительно ненадолго заглядывал к ним, но давно ушел и куда — она не знает.

Летисия ни с чем вернулась домой и провела бессонную ночь в одиночестве.

Рамиру вернулся под утро.

Летисия налетела на него с вопросами, где он был, но Рамиру озабоченно осведомился, может ли он принять душ.

— А теперь мы можем поговорить? — нервно спросила Летисия, после того как он вернулся из ванной. — Тебе не кажется, что ты сделал мне больно? Я провела ужасную ночь, Рамиру, чего только не передумала.

— Я тоже провел ужасную ночь, — угрюмо признался Рамиру. — Вечером был в деревне и поссорился в Сереной и Асусеной... Серена не слишком хорошо присматривает за детьми.

Не желая огорчить Летисию еще больше, Рамиру не стал ей рассказывать о том, что причиной его ссоры с Сереной был Витор.

— Я тебе сочувствую, — не слишком убедительно произнесла Летисия. — Но почему после этого ты не вернулся домой? Я бы постаралась тебе помочь и утешить тебя.

Рамиру подавленно отвечал, что ему необходимо было остаться одному, чтобы хорошенько поразмыслить, как жить дальше. Летисия так плохо знает его привычки. Он не хотел ее обижать, но иногда у него возникает большая потребность в одиночестве.

— Я понимаю, — заглядывая ему в лицо, покладисто сказала Летисия. — Со временем мы станем лучше понимать друг друга. Может быть, в следующий раз, когда тебе захочется побыть одному, ты найдешь

способ предупредить меня. Я ведь боюсь, что с тобой может что-то случиться. Я боюсь тебя потерять.

— Пойми, — серьезно произнес Рамиру, — я никак не хотел возвращаться. Не к тебе, а в этот дом...

— Но почему тогда мы не делаем того, что давно уже наметили? — проговорила Летисия. — Мы давно собирались присмотреть дом только для нас двоих, где никто не будет нам мешать. Надо сделать это немедленно, а то, — она долгим взглядом посмотрела на Рамиру, — а то мы потеряем друг друга, Рамиру!..

Глава 28

Витор после разговора с дедом и Бонфином испытывал что-то вроде легкого разочарования и презрения к обоим старикам.

Как же легко они заглотили наживку! Добыча без всякого дополнительного с его стороны усилия полезла в капкан. Ну не идиоты ли эти старики! Да сам Бог велит обманывать этих дураков, на чувствах которых так легко сыграть! И такие люди имели власть, деньги! Нет, их действительно пора было задвинуть в тень, столкнуть в небытие. Дали обвести себя вокруг пальца, как малолетние дети! Они и впрямь впали в детство со своими стариковскими представлениями о чести и порядочности. Грех не раскрыть рот, если прямо в него падает перезревший плод.

Он объявил Дави о полном успехе их предприятия и сообщил, что им теперь следует прикупить пару новых костюмов, ибо оба они возвращены на свои прежние места. Суть интриги, объяснил он Дави, заключается в том, что ему удалось все свалить на Дави и что в будущем он, Витор, пообещал выступить в роли разоблачителя своего друга, а на самом деле все будет наоборот. Не Витор будет следить за Дави, а Дави за Бонфином. Необходимо каждое движение этого типа держать под контролем. Мозги у него размякли, и это будет нетрудно.

— Не отходи от него двадцать четыре часа в сутки, — предупредил он Дави. — Главное, чтобы он и близко не подошел к той статье доходов, откуда мы взяли деньги.

— Значит, это моя новая обязанность — следить за Бонфином? — с каким-то странным выражением лица произнес Дави.

Но Витор, упоенный своей победой, не заметил этого.

— Совершенно верно. А этим лопухам я сказал все наоборот: что тебя надо снова взять на работу, чтобы мы могли следить за тобой и выявить твоего сообщника! А у тебя, — потирал руки Витор, — великолепный сообщник! Все отлично! Сеньор Гаспар сияет от счастья. Он вот-вот принесет мне на блюдечке акции, принадлежащие нашей семье, и тогда... Ну ладно, пошли в магазин! Нам нужна новая, изысканная одежда!

На следующий же день оба молодых человека появились в офисе. Бонфинь не мог скрыть своих чувств при виде Дави. Он был убежден, что все зло шло от этого человека, и ему было неприятно делать вид, что он рад видеть Дави.

Зато Гаспар пребывал в эйфории. Накануне вечером он поделился с Летисией и Амандой результатами разговора с Витором.

— У меня сегодня очень счастливый день, — объявил он обеим женщинам, — и знаете почему? Я помирился с Витором, и он возвращается на фирму.

Аманда подпрыгнула от радости.

— Как здорово, дедушка! Теперь я могу вздохнуть спокойно!

Реакция Летисии была более сдержанной.

— Это правда? — недоверчиво спросила она.

— Правда!

— И что же будет?

— Завтра мой внук приступит к работе, — с торжеством произнес Гаспар и поторопился прибавить: — Это все благодаря Эстеле. Она уговорила меня поговорить с Витором, попытаться понять его.

Аманда была на седьмом небе от блаженства.

— Значит, ты понял, дедушка, что мой брат вовсе не такой монстр, как ты думал?

— Да, я ошибся, — с удовольствием признал Гаспар, — это верно. Конечно, Витор многое делал неправильно, но у него и в мыслях не было пойти против меня. Я думаю, то, что произошло, послужило для нас обоих хорошим уроком.

Тут Аманда заговорила о том, что ее больше всего волновало:

— Это все чудесно... Но когда он вернется домой?

С лица деда и Летисии исчезло оживленное выражение, точно Аманда брякнула какую-то бестактность.

— Что такое? — заметив это, произнесла Аманда. — Я сказала что-то не то? Насколько мне известно, это по-прежнему его дом, не так ли?

Летисия была вынуждена ответить:

— Аманда, я думаю, что Витор не вернется. Во всяком случае, до тех пор, пока здесь будет жить Рамиру...

Аманда скривилась.

— А он здесь еще долго будет жить? — осведомилась она.

Гаспар попытался перевести разговор на другое, но Летисия остановила его:

— Нет, Аманда права, нам с Рамиру надо поскорее найти для себя жилье, чтобы Витор смог вернуться в дом.

Аманда обратилась к деду и матери:

— Знаете, что я вам скажу? Я дождаться не могу той минуты, когда он вернется! Мне очень одиноко без него!

Гаспар и Летисия переглянулись и оба вздохнули.

* * *

Следующий день Летисия и Рамиру посвятили поискам дома. Они объездили несколько агентств, посмотрели несколько вариантов, которые им там предложили, но так ничего и не выбрали. Дело было в том, что пара домов приглянулась Летисии, но Рамиру считал, что все это слишком дорого.

Летисия повторяла ему, что она получает кое какие дивиденды со своих акций, что может помочь им с оплатой, но Рамиру об этом и слышать не желал.

— Летисия, все дело в том, что Рамиру привык сам содержать семью, — успокаивала ее Эстела, — и его оскорбило бы, если бы было иначе.

— Но это же глупость! — в отчаянии проговорила Летисия. — Это ужасная глупость! Здесь Рамиру очень неудобно! Но если он и дальше будет отвергать мою помощь, то я не знаю, чем это все закончится!

Эстела понимающе кивнула:

— Да, ситуация у вас непростая... Мы с Гаспаром живем с вами в одном доме и часто видим то, чего нам не следовало бы видеть... Рамиру вчера не ночевал дома, правда? И еще я обратила внимание, что и днем ты практически с ним не бываешь.

— У меня тоже есть свои дела, Эстела, — как бы оправдываясь, произнесла Летисия. — И я должна ими заниматься. И в этом мне очень помогает Франсуа. Мы с ним часто встречаемся, подолгу разговариваем. Он великолепный друг.

Эстела покачала головой:

— Извини, Летисия, но что это за дела такие, что заставляют тебя обратиться за помощью к другу, а не к мужу?

Лицо Летисии приняло горестное выражение.

— Есть некоторые вещи... — запинаясь, произнесла она, — которые я не могу обсуждать с Рамиру... Например, проблему с Витором. Рамиру слишком зол на Витора, чтобы помочь мне принять в отношении сына правильное решение.

Эстела кивнула. Ситуация была ей ясна. Но она сказала, что ей кажется, Летисии следует поговорить с Витором, объясниться с ним напрямую. Как полегчало ее отцу на душе после того, как он встретился с

внуком! А для Летисии нет иного способа наладить отношения с сыном. Только в личном разговоре они смогут решить все свои проблемы.

— Франсуа мне тоже это советует, — призналась Летисия. — Он даже предложил переговорить с Витором и организовать нам встречу. Но я просто умираю от страха, когда подумаю о том, как он может на это отреагировать!

— Перестань умирать от страха, — проговорила Эстела, — и попробуй поговорить с ним. Вы должны во всем разобраться. В конце концов, он твой сын, верно?

— Мой сын, — медленно повторила Летисия.

* * *

Роль миротворца была не то чтобы не по душе Франсуа, просто он не слишком верил в то, что ему удастся договориться с Витором.

Гораздо с большим удовольствием он дал бы выход своей ярости и отмутил бы как следует этого сынка, чем вести с ним дипломатические переговоры. Но это никак не помогло бы Летисии, а только все осложнило.

Поэтому Франсуа скрепя сердце отправился в офис Витора. Он решил ни на что не обращать внимания, в том числе и на насмешливый тон, которым сразу заговорил с ним сын Летисии, осведомившийся, уж не руки ли его матери явился просить у него Франсуа... Но с этим уместнее обратиться к рыбаку, всюду куражился Витор.

— Я хочу поговорить с тобой как мужчина с женщиной, — не изменившись в лице, произнес Франсуа, — но, по-видимому, я слишком большой оптимист.

— Вот именно, — подхватил Витор. — Наивный оптимист. Моя мать всегда славилась тем, что умела делать из людей марионеток...

Франсуа проглотил и это заявление.

— Я не уйду отсюда, пока не скажу все, что хотел, — объявил он. — Раз ты занимаешь кабинет вице-президента, значит, хоть в чем-то можешь вести себя как взрослый человек... Напрягись, Витор!.. Постарайся говорить о матери как взрослый человек и не изображай из себя беспризорного сироту.

— Ладно, — Витор поднял обе руки, показывая, что сдается. — Послушаем, что нам скажет благородный друг семьи рыбака, преданный адвокат моей матери. Только побыстрее излагайте суть дела, ладно?

— Уж я тебя не задержу, — пообещал Франсуа.

— Итак?

— Твоя мать хочет встретиться с тобой и поговорить. Без нервов, в каком-нибудь тихом месте, чтобы вы могли спокойно обсудить ваши проблемы.

— А какие у нас проблемы? — удивился Витор.

— Смерть твоего отца, например, — терпеливо произнес Франсуа.

— Вы хотели сказать — убийство моего отца? Уж не хочет ли донна Летисия издать книгу «Почему я убила своего мужа?».

Франсуа поморщился:

— Если ты закончил свое представление — вернемся к просьбе Летиции. Ты в состоянии говорить серьезно?

Лицо Витора действительно приняло серьезное выражение.

— Хорошо, я весь внимание.

— Твоя мать хочет поговорить с тобой, — продолжал Франсуа. — А я предлагаю для встречи свой дом как нейтральную территорию.

— У тебя там случайно нет лестницы? — не удержался от колкости Витор. — А то будь осторожен.

— Витор, у меня мало времени, — Франсуа для пущей убедительности показал на свои часы. — Дай мне ответ. И я уйду.

Витор рассмеялся:

— Ладно, уговорил. В два часа у тебя дома. Идет?

— Отлично, — согласился Франсуа. — Пойду передам это твоей матери.

— Лети на крыльях любви, — сказал Витор ему вслед.

* * *

Мануэла и сама не заметила, как получилось, что они заговорили с Питангой о ее отце.

В последнее время девушка чувствовала себя такой одинокой, такой брошенной. Мануэла всю жизнь старалась заменить ей отца, но сейчас она поняла, что это у нее выходило плохо. Питанге необходима защита, опора. Но где ее взять? Питанга сама как-то проговорила, что как плохо, что умер отец... Ей его очень не хватает.

— Он не умер, — вдруг вырвалось у Мануэлы.

Питанга была потрясена. Она привыкла думать, что ее отец умер, что его нет на свете. Значит, мама все время скрывала от нее правду? Зачем? Где ее отец? Кто он? Питанга засыпала мать вопросами, и Мануэла была

вынуждена рассказать ей свою печальную историю.

Конрад, так звали отца Питанги, был моряком, молодым и красивым. Они познакомились с ним в тот самый прекрасный в жизни Мануэлы день, когда на нее надели корону морской королевы. Конрад пригласил ее на танец. Они влюбились друг в друга...

— Но если вы любили друг друга, — перебила ее Питанга, — почему он ушел? Ушел, даже не узнав про меня, есть я или нет?

— Мы тогда жили в деревне, — объясняла мать. — Я и твой дед. Женщины косились на меня. Я была очень веселой и общительной. Я жила спокойно и безмятежно, как будто этот мир был для меня большой игрушкой, в которую я играла... Я отдалась Конраду со всей страстью, но твой отец не хотел связывать себя никем и ничем... — Глаза у Мануэлы сделались мечтательными от нахлынувших воспоминаний. — Он был как зверь лесной. Хотел быть свободным. Его судьба — весь мир. Его жена — приключение... И он оставил меня, уплыл далеко, на Восток. Мы больше не виделись.

— А почему тебя выгнали из деревни? — спросила Питанга.

— Это произошло несколько позже, — лицо Мануэлы омрачилось. — Но до того как Конрад оставил меня, Самюэль пытался объяснить с ним. Они даже подрались. Но Эстер поняла все не так. Она решила, что я посягаю на ее мужа, долгое время мучилась ревностью, а потом подбила женщин, чтобы они выжили меня из деревни...

Питанга счастливо зажмурилась.

— Мама! Значит, у меня есть отец! Я знаю, что он жив, я это чувствую!

Мануэла покачала головой:

— Жив или нет — какой нам в этом прок. Он никогда не вернется, Питанга.

Питанга зажала ей рот ладонью.

— Не говори так. Я буду жить надеждой. Я уверена, отец когда-нибудь даст знать о себе!

* * *

Перед приходом Летисии для свидания с сыном в его доме Франсуа уговорил Марию Соледад с Франшику пойти куда-нибудь прогуляться.

— Почему мы должны уходить! — ворчал Франшику, одеваясь.

— Но ведь это дом Франсуа, — смущенно напомнила сыну Мария

Соледад.

Это такая мелочь, что о ней нечего и говорить, — небрежно заметил Франшику, тем не менее позволяя увести себя.

Мария Соледад удалилась вместе с сыном, перед уходом пообещав Франсуа научить Франшику приличным манерам.

Летисия и Витор пришли почти одновременно. Летисия очень волновалась, зато Витор был совершенно спокоен. Он не рассчитывал услышать ничего нового.

— Ты был еще совсем ребенок, — стала рассказывать Летисия, — а Иванильда была тогда вашей нянькой... Я многое от вас с Аmandой скрывала, мне хотелось, чтобы вы думали об отце хорошо. Но теперь я расскажу тебе все.

...Жорди, ее муж, был болезненно ревнив. Она никогда не изменяла ему, но он ей не верил. У них не раз случались страшные сцены. Она просила развод, но Жорди воспринял это ее предложение как доказательство ее вины. В тот день они, как это случалось часто, поссорились. Все произошло из-за звонка друга, которого она давно не видела. Жорди был нетрезв, он набросился на нее с упреками и стал ее бить. Она упала на стеклянный столик и порезалась до крови. На лестнице, послушно прижавшись друг к другу, сидели дети, одетые для прогулки вместе с Иванильдой. Жорди схватил жену за горло, стал душить, и тогда она, чтобы высвободиться, изо всех сил толкнула его... Он зацепился за ковер лестницы наверху и покатился вниз. Это был несчастный случай... Да, она действительно толкнула его, но только для того, чтобы защититься от его жестокости, чтобы не было такого... например...

С этими словами Летисия расстегнула платье и показала сыну длинную царапину — след глубокой раны, которую она получила тогда, порезавшись о стеклянный столик. Царапина шла через весь бок.

— Это единственное видимое доказательство того, что твой отец обращался со мной жестоко, — проговорила она. — Душевная мука не в счет. Это было еще хуже, но от слов, упреков, обвинений следов не остается. Мне очень жаль, мой мальчик...

— Дай еще посмотреть, — проговорил Витор. Летисия снова показала ему шрам.

Лицо Витора как будто смягчилось.

— Прости меня, мама... Я не думал о тебе и вел себя как последний эгоист. Мне и в голову не приходило подумать о твоих чувствах, о том, что пришлось тебе пережить. Прости меня, — и Витор вдруг разразился неудержимыми рыданиями.

Летисия испугалась, стала его успокаивать. Витор рыдал, уткнувшись лицом в ее колени.

— Ну успокойся, — уговаривала его Летисия. — Теперь мы будем вместе. Мы будем любить друг друга. Ах, если бы я не была такой слабой, я бы рассказала тебе все раньше об отце! От скольких мучений избавила бы я тебя и себя, нас обоих! Прости меня, Витор! Прости, что я считала тебя плохим! Но я не была уверена, что ты меня поймешь!

Витор, как будто сделав над собой усилие, оторвался от матери и вытер лицо носовым платком.

— Все, мама! Давай забудем об этом. Я чувствую себя так, точно наконец похоронил отца. Теперь я все понял. И мне стало стыдно... Ты столько лет жила в таком аду, пытаясь уберечь меня и Аманду. Ты вела себя благородно, мама. Я уважаю тебя и еще больше люблю за это... Но мне теперь надо побыть одному. Мне надо много перетрясти у себя в голове и в жизни тоже.

Летисия улыбнулась сквозь слезы.

— Иди, сынок. Мне тоже надо привести в порядок свои мысли. Последние часы были для меня очень трудными... Иди, теперь у нас будет время, чтобы быть вместе, мы еще много будем говорить... Нам еще много надо сказать друг другу. — И, глядя сыну вслед, она повторяла: — Спасибо, спасибо, спасибо...

Глава 29

Вернувшись домой радостной и умиротворенной, Летисия объявила Рамиру:

— Любимый, сегодня — счастливейший день в моей жизни.

Рамиру, знавший от Аманды, что Летисия была у Франсуа, угрюмо осведомился:

— Это встреча с Франсуа тебя так радует? Летисия точно спустилась с небес на землю.

— Я встречалась с Витором, — стала объяснять она, — и, думаю, нам удалось выяснить наши отношения.

— А при чем здесь Франсуа?

Летисия вновь пустилась в объяснения. Франсуа предложил ей встретиться с ее сыном в своем доме. Он помог ей встретиться с Витором. Если бы только Рамиру знал, как это было чудесно — Витор снова был с ней таким же ласковым, любящим, каким был в детстве.

— Да, мне не мешало бы это видеть... Только это видел не я, а Франсуа, — возразил Рамиру. — Но ты хотя бы могла рассказать мне, что происходит за моей спиной. Не с неба же свалилась эта радость? Все устроил Франсуа! Ты предпочла разделить с ним этот важный момент, Летисия! Ты все скрывала от меня, не сказала ни слова об этой встрече!

Упреки Рамиру застали Летисию врасплох, но она все же попыталась объяснить, как было дело. Франсуа отыскал Витора, предложил ему встретиться с матерью, и он согласился, а его, Рамиру, в это время дома не было, так что она не успела его предупредить.

Рамиру с горечью произнес:

— Я говорю не только о сегодняшнем дне, Летисия. Дело в том, что вы с Франсуа хорошо друг друга понимаете. Вы с ним говорите на одном языке о чувствах, о разных вещах, о которых я и представления не имею. Такие разговоры не для неотесанного рыбака...

И снова Летисия словно наткнулась на невидимую стену, пытаюсь достучаться до Рамиру. Ведь он же не смог бы стать посредником между ней и сыном, не так ли? Витор бы и слушать его не стал. Он бы не смог с ним договориться. Иное дело — Франсуа, он — сторона нейтральная, он умеет разговаривать с людьми. Рамиру воспринял слова Летисии как выпад в свою сторону.

— Ясно, Франсуа — образованный, умеет выбирать умные слова, а я-

то уж точно оттрепал бы мальчишку за ухо и поставил бы перед тобой на колени.

Летисия замолчала и замкнулась в себе. Она впервые отчетливо представила себе ту пропасть, которая вечно будет разделять ее и Рамиру. И впервые подумала: а стоит ли пытаться ее преодолеть, эту пропасть?..

* * *

Питанга видела, что у Кассиану с Далилой отношения не ладятся, и она решила напрямую поговорить об этом с Далилой. В конце концов, сама же Далила как-то обмолвилась, что Кассиану надо выбрать кого-то из них. Так вот, она готова объяснить с Кассиану, если, конечно, Далила не против.

Далила пренебрежительно ухмыльнулась. Нет, она не против. Она готова довести на своем «джипе» Питангу до деревни. Пусть попытает счастья.

— Ты что, с ума сошла? — проговорила присутствовавшая при этом разговоре Асусена.

— Полезай в машину, — не слушая подругу, обратилась к Питайте Далила. — Я тебя лично доставлю к Кассиану.

— Ты с ума сошла, — снова произнесла Асусена.

Далила яростно обернулась к ней:

— А что, твой брат дикарь, людоед? Он же не слопает Питангу, правда? А я хочу, чтобы эта история хоть как-нибудь закончилась, тогда я выброшу Кассиану из головы и займусь своей жизнью.

...Через два часа Питанга, унылая, подавленная, пришла домой.

— Все, мама, — сказала она Мануэле. — Все кончено. Я поговорила с Кассиану, открыла ему свое сердце. Он любит Далилу. Я должна похоронить все свои надежды...

Мануэла понимающе усмехнулась и прижала голову дочери к своей груди.

— Так будет лучше. Жаль, что от этой болезни нет лекарства. Но ты еще найдешь свое счастье. Посмотри на меня, Питанга. Двадцать лет я думала только об одном мужчине, и чего же добилась? Я живу одна, мне не с кем поделиться ни горем, ни радостью. Некому меня поддержать. Но я не хочу, чтобы твоя жизнь стала отражением моей. Научись ценить себя, Питанга! А остальное, дочка, придет само собой тогда, когда ты меньше всего будешь этого ожидать...

* * *

После разговора с Питангой несколько смущенный Кассиану постучался в дом Эстер и Самюэля. Далила плакала в своей комнате, но, увидев Кассиану, вытерла слезы и заявила, что он, Кассиану, сделал правильный выбор. Питанга — добрая, деликатная, она понимает Кассиану и со всем соглашается. Она идеально ему подходит, не то что... некоторые... И пусть он не беспокоится, она, Далила, счастливой парочке мешать не намерена. Кассиану молчал, переживая бурю, с видимой скукой поглядывая в окно, а Далила беспрепятственно продолжала свой монолог... Они с Питангой, наверное, о свадьбе уже договорились? И о том, что она родит ему восемь сыновей? Что ж, она, Далила, желает им обоим счастья. Чего же он ждет? Чтобы она еще помогла сшить Питанге свадебное платье?

— Я жду, пока ты успокоишься, — отвечивал Кассиану, — чтобы спросить тебя кое о чем.

— Как ты думаешь, имя «Далила» подойдет нашему с тобой кораблю?..

...В этот же вечер Далила и Кассиану объявили родным о своей помолвке.

* * *

Адреалина, которая опять гостила у Пессоа, позвонила матери и сказала, что в этот день они с Франшику не должны отлучаться из дому. Она намерена им кое-что сообщить. Марию Соледад слегка напугало это обещание дочери, но тем не менее она удержала Франшику дома до прихода Пессоа и Адреалины.

Адреалина с самым торжественным выражением лица попросила всех сесть. Когда присутствующие выполнили ее просьбу, она проговорила:

— Так вот, представьте себе, что вы отправляетесь в кругосветное путешествие...

— Лучшие отели к вашим услугам, — поддержал ее Пессоа, — лучшие самолеты... Впрочем, если вас затошнило от самолета, что вы скажете?

— Конечно, купите яхту, — продолжала Адреалина, — яхту с золотыми бортами, и продолжите свое путешествие...

— Но что мы будем делать на берегу? — любопытствовал Пессоа и

получил от Адреалины ответ:

— Вы купите себе машину, например «феррари».

Франшику заерзал на месте.

— Вы нас для этого собрали? — спросил он. Адреалина рассмеялась:

— Нет, мы еще даже не начинали своего важного сообщения! Но приступим. Итак, мы с Пессоа раскрыли секрет, где найти деньги. Секрет клада нашего дедушки, Франшику!

— Мы вычислили номер счета в банке! — выпалил Пессоа. — И у меня прямо руки чешутся поскорее добраться до этих денег. Я...

Мария Соледад зажала ему рот рукой.

— Вы что, серьезно? — обратилась она к дочери.

— Да! — пропела Адреалина. — Да-а-а!

— Вы и в самом деле нашли это место? — не верила Мария Соледад.

— И заметь! — Адреалина подняла палец. — Это смогла сделать только твоя дочь. Потому что тип, который меня сопровождает, он только музыку слушал!

— Ну да! — обиделся Пессоа. — Ты забываешь, что компьютер-то мой! Так что мое участие в этом деле бесспорно! Все слышали?

— Итак, — произнесла Адреалина, — вот номер счета старого пирата Саула.

— Дай посмотреть, — проговорил до этой поры молчавший Франсуа, — да, это походит на номер банковского счета!

— Неужели это и правда номер счета старика Саула? — воскликнул Франшику. — Но что это за банк?

— Надо обратиться в посольство Кюрасао, — предложил Франсуа.

Франшику подмигнул.

— Предоставьте это мне! Я это сегодня же выясню!

Франшику обратился за помощью к Гаспару Веласкесу и через несколько часов уже знал адрес конторы.

— Остается только съездить туда, — доложил он своим домашним, терпеливо ожидавшим его возвращения от Гаспара, — и проверить, есть ли на этом счету деньги...

* * *

Витор пришел в дом Бонфиня и, воспользовавшись тем, что Изабел отправилась предупредить о его появлении Оливию, остановил домоуправительницу, которая при виде Витора попыталась выскользнуть из

гостиной.

— Пойдите, мне надо с вами поговорить.

— Нам не о чем говорить, — резко возразила та, — я уже вам ясно дала понять, что я не тот человек, за которого вы меня принимаете.

— Совершенно верно, — кивнул Витор. — Ты не сообщник убийцы, я в этом ошибся. Извини.

Ты всего лишь няня — моя и Аманды. Ты заботилась о нас, когда мы были маленькими. Ты была ласковой и доброй, и мы любили тебя.

Пораженная его словами, Иваница остановилась.

— Послушай, — продолжал Витор, — сегодня я говорил с матерью. Она все мне рассказала. И тебе нечего меня бояться.

— Летисия рассказала вам все? — не поверила своим ушам Иваница.

— Да, все, что произошло в тот день, когда умер мой отец. Для меня это было большим облегчением. Наконец я смог выбросить из головы все свои подозрения.

Иваница была поражена. У нее словно камень с души свалился. Она не имела права и рта открывать, пока донна Летисия ей не позволила. Она рада, что сын с матерью наконец нашли общий язык. Это и правда был несчастный случай. Она и сейчас обмирала, вспоминая, что вынесла бедная Летисия из-за мужа. У него от ревности ум за разум затлел. Что она такого сделала, Летисия, чтобы с ней так обращались! Она, бедняжка, все кротко сносила. Если бы отец не подслушал тот телефонный разговор Летисии с этим Рамиру, ничего бы не произошло.

— Рамиру? — насторожился Витор. — Ты ничего не путаешь? Того человека звали Рамиру?!

— Да, его звали Рамиру, — продолжала Иваница, не заметив, как сильно Витор переменялся в лице. — Я хорошо запомнила это имя. Это был обычный телефонный разговор, но ваш отец вдруг совсем озверел. Он хотел убить Летисию. Она сопротивлялась, и все закончилось трагедией, вы знаете. Если бы не тот телефонный разговор...

— Да, — медленно произнес Витор, потирая лоб. — Телефонный разговор с Рамиру... Судьба распорядилась по-своему.

— Ваш отец не позволял ей даже иметь друзей, — объяснила Иваница. — Она жила как в аду. Это был настоящий ад.

— Да, представляю, — проговорил Витор, стараясь овладеть собой. — Значит, Рамиру. А ты не знаешь, о чем они говорили?

Иваница наморщила лоб, стараясь припомнить подробности того давнего разговора, но в этот момент спустилась готовая к прогулке Оливия

в сопровождении Изабел.

— Извини, что так долго пришлось ждать, — сказала Оливия.

— В день свадьбы этой девушке придется начать наряжаться с раннего вечера, — съязвила Изабел.

— Ни за что не поверю, — возразил Витор, полностью придя в себя. — Ей не надо прихорашиваться перед свадьбой. Она и так слишком хороша.

— Боже! — воскликнула Изабел. — Как ты галантен, Витор! Пойдем, Хильдегарда! Молодые хотят побыть одни.

— Куда ты меня поведешь? — спросила Оливия.

— Да я хотел с тобой прогуляться, но не знаю, что вдруг на меня нашло, — скорбно усмехнулся Витор. — Давай останемся у тебя дома. Поговорим, выпьем чего-нибудь...

Ему и в самом деле было не по себе. Витор ругал себя на чем свет стоит. Матери снова удалось обвести его вокруг пальца! Сделать из него марионетку! До каких же пор он будет принимать ее слова на веру!

Он думал, что она откровенна с ним, а донна Летисия сочла необходимым утаить от него самое главное.

Она не произнесла имени Рамиру. Роковое имя! Значит, этот Рамиру и в прежнее время не оставлял ее в покое, вот почему отец был так сильно возмущен. Вот в чем разгадка его отношения к жене. Мать снова попыталась манипулировать им, Витором, и ей это почти удалось.

Но это было в последний раз, подумал Витор. Это было в последний раз.

Первым, кого увидел Витор, входя в родной дом, оказался Рамиру.

Витор изобразил, что встреча с Рамиру была для него неожиданностью.

— Здравствуйте! Я совсем забыл, что вы живете теперь со мной под одной крышей. У нас даже комнаты по соседству, сеньор Рамиру. Но не подозревайте меня в дурных намерениях — я принес в этот дом пальмовую ветвь мира. Я, так сказать, явился с миротворческой миссией. Мир, — Витор шутовски поклонился, — именно то, что и нужно было этому дому.

Рамиру с некоторой брезгливостью произнес:

— Это ненадолго. Под одной крышей мы не останемся. Я и твоя мать скоро съедем отсюда.

— Но почему? — подвижная физиономия Витора изобразила недоумение. — Почему? Какая жалость! Однако помните, вы всегда можете вернуться обратно. Двери этого дома для вас открыты, — он сделал широкий жест, — настезь.

— Вот это класс! — проговорила Аманда, появляясь в дверях. — Я просто балдею! — И потащила брата к себе наверх.

— Иди сюда, сядь рядом. Я соскучилась по тебе. А ты сильно изменился. Подумать только, общаешься с Рамиру на равных.

Витор усмехнулся:

— Никогда не следует презирать врага, пусть даже он безобиднее мухи. Потому что и такое мелкое и гадкое насекомое способно нарушить планы человека, — изрек он.

— Это ты о Рамиру? — догадалась Аманда.

С лица Витора мгновенно слетела маска доброжелательности.

— Этот человек убил нашего отца, Аманда, — угрюмо сказал он.

Аманда засмеялась. Рамиру, этот жалкий тип, — и вдруг убийца. Витор стал терпеливо ей объяснять. Их отец был человек грубый и ревнивый. Но она, их мать, донна Летисия, сама подала повод к такому отношению. Отец узнал о ее связи с Рамиру, и тогда донна Летисия, боясь потерять состояние, убила отца.

— Прекрати, Витор, — Аманда зажала уши руками. — Это ерунда!

— Нет, это правда. У меня есть свидетель. Иванильда, наша нянька... Как ты думаешь, почему она вдруг исчезла после того якобы несчастного случая? Ее подкупили, Аманда, чтобы она не наболтала лишнего.

— Витор, это бред! — воскликнула Аманда. Витор вдруг зашелся в истерическом крике:

— Никакой не бред! Иванильда мне все рассказала. Мать столкнула отца с лестницы! И сделала это в нашем присутствии, не постеснялась убить отца при его же детях! Это не женщина, это сам сатана! Мы не можем, не должны допустить, чтобы она избежала наказания! Ведь это был нага отец! И тем более мы не должны допустить, чтобы этот тип, ее сообщник, вошел в нага дом и положил лапу на наше имущество. Они убили отца! Подкупили прислугу! Они всю жизнь лгали и притворялись, а теперь собираются безнаказанно разыгрывать счастливую супружескую пару! Нет, Аманда, этого нельзя допустить! Это жестокие, бессердечные люди, мясники, их место в тюрьме!

Аманда в ужасе смотрела на брата. Ей показалось, еще немного — и у него выступит пена на губах. Никогда она не видела Витора в таком состоянии. В голове у нее промелькнула мысль, что у него какое-то психическое заболевание.

— Витор, — она осторожно тронула брата за плечо, — если у тебя есть свидетель, давай поговорим с дедом.

Витор выпрямился, глаза у него сверкнули злобой.

— Нет, не годится, — жестко сказал он. — Дед стал лучшим другом Рамиру. Он его не выдаст. Ты еще этого не поняла? Положись на меня. Я вернулся домой, и теперь ты сможешь мне помочь.

Аманда пролепетала:

— Хорошо.

— Вдвоем мы справимся с этим делом. — Витор притянул к себе сестру и крепко обнял ее. — Нельзя оставить это преступление безнаказанным... Ты на моей стороне?

— Да, — вынуждена была сказать Аманда.

* * *

Далила при каждом удобном случае уговаривала Франшику не отступаться от Асусены и продолжать настойчиво ухаживать за ней. Она, Далила, уверена, что рано или поздно Асусена ответит Франшику взаимностью. В этом у нее нет сомнений, тем более что Витор — не для Асусены.

Она чувствовала, что Франшику не безразличен ее подруге, но есть какая-то тайна, которая не позволяет Асусене оставить Витора и отдаться своему зарождающемуся чувству к Франшику. И он сам чувствовал это. Он всячески пытался отвлечь Асусену от ее тяжелых мыслей, развлечь ее, порадовать.

— Понимаешь, — говорил он девушке, — когда приходит грусть, не позволяй ей укорениться. Прогоняй ее.

Асусена грустно отвечала, что порой грусть бывает сильнее ее.

Франшику готов был сделать все, чтобы прогнать ее грусть. И не терял надежды. Когда-нибудь Асусена его полюбит. Конечно, с ее стороны пока была только дружба, но ему и этого достаточно. Он не хочет ее торопить, он просто хочет помочь ей забыть Витора.

— Можешь просить у меня всего, чего хочешь, — уверял Франшику девушку. — Я все сделаю для тебя. Я готов землю перевернуть, чтобы только доказать тебе свою любовь.

Асусена лукаво прищурилась.

— Если ты подаришь мне небо, может, я тебя полюблю, — проговорила она.

— И только-то? — хмыкнул Франшику. — Ладно! Заказ принят. Будет тебе небо.

Это был чудесный вечер. Франшику посадил Асусену в маленький

самолет, и они поднялись, как и хотелось девушке, в небо.

И сразу все, что мучило Асусену, показалось ей с высоты таким же маленьким, как эти домики и деревья. Ей казалось, ангелы смотрят на нее из-за кудрявых белых облаков. Так весело Асусене еще никогда не было.

Но когда она вернулась домой, ею снова овладела грусть.

Данила, выслушав ее рассказ о прогулке с Франшику, сказала:

— Вот что значит любовь, Асусена! Витор тебя никуда не возил. Даже в кино ни разу не пригласил. И поужинать тоже.

— Мы с ним гуляли по пляжам, — как бы оправдываясь, сказала Асусена.

— Ну мы-то с тобой знаем, зачем он возил тебя на эти прогулки! Ты вот что мне скажи: вы будете встречаться с Франшику?

— Я не могу, Далила, — печально проронила Асусена.

— Не можешь? Почему? Асусена тяжело вздохнула.

— Я не могу его обманывать. Я уже принадлежала Витору, я вовсе не та, за кого меня принимает Франшику. — Асусена опустила голову.

Далила повернула к себе ее опечаленное лицо.

— Поговори с Франшику. Расскажи ему обо всем. Я уверена, он тебя поймет, — проговорила она.

Глава 30

Летисия и Рамиру начали понимать, что им, по-видимому, не суждено найти общий язык. Некоторые поступки Летисии до глубины души возмущали Рамиру, точно так же, как иные действия Рамиру вызывали яростный протест у Летисии.

Например, Рамиру, думая обрадовать Летисию, сообщил ей о том, что уже приглядел для них дом и сегодня намерен заняться оформлением документов.

Летисия была поражена и не пыталась этого скрыть:

— Как ты мог договориться насчет дома, если я его даже не видела? Не зная, соглашусь я или нет. Что мы, по-твоему, выбираем? Дом или гостиницу на одну ночь?

Рамиру также не мог скрыть своего удивления.

— Когда я звал тебя поехать со мной, ты исчезла, — уличил он ее.

— Я не исчезала! — возмутилась Летисия. — Я попросила у тебя один день, чтобы побыть со своими детьми! Черт возьми, ты же знаешь, как я переживала свою ссору с Витором. Неужели ты не мог подождать, чтобы я поехала вместе с тобой? Сколько раз я сама могла заключить договор, но не делала этого, уважая твое желание самому заплатить за дом, хотя и не понимала этого дурацкого предрассудка... А теперь ты трясешь у меня перед носом бумагами...

Рамиру разорвал документы в клочья:

— Все! Нет больше контракта, нет повода для ссоры, Летисия. Когда надумаешь, что тебе нужно в жизни, сообщи мне. Сама решай, где ты хочешь жить, как ты уже решила, что мне одевать, каким одеколоном пользоваться, как мне себя вести... Выбирай, приказывай, решай, как ты это всегда делала!..

С этими словами Рамиру хлопнул дверью. Часом позже он уже делился с Самюэлем:

— Что-то есть в этих людях такое, что у меня в голове не укладывается! Но разве это дело, когда не можешь понять собственную жену! Все у нее какие-то сложности, какие-то причуды... Они любят все запутывать, даже самые простые вещи. Сегодня она отказалась от дома, который я присмотрел. Все время лезет с советами, хотя в этих делах должен решать мужчина... Серена никогда так не поступала.

Услышав последнюю фразу, Самюэль незаметно подмигнул жене. Он

был уверен что рано или поздно Рамиру вернется к Серене.

А Рамиру продолжал свою исповедь. Его как будто прорвало. Рядом с Летисией у него постоянное ощущение, что он делает все не так. И ему кажется, что ее друзья только об этом и говорят, высмеивают каждый его шаг. Он не знает, что делать и как себя вести. Какое счастье, что послезавтра они выходят в море!

В этот момент излияний Рамиру прервала молодая парочка — Кассиану и Далила.

— Как хорошо, что ты здесь, отец! — обрадовался Кассиану. — У нас с Далилой есть для тебя одна новость. Если только ее родители тебе еще ничего не рассказали.

Рамиру, усмехнувшись, покачал головой. Нет, ему ничего не рассказали, но он, кажется, догадывается, что это за новость.

— Мы с ним обручились, сеньор Рамиру, — выпалила Далила.

Это была прекрасная новость.

— Поздравляю, сынок! Поздравляю, Далила! Честное слово, я рад за вас обоих!

— Не ты один, — произнесла Эстер, — весь поселок радуется, глядя на них. Теперь все живут в ожидании праздника, свадьбы!

— Нам надо будет всем вместе сесть и обо всем поговорить, — сказал Кассиану. — Все обсудить. Я имею в виду тебя и маму...

При этих словах Кассиану настороженно посмотрел на отца.

— Конечно, сынок, — согласился Рамиру.

— Ты согласен? — просиял Кассиану. — Кстати, мама сейчас дома, может, поговоришь с ней, раз уж ты здесь?

Рамиру очень хотелось бы увидеть Серену, но именно потому, что ему этого хотелось, он смущенно отказался. В другой раз. Ему сейчас кое-что надо сделать.

Самюэль сделал знак Кассиану, чтобы тот не давил на отца. При этом мудрая улыбка осветила лицо друга Рамиру.

* * *

На другой день после того, как Франшику «подарил Асусене небо», он появился у девушки с таким огромным букетом цветов, что в него можно было бы спрятать всю Асусену.

У Асусены при виде этих цветов и сияющего лица Франшику подступили слезы. Но она решила: что бы то ни было, а он должен узнать

всю правду о ней. Пусть он будет ее презирать, пусть больше никогда не посмотрит в ее сторону, — обман хуже всего. Она не, может злоупотреблять доверием этого порядочного человека.

Не успела Асусена открыть рот, чтобы вымолвить заготовленную ею фразу насчет того, что они больше не должны встречаться, Франшику обрушил на нее целый водопад признаний.

Он только и живет ею одной. Она необыкновенная, чистая, светлая, святая, и он, конечно, не стоит того, чтобы Асусена даже цветы принимала из его рук. Но любовь его так огромна! Она больше него, Франшику, и лучше его! И он станет таким же для нее прекрасным, как его любовь. Она просто чудо.

Нужно ли говорить о том, что каждое слово Франшику причиняло Асусене невыразимую боль. Наконец ей удалось вставить слово:

— Нет-нет, я не такая, как ты думаешь. Не чистая, не святая. Я принадлежала Витору. Я — дрянь. Той Асусены, которую ты любишь, не существует.

Лицо Франшику изобразило растерянность, но Асусена этого не видела. Потупив глаза, она продолжала:

— И теперь мне очень стыдно. Так стыдно, что я не могу на тебя смотреть. Уходи, прошу тебя.

— Асусена, посмотри мне в глаза, — тихо произнес Франшику.

Асусена отвернулась, но он обнял девушку и поднял пальцами ее подбородок.

— Я люблю тебя, — продолжал Франшику, — и я знал многих женщин. Но такую, как ты, — никогда. Ты для меня единственная. И не важно, сколько женщин у меня было до этого.

— Но ты мужчина, Франшику, — всхлипнула Асусена. — С мужчинами все по-другому.

Франшику ласково усмехнулся:

— Почему по-другому? Выходит, если женщина любит всей душой, она не имеет права потерять голову? Может, большинство мужчин так и думают, но я не такой, Асусена. В жизни мне пришлось много страдать, и эти страдания многому меня научили. Я хочу, чтобы мы поженились.

Асусена сквозь слезы посмотрела на него.

— Ты хочешь жениться... на такой, как я?

— Я мечтаю об этом, — выдохнул Франшику. — И если ты меня когда-нибудь полюбишь, я стану самым счастливым человеком на свете!

На другой день подозрение Аманды, что ее брат не совсем нормален психически, нашло подтверждение.

...Они с матерью гуляли по саду, как вдруг услышали странный шум, доносившийся из дома.

Не зная, что и думать, обе женщины вбежали в дом, а затем устремились в комнату Витора.

Их глазам предстало странное зрелище.

Витор, с перекосившимся лицом, громил комнату. Опрокидывал мебель, бил вазы. Летисия с криком бросилась к сыну и, обхватив его руками, попыталась уложить на диван. Витор кричал, вырывался, по его лицу струились слезы. Аманда бросилась за успокоительным, но на полпути передумала и позвонила Оливии. Брат явно нуждался в помощи врача.

Когда пришла Оливия, приступ миновал. Витор сидел, обхватив голову руками, и как будто даже не понимал, кто сотворил этот беспорядок. Он как будто пытался выйти из стрессового состояния. Оливия попросила, чтобы их с Витором оставили одних.

— Знаешь, чем лучше всего лечить стресс? — вдруг как ни в чем не бывало произнес Витор. — Сменой обстановки, — ответил он сам же на свой вопрос. — Путешествием с любимым человеком... Ты помнишь, я показывал тебе яхту на верфях?

Оливия кивнула.

— Она почти готова, — произнес Витор. — Как насчет круиза по Средиземному морю? Ты не должна отказывать в помощи человеку, который так сильно в ней нуждается!

— О круизе, — строго проговорила Оливия, — мы поговорим в другой раз. Потому что сейчас этот человек нуждается в помощи таблеток, которые я ему выпишу.

Витор сделал кислое выражение лица.

— Нет, это мне не поможет. Мне нужна ты. Выходи за меня замуж.

Оливия оторопела:

— Ты делаешь мне предложение?

— А ты думаешь, я с тобой просто время убивал? — вопросом на вопрос ответил Витор, и в голосе его прозвучала детская обида.

Оливия мягко улыбнулась:

— Ну конечно, я так не думаю.

— Ты считала меня когда-то беспринципным типом, — капризным голосом продолжал Витор. — Но ведь это не так. Или выходить замуж за такого сумасшедшего, как я, не входит в твои планы?

Оливия покачала головой.

— Нет, просто это как-то неожиданно...

— Или ты считаешь, что мне больше подходит смирительная рубашка, чем фрак жениха?

— Прекрати сейчас же! — слегка стукнула его кулаком в грудь Оливия. — Я вовсе не считаю, что тебе нужна смирительная рубашка.

Витор тут же сделался тих и кроток, как младенец.

— Очень рад, что ты так говоришь. Посмотри, — он подвел Оливию к зеркалу, — посмотри, какая мы чудесная пара... Разве не так? Ты такая красивая, а я такой серьезный, такой положительный. Видишь ли, я только о тебе и думаю. Мои родители жили плохо. И я поначалу был настроен против брака. Но вот появилась ты, и все изменилось. Жизнь без тебя не имеет смысла. Ты мне нужна, Оливия. Мы с тобой люди взрослые, самостоятельные, у каждого своя профессия, и это прекрасно. Мой дед и твой отец — они почти как братья. То есть наш брак обречен на успех.

— Даже не знаю, что тебе сказать, — раздумчиво произнесла Оливия.

Витор закружил ее по комнате.

— Скажи «да», и мы закрываем эту тему.

— Но не все так просто, Витор, — сомневалась Оливия. — Я уже однажды была невестой и обманулась. Так что мне не хотелось бы принимать скоропалительных решений. Дай мне время.

— Конечно! — надул губы Витор. — Начинается обратный отсчет. Десять... девять... восемь...

Но Оливия оставалась серьезной.

— И все же дай мне время, — повторила она.

— Вот что мне в тебе нравится — это твое благоразумие! — восхитился Витор. — Ты очень уравновешена, благоразумна... А я импульсивен! Я живу сердцем!

Оливия приложила ухо к его груди.

— Оно у тебя есть?

— А ты разве не слышишь, как стучит: тук-тук!.. Хорошо, я даю тебе время — но с одним условием!

— С каким? — улыбнулась Оливия.

— Ответ должен быть положительным! — объявил Витор.

* * *

Гаспар Веласкес долго размышлял над тем, каким образом он может помочь дочери, не ущемляя гордости Рамиру, и, наконец, ему показалось, он нашел достойное решение.

Он поделился своей идеей с женой и, получив одобрение Эстелы, стал готовиться к тому, чтобы воплотить ее в жизнь.

Для этого он решил собрать вечеринку, на которую были приглашены все его родные, Рамиру, Соледад с обоими детьми и Франсуа. Рамиру он поручил приготовить по особому рецепту рыбу для небольшого застолья — в этом деле он был мастер.

Рыба, приготовленная на вертеле, удалась. Рамиру поздравляли так, словно он сделал что-то необычайное. Всем, кто был хоть немного к нему расположен, хотелось сделать рыбаку приятное.

Летисии казалось, вечеринка получилась на славу: Витор был настроен на редкость благодушно после своего приступа, Аманда — весела, Гаспар и Эстела много шутили и смеялись, а Франшику развлекал всех своими байками.

Наконец Гаспар потребовал минуту внимания.

— Друзья мои! Я приготовил небольшой сюрприз. Но чудесная рыба, приготовленная Рамиру, вино, удовольствие, которое я получил от вашей компании, чуть не заставили меня забыть о нем... Итак, я хочу преподнести Летисии и Рамиру подарок. Это участок земли, где вы построите себе такой дом, какой пожелаете...

Летисия захлопала в ладоши.

— Папа, у нас нет слов, чтобы выразить тебе нашу благодарность, правда, Рамиру?

Рамиру пробурчал что-то нечленораздельное.

— Спасибо, папа, — словно не заметив его смущения и растерянности, продолжала Летисия, — мы построим себе прекрасное жилище.

Все было бы хорошо, если бы не вмешался Франшику.

— Кстати, — сказал он, — у вас уже есть архитектор. Это он, — с этими словами Франшику указал на Франсуа. — Это мой никудышный товарищ. Он вам поможет. Дом, который для вас придумает Франсуа, прекрасно впишется в окружающую среду. Так ведь?

— Конечно, — промямлил Франсуа.

Сам он в это время незаметно ущипнул Франшику так, что тот подпрыгнул, и прошептал ему на ухо:

— Ты соображаешь, что говоришь? Рамиру никогда не согласится жить в доме, который спроектирую я.

— А зачем тебе его согласие? — зашипел в ответ Франшику. — Ты себе проектируй... Я уверен, что, когда дом построят, в нем будешь жить ты вместе с Летисией!

* * *

Рамиру часом позже выговаривал Летисии:

— Я понимаю, что твой отец сделал это из лучших побуждений. Но нельзя же так! Взял и вытащил купчую на участок при всех. Даже не поговорил прежде с нами!

Летисия принялась его успокаивать. Отец ничего плохого не имел в виду. Он сделал ей подарок, и она может его принять. Рамиру возразил, что она — да, но не он. Он не привык получать что-то просто так.

— А мне кажется, тебе не понравилась идея насчет того, чтобы проект дома делал Франсуа, — не утерпела Летисия.

— Да, мне не нравится, что он вмешивается в нашу жизнь.

— Он может предложить хороший и дешевый проект, — стояла на своем Летисия. — Франсуа — профессионал.

— А мне на это наплевать, — отрезал Рамиру. — И я скажу ему это в лицо.

Летисия со злостью посмотрела на него.

— Можешь не говорить. Он и сам не примет нашего предложения. Он все понимает.

— Ну кому это знать, как не тебе, — язвительно бросил Рамиру. — Вы с ним постоянно шепчетесь, обсуждаете меня за моей спиной... Да, вы очень дружны, Летисия. Больше, чем мы с тобой. Вы отлично понимаете друг друга.

Летисия поняла, что дальнейшее продолжение этого разговора сулит им ссору.

— Хорошо. Ты сейчас не способен меня выслушать. Но в одном ты можешь быть уверен, Рамиру, — какое бы решение ты не принял, я тебя поддержу. Но подумай сначала: хочешь ты жить со мной или нет. Ты не умеешь врать другим. Попробуй не врать самому себе.

...На другое утро Рамиру ушел в море, даже не попрощавшись с Летисией.

* * *

«Доктор Бастус» — прочитал Витор на табличке.

Отлично! Этот человек ему и нужен. Он много слышал о нем хорошего, как о настоящем профессионале.

Витор открыл дверь кабинета.

— Чем могу быть полезен?

Витор сухим тоном изложил суть дела, приведшего его к юристу.

Он хочет возбудить уголовное дело против своей матери, сеньоры Летисии Веласкес, убийцы своего мужа. Она убила его, чтобы быть рядом со своим любовником. Он, Витор Веласкес, жаждет, чтобы свершилось правосудие. За этим он и явился сюда.

Доктор Бастус слушал его, подняв брови от удивления. Слышанное ли дело, сын возбуждает уголовное дело против собственной матери! Нет, честное слово, этот мир перевернулся! Однако вслух доктор Бастус произнес:

— Очень хорошо. Расскажите обо всем подробно. На чем основано ваше обвинение?

Витор стал рассказывать о том роковом дне, когда он лишился отца, не опуская ни одной подробности: Бастус внимательно слушал его. Он видел, что этот молодой человек очень возбужден, еле владеет собой и у него дрожат руки.

— Вы уверены, что имело место именно преступление, а не несчастный случай?

— Да, — завопил Витор, — я уверен. Речь идет о преступлении, в этом у меня нет никаких сомнений!

Доктор Бастус покачал головой.

— Что касается меня, то я оставляю за собой право самому делать выводы, — заявил он.

— Но она убила моего отца! — в голосе Витора слышалось нескрываемое раздражение.

Доктор Бастус немного помолчал.

— Хорошо, я принимаю дело, но это не так просто, как вам кажется. Все произошло в Риоде-Жанейро?

— Да, — проронил Витор.

— Следовательно, мне придется поехать туда, чтобы собрать дополнительные данные. Мне надо узнать, было ли сдано дело в архив и где протокол дознания.

Витор поднялся.

— Можете тратить столько, сколько нужно, — заявил он. — Я не постою за деньгами. Самое главное, чтобы донна Летисия Веласкес заплатила за убийство моего отца...

Глава 31

В семье Веласкесов восприняли помолвку Витора с Оливией с восторгом, только Аманда шепнула брату:

— А как же Асусена?

— А что, мужчина не имеет права немного погулять перед женитьбой? — последовал ответ.

Зато у Бонфиней такого единодушия не было. Изабел, конечно, бросилась обнимать дочь и поздравлять Витора, но на лице ее мужа проступила растерянность — такая же, как и на лице Хильдегарды — Иванильды. Оливия заметила, как Изабел отвела домоуправительницу в сторону и стала ей что-то втолковывать. Когда Витор ушел, Оливия спросила:

— Мама, а что тебя связывает с Хильдегардой? Изабел опустила глаза.

— Ничего. Решительно ничего.

— Витор сказал, что прежде она служила в их доме нянькой. Ты ее знала тогда?

Изабел открыла рот, чтобы что-то ответить, но тут появился Дави.

Его приход был для Оливии полнейшей неожиданностью. Ей приходилось по долгу службы сталкиваться с Дави, но он вел себя вежливо и спокойно, как будто между ними никогда не существовало глубоких отношений, и Оливии это нравилось. Увидев Дави, входящего в ее дом, она сразу поняла, что речь пойдет о ее помолвке с Витором.

Оливия не ошиблась. Дави начал свой разговор без предисловия:

— Оливия, ты, должно быть, потеряла рассудок. К несчастью, Витор добился своего.

— Да, — с вызовом произнесла Оливия. — Мы поженимся.

Дави печально покачал головой:

— Он не женится на тебе.

— Почему? — изумилась Оливия. — Ты помешаешь?

— Если бы я мог! — Дави обреченно махнул рукой. — Поверь, это всего лишь одна из его уловок. Он хочет продемонстрировать своей семье, что стал хорошим, благополучным парнем. Ему надо провести Гаспара. Когда он добьется своего, он отбросит тебя без всякого сожаления.

Перестань, Дави! — возмутилась Оливия. — Чем ты можешь подтвердить свои слова? Ты ревнуешь!

Дави огорченно посмотрел на нее. Ничего подобного. Ревности в нем

нет. Он только от всего сердца желает Оливии счастья. Если бы он был уверен, что Витор хороший, нормальный парень, он бы и слова не сказал. Но он, Дави, хорошо знает Витора. Для него люди — средство для достижения каких-то собственных целей. Оливия — пешка в его игре. Эта помолвка — сплошной обман, и он не может молчать.

— Я знаю, Витор хитрит, обманывает тебя, — убеждал он Оливию.

Оливия была разочарована. Она никак не ожидала увидеть Дави в такой жалкой роли, в роли клеветника. Ей и в голову не приходило, что он способен на такой грязный поступок.

— Оливия, ты не права, — перебил ее Дави. — Мне не хотелось влезать в твою жизнь. Я понимаю, что вышел из игры. Не ради себя я хочу спасти тебя от гибели.

— Спасти? — насмешливо переспросила Оливия. — Дави, я не ребенок и не нуждаюсь ни в чьих заботах. И нечего рисовать Витора чудовищем! Вспомни, вы с ним были друзьями! В те времена ты очень хотел, чтобы я приняла Витора. И теперь мне печально видеть, как ты сочиняешь про него Бог знает что! Сказал бы честно, что хочешь нас рассорить.

— Оливия, он тебя дурачит, — со всей убежденностью, на которую он только был способен, повторил Дави.

На мгновение у Оливии промелькнуло сомнение. А что, если Дави прав? Уж слишком искренний у него голос, слишком ясным взглядом он смотрит ей прямо в глаза!.. Но нет, этого не может быть! Это предательство — усомниться в Виторе.

— Оставь меня в покое, — резко сказала она. — Я не верю ни одному твоему слову!..

* * *

Не только Веласкесы были обрадованы до глубины души помолвкой Витора — такая же радость царила в доме Серены.

Кассиану обычно не читал газет. Но сегодня он был в городе и вместе с другими покупками привез оттуда и свежий номер субботнего приложения к «Вестнику». Открыв его, Кассиану присвистнул:

— Мама, иди скорее сюда! Асусена спасена!

— Что, в газете написано про Асусену? — засмеялась Серена.

Кассиану принялся читать вслух:

— «Сеньор и сеньора Бонфини сегодня вечером принимают гостей по

случаю помолвки своей дочери Оливии и молодого Витора Веласкеса, наследника одного из самых больших состояний на северо-востоке страны...» Этот бандит женится, — ликовал Кассиану.

Серена перекрестилась.

— Наконец-то! Господь услышал мои молитвы. Мы избавимся от этого типа!

— Я рада, что вы так довольны, — послышался голос Асусены.

Никто не заметил, как она вошла в комнату. Асусена была бледна как полотно...

* * *

Поздно вечером Витор царапнул пальцем в ее окошко, и Асусена, чтобы окончательно объясниться с ним, выскользнула на улицу. Сердце у нее сильно билось.

— Тебе не повезло, — проговорила она насмешливо. — У нас почти не читают газет, но на этот раз судьба была против тебя. Я узнала о твоей помолвке. Как же я была слепа! Все пытались открыть мне глаза, а я тебе верила, как последняя дура.

Но Витор и не думал смущаться.

— Не обижайся, Асусена. Помолвка — это тактический прием. Да, я буду считаться женихом Оливии, меня к тому вынудили. Дед хочет, чтобы я женился на ней, потому что она богата, понятно тебе? И я был вынужден притвориться, что старик может на меня рассчитывать. Он уже говорил, что может лишиться меня наследства. Он уже один раз выставил меня с предприятия — ты знаешь. Я должен воспользоваться ситуацией, чтобы выйти из нее с деньгами и с любимой женой, то есть с тобой...

— То есть, ты не собираешься жениться на Оливии? — недоверчиво спросила Асусена, она и верила, и не верила Витору.

— Мне жаль Оливию, — пожал плечами Витор, — она чудесный человек... Но мне надо играть свою роль до тех пор, пока не подвернется подходящий момент, чтобы выйти из игры... Я люблю только тебя, Асусена.

В голосе его было столько неподдельной искренности, что Асусена не могла больше сомневаться. Витор достал из кармана кольцо и надел на ее палец.

— Это символ нашей любви, — объяснил он. — Ты — моя настоящая невеста. И другой у меня не будет... Только сохрани наше с тобой

обручение пока в тайне. Но наедине я так и буду называть тебя — моя прекрасная невеста...

* * *

Поездка в Кюрасао и обратно заняла у Франшику чуть более двух суток.

Мария Соледад встречала его в аэропорту.

— Ну что? Удалось вернуть деньги? Франшику спросил ее, а когда ему что-то не удавалось.

— И деньги у тебя с собой? — недоверчиво спросила мать.

— Конечно, — небрежно произнес Франшику, хлопнув по дипломату, — осталось сделать последний шаг. Поехали к Гаспару.

Мария Соледад поняла мысль сына и от души одобрила ее.

Зато Гаспар изо всех сил отказывался от денег, не желал их брать, пока Франшику не заявил ему, что они сейчас же вдвоем с матерью встанут перед Гаспаром на колени.

— Но как это можно, Франшику! — возражал Гаспар. — Никакого долга за тобой не было. Ты ничего плохого мне не делал!

— Гаспар, — Франшику заговорил очень серьезным голосом, — представь себя на моем месте: каково было бы тебе узнать, что твой дед так подставил своего друга? Да ты бы от стыда жить не мог спокойно! А тем более когда речь идет о человеке с золотым сердцем, о тебе. Ну ладно, — Франшику перешел на шутливый тон, — не заставляй меня перебарщивать в комплиментах.

— Сынок, — ахнула мать, — ты как разговариваешь с Гаспаром?

— Видишь! — с торжеством произнес Франшику. — Моя мать как лев вступает за тебя!

— Хорошо, — сдался Гаспар, — я принимаю эти деньги. Но только для того, чтобы успокоить вас обоих.

Франшику потряс ему руку.

— Ну молодец! Сказал — точно мяч забил! Спасибо, Гаспар. Спасибо...

* * *

За время отсутствия Рамиру, который ушел в море, Летисия и Франсуа

сблизились еще больше.

Встречи их носили как будто дружеский характер, но, когда они часами просиживали над проектом будущего дома, обоим казалось, что они обсуждают более важные вещи, нежели устройство комнат. Франсуа постарался в своем проекте объединить вкусы Летисии и Рамиру. Он решил, что это будет дом без дверей. Летисия видела такой в Рио-де-Жанейро, и эта идея ей очень понравилась. Дом должен стать частью природы. Веранда будет построена так, чтобы защищать дом от дождя. Кухня — на американский манер. Рамиру любил готовить, поэтому Франсуа и остановился на этом варианте. Комнаты не очень большие, за исключением спальни. Весь второй этаж будет по вкусу Рамиру, с балконом — с него открывается чудесный вид. Дом поставят так, чтобы солнце светило в окна кухни с утра — тогда не жарко будет готовить обед и ужин. А гостиную будет продувать ветерок. Словом, замысел был прост и одновременно грандиозен, и Летисия заранее предвкушала блаженный покой, который будет у них с Рамиру в их новом доме.

Но не успел Рамиру возвратиться, как ее радость улетучилась.

Он вернулся — и застал свою жену любезничающей с Франсуа. Летисия радостно кинулась к нему, но Рамиру не поверил этой радости. Франсуа, угадав его настроение, был вынужден откланяться, а Летисия сдержанно заметила:

— Ты мог бы быть и повежливее с Франсуа. Он оказал нам услугу.

— Нам или тебе? — осведомился Рамиру.

— Что ты имеешь в виду? — напряглась Летисия.

Рамиру не ответил.

— Франсуа настаивает, чтобы мы приняли этот проект как подарок к нашей свадьбе. Он продумал все до малейших деталей, чтобы мы чувствовали себя в доме хорошо и уютно.

Рамиру угрюмо ответил, что он в подарках не нуждается. У него есть деньги, для того чтобы заплатить архитектору за его мазню на клочке бумаги. И он сам с ним потолкует об этом. Говоря это, он пристально смотрел на Летисию. Летисия ничего не ответила и, подавленная, ушла в свою комнату.

* * *

Поездка доктора Бастуса в Рио-де-Жанейро дала вовсе не те результаты, на которые надеялся Витор.

Доктор Бастус поднял все материалы по несчастному случаю — именно так случившееся было зарегистрировано полицией, узнал о том, что было произведено вскрытие с соблюдением всех норм и правил, предписанных законом для подобных случаев, и пришел к выводу: ничто не указывает на то, что имело место преступление. Он сообщил Витору, что не может привлечь его мать, Летисию Веласкес, к уголовной ответственности. Дело было сдано в архив.

Но Витор и слушать ничего не желал.

— Мы вытащим его из архива на свет Божий. Если потребуется, подмажем кого надо. Вы понимаете, что я имею в виду, доктор Бастус? Эта женщина — преступница. Она сама призналась мне в том, что убила отца. Преступница свободно разгуливает по улицам уже более двадцати лет. И никто пальцем не шевельнет, чтобы схватить ее.

Доктор Бастус видел, что его клиент находится на грани истерики, и потому осторожно возразил ему:

— Витор, мы можем действовать только по закону. А закон гласит — дело может быть возвращено из архива в производство только в том случае, когда откроются новые обстоятельства.

— Что вы имеете в виду, доктор Бастус? — нервно проговорил Витор. — Какие обстоятельства? Она должна убить еще одного человека?

Доктор Бастус терпеливо стал объяснять.

После стольких лет новыми обстоятельствами могут быть находка оружия, которым было совершено преступление, фотография, магнитофонная запись или же, на худой конец, свидетель, который видел, как было совершено преступление.

— Свидетель! — Витор судорожно ухмыльнулся. — У меня есть свидетель. Моя няня. Она живет сейчас в Форталезе. Она присутствовала при этом событии. И вы можете с ней поговорить...

Доктор Бастус заверил Витора, что сегодня же позвонит Иванильде...

Вернувшись домой, Витор узнал, что его дед собирает в гостиной всех домашних для какого-то важного сообщения.

Витор ухмыльнулся. Он догадался, о чем пойдет речь, судя по той торжественности, с которой старик решил обставить это дело. Но в гостиную он спустился с самым серьезным и почтительным выражением лица. Как он и ожидал, сеньор Веласкес не обошелся без внушительного вступления.

Он сообщил Летисии, Аманде и Витору, что долго думал и наконец сегодня принял важное решение.

— Нам надо принять торжественный вид? — поинтересовалась

Аманда, на что дед ответил, что да, не мешало бы: у них есть повод для торжества.

— Да, судя по лицу доктора Гаспара, плохих новостей не ожидается, — вставил Витор.

Гаспар сказал, что постарается быть кратким, чтобы не давать пищу для иронии со стороны внуков. Он решил отойти от дел и целиком отдаться радостям семейной жизни. Аманда уже совершеннолетняя. У Летисии начался новый период в жизни, и ей нужен солидный источник доходов. Витор уже доказал, что он умеет работать и любой ценой постарается сохранить семейное состояние. К тому же он собирается жениться на замечательной девушке. И вот, основываясь на всем этом, он, Гаспар Веласкес, решил разделить между ними всеми акции компании.

— Ну, ты меня удивил, дед! — воскликнул Витор. — Этого я от тебя никак не ожидал! Не знаю, правда, должен ли ты так поступать.

Гаспар, довольный произведенным эффектом, сказал, что должен. Что у него нет иного способа доказать родным свою глубочайшую любовь. Витор внутренне аплодировал сам себе. Он был уверен, что так и будет. Он добился того, чего хотел, и теперь ему для полного торжества осталось только одно — засадить мать за решетку.

* * *

Мануэла видела, что с Питангой происходит что-то неладное: уж слишком глубоко она переживает крушение своей надежды когда-нибудь выйти замуж за Кассиану.

В последнее время ей самой стало казаться, что в их общей жизни — ее самой, Кливера и дочери — как будто что-то застопорилось. И Мануэла вспомнила свою молодость, вспомнила, что когда-то была легкой на подъем...

Она подумала: почему бы им не изменить все в жизни и не начать ее с чистой страницы? Но не здесь, а в каком-нибудь другом месте. Ведь она где угодно сможет организовать отличный бизнес — опыта и сноровки ей не занимать.

Переговорив с отцом и дочерью, Мануэла выставила бар на продажу.

...Самюэль, как обычно придя навестить своего друга Бом Кливера, увидел табличку «Бар продается» и был поражен.

— Что это значит, Мануэла?

Мануэла стала объяснять. Ее здесь ничего не держит. У нее не

осталось никаких надежд на то, что ее семья будет счастлива в Форталезе. И она хочет увезти отсюда отца и Питангу.

Самюэля ее объяснения не удовлетворили. Бар, которым владеет Мануэла, пользуется большой популярностью. От клиентов нет отбоя. Она может здесь хорошо зарабатывать. Она всем здесь нужна.

— Бар, клиенты, — проронила Мануэла. — Все это я найду в другом месте. Я приняла решение, Самюэль, и никто не заставит меня изменить его.

— А Кливер согласен с этим решением? А Питанга?

— Да, они не имеют ничего против, — подтвердила Мануэла.

Самюэль опечаленно покачал головой:

— Ну что же, раз ты так решила... Не знаю, что тебе еще сказать, Мануэла. Ведь мы — друзья. И мне очень будет не хватать вас всех...

* * *

Когда Рамиру вошел к Франсуа, тот сразу же понял, что муж Летисии явился к нему с каким-то неприятным разговором, и внутренне подобрался.

В глубине души он уважал Рамиру, но не верил в то, что они с Летисией смогут обрести покой и счастье. В это не верил никто из окружающих, и Франсуа понимал, что Рамиру догадывается об этом, потому и ведет себя так вызывающе, так заносчиво! Они с Летисией восстали против существующего порядка вещей; но мало-помалу революционный дух выветрился из их отношений, а страсть прошла, но они оба по-прежнему боятся признаться в этом друг другу...

Как и ожидал Франсуа, Рамиру начал разговор с откровенной грубости. Он швырнул архитектору его проект и осведомился, сколько стоит эта работа.

Франсуа терпеливо объяснил, что проект не имеет цены. Он сделал его из любезности. Это подарок. И тогда Рамиру напрямую изложил свои претензии:

— Мне не нравится, что ты в мое отсутствие обхаживаешь мою жену!

— Если ты не доверяешь собственной жене, это твоя проблема, — заметил Франсуа. — И еще я тебе скажу — когда ты увидишь, что Летисия грустна, подавлена, не удивляйся. Этот день не за горами, вот увидишь!

— Ты учишь меня жизни с высоты своего опыта? — высокомерно поинтересовался Рамиру.

— Мне учить тебя? — переспросил Франсуа. — Куда мне? Ты уже

дважды женился, у тебя взрослые дети! Кто я такой, чтобы учить тебя? Но Летисию я знаю лучше, чем ты. Если ты и дальше будешь удалять ее от друзей, пытаться поменять ее привычки, все это обернется против тебя... Нет в мире человека, который мог бы жить только любовью...

Рамиру вернулся к Летисии еще более озлобленный и с порога сообщил ей, что вернул проект Франсуа и запретил ему и близко подходить к его жене. Он, Рамиру, и без того многое терпит. В этом доме ее дети его постоянно оскорбляют...

— Но ты даже не пытался расположить моих детей к себе! — выкрикнула Летисия.

— Детей? — повысил голос Рамиру. — Каких детей? Я вижу лишь нахальную девицу и избалованного, плохо воспитанного парня, который не упускает случая, чтобы унижить меня! Поэтому я и настаивал, чтобы у нас был свой собственный дом, только для нас, подальше отсюда!

— А зачем? — взвилась Летисия. — Зачем, если тебя постоянно что-то не устраивает, ты вечно чем-то недоволен! Даже тот участок, что подарил нам отец от чистого сердца, ты и то не смог принять по-человечески, а теперь еще хамишь ни за что ни про что Франсуа! Он хотел сделать нам любезность!

— Хватит его защищать, Летисия, — хлопнул кулаком по столу Рамиру. — Мне тошно слушать, как ты умиляешься от любезности своего архитекторишки! Замолчи!

— Сам замолчи! — завопила Летисия, совершенно потеряв контроль над собой. — Я устала, Рамиру! Я больше не могу! Ты это хотел услышать, да? Я устала!..

Глава 32

Разговор доктора Бастуса с Иванильдой не внес в дело никакой ясности.

Иванильда не хотела давать никаких показаний против Летисии Веласкес. Она утверждала, что никакого преступления не было, что оно — плод больного воображения Витора.

— Он действительно болен, сеньор адвокат, — говорила Иванильда, — неужели вы этого не поняли? А я не собираюсь осложнять жизнь донне Летисии. Она хороший человек и столько мне помогала!

Бастус уцепился за эти слова.

— Помогала? А чем она вам помогала, донна Иванильда? Деньгами?

— Сеньор адвокат, я не стану отрицать: она давала мне деньги, я была ее лучшей служанкой!

— Давала вам деньги, — внушительно произнес Бастус, — то есть она хотела купить ваше молчание? Это называется взяткой. Вас можно привлечь к ответственности. Обдумайте хорошенько то, что я вам сказал, а потом позвоните...

Сразу после ухода Иванильды доктор Бастус позвонил Витору. Он сообщил ему о состоявшемся разговоре и сказал, что не может принудить свидетеля к даче показаний.

Витор был слегка разочарован.

— Она будет давать показания, — злобно бросил он в трубку, — и мы засадим преступника в тюрьму!

Летисия, которая была в то время дома, услышала последние слова своего сына.

— Кого ты собираешься посадить в тюрьму, сынок? — рассеянно спросила она.

Витор, бросив трубку, перевел разговор на другое. Отчего у его матери такой подавленный вид? Может, у нее что-то со здоровьем?

— Да нет, я просто плохо спала, — ответила Летисия. — Так кого ты хочешь посадить в тюрьму?

— Есть там у нас один тип на фабрике, — Витор принял озабоченный вид, — адвокат пытается его отмазать... Можно, я тебя поцелую, мамочка?

Летисия растаяла.

— Не думала, что мой сын может быть таким ласковым, — пробормотала она. — Было бы хорошо, если бы все любящие мужчины

были похожи на тебя.

Витор нежно пригладил ее волосы.

— Нейде мне сказала, что Рамиру сегодня не ночевал дома, — проговорил он сочувственно. — Но ты не переживай. У вас все наладится. Надо только немного потерпеть...

* * *

Гаспар Веласкес разыскал Рамиру в хижине, которую тот построил для себя и Летисии.

Но разговора у них не получилось.

Гаспар стал перечислять Рамиру те жертвы, на которые пошла ради него Летисия, но в ответ на это Рамиру сказал, что он пожертвовал не меньшим: он был вынужден ради соединения с Летисией оставить жену и детей, своих друзей, свои привычки. Словом, разговор сразу же зашел в тупик.

— Но неужели тебе трудно понять некоторые вещи, Рамиру? — не сдавался Гаспар. — Ты хоть представляешь, каким шоком была для моих внуков ваша связь? Ты даже не попытался наладить с ними отношения.

Рамиру ответил, что он не умеет общаться с избалованными детьми. Еще он не умеет делать вид, будто не замечает, что все его презирают, в грош не ставят. Именно поэтому ему хотелось убраться поскорее из дома Гаспара. А теперь ему кажется, что их отношения с Летисией были ошибкой. Им не надо было возобновлять свою связь. Ни к чему доброму это привести не могло. Теперь он это прекрасно понимает, так же как понял это с самого начала и Гаспар, не так ли?

— Послушай, что я тебе советую, — уклончиво произнес Гаспар. — Уж коль ты здесь один, в этой хижине, попробуй все спокойно взвесить. Подумай, что тебе нужно от жизни. Если решишь, что тебе надо вернуться к Летисии, — возвращайся, если же нет, — тут Гаспар сделал жест, который можно было понять как прощание. — Ты меня понял?..

* * *

Серена, Кассиану и Далила ожидали бурной реакции Асусены на известие об обручении Витора, но в последующие дни, после того как они прочитали об этом в газете, Асусена сохраняла спокойствие и

невозмутимость.

Далила пробовала выведать у нее, что сейчас чувствует подруга, но Асусена упорно отмалчивалась.

А между тем спокойствие ее объяснялось не только тем, что она поверила словам Витора. Это спокойствие было сродни чувству обреченности. Асусена понимала, что в ней уже нет той любви к Витору, которая столько времени как огнем палила ее душу. Теперь она испытывала к нему жалость, сострадание, но не любовь. Она чувствовала себя обязанной поддержать его. Она чувствовала себя обязанной выйти за него замуж, а между тем сердце ее стремилось к другому человеку.

Франшику каждый день приходил к ней и говорил о своей любви, о том, что она, как ласковая волна, наполняет его. Он знал об обручении Витора с Оливией и считал, что преграды между ним и Асусеной уже не существует. Но Асусена не могла оставить его в этом заблуждении. Это было бы с ее стороны бесчестно. И однажды, собравшись с духом, она показала Франшику обручальное кольцо, которое подарил ей Витор, и сказала ему, что помолвка его и Оливии — это комедия, а на самом деле Витор собирается жениться на ней. Если бы Франшику не был как обухом сражен ее словами, он бы заметил, с какой печалью проговорила все это Асусена. Его лицо исказилось от боли. Еще мгновение — и Асусена бросилась бы ему на шею и поведала бы обо всех своих сомнениях и терзаниях, но Франшику, не желая мучить девушку своим несчастным видом, стал прощаться.

— Я больше к вам не приду, Асусена, — проговорил он.

— Но почему? — пробормотала Асусена. — Ведь мы друзья!

Франшику нежно взял ее за руку.

— Я буду молиться, чтобы ты была счастлива, Асусена. Я буду молиться за этого пройдоху Витора. — Лицо его осветила трогательная улыбка. — Может, он хоть раз в своей жизни сделает что-то стоящее. А ты, Асусена, в одном можешь быть уверена — я всегда буду вспоминать тебя с любовью...

* * *

Иванильде не хотелось навязывать своего общества Летисии и тем самым вызывать в ней неприятные воспоминания, но она считала себя обязанной предупредить бывшую хозяйку о кознях, которые строит против нее ее собственный сын.

Она не была уверена в успехе своего предприятия: ведь Иванильда помнила Летисию как фанатичную, преданную своим детям мать, но другого выхода у нее не было, и она явилась к Летисии.

Увидев ее, Летисия несколько смутилась, однако пригласила Иванильду в кабинет Гаспара, где они могли спокойно побеседовать. Иванильда сразу сказала ей, что она не хочет никому вредить, потому и рта не раскрыла, когда ее начал допрашивать адвокат, затеявший по просьбе Витора пересмотр ее дела. Летисия не могла ничего понять.

— Какой адвокат? Какое дело?

— Твой сын Витор и этот адвокат хотят упрятать тебя за решетку, — пояснила Иванильда.

Щеки Летисии вспыхнули от гнева.

— Что за ерунду ты говоришь? Мы с моим сыном в прекрасных отношениях! Ты клеветешь на Витора! Он бы никогда не решился нанести мне удар в спину!

Иванильда была вынуждена объяснить более подробно. Ее сын Витор предлагал своей няньке сто тысяч долларов за то, чтобы она дала показания против Летисии и сказала, что та убила своего мужа.

— Так, — произнесла сквозь зубы Летисия, заподозрив Иванильду в шантаже, — а ты хочешь получить от меня больше? Для этого ты и клеветешь на невинного человека?

Иванильда была обижена. Так она и думала, Летисия не поверит ей. И зачем только она вернулась в Форталезу? Все ее здесь ненавидят, никто не испытывает к ней даже элементарного уважения... Она тоже ходит по лезвию ножа.

— Да зачем Витору стремиться сделать мне плохо? — прервала поток ее излияний Летисия.

— Ты его родила на свет, тебе и знать зачем, — сухо заметила Иванильда и, стоя в дверях, протянула Летисии карточку адвоката. — Доктора Бастуса нанял твой сын. Можешь ему позвонить. Он тебе все расскажет.

* * *

Дома Иванильду поджидала рассерженная Изабел, которая сразу напустилась на нее с упреками. Не будь Иванильда уже выведенной из равновесия встречей с Летисией, она бы могла проглотить иронические фразы сестры, но тут выдержка изменила ей:

— Мне надоело, что ты обращаешься со мной, как со своей служанкой! Вспомни то время, когда обе мы жили в деревне, бегали босиком и воровали манго и соседских куриц!

Изабел в ужасе замахала руками:

— Что? Я? Великолепная Изабел Бонфинь, светская дама — воровка куриц? Ты хочешь меня погубить, Хильдегарда!

— Никакая я не Хильдегарда! — взвизгнула Иванильда. — Я твоя сестра Иванильда! Когда родители умерли, я заботилась о тебе, чтобы ты не умерла с голоду! Это я пристроила тебя в дом к Бонфиню, который, на твое счастье, влюбился в тебя, нахалку!

Обе они в пылу спора не заметили, как в гостиную спустилась Оливия. Она уже несколько минут стояла, укрывшись за колонной, и слушала перепалку сестер.

— Интересная история, — наконец решила подать голос Оливия.

Обе женщины растерянно обернулись.

— Ну вот, — упавшим голосом сказала Изабел, — ты своего добила. Ты меня уничтожила!

Оливия звонко рассмеялась и, подбежав к матери, чмокнула ее в щеку, а потом обняла Иванильду.

— Так ты моя тетя? Я очень рада! Mamочка, ты не расстраивайся! И напрасно ты столько лет скрывала от меня правду. Чего ты боялась? Что светское общество тебя отвергнет?

Изабел всхлипнула:

— Конечно. Я боялась, что от меня отвернутся друзья и что вы, мои дети, будете смеяться надо мной... Перестань смеяться, Оливия!

Оливия сделала серьезное лицо.

— Я не смеюсь, мамочка. Я очень горжусь тобой. Ты была Золушкой, которая встретила своего принца и стала...

— Принцессой, — капризно уточнила Изабел.

— Королевой, мамочка, королевой! — воскликнула Оливия, прижимая к себе обеих сестер.

* * *

Добираясь до дома Франсуа на машине, Летисия была так взволнована, что чуть было не попала в аварию.

Слова Иванильды не выходили у нее из головы, и все же она не могла допустить мысли, что Витор ведет с ней нечестную игру.

Франсуа тоже считал, что это невозможно. Любая мать чувствует, когда ее ребенок откровенен с ней, а когда — нет. Витор не стал бы устраивать такой театр. Он изменился, стал взрослее, умнее. Он хочет остепениться и поэтому сделал предложение Оливии. Нет, эта женщина — просто шантажистка! Не может быть, чтобы Витор притворялся. Но карточка адвоката, которую всучила Летисии перед уходом Иванильда, жгла ей руку. Франсуа взял у нее визитку и сказал, что он поможет положить конец ее страхам и подозрениям, иначе она вконец изведется.

Франсуа сел за руль и повез Летисию к доктору Бастусу.

...И тут беспощадная правда предстала перед несчастной матерью во всей ее безобразной наготе.

Слова Иванильды, которым она не желала верить, подтвердились. Ее сын и в самом деле нанял доктора Бастуса для того, чтобы тот постарался посадить ее на скамью подсудимых. Он считает свою мать убийцей и хочет отомстить ей. И не жалеет никаких расходов, лишь бы увидеть ее в тюрьме.

Адвокат был слегка смущен разыгравшейся перед ним сценой. Он видел, что мать его клиента поражена, раздавлена. Но он-то, Бастус, в чем виноват? Его наняли, он лишь исполняет свой долг и отстаивает интересы своих клиентов, а виновна донна Летисия или нет — это решит суд.

— Франсуа, — сжав голову руками, простонала Летисия, — умоляю, увези меня отсюда. Я не могу больше здесь оставаться!

Обратной дорогой у Летисии случился приступ удушья, и Франсуа был вынужден несколько раз останавливать машину, открывать дверцу, чтобы дать ей возможность отдышаться. Она чувствовала себя разбитой и беспомощной, и ей страшно было даже подумать о том, что дома она увидит Витора, этого изощренного лицемера. Франсуа, как мог, утешал ее.

— Витор — больной человек, Летисия. Ты теперь будешь ему очень нужна. Ему необходимы твоё тепло, твоя забота. Именно сейчас нельзя от него отворачиваться, надо попытаться его понять. Он болен, — твердил Франсуа, — и лучшее лекарство для него сейчас — любовь.

— Ты просто чудо, — сжала ему руку Летисия. — Ты мне так нужен.

— Ты мне тоже нужна, — пробормотал Франсуа.

— Я? Что я могу тебе дать?

Франсуа прижал ее голову к своей груди.

— Мне только и нужно, что видеть тебя, смотреть в твои глаза, заботиться о тебе. Я люблю тебя.

Летисия горько усмехнулась:

— Ты видишь, я все делаю наоборот: с детьми, с Рамиру, с тобой, с собой.

— Так поменяй все! — горячо сказал Франсуа. — И почему бы тебе не начать прямо сегодня!..

* * *

Витор был дома. Увидев мать и Франсуа, он сделал движение навстречу к ним, но Летисия в ужасе попятилась:

— Не дотрагивайся до меня! Меня от тебя тошнит!

— Что случилось, мама? — принял удивленный вид Витор. — Что с тобой?

— Ты циник, — брезгливо отстраняясь от него, проговорила Летисия. — Да, циник... или вконец больной человек. Ты все это время ломал комедию, вел себя как ягненок, ласкался ко мне, а сам тем временем затеял против меня расследование. Ты сумасшедший!

С лица Витора будто мгновенно сошла маска. Оно сделалось холодным. Глаза его сузились от бешенства.

— Я? — ледяным тоном переспросил он. — Нет, это ты у нас сумасшедшая! Ты убила отца и жила так, словно ничего не произошло! Да, я притворялся! Этому я научился у тебя! И я был готов притворяться до того момента, когда бы упрятал, наконец, тебя за решетку! А-а, вот и твой любовник явился, — заорал Витор, указывая на действительно входящего в дом Рамиру, — это от него у тебя шрам, который ты мне показывала, а не от моего отца! Вы и тогда уже были любовниками! И он тебе, как гулящей женщине, и оставил на теле свою метку!

Одним ударом Рамиру сбил Витора с ног. Франсуа схватил Рамиру за руку, а Летисия бросилась к сыну. Но Витор ее оттолкнул.

— Это Рамиру звонил тебе в тот день, когда ты убила отца! Вы вместе с ним обо всем и договорились! Ты — подлый сообщник убийцы!

Рамиру растерянно обернулся к Летисии:

— О чем он говорит, Летисия?

— Я говорю об убийстве моего отца, — завопил Витор, — и не притворяйся, будто ничего не знаешь! Ты ее на это и подбил, не так ли? Ну и как вы потом жили? Посмеивались, да? Это вас возбуждало?

— Замолчи, сосунок, — вне себя от бешенства заорал Рамиру.

— Ну, заставь меня заткнуться! — истерически взвизгнул Витор. — Бей меня! До крови! Моей матери нравится кровь!

Вывав свою руку из рук Франсуа, Рамиру ударил Витора по лицу.

Летисия бросилась на Рамиру как тигрица, защищающая своих

детеньшей.

— Не смей его бить! Он — мальчик. А ты — взрослый мужчина!

— Ну давай, давай, — крикнул ей Рамиру, — защищай свое маленькое чудовище! Своего выродка!

— Ты на своих детей посмотри! — прокричала в ответ Летисия. — Твой Кассиану, кроме кулака, ничего больше не признает! А Асусена, эта тихоня! Она притворщица!

— Я не позволю тебе так говорить о моих детях, — разъярился вконец Рамиру.

— А я не позволю бить моего сына! Вон отсюда! Когда Рамиру ушел, хлопнув дверью, Витор расхохотался как сумасшедший:

— Ну, мама, скажи мне спасибо, что я тебя подтолкнул к этому! Ведь ты и сама подумывала о том, как бы выкинуть его на улицу! Тебе надоела эта рыбная вонь в постели, не так ли?!

* * *

Неизвестно, как бы долго еще Оливия находилась в заблуждении относительно Витора, если бы не Дави.

Однажды Дави позвонил ей и тоном, не терпящим возражений, заявил, что будет ждать Оливию через десять минут возле своего дома в машине. Что-то было в его тоне такое, что Оливия не стала отнекиваться, а сказала, что сейчас выйдет.

В машине Дави не стал ей ничего объяснять. Он гнал свой автомобиль по направлению к парку Франшику. Заинтригованная его поведением, Оливия тоже молчала.

Они вышли возле парка. Дави повел Оливию к небольшой эстраде, на которой по вечерам выступали певцы и фокусники. Они протолкнулись сквозь танцующие пары к самой эстраде — и тут Оливия поняла, зачем Дави привез ее сюда.

На эстраде стоял Витор и, глядя на улыбающуюся ему внизу Асусену, говорил в микрофон:

— Музыка, которую вы только что слышали, посвящалась одной девушке, которую я люблю больше всех на свете. Ее зовут Асусена...

Оливии показалось, что все вокруг нее — люди, деревья, растения — закружилось, как будто она стояла внутри бешено вращавшейся воронки. Она бы упала, если бы Дави не поддержал ее. Еще у нее было чувство, будто на ее глазах умер любимый человек, и не просто умер, но стал

разлагаться, утрачивая не только маски, которые носил при жизни, но и плоть, жилы, кости...

— Я не хотел тебя расстраивать, Оливия, — сочувственно произнес Дави, — но ты должна была своими глазами увидеть, что это за человек.

Оливия кивнула и, сделав Дави знак, чтобы он оставался на месте, протиснулась к Витору и Асусене. Она ожидала увидеть на его лице смущение, замешательство, стыд, но Витор остался невозмутим.

— Как дела, доктор? — спокойно спросил он. — Извини, нам пора. Асусена, мы уходим.

— Нет, так просто ты не уйдешь, Витор, — проговорила Оливия. — Если в тебе есть хоть капля мужества, объясни мне...

— Витор, ты должен ей все объяснить, — поддержала Оливию Асусена.

Витор ухмыльнулся.

— А что объяснять? — сказал он. — Оливия не так глупа, как кажется. Извини, Оливия, нам с моей невестой пора уходить. А ты останься, выпей чего-нибудь, а то ты несколько бледна...

Вернувшись к Дави, Оливия тихо произнесла:

— Спасибо тебе. Я должна была это все увидеть сама. Ты прав.

Лицо Дави страдальчески исказилось:

— Мне жаль, что так вышло, Оливия. Но я тебя предупреждал, что этот человек подлец и обманщик. Он не достоин тебя... Я бы все на свете отдал, чтобы ты не страдала... Ты в порядке?

Оливия прикрыла глаза в знак согласия.

— Иногда мне кажется, он просто ненормальный, психически больной человек, — продолжал Дави. — И мне было страшно за тебя. Поверь, я хочу только одного — чтобы ты была счастлива. Посмотри мне в глаза — ты не испытываешь ко мне ненависти?

Оливия молча прислонилась к его плечу.

— Увезти тебя отсюда? — спросил Дави.

— Пожалуй, я что-нибудь бы выпила, — проговорила Оливия.

Глава 33

Начиная свою игру против деда, Витор никак не предполагал того, что Дави захочет вести в этой игре какую-то самостоятельную партию, и уж конечно не думал о том, что Дави способен продать его. Он считал Дави неспособным на это, но не потому, что тот в последнюю минуту мог устыдиться того, что они делают, а потому, что считал своего друга полным ничтожеством, рабом, неспособным восстать против своего господина. В этом мнении его укрепило добровольное отступничество Дави от Оливии в его, Витора, пользу. После этого Витор считал, что из Дави можно вить веревки. Но наступил день, когда он почувствовал, что здорово просчитался.

Все началось с того, что он потребовал у Дави сорок девять акций — те, которые они скупили у мелких предпринимателей по дешевке на средства фирмы. Дави вдруг объявил Витору, что акций у него нет.

— Ты что, шутишь? — насторожился Витор.

Дави, ухмыляясь, возразил, что он не шутит. Не мог же он держать акции здесь, у себя в квартире. А вдруг пожар? Или наводнение? Нет, акции находятся в сейфе, в банковском подвале. Скоро банк откроют, тогда Дави и привезет акции.

— Ты что мне лапшу на уши вешаешь? — не поверил Витор. — Я знаю, акции где-то здесь... Ты что, решил их прикарманить?

Дави снова ухмыльнулся. Теперь в его усмешке отчетливо чувствовалась издевка.

— Ты пошел против меня? — взвился Витор. — "Ты что, шкура! Я убью тебя!

Дави зевнул и с видимой скукой на лице ответил, что он узнает прежнего Витора.

Витор бросился переворачивать все в квартире. Дави несколько секунд наблюдал за ним, а потом сделал движение к двери.

Витор подскочил к нему:

— Где ты их спрятал, козел?!

Дави перехватил занесенный над ним кулак.

— Ну, я иду в банк... А ты можешь искать акции, где хочешь. Здесь их нет, но если не веришь — давай, ищи!

И тогда Витор понял, что Дави оказался не так прост, как ему казалось...

Если Бонфинь, который всегда в глубине души не доверял Витору Веласкесу, воспринял известие о разрыве с его дочерью с удовлетворением, то донна Изабел не переставала сокрушаться.

Как можно было позволить лучшему жениху Форталезы выскользнуть из их рук! Он сумасшедший? Тем лучше! Что может быть прекраснее такой пары — врач и его потенциальный пациент! Это идеальный союз. И к тому же психические заболевания теперь лечат, медицина располагает для этого всеми средствами...

У Бонфиня не было времени выслушивать весь этот бред. Он торопился на важное совещание. Дави только что звонил ему и рассказал всю правду об игре Витора с акционерами, и теперь они оба должны были встретиться с Гаспаром Веласкесом.

Встреча происходила в кабинете Гаспара в офисе.

Дави вынул из дипломата бумаги и протянул их доктору Гаспару.

— Здесь сорок девять процентов акций нашей фирмы, скупленные у мелких держателей. Это принадлежит вам, доктор Гаспар. Они куплены на деньги, украденные в «Наве» в результате аферы, организованной вашим внуком. Возьмите их. Они ваши по праву.

Гаспар посмотрел на Дави, потом перевел взгляд на Бонфиня, для которого происходящее, по всей видимости, не было неожиданностью.

— Вы можете объяснить, что здесь происходит?

— Я знаю, — продолжал Дави, — что Витор всю вину свалил на меня. Но вам должно быть ясно, что я не мог сделать все это в одиночку. У меня и денег-то таких нет.

Гаспар с сомнением покачал головой:

— Я был уверен, что эти деньги так или иначе шли из самой же «Наве». Я подозревал, что был сговор с кем-то из руководящих работников «Наве».

— Совершенно верно, — согласился Дави. — С вашим внуком, доктор Гаспар. Он все устроил. На покупку акций ушли деньги за первую партию траулеров, заказанных японцами...

— погоди, Дави, — прервал его Бонфинь. — Я был в Японии. Мне ничего не говорили о платежах.

Дави усмехнулся:

— А вы позвоните в Осаку. Они подтвердят, что Витор оформил авизо. А на предприятии об этом вообще никто ничего не знает. Я работал у Витора за брокера.

Гаспар взволнованно прошелся по кабинету. Все происшедшее теперь становилось ему понятным.

— Объясни мне, Дави, почему ты в свое время поддерживал Витора, а сейчас выказываешь преданность мне?

— Я всегда был предан фирме, доктор Гаспар, — ответил Дави. — Не будь меня, Витор нашел бы кого-то другого. И уж вдвоем с тем человеком они точно бы прикарманили все акции. А то еще хуже: напарник забрал бы все себе — и был таков!

Гаспар покаянным тоном произнес:

— А я плохо думал о тебе, Дави.

— Я все понимаю, — кивнул Дави. — Но надеюсь, вы теперь понимаете, что ничего другого мне не оставалось.

Гаспар опустил в кресло. Ему было трудно дышать. Знаком он показал, чтобы Дави взял у Сузаны успокоительного. Дави вышел за дверь, и тут на него налетел Витор.

— Где мои акции! Куда ты девал их, козел? Я у тебя все перерыл — их нет!

На шум вышел из кабинета Бонфинь, затем — Гаспар.

— Ты ищешь акции? — спросил он тихо. — Мои акции?

— Конец притворству, Витор, — спокойно объяснил Дави. — Я только что передал доктору Гаспару сорок девять процентов акций.

— Мерзавец! — простонал Витор, схватившись за голову. — И я еще тебе верил!

— А я тебе верил, — задыхаясь, произнес Гаспар.

— Дедушка, я...

— Не называй меня дедушкой! — Гаспар хлопнул кулаком по столу, за которым сидела ничего не понимающая Сузана. — У тебя больше нет близких! Ты представляешь, что наделал? Это же все было твое! Зачем ты это сделал? Для чего?!

Витор понял, что дальше притворяться не имеет смысла.

— Потому что здесь все было не так, дед. Ты управляешь целой империей, будто это какая-нибудь лавочка. Но времена теперь другие, возник огромный рынок за рубежом, и я хотел завоевать его. Да что тебе это все объяснять! — с презрением заключил он. — Кто рожден Гаспаром Веласкесом, тот никогда не станет Онассисом! — Витор истерически расхохотался.

— Тебе место в больнице для умалишенных, — с брезгливостью и состраданием вымолвил Гаспар.

— Электрошок, смирительная рубашка, — процедил Витор. — Прекрасная перспектива, дед!

— Тебе надо лечиться, — повторил Гаспар.

— Да нет, — мотнул головой Витор. — Я просто уйду из семьи. Из семьи, пораженной безумием! Для меня это будет не наказанием, а наградой!

Гаспар, опираясь на Бонфиня, направился в свой кабинет, но на пороге, не оборачиваясь, произнес:

— Когда я вернусь домой, чтобы духа твоего там не было! Чтобы ничто не напоминало мне о том, что у меня был внук.

— Пожалуйста, — пожал плечами Витор.

* * *

У киоска, в котором Далила торговала изделиями из ракушек, Самюэля окликнул какой-то человек. Самюэль обернулся — и оторопел.

Перед ним был Конрад, отец Питанги, отец, который ничего не знал о существовании своей дочери!

Не зная, как повести себя, Самюэль сделал вид, будто не узнал его.

Конрад на большее и не рассчитывал. Он долго странствовал по морям и океанам и не надеялся на то, что его помнят в Форталезе.

Конрад попытался освежить память Самюэля. Дело было здесь, в Форталезе. В 1972 году выбирали на празднике моря королеву. И вот здесь, на коронации, они и познакомились с Самюэлем.

— Так ты Конрад? — принял удивленный вид Самюэль. — Конрад, приятель Мануэлы? Зачем ты сюда вернулся?

Конрад стал объяснять. Вообще-то так уж вышло, что его корабль стоит сейчас в здешнем порту. Где его только не носило, но до сих пор ему, Конраду, не приходилось здесь бывать, хотя его очень тянуло в эти места. Он так и не смог забыть свою рыжеволосую Мануэлу, свою королеву. Он очень по ней скучал. И теперь ему необходимо повидать ее.

«Все возвращается на круги своя», — подумал Самюэль, а вслух сказал:

— Пойдем. Я тебя отведу к ней. Мануэла была у себя в баре.

Увидев Конрада в сопровождении Самюэля, она чуть было не упала, — но не в ее обычае было демонстрировать мужчинам свою женскую слабость. Мануэла овладела собой и непринужденным тоном поинтересовалась:

— Вы хотите купить мой бар? Самюэль с улыбкой посмотрел на них.

— Я пойду к Бом Кливеру, Мануэла. Если что — я у него.

— Так этот бар принадлежит тебе? — стараясь преодолеть волнение,

спросил Конрад.

— Что вам угодно? — вместо ответа произнесла Мануэла. — Сок? Фрукты? Чаще всего заказывают сок питанги, но так же пользуется спросом манго, асерола, умбу. Из закусок, — выпалила она, — наиболее популярны клешни краба, жареная рыба, ракушки.

— Мама, ты занята? — к стойке подошла Питанга.

— Мама? — поднял брови Конрад. — Ты сказала «мама», девушка?! Это твоя мама?

Питанга с удивлением посмотрела на него.

— Ступай, дочка, ступай, — торопливо молвила Мануэла.

Конрад проводил девушку ошеломленным взглядом.

— Вот что, — тихо произнесла Мануэла, — ступай отсюда. Тебя здесь не ждали.

Конрад схватил ее за руку.

— Это моя дочь! Это наша с тобой дочь! Она похожа на меня! Говори, это моя дочь, правда?

Мануэла вырвала свою руку. Гнев окрасил ее щеки.

— Это моя дочь, — с вызовом произнесла она. — Моя. Что вам угодно, сеньор?..

* * *

В день свадьбы Кассиану и Далилы произошло еще одно радостное событие.

Девушки уже наряжали невесту, чтобы повести ее в церковь, как вдруг к Самюэлю подошел Маджубинья и сказал, что сеньор Гаспар Веласкес желает срочно переговорить с ним и прислал за ним машину.

Гадая, какое же это неожиданное дело могло появиться у Гаспара к нему, Самюэль сел в машину.

...В кабинете у Веласкеса он увидел Дави.

Самюэль скованно поздоровался с ним; он тяжело переживал поступок своего сына и до сих пор не знал, возможно ли между ними примирение.

И тут выяснилось, что в роли миротворца решил выступить сам Гаспар Веласкес.

Он объяснил Самюэлю, что все они заблуждались насчет Дави. Сын Самюэля проявил себя человеком с мужественным и благородным характером. Ему пришлось пройти через недоверие и даже презрение со стороны абсолютно всех, но он сделал это во имя дружбы и преданности

своему делу. Дави очень переживал свою ссору с отцом, он думал, что отец никогда не простит его, а между тем он был лишь орудием в руках непорядочного человека, Витора Веласкеса, которого Дави сумел вывести на чистую воду.

— Тебе слишком повезло, Самюэль, — закончил свою роль Гаспар, — у тебя замечательный сын.

* * *

Рамиру Соарес не собирался идти в церковь. У него не было подходящей к такому случаю праздничной одежды, и он считал, что не может позорить сына, появившись в церкви в своих обносках. Он сказал, что придет только на праздник, чтобы поздравить молодых.

— Не валяй дурака, Рамиру, — не позволила ему окончательно впасть в самоуничижение Серена, — ты прекрасно знаешь, что твоя праздничная одежда лежит дома. Но если ты не хочешь стоять рядом со мной в церкви, тогда другое дело...

— Как ты можешь говорить такое, Серена? — вырвалось у Рамиру. — Мы же все время об этом мечтали! Мечтали видеть свадьбу наших детей, помянчить внуков! Я с удовольствием пойду в церковь и буду там рядом с тобой! Я хочу увидеть все собственными глазами. Господи, я ведь так переживал, что не смогу быть рядом с вами, радоваться вместе с людьми, дороже которых у меня нет!

Серена выслушала эту тираду со своей открытой улыбкой на лице и проговорила:

— Значит, так тому и быть. Ступай переодеться, пора ехать в церковь.

* * *

После венчания все жители поселка двинулись на берег залива. Здесь уже были разложены костры, приготовлены вино и еда. Гвоздем программы праздника был спуск на воду баркаса под названием «Далила».

Все мужчины, включая Дави, которого привез Самюэль, приняли участие в этом замечательном действе. Баркас протаскивали на веревках посуху, а затем уже все жители поселка толкнули его в воду. Рамиру разбил о нос «Далилы» бутылку вина — на счастье.

После этого они вместе с Самюэлем прочитали над молодыми старинную клятву, которую издавна читали после венчания рыбаки.

— Наши пути сошлись отныне в один путь, наши души слились воедино, одни и те же птицы поют нам, и одни и те же ангелы простерли

над нами свои невидимые крылья. Ничто отныне не разлучит нас, потому что в каждом из наших детей мы будем плотью единой и сердцем единым. И не дано человеку разорвать то, что соединено Богом, и время не властно над нашей любовью, — произнес Рамиру, и слезы показались у него на глазах, устремленных на Серену. Каждый из них как будто сказал другому: «Ты помнишь?.. А ты, ты?..»

— И когда придет мой час, — продолжил Самюэль, — погрузиться в вечный сон, пусть руки твои закроют мои глаза. Наши пути сошлись в один путь, и мне не надо протягивать руку, чтобы коснуться тебя. И тебе не надо кричать, чтобы я тебя услышал...

* * *

После всех огорчений, которые причинил семье Витор, Аманда почувствовала, что ей хочется куданибудь уехать. Попутешествовать. Разобраться в себе, оказавшись вдали от дома.

Ее решение было воспринято матерью и дедом без особого восторга, но они понимали желание Аманды. Девочке пора приучаться к самостоятельной жизни. Возможно, путешествие по Европе ее чему-нибудь научит. Одним словом, Гаспар заказал внучке билет на самолет.

Эстела выразила желание тоже проводить ее, но Аманда вдруг сказала:

— Нет-нет, тебе надо беречь себя. Оставайся дома.

— Это почему же? — удивился Гаспар. Аманда с Эстелой обменялись смеющимися взглядами.

— Скажи деду, Эстела, скажи, — попросила Аманда. — Я хочу увидеть, как он запляшет от радости.

— У меня есть для этого повод? — поинтересовался Гаспар. — В самом деле? Что у вас за секреты от нас с Летисией?

— Аманда беспокоится о своей тете, — загадочно сказала Эстела.

— Какой еще тете? У нее нет тети, — не понял Гаспар.

Аманда подмигнула деду:

— Никогда не поздно завести тетю... или дядю... Я, правда, буду старше их на восемнадцать лет.

Летисия догадалась первая, о чем идет речь:

— Не может быть, Эстела! Ты беременна?! Эстела шутливо ткнула ошеломленного Гаспара в бок.

— Похоже на то, Летисия. Этот человек снова будет отцом.

В неудержимом порыве радости Гаспар подхватил жену на руки.

— Стоп, стоп! — воспротивилась Эстела. — На руках будешь носить меня позже... вернее, нас обоих — меня и ребенка.

Гаспар был готов плясать от счастья вместе с Эстелой на руках.

— Дорогая... — восторг буквально переполнял его. — Ну... не знаю, что сказать!

Аманда потянула деда за рукав.

— Поставь Эстелу на землю. У нее может голова закружиться.

— И ты все знала и молчала, предательница! — упрекнул внучку Гаспар.

— Молчала, дед. Представляю, как теперь с ребенком будут носиться в этом доме. Теперь он займет мое законное место младшенькой, — проговорила Аманда. — Только смотри, дед, не слишком сюсюкайся с мальппом!

* * *

На другой день после свадьбы Далилы и Кассиану Эстер забежала к Серене.

— Послушай, кто сегодня пойдет торговать? Вообще-то очередь Далилы, но, кажется, Асусена обещала ее заменить...

Серена толкнула дверь в комнату дочери — и ноги у нее буквально приросли к полу.

...Асусена с Витором, обнявшись, лежали в кровати. Асусена спрятала голову под одеяло.

Но Витора, похоже, ничем нельзя было смутить.

— Здорово, теща! — поприветствовал он остолбеневшую Серену и, потянувшись, добавил:

— Завтрак уже готов?

Серена еле сумела справиться со столбняком.

Окно было раскрыто настежь, и ей стало понятно, каким образом Витор проник в комнату ее дочери незамеченным.

— А ну-ка убирайся отсюда! Какой же ты мерзавец! Уходи, как вошел! Как шкодливый кот! — и она гневным жестом указала Витору на окно.

— Мама, — подала голос из-под одеяла Асусена. — Мама, он...

— Не надо, любимая, — отверг ее заступничество Витор. — Я не хотел, но так получилось. Мне больше ничего не оставалось, донна Серена... Как еще я мог заставить вас понять, что я люблю вашу дочь и

хочу на ней жениться!

— Убирайся, — повторила Серена, отвернувшись.

Витор выскользнул из постели и стал натягивать на себя майку и шорты.

— Мама, — жалобным голосом повторила Асусена.

— Иди умойся, — брезгливым тоном сказала ей Серена. — Смой с себя грязь этого подонка. Я жду тебя в комнате.

Эстер слышала весь этот разговор.

— Бог мой, Серена, — сказала она, — что же теперь делать? Похоже, твоя дочь и вправду попала в лапы этого негодяя! Пойди разыщи Рамиру. Тебе надо с ним посоветоваться, как теперь быть!

Глава 34

Рамиру не чувствовал себя одиноким в своей хижине на берегу моря.

Гораздо большее одиночество он ощущал в особняке Летисии. Там он чувствовал себя большим зверем, посаженным в клетку. Любовь, которую он испытывал к Летисии на протяжении долгих лет, ушла. Свеча, горевшая на ветру, погасла, когда ее внесли в некое безвоздушное пространство.

Они вдвоем с Летисией могли восстать против всего мира, враждебно настроенного против них, но борьба друг с другом оказалась бесплодной, и в результате нее погибла любовь.

Теперь он понимал, что это была не любовь, а страсть, страсть, которую питала фантазия, а любовь, настоящую, искреннюю, неподдельную, он испытывал лишь к одному человеку — Серене.

Ему хотелось вернуться к ней, в свой настоящий дом, где он чувствовал себя человеком и хозяином собственной судьбы, владельцем бесчисленных сокровищ, которые посылает человеку жизнь, но он не знал, как это сделать. Он был уверен, что Серена не простит ему его предательства. Конечно, есть многое, что их соединяет, и прежде всего — дети, годы, прожитые вместе, общие воспоминания и привычки... Обо всем этом думал Рамиру, когда неожиданно в его хижину вошла Серена.

Он был так счастлив увидеть ее, но побоялся показать это и неуклюже молвил:

— Серена? Зачем ты пришла?

И только сейчас Рамиру заметил необычайное, взволнованное состояние Серены.

— Не знаю, Рамиру. Честно сказать, сама не знаю, как я здесь оказалась.

— Что произошло, Серена? Скажи, что случилось?

— Рамиру, — слезы брызнули из глаз Серены, — ты должен мне помочь. Никогда еще я так сильно не нуждалась в твоей помощи. Я не знаю, в чем виновата, за что Бог меня наказывает, но ты должен мне помочь!..

* * *

Дамасену, агент по недвижимости, явился к Мануэле с известием, что

один человек хочет купить ее бар. Этот человек сейчас сидит за столиком на веранде и желает переговорить с ней.

Вдвоем с Дамасену они вышли на веранду, и Мануэла сразу поняла, о каком человеке шла речь.

Между тем Дамасену с чувством выполненного долга произнес:

— Вот этот человек. Капитан Конрад.

— Капитан, да? — не зная, что сказать, молвила Мануэла.

— Да, — продолжал ничего не подозревавший Дамасену, — ему очень понравилось ваше заведение.

Конрад поднялся из-за столика и, поприветствовав Мануэлу, сказал Дамасену, что он сам переговорит с хозяйкой. Дамасену, напомнив ему еще раз о причитающихся его агентству комиссионных, ретировался.

— Что тебе нужно, Конрад? — с вызовом спросила Мануэла.

Конрад пожал плечами:

— Ты же слышала, хочу купить бар.

— Да неужели? — иронически произнесла Мануэла.

Но Конрада не так-то легко было смутить.

— Но только, — невозмутимо продолжал он, — я хочу купить половину. Будем владеть им на паях. Так будет лучше всего. Так мы сможем жить вместе — ты, я и наша дочь.

Мануэла приготовилась дать ему достойный отпор, но в эту минуту взволнованный голос Питанги произнес за ее спиной:

— Дочь? Вы говорите обо мне? Мама! Мануэла обернулась к ней.

— Да, это твой отец, Питанга.

— Я и не думал, что у меня такая красивая дочь, — с восхищением глядя на девушку, произнес Конрад.

* * *

Летисия лихорадочно обзванивала гостиницы, надеясь отыскать Витора и предупредить его о том, что только что к ней приходил взбешенный Рамиру с Сереной и грозился его убить из-за своей дочери Асусены.

Гаспар и Эстела, как могли, успокаивали ее. Рамиру не сделает Витору ничего плохого. Ведь рядом с ним Серена, женщина выдержанная. Но Рамиру прав. Нельзя к людям относиться с таким пренебрежением, как это делает Витор. Нельзя не уважать их чувств. Если однажды он не изменится, итог может быть печальным.

— Успокойся, Летисия, — говорила Эстела. — Рамиру — отец, он сейчас в смятении, но ведь он же не сумасшедший, чтобы убить твоего сына!

— Да, но он сказал, что заставит ответить Витора за все, что он сделал с Асусеной, — чуть не плакала Летисия. — Если Витор попадетс я ему под руку, я не знаю, чем это может кончиться! Где, где его искать? Он как сквозь землю провалился!

* * *

В эту минуту Витор пытался вырваться из железных рук Рамиру и объясниться.

Ведь он сам пришел поговорить с Рамиру. У него не было плохих намерений. Конечно, его метод несколько резковат, но в конечном итоге он принесет желанные результаты.

Он хочет жениться на Асусене. Зачем ломать на пустом месте трагедию. Цель его благородна, средства, приведшие к ней, конечно, не вполне хороши... Все это Витор выкрикивал, пытаясь высвободиться из рук Рамиру, которого к тому же изо всех сил оттаскивали от него Самюэль и Серена.

Наконец им это удалось. Предоставив Самюэлю стеречь Витора, Серена увела Рамиру в дом, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию.

Рамиру сказал, что он против этой свадьбы, но у них нет выбора. Про Асусену поползут нехорошие слухи. Как ей потом жить среди людей?

— А с Витором Веласкесом как ей жить? — не желала слушать его доводов Серена. — Разве он может дать ей счастье!

— То, что случилось, надо исправить, — стоял на своем Рамиру. — А потом пусть разводятся.

Серена от его слов пришла в ужас. Жениться и развестись? Надругаться над священным обрядом только для того; чтобы не дать повод к досужим разговорам? Асусена даст священнику клятву перед Богом, а потом нарушит ее?

— Мы с тобой еще не спросили, что об этом думает человек, которого это больше всех касается, — заметила Серена. — Позови сюда Витора с Самюэлем, а я приведу Асусену.

* * *

Когда Асусена, потупив голову, вошла в комнату, Витор торопливо сказал:

— Асусена, правда, мы любим друг друга? Покажи родителям обручальное кольцо, которое я тебе подарил в знак нашей помолвки...

— Помолчи! — остановил его Рамиру. — Никакие кольца меня не интересуют. Я хочу услышать, что скажет моя дочь.

Тут заговорила Серена:

— Асусена, мы хотим тебе только добра. Мы с отцом долго говорили о том, что между вами произошло. Он сказал свое слово, но все-таки это твоя жизнь. Если ты достаточно взрослая, чтобы спать с мужчиной, постарайся найти в себе зрелость, чтобы решить, как будешь жить дальше. Если ты хочешь быть с ним, — Серена мотнула головой в сторону Витора, — мы не будем тебе препятствовать. Так что же ты хочешь, Асусена!

— Она хочет выйти за меня замуж, — снова заявил Витор.

— Я задала вопрос Асусене, — повысила голос Серена, — пусть она и отвечает. Неужели после всего того, что ты о нем знаешь, после всех страданий, которые он тебе причинил, после всех подлостей ты все же захочешь стать его женой?

— Асусена, — рванулся из рук Самюэля Витор, — ответь им! Скажи им «да»! Кроме тебя у меня никого нет! Ты мне нужна, Асусена! Мы будем счастливы вдвоем.

Асусена медленно подняла голову. ва 34

— Да, папа, я выйду за него замуж, — обреченным голосом проговорила она. — И давайте закончим этот разговор... я больше не могу...

Рамиру подавленно произнес:

— Давайте тогда побыстрее закончим с этим.

* * *

Для Летисии уже сделалось привычным во всех своих бедах полагаться прежде всего на Франсуа.

Вот и теперь она отправила его к Рамиру и Серене, чтобы он выяснил, отыскался ли Витор и что теперь намерен предпринять Рамиру.

Нечего и говорить о том, в каком невообразимом волнении поджидал своего друга Франшику!

Франсуа вернулся и сообщил, что видел Витора в поселке и говорил с Рамиру. Все там нормально.

— Я же говорил, что Рамиру — горячий парень, но когда он берется за дело, то способен все решить! — воскликнул Франшику.

Франсуа положил руку ему на плечо.

— Да, ты прав. Только вряд ли тебе понравится его решение. Рамиру заставил Витора жениться на Асусене. Их свадьба состоится через неделю...

* * *

После этих событий прошло несколько дней. Гаспар Веласкес целыми днями пропадал в офисе, и Бонфинь гадал, что это он затевает. Гаспару то и дело приносили на подпись какие-то бумаги, но он не спешил поделиться с Бонфинем, что это он там подписывает. Наконец Бонфинь, потеряв терпение, потребовал объяснений.

Гаспар напустил на себя таинственный вид.

— Терпение, Бонфинь, терпение! Но призыв его не был услышан.

— Ты все же мне объясни, Гаспар, что это все означает? Ты и вправду решил отойти от дел?

Гаспар наконец отбросил от себя ручку.

— Да, я намерен уйти на пенсию и целиком похвять себя Эстеле и нашему малышу.

Бонфинь с комическим видом схватился за голову:

— Я все понял! Мне опять отдуваться! Впрочем, что я спрашиваю, кто еще может занять пост вицепрезидента?

Но Гаспар его успокоил:

— Нет, я думаю, ты тоже немало уже потрудился и вполне заслужил отдых как награду за верность.

— Но я пока не собираюсь на пенсию, Гаспар, — растерянно молвил Бонфинь.

Туг Гаспар его огорошил. Выйти на пенсию он и не предлагает своему старому товарищу. Но он хочет, чтобы Бонфинь стал членом координационного совета фирмы в качестве акционера.

— Мне? — не поверил своим ушам Бонфинь. — Мне стать акционером «Наве»?

Гаспар протянул ему пакет акций.

— Да. Вот твои акции. Добро пожаловать в клуб крупнейших предпринимателей страны, Бонфинь. А на должность управляющего фирмой у меня есть на примете одна кандидатура...

* * *

В тот же день все разъяснилось, и произошло это следующим образом. Сузана позвонила Оливии и сообщила, что с ней хочет встретиться новый директор, но, прежде чем Оливия успела задать вопрос, а кто назначен директором, Сузана повесила трубку.

Когда Оливия вошла в знакомый кабинет, из-за стола ей навстречу поднялся Дави.

В первую минуту Оливия испытала такое смущение, что была готова сбежать из кабинета, но Дави крепко взял ее за руку и усадил в кресло.

— Располагайся, — молвил он. — Как новый директор «Наве», я хочу обсудить с тобой ряд вопросов, касающихся медицинского отдела...

— Но, может, ты не захочешь, Дави, оставить меня в компании. У тебя наверняка есть свои люди. Так что не стесняйся.

Дави загадочно усмехнулся:

— Нет, ты останешься, Оливия. Но тебе стоит пойти в отпуск. По крайней мере, на несколько дней.

— Дави, мне не нужен отпуск! — насторожилась Оливия.

Дави присел возле нее на корточки и взял за руки.

— А я говорю — нужен, — мягко возразил он. — Тебе надо подготовиться к нашей свадьбе... Что скажешь?

Оливия робко и радостно посмотрела на него.

— Скажу, что несколько неожиданно... — проронила она.

— Ну да, — покачал головой Дави. — Вообще-то я этого ждал несколько лет.

* * *

До свадьбы оставалось совсем немного времени, которое Далила постаралась использовать для того; чтобы отговорить Асусену от этого безумного шага.

Асусена твердила, что она обязана выйти за Витора. Далила, загибая пальцы, перечисляла все известные ей провинности и скверные поступки Витора.

Он столько раз подвергал унижению Асусену. Он едва не расстроил жизнь Дави. Он бесчестно поступил с Оливией. Наконец, он собственную мать хотел отправить в тюрьму. Как можно жить с таким чудовищем?

Асусена отвечала, что Витор ей все объяснил. Люди напрасно наговаривают на него, из зависти пытаются его оболгать. История с тюрьмой — плод болезненного воображения донны Летисии.

— О Боже! — потеряв терпение, воскликнула Далила. — Да ему и в самом деле удалось промывать тебе мозги!

— Он мне одной доверяет! — выкрикнула Асусена.

— Потому что ты единственная, кто позволяет ему себя обманывать! Он болен, Асусена, болен!

Асусена с горечью промолвила:

— Это еще одна причина, по которой я не могу оставить Витора.

На глазах у нее появились слезы. В глубине души у Асусены было чувство, что она приносит себя в жертву.

— Нет, — упрямо возразила Далила. — Я не позволю этому типу увлечь тебя за собой в яму. Я не позволю тебе сделать этот безумный шаг, Асусена!

* * *

Франшику по натуре своей не был способен испытывать ненависть и злобу и не мог отвести свои чувства в это отрадное для многих людей русло, поэтому его терзали только боль и сострадание к Асусене.

За эти несколько дней он совершенно переменялся, исхудал, спал с лица, утратил прежнюю свою общительность и веселость. Франсуа не узнавал его. Он привык делиться с Франшику своими невзгодами, но Франшику, человек куда более разговорчивый и, казалось бы, менее сдержанный, с того момента, как узнал о готовящейся свадьбе, не произнес больше ни слова на эту тему...

Далила ворвалась к Франшику с требованием, чтобы он немедленно шел к Соаресам спасать свою принцессу. Но Франшику лишь печально покачал головой:

— Нет, Далила, нет.

— Но надо что-то делать! — настаивала Далила. — Франшику, если ты ее на самом деле любишь, ты не должен допустить, чтобы она вышла замуж за этого мерзавца!

Взгляд Франшику упал на фотографии, лежащие перед ним на столе. На нескольких из них была Асусена, на других — они вместе, снятые в парке Франшику. Он взял один из снимков, где они были вместе, перевернул и написал: «Принцесса, я всегда буду любить тебя».

— Возьми, — Франшику протянул фотографию Далиле. — Я уже сказал ей все, что мог. И если это не подействовало, мне остается только смириться.

Далила не могла поверить в то, что он сдался.

— Франшику, неужели ты не хочешь поговорить с ней?

Франшику вложил снимок в ее руку.

— Возьми. — И, опустив голову, повторил: — Больше я ничего не могу сделать...

* * *

Летисия и Франсуа решили после свадьбы Витора уехать в Европу. Они надеялись где-то там пересечься с Амандой. Гаспар от души одобрил их намерение.

Франсуа сказал, что основная цель его поездки — утрясти дела с его бывшей женой, оформить

развод и жениться на Летисии. При том условии, что отец ее благословит, конечно.

— Что ты думаешь по этому поводу, Летисия? — спросил отец.

— Что? — не поняла Летисия.

— Наша сеньора витает в облаках, — объяснила Эстела. — Эй! Мы говорим о свадьбе!

— О свадьбе Витора? Все переглянулись.

— Нет, дочка, мы говорим о твоей свадьбе... А о свадьбе Витора мы ничего не знаем, — напомнил Гаспар. — Нас никто официально не приглашал.

Летисия вздохнула:

— Он женится сегодня, папа. Мой сын сегодня женится.

— Хочешь, я отвезу тебя к церкви, — предложил Франсуа. — Хоть издали, но ты посмотришь на церемонию. Это лучше, чем мучиться и тосковать. Поехали!

Летисия ласково взъерошила ему волосы.

— Теперь ты понимаешь, папа, за что я полюбила Франсуа и почему собираюсь за него замуж?

— Кажется, да, — буркнул Гаспар.

* * *

Рамиру заявил, что он в церковь не пойдет.

— Подумай, Рамиру, — сказала Серена. — Ведь речь идет о нашей единственной дочери.

— Именно потому, что она моя дочь, я и не пойду на свадьбу, — отозвался Рамиру.

Серена пожала плечами.

— Если дело в костюме, то я его вычистила и выгладила, — проговорила она.

Рамиру горестно усмехнулся:

— Серена, ты меня знаешь лучше, чем кто бы то ни было! Если бы я был рад этой свадьбе, я бы пришел и грязный и оборванный. Но я не хочу чувствовать себя виноватым в том, что приношу свою Асусену в жертву этому типу.

— Тогда кто повезет ее в церковь? Кассиану?

— Нет, Далила настаивает, чтобы это сделала она, — ответил Рамиру, — Кассиану повезет тебя и Самюэля с Эстер.

Приглашенные уже собрались у церкви. Все взоры были обращены на Витора, одиноко выхаживающего взад-вперед в ожидании невесты.

— Если он будет ходить из стороны в сторону, то скоро весь пол стопчет у церкви, — сквозь зубы сказал Кассиану.

— Что-то они слишком задерживаются, — произнесла Эстер. — Может, поехать им навстречу? Уж не случилось ли чего, Самюэль?

Серена задумчиво проговорила:

— Эстер права. Что-то здесь не так.

* * *

Далила остановила машину посреди дюн и посмотрела на Асусену.

Девушка в белом платье и с цветами в распущенных волосах и в самом деле была похожа на принцессу.

— Вот посмотри, — проговорила ей Далила, положив на колени снимок, который ей дал Франшику. — Прочитай, что здесь написано.

Асусена прочла и побледнела еще больше.

— Поехали, — произнесла она.

В лице ее было что-то неумолимое, и вместе с тем в нем сквозила печаль и растерянность.

— Еще не поздно повернуть назад, Асусена, — сказала Далила. — Подумай, пока не поздно!

— Поздно, — сухо отозвалась Асусена. — Поехали!

* * *

Обе машины — «джип» Далилы и автомобиль Франсуа с Летисией подъехали к церкви одновременно.

Первой Витор заметил мать.

— Кто тебя звал сюда? — возмутился он.

— Я должна была приехать, сынок, — выйдя из машины, робко произнесла Летисия. — Ты же сегодня женишься. Я хочу попросить у Бога для тебя благословения.

Тут с Витором произошел нервный срыв.

— Пошла отсюда к черту! — завопил он. — Мне не нужны здесь гулящие и убийцы! — Лицо его перекосилось от злобы.

Асусена видела это и слышала его слова, обращенные к матери. В эту минуту ей показалось, что с лица Витора упала маска.

— Поехали, — произнесла она. Летисия первая заметила Асусену.

— Ты этого не заслуживаешь, девушка, — произнесла она с горечью. — Извини.

Витор пошел к Асусене с распахнутыми для объятия руками. Ей казалось, он хочет ее схватить...

— Какая ты красавица! Я ждал тебя!

Но в то же мгновение Асусена прыгнула в машину на место Далилы, стоящей рядом с Кассиану. Машина рванула с места.

Витор завыл, как раненый зверь, и рванулся было за «джипом», но вдруг как подкошенный упал на землю, яростно молотя по ней кулаком.

Приглашенные молча смотрели на него.

Летисия подошла к сыну и, присев на корточки рядом с ним, обхватила его голову руками...

* * *

— Останови машину, сынок, — сказала Серена, увидев на берегу залива возле хижины одинокую фигуру Рамиру. — Подождите меня, я сейчас...

Далила с улыбкой посмотрела ей вслед.

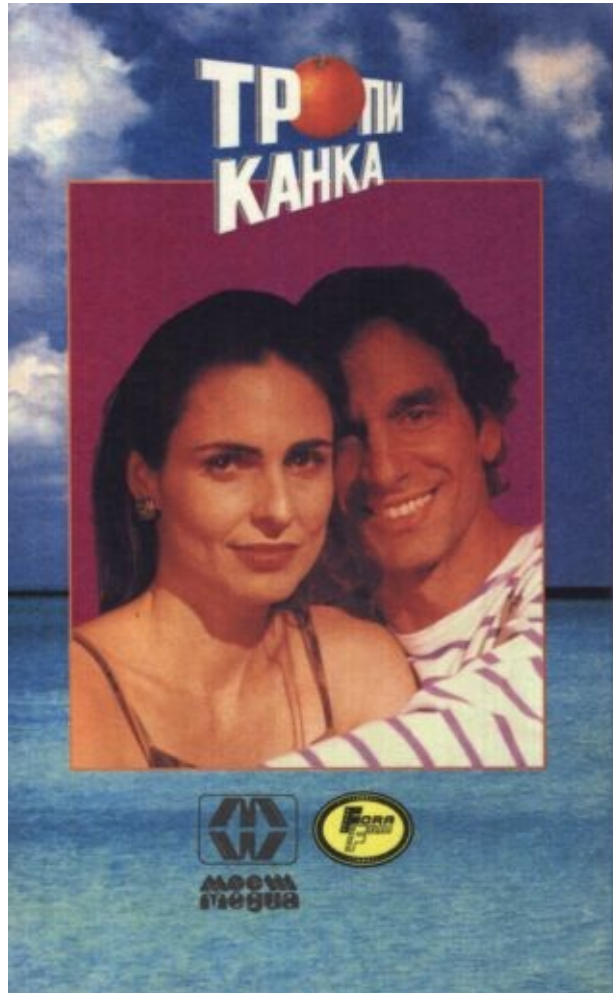
— Нам надо уматывать, Кассиану, — проговорила она. — И теперь

каждый займет свое место. Асусена помчалась к Франшику, твоя мать пошла к твоему отцу... А мы — мы поехали домой, любовь моя...

— Представляю, как сейчас счастлив Франшику, — пробормотал Кассиану, трогая машину с места.

— И Рамиру тоже, — подхватила Далила. — Также как мы с тобой...

Ветер, набежавший со стороны залива, унес ее последние слова в дюны.

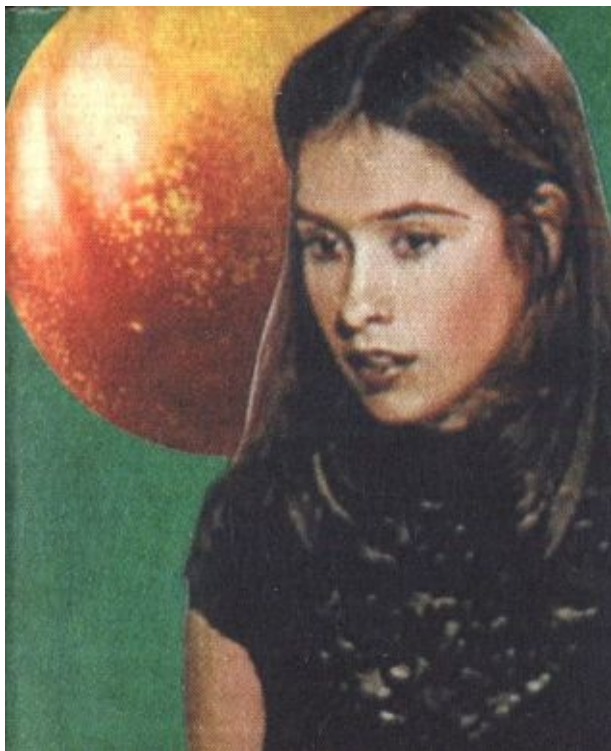

Фото

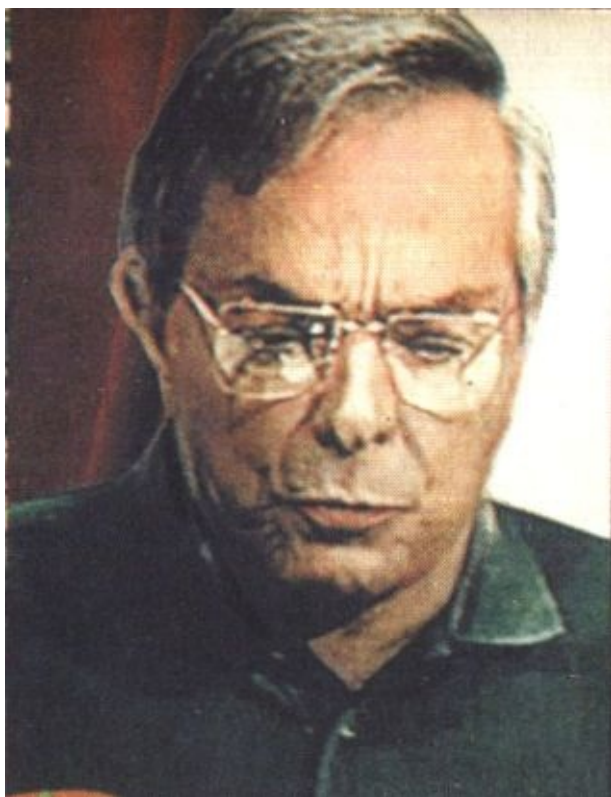
На форзацах книги приведены кадры из телесериала, и я не могу удержаться чтобы не привести их в этом файле.

Адреалина

Аманда

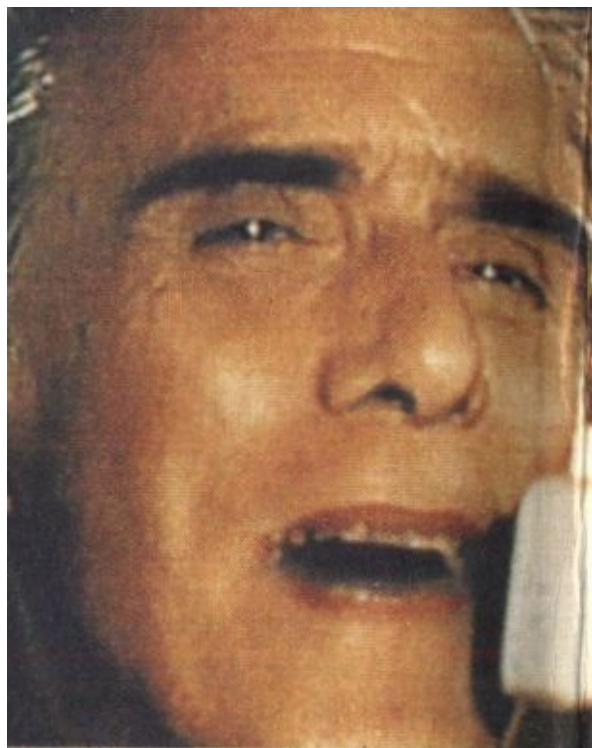

Бонфинь

Витор

Гаспар

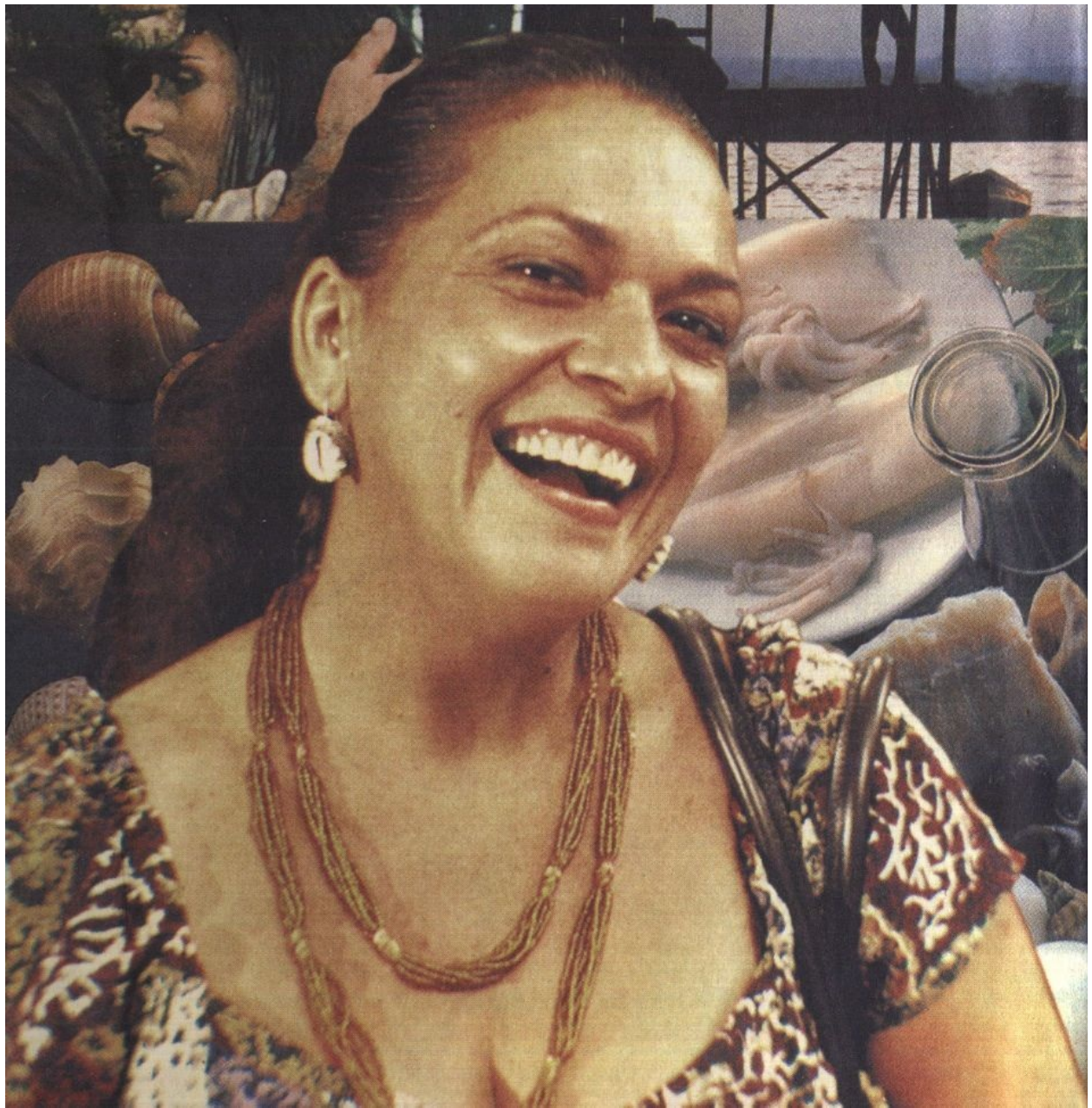

Дави и Самюэль

Далила и Кассиану

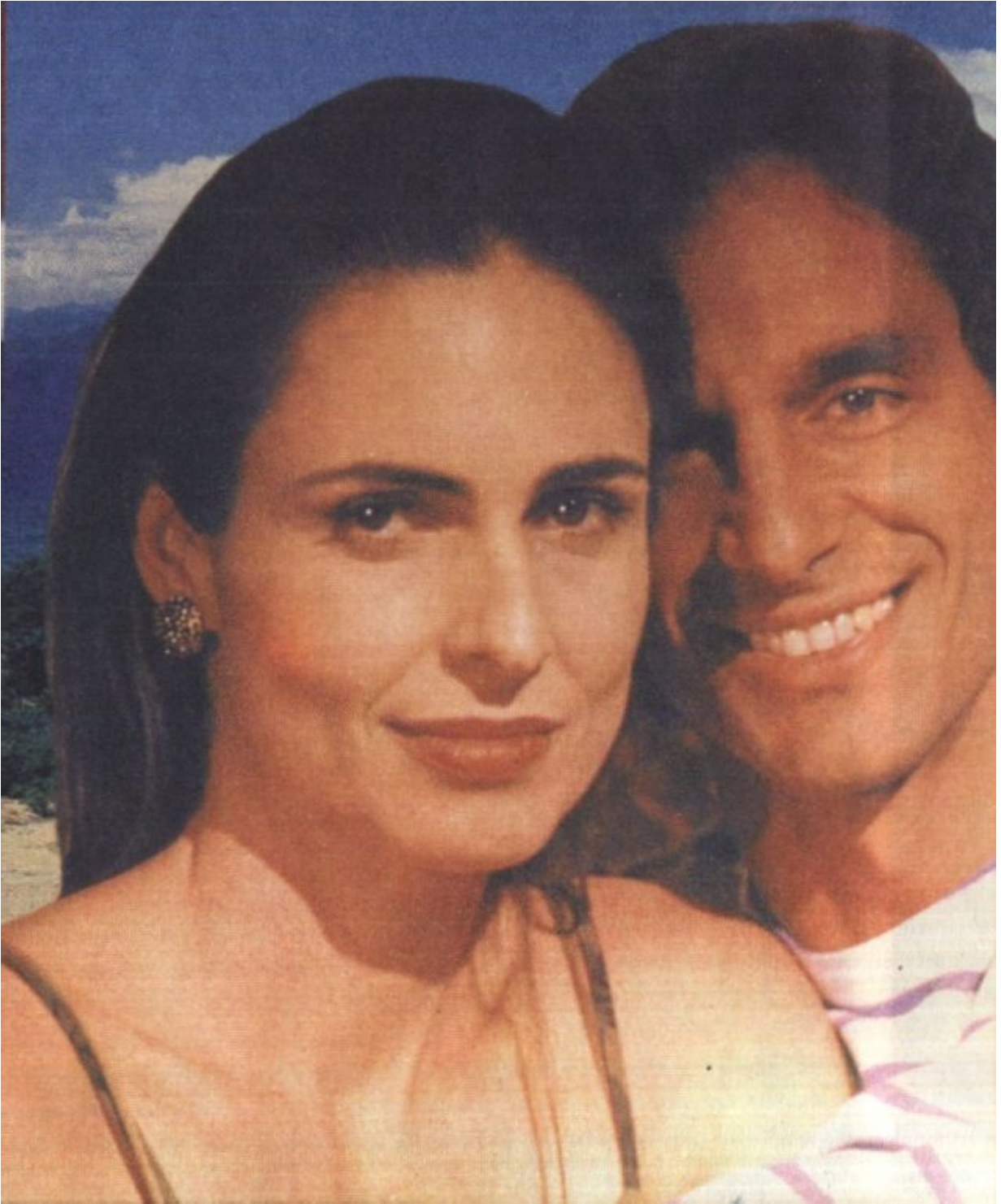

Дона Серена

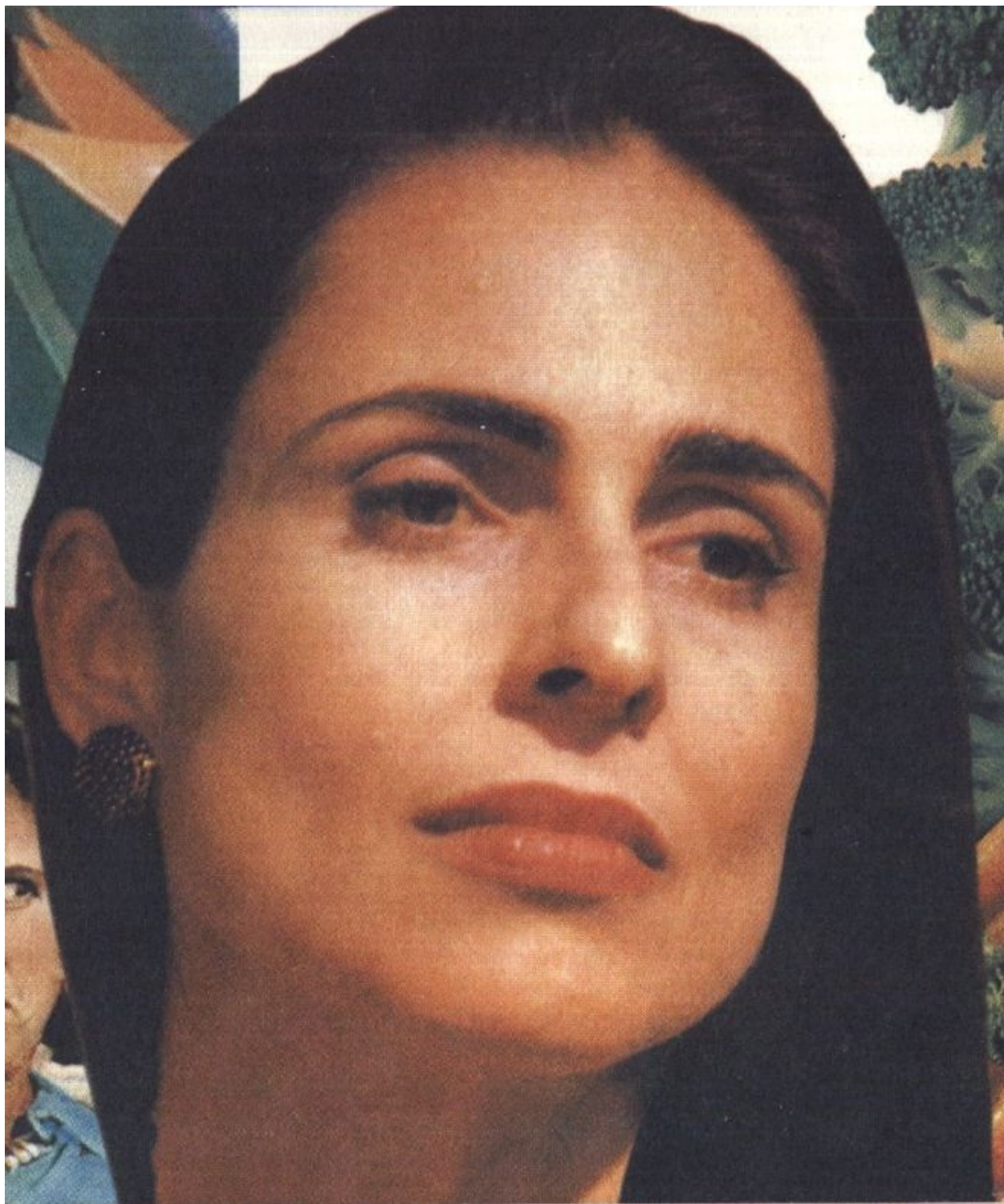

Изабел

Летисия и Франсуа

Летисия Веласкес

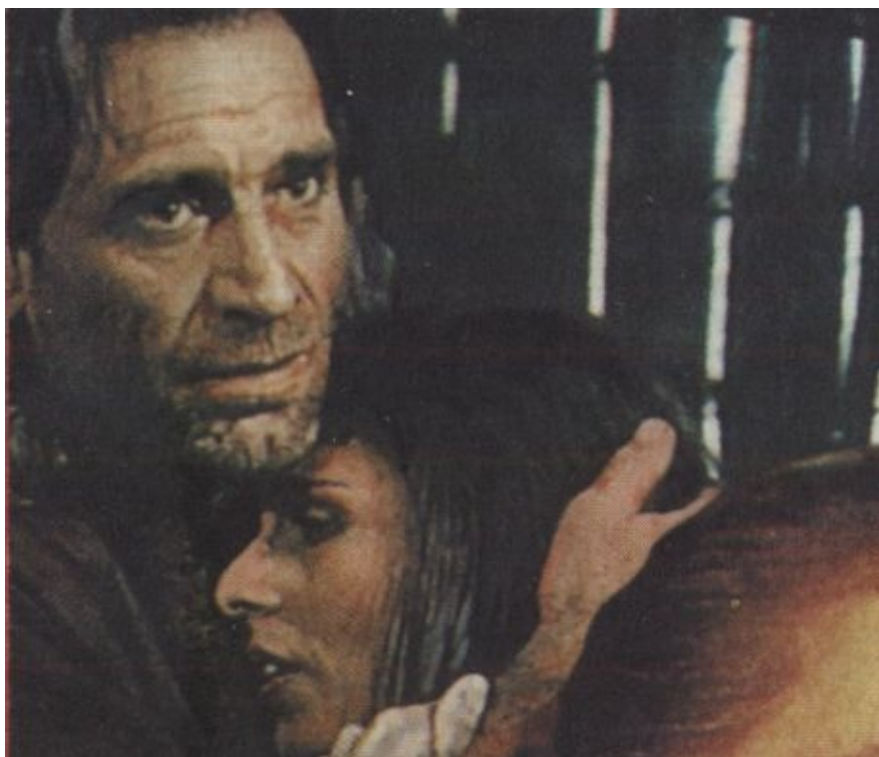
Мария Соледад

Оливия

Пессоа

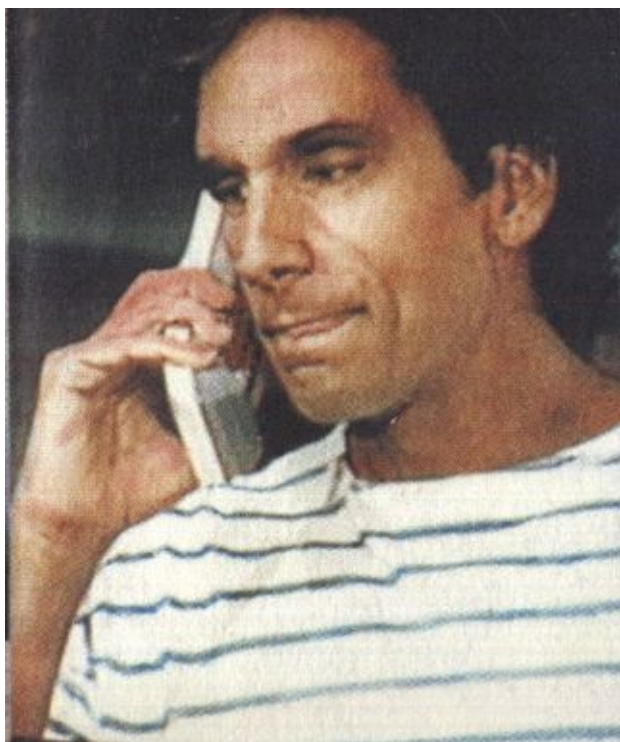

Ромиру и Летисия

Ромиру и Серена

Франсуа

Франшику и Асусена

Хильдегарда

